

Ирина Рован

16+



НЕ РВИТЕ НИТИ



Книга 1

ДЕТИ ЗА КУПОЛОМ

Кажется, Марку не повезло — не лучший выдался год, чтобы подаваться в боевые маги. Люди давно искали повода развязать войну со спрятавшимися под своими куполами ареносцами. Вот только в чём же те провинились?

Глава 1. Шестая семья

Морозный ночной воздух дрогнул от внезапного тепла, поплыл волнами от центра двора к плотному кольцу зданий. Снег чуть слышно скрипнул под ногами. Димир согнулся пополам, опёрся на собственные коленки, пытаясь отдышаться. Волосы на голых руках встали дыбом: тонкая рубашка да мягкие свободные штаны не защищали от крепкого мороза. Тёмные полубезумные глаза лихорадочно зашарили по каменным стенам трёхэтажных домов.

Наткнувшись диким взглядом на сторожку, он на секунду замер: тихо. Дежурный то ли дремал, то ли смотрел в другую сторону. Зато из-под ближайшего карниза нацелился мутный глаз визора.

Сколько есть времени — хватит ли?

Парень сорвался с места и с разбегу двинул плечом дверь центрального здания. Ругнулся, потянул на себя — поддалась. С порога швырнул волну разрушительной энергии в сторону стеклянной будки, где старик-сторож едва успел поднять голову. Смотреть, как тот умирает среди осколков, в луже собственной крови, не стал — даже шаг не замедлил. Сразу же бросился вверх по лестнице.

Вверх. Под вой очнувшейся тревоги, сначала низкий, но плавно переходящий в режущий уши стон. Третий этаж. Просторный коридор с окнами во всю стену. С десятков дверей — куда?..

Цыкнул, выбросил руки в стороны — и хором зазвенели выбитые стёкла. В тёплое помещение с готовностью ворвались ледяные потоки воздуха, пробежались по коридору, радостно захлопали неплотно прикрытыми дверями. Один из светильников на стене погас, чтобы через несколько секунд снова зажечься нездоровым мерцанием.

Сзади, из-за приоткрытой двери, раздался выстрел, второй, третий. Пули не добрались до цели — с оглушающим звоном отскочили от чего-то невидимого, но жёсткого, явно созданного резким движением руки чужака. Тот фыркнул, снова шевельнул пальцами, и ещё одна ударная волна пробежалась по засыпанному битым стеклом и облетевшей штукатуркой коридору. Грохот, вскрик, звук падения.

Вторженец поднял брови. Молодой охранник, жестоко трясаясь от страха, подхватил свой огнестел и вскочил на ноги. Но вместо того чтобы удирать или хотя бы нырнуть за одну из дверей, издал короткий вопль и помчался прямо на врага, стреляя в упор...

Очередное движение ладони — и несчастного просто вымело из коридора прямо в выбитое окно. Слабый крик ужаса прервался резко и страшно.

А Димир уже не думал об этом. Он ждал.

— Ну же, выходи! — заорал наконец, потеряв терпение, и в голосе кроме ярости явственно слышалась обида. — Ты здесь, я знаю!

Словно в ответ ему, дверь в дальнем конце коридора неторопливо отворилась. Степенно и уверенно некто зашагал навстречу.

— Димир, — коротко кивнул он ночному гостю, словно подобная встреча была в порядке вещей. — Тебе открылось столько путей. А ты выбрал самый бессмысленный.

Он умолк и склонил голову набок. Дрожащий свет повреждённой лампы падал на его пожилое, морщинистое, окаймлённое короткой седой бородкой лицо, но никак не мог добраться до глубоких недобрых глаз.

Чужак же молчал, лишь оскалив зубы, втягивая и выпуская сквозь них воздух. Молчал ещё долго, будто что-то просчитывал.

— Бьёшь стёкла, кричишь посреди ночи, — так и не дождавшись ответа, продолжил седобородый. — Убил одного из моих ребят. И несчастного сторожа убил — он-то тебе что сделал, скажи? А у старика, между прочим, дети, внуки...

— Вот не надо, — процедил Димир, не отводя пламенеющего ненавистью взгляда. — Не надо делать вид, будто тебя волнует жизнь безымянного ночного сторожа! После всего, что ты...

Хозяин вздохнул.

— Давай поговорим спокойно, — примирительным тоном предложил он. — Я понимаю, чем заслужил этот взгляд. Но уверяю тебя, когда ты узнаешь *всю* правду...

Он осёкся. Вместо того чтобы ударить с расстояния, вторженец просто двинулся навстречу. Человек сначала наблюдал с улыбкой, без капли страха — так смотрит взрослый на приближающегося с игрушечным мечом трёхлетнего ребёнка.

— Что ты... — озадаченно начал он, когда парень схватил его за руку, а второй ладонью сжал собственное запястье. — Нет, стой!..

Так смотрел бы взрослый, осознавший, что деревянный меч в руках трёхлетки вошёл прямым в его сердце. Но понимание пришло слишком поздно — цикл уже замкнулся.

Марк угрюмо глядел перед собой. Утро выдалось с сюрпризами. Один, казалось бы, должен был стать приятным — не каждый день тебя зачисляют в Форсу. В большинстве случаев — никогда. Желающих-то попасть в боевой сектор всегда пара сотен, а берут только десятерых: мальчишек и девчонок поровну.

Да только радости, как оказалось, от этого маловато. Всё равно и лучший друг Мих, и умница Нилана, первая ученица в их году, остались за бортом. Ещё и угораздило попасть в одну семью — с кем там? — с двумя глуповатыми девицами, местным клоуном и мрачным тихоней. Элита года, говорите, будущие боевые маги?

— Поздравляю, с завтрашнего дня и следующие четыре года вы именуетесь атрами! — объявил лидер Форсы, прохаживаясь между шеренгами. Его голос гулко разносился по большому тренировочному залу, отражался эхом от изрисованных цветными кругами и линиями стен, но при этом не терял своей кошачьей вкрадчивости. — Атрами пятой и шестой семей.

Марк проследил очередной его маршрут глазами. Так близко лидера боевых магов он видел впервые. С собранными на модный манер в хвост тёмными волосами, с уверенной полуулыбкой на гладком лице, тот выглядел самое большее лет на тридцать, хотя вся корона отлично знала, что ему уже за пятьдесят. А ещё (и это тоже было всем известно) он был ноттом. Редкий для ренов дар — способность ощущать эмоции окружающих. Очень редкий. Всего пара десятков ноттов на всю корону — считая, кстати, и самого Марка.

— Разрешите познакомить вас с вашими наставниками, — продолжал между тем лидер, театральным жестом обводя шеренгу напротив, десятерых форсов в чёрной форме. — Завтрашними рубрами. Пятая семья...

Пока лидер называл имена, Марк пробежался глазами по атрам-выпускникам. Так, слева — пятые, значит, шестая семья справа. Два парня и трое девушек. Наставник должен быть другого пола, парней отмечаем. Наверное, ему достанется та, с кудрявыми рыжими хвостиками и весёлыми глазами. Или вторая, осанистая черноволосая со строгим лицом?

Главное, чтобы не...

— Карина — наставница Маркия, — произнёс лидер, останавливаясь возле третьей.

Басом заржал где-то слева весельчак Гернон и тут же, судя по звуку, схлопотал подзатыльника. Марк бы тоже рассмеялся, если бы не находился под впечатлением от очередного сюрприза. Девочке, на которую указывал лидер, можно было дать на глаз лет двенадцать, но никак не двадцать. И рост подкачал — вряд ли метра полтора наберётся (курьёз был в том, что сам Марк к своим шестнадцати годам вымахал почти до двух). Кожа очень смуглая, глаза мрачные, чёрные. Чересчур длинные волосы собраны косичку за спиной. И что-то ещё в ней смутно беспокоило...

Лидер мягко улыбнулся, словно читая его мысли. Этого он, конечно, делать не мог — только эмоции окружающих были у него как на ладони.

Новоиспечённые наставники по жесту лидера сделали несколько шагов вперёд, развернулись и встали в одну шеренгу с новичками. Напротив остались те, кто стоял за их спинами — двадцатичетырёхлетние форсы в форме с красной каймой. Марк покосился сверху вниз на Карину — она не доставала ему даже до плеча.

— А вас поздравляю со статусом альбов, — кивнул лидер старшим. — Спасибо за проделанную работу. Завтра большинство из вас отправится в отряды по распределению штаба. Но двоим придётся остаться в качестве кураторов семей. В пятой семье это будет Аниса. Возражения?

Женщина с поразительно светлыми, почти белыми волосами сделала шаг вперёд.

— Не возражаю, — произнесла она мягким, певучим голосом, так странно не подходящим к резковатым чертам её лица.

Никто, насколько мог чувствовать Марк, не удивился. Похоже, решено было заранее.

— В шестой семье, — продолжил лидер, — куратором станет Ортей.

А вот теперь по рядам форсов пробежало волнение. Рука рядом стоящей Карины нервно дёрнулась, слегка ударив Марка по ноге. Напротив не по уставу медленно шагнул вперёд сутуловатый рен с неопрятными тёмными волосами и неприятным взглядом.

— Ты уверен, что эта честь принадлежит именно мне, лидер? — негромко проговорил он, глядя прямо в глаза.

Тишина в зале стала ещё ощутимее — форсы затаили дыхание в ожидании ответа.

— Абсолютно, — невозмутимо отозвался глава Форсы. — Возражения?

— Ни малейших, — буркнул Ортей после нескольких секунд угрюмого молчания и отступил обратно в свою шеренгу.

— Чудесно, — хлопнул лидер в ладоши, игнорируя ошарашенные, возмущённые и растерянные взгляды (Марк, не зная настоящей причины, за компанию с остальными тоже недоумевал, с какой радости такого странноватого кадра сделали куратором семьи). — Не хотелось бы портить вам важное событие, но... Мне есть что ещё сказать, ребята.

Он отвернулся на какое-то время к дальней стене зала, а когда снова повернулся, его лицо уже утратило всю свою игривую доброжелательность и превратилось в суровую физиономию опытного командира.

— Ни для кого не секрет, какие у нас в последнее время напряжённые отношения с внешним миром, правда? Люди старательно искали повод развязать с нами конфликт. Мы не менее старательно пытались им такого повода не давать. Так продолжалось долго. Но — сегодня ночью всё полетело под откос. Рен атаковал людей на безусловно их территории. Убил двоих. Понимаете, что это значит? — он обвёл глазами остолбеневших форсов. —

«Мост» расторгает заключённый пятьдесят лет назад договор. Война, ребята.

Ноттика — не такой приятный дар, как считают некоторые. Нотты не наблюдают чужие эмоции со стороны — они их скорее воспринимают как свои. И ладно ещё, когда рядом всего несколько ренов. Ладно, когда больше, но все они относительно спокойны. Но пропускать сквозь себя шок сразу тридцати — такого никакая психика не выдержит.

Марк ещё понять ничего не успел, только ощутил, что сердце судорожно колотится где-то под кадыком, мир вокруг стремительно темнеет, а ноги перестали чувствовать пол...

Электрический удар пронзил всё тело, возвращая сознание на место. Марк мотнул головой — осталась только вата в ушах да хоровод цветных пятнышек перед глазами. Чьи-то холодные пальцы крепко держали его запястье. Он повернул голову — Карина кивнула, отвела взгляд и отпустила его руку.

Ощувив внезапный прилив благодарности к ней (не хватало только рухнуть в обморок в день собственного посвящения в Форсу), Марк снова прислушался к голосу лидера. Тот говорил что-то ещё про боеспособные дуэты, которые сейчас так нужны короне.

— Война только у нас? — спросил женский голос. — Только между нашей Кумсорой и человеческой «семёркой»?

— Нет, — без заминки отвечал лидер. — Это не местный конфликт. Это разногласие между «Мостом» и Ареносой. Получив начало в наших краях, война затронет все двадцать шесть корон по всему миру, без исключения.

— Кто это сделал? У кого хватило дури — прости, лидер — нападать на людей?

— Молодой рен из Стаста по имени Димир. Ворвался посреди ночи в штаб «Моста», убил двух служащих и атаковал руководителя. Но что-то пошло не так, Димир зацикловался и погиб сам, — Марк, даже несмотря на своё состояние, почувствовал, как многих вокруг передёрнуло. — Руководитель получил тяжёлые травмы, но выжил. Боюсь, больше я ничего об этом не знаю.

— Но если он из Стаста, — возмутился кто-то из старших форсов, — то с чего бы претензии к Ареносе? Это же нелогично.

— Тем более зацикловаться в бою может только сумасшедший! Люди могли подстроить...

— Послушайте, — в голосе лидера проявились жёсткие нотки. — Ритмы всё утро из кожи вон лезли, чтобы донести это до человеческих представителей. Если у них не получилось, вряд ли наша с вами беседа продвинет дело. Ещё вопросы? — его тон явственно говорил о том, что дальнейшие вопросы на самом деле не приветствуются.

Машинально выполняя строевые команды, Марк мечтал только об одном — куда-нибудь приземлиться. Спасительный импульс новоиспечённой наставницы взбодрил лишь на короткое время, а теперь слабость и покалывание в пальцах ног и рук стали почти невыносимы. К счастью, как только они оказались в коридоре, Карина утянула его за рукав напрямик к скамеечке у стены, и Марк с облегчением на неё опустился.

— Ты нотт? — негромко спросила она, беззастенчиво его разглядывая.

— Да...

Твёрдая чёрная поверхность скамьи отвратительно холодила ладони.

— Почему не оградился?

— Я... — Марк сглотнул, чувствуя себя глупо. — Не подумал. Не успел...

Она кивнула и отвела взгляд в сторону. Поёжилась — в коридоре было прохладно. А Марк вдруг понял, что его всё это время напрягало: глядя ей прямо в глаза, он так и не смог

прочитать её эмоций. Но — не может же быть, что...

— Ты... тоже нотта?

Она фыркнула.

— Нет, конечно.

Нелепый был вопрос. Женщин-ноттов почти не бывает. У них в Кумсоре, насколько Марк знал, жила только одна — помощница лидера.

— Одевайся, — она кивнула ему на вешалки с куртками. — Идём домой.

Воздух наполнился мельчайшими снежинками, искрящимися на солнце и, казалось, зависшими неподвижно. Марк задрал голову вверх, к бледному зимнему небу. Защитный купол, прозрачный экран из текучей энергии, пропускал в корону дождь, снег, степной ветер и даже мелких птиц. Ничему крупнее здесь не были рады.

Одна из вышек, поддерживающих купол, виднелась впереди — гордо вонзалась в небо с вершины холма. Если присмотреться, можно было разглядеть, как над ней переливается энергетическое поле, преломляя солнечные лучи. А на склоне теснилась группа из восьми одинаковых двухэтажных домов: белые стены, чёрные крыши и оконные рамы, на торцах — крупные цифры, видно даже отсюда. Номера обитающих там учебных семей.

Свежевыпавший снег бодро скрипел под десятком пар подошв. Шестая семья шагала вверх к своему дому в молчании. Точнее, молчали все, кроме четвёрки старших, которые ушли немного вперёд и что-то негромко, но пылко обсуждали.

— Я бы послушал, а ты? — поднял брови Талат, перехватив взгляд Марка. — Пошли! Мы же теперь их ученики.

Марк хмыкнул — вроде бы их никто не приглашал «послушать» — но с готовностью последовал за одноклассником. Талат славился своей непосредственностью и любознательностью, обладал потрясающим талантом попадать в нелепые ситуации и несколько не обижался на последующие насмешки. За такой характер и с рук ему многое сходило.

Старшие сразу примолкли, лишь только новенькие их догнали. Кроме наставницы Марка, здесь была высокая черноволосая девушка — Азира, если он правильно запомнил на распределении — и двое парней: смуглый весельчак Ильдан и чем-то очень недовольный белобрысый Вадай. Рыжая убежала ещё дальше вперёд и топала теперь по дороге в одиночестве.

— Мы не помешаем? — наивно хлопнул глазами Талат.

Марк подумал, что вряд ли у кого хватило бы духа его прогнать — стоило только посмотреть на эту простодушную физиономию!

— Нет, — натянуто улыбнулась Азира. — Без проблем.

— Орт ещё не вышел, — сообщил Ильдан, оглядываясь назад, на тренировочный комплекс.

— Ну и чёрт с ним, — буркнул Вадай. — Пусть хоть весь день там торчит.

— Придержал бы ты язык, — посоветовала Азира, покосившись на новичков. — Он теперь наш куратор.

— Странный выбор, конечно, тут я не спорю, — Ильдан усмехался весело, но слегка натянуто.

— Почему странный? — тут же поинтересовался Талат.

— Потому что он псих! — вспыхнул Вадай. — Как вообще можно было...

— Не кричи, — Азира толкнула его в плечо. — Если лидер назначил именно его — значит, так надо.

— Кому надо?! Мне так-то нафиг не надо, чтобы этот тронутый нам четыре года приказы раздавал!

— Как же это твоё мнение лидер не учёл, — впервые за весь разговор подала голос Карина.

Странно — Марку почудилось, будто в её голосе прорезался непривычный уху резкий акцент. Просто почудилось, конечно.

— Так, всё! — властно пресекла надвигающуюся ссору Азира. — У Ортея тоже есть свои сильные стороны, не слушайте... Всё, сказала!.. — Вадай, уже было снова начавший причитать, быстро сдулся под её грозным взглядом. — Ольну только жаль, — она кивнула на рыжую впереди.

— А что с ней? — быстро спросил Талат.

— Мы думали, куратором станет её наставник, Антис. Уверены были. Понимаете, они муж и жена. Он даже вещи не собрал...

Марк поймал себя на мысли, что ему тоже почему-то больше бы хотелось, чтобы куратором стал незнакомый ему Антис, а не этот странный Ортей, не шибко-то любимый собственной семьёй.

— Выглядит лучше, чем в школе, — обрадовался Марк, разглядывая комнату, которую им предстояло делить с наставницей.

Во-первых, здесь было довольно просторно — передняя половина помещения напоминала маленький тренировочный зал. Такое же пружинистое покрытие на полу, геометрические фигуры для отработки ударов на обитых защитным материалом стенах, полное отсутствие окон. Картину разбавляли только наглухо закрытый шкаф без стёкол, да ещё откидной письменный столик со стулом.

А во-вторых, нелепые школьные слухи о том, что форсы чуть ли не в одной кровати с наставником, не оправдались (и слава всевышнему). Дальняя часть комнаты делилась на две крошечные личные комнатухи. В каждой — узкий коридорчик к окну, а вдоль стены — вещевой шкаф и спальное место сверху, на втором ярусе.

— Разве в школе было плохо?.. — рассеянно спросила Карина, деловито копаясь в шкафчике. Заглянув внутрь, Марк с удивлением увидел, что верхние полки набиты книгами.

— Нет, — Марк провёл рукой по деревянной лесенке, ведущей на кровать — он обожал дерево. — Но там было всё такое... немножко ветхое.

Он отвлёкся, вспоминая свою комнату в мальчишеском жилом корпусе школы: мебель — не столько старая, сколько пострадавшая от небрежного отношения; вечно живописно раскиданные по комнате вещи троих соседей; два маленьких окошка, глядящие на школьное спортивное поле; непрекращающиеся ссоры о дежурствах по уборке. Отвлёкся — и не расслышал, что там пробормотала наставница.

— Что, прости?

— Ты, говорю, ветхого никогда не видел.

— А ты видела?

Карина чуть дёрнула уголком рта — судя по всему, это можно было считать за улыбку — и промолчала.

Марк пожал плечами. Каждого рена в четыре года забирали у родителей-людей и

увозили в короны, под купола. С того момента маленький маг обитал в общежитии вместе с остальными подобными детьми, рос, учился, заводил друзей и увлечения. Над ребёнком брала опеку пара взрослых ренов — к опекунам разрешалось ходить в гости свободными вечерами или даже иногда оставаться ночевать. Кроме того, четыре раза в год ребят отпускали на каникулы к настоящим родителям. Кто знает, где и в какой семье родилась Карина. Пожалуй, во внешнем мире можно было встретить по-настоящему «ветхие» вещи.

— Почему так получилось с кураторами? — решил он задать давно крутящийся на языке вопрос. — Кажется, никто не ожидал, что Ортея назначат...

Наставница подняла на него тяжёлый взгляд. Бездна, подумал он, покрываясь мурашками. Два бездонных чёрных озера. Тем более страшное зрелище на детском лице.

— Из-за войны, я думаю, — начала она, осторожно подбирая слова — и Марку снова почудился в её говоре еле уловимый акцент. — Антис бы отлично справился... в мирное время. Он организованный, старательный, рассудительный. Зато Ортей быстрее принимает решения, не боится рисковать, — она отвела взгляд и зачем-то добавила: — И тоже нотт.

— Тогда сделаем так, — вздохнула Азира и захлопнула тетрадку. — Если что непонятно — просто спрашивайте у своих наставников. В крайнем случае — у меня.

Так завершился долгий и нудный разговор о домашних обязанностях и дежурствах. Руководила в этой области Азира, и у неё за четыре года в шестой семье выработалась целая система таблиц и расписаний. Глядя на окаменевшие лица остальных старших, Марк заподозрил, что на самом деле разбиралась в них только она и первый же случай сразу станет крайним.

Он с любопытством продолжал разглядывать обстановку. Почему-то думалось, что изнутри дома форсов, как и снаружи, пестрят чёрным и белым. К его приятному удивлению, это было совсем не так. Если в спальне царили бежевые тона в ансамбле с деревянной мебелью, то просторная гостиная была выдержана в шоколадно-оранжевых тонах. В ванной преобладала нежно-салатовая плитка, а кухня вообще радовала яркими цветными пятнами на фоне сияющей белизны.

Все — и школьники, и атры-выпускники — расселись вдоль длинного высокого стола, отгораживающего кухонное пространство, только Виольна и Ильдан возились у плиты. Ортея до сих пор не было. Оставалось три часа до полуночи, когда официально начнётся весна, а с ней и очередной год. С минуты на минуту должны были подойти бывшие наставники — забрать вещи и познакомиться с новенькими.

— Давайте поговорим о чём-нибудь поинтереснее, раз ты закончила, — с энтузиазмом предложил вечно улыбающийся Ильдан, расставляя тарелки. — Смотри, они же и так выдохлись, а ты их ещё своими расписаниями мучаешь, честное слово!

Азира с сомнением оглядела школьников. Итина с Камайлой с разинутыми ртами рассматривали кухню. Ромен подпёр щёку рукой и уставился в одну точку — создавалось впечатление, будто спит с открытыми глазами. Марк, однако, чувствовал, как за этим безразличным выражением мельтешат самые разнообразные эмоции. Причём они не имели отношения к происходящему вокруг — должно быть, Ромен что-то вспоминал. Талата вообще не оказалось на месте — он вскочил, едва почуввав свободу, и уже успел пройтись вдоль шкафчиков с посудой и едой, засунув везде свой любопытный нос, а теперь старательно тянул шею, разглядывая сквозь окно освещённый фонарём заснеженный задний

двор.

— Выдохлись, ага, — покачала Азира головой, отчего её распущенные чёрные волосы колыхнулись тяжёлой волной, и остановилась взглядом на смущённом Марке. — Да они, по моему, до сих пор не поняли, что именно сегодня услышали.

— Как и мы, — вставила рыжая Виольна, водружая на середину стола блюдо с мясом. — Лично у меня что-то плохо в голове вырисовывается, что это за война и чем она нам светит.

— Тогда это уже проблемы головы, — возмутился Вадай. — Что конкретно у тебя там не вырисовывается?

— А вы тут постоянно ругаетесь? — с невинным видом поинтересовалась Итина, и оба старших захлопнули рты. — Я ничего не хочу сказать, но вы по дороге сюда ссорились, и теперь вот тоже.

Шестые — и старшие, и младшие — уставились на неё. Итина, ничуть не тушуясь, переводила ясные голубые глаза с одного наставника на другого в ожидании ответа. Курносый носик храбро задран, светлые волосы с яркими бирюзовыми и розовыми прядями лихо откинута назад.

Первым рассмеялся Ильдан, одобрительно хлопнул Итину по плечу и пояснил:

— Вообще-то постоянно, да. Привыкайте. Но это всё по мелочам. Когда надо — мы дружная семья.

В этот момент как раз скрипнула входная дверь — явились бывшие наставники. Марк с интересом приглядывался к хвалёному Антису, но тот его не впечатлил. Почти всё недолгое время, что старшие пробыли в доме, он шептался с Виольной — Марк наблюдал, как её настроение стремительно ухудшалось. Остальные носились туда-сюда по дому, собирая забытые вещи. Говорил большей частью прежний куратор — густобровый мужчина по имени Борсел, а уж его-то мощный бас очень трудно было перекрыть. Да никто особо и не пытался.

Уже в конце посиделок Борсел вдруг затеял спор с Вадаем. Начало Марк прослушал, но в определённый момент оба рена перетянули на себя всеобщее внимание.

— Ты не понимаешь, — грохотал Борсел. — И Ликтор твой не понимает. Ну возьмём мы человеческие города под контроль — и что дальше? Нас слишком мало. Их — в пятьдесят тысяч раз больше, чем нас. Посадим по одному форсу в каждый город — и короны опустеют.

— Да зачем в каждый город? — кипятился белобрысый. — Достаточно контролировать правительство каждой страны. Если Ареноса встанет у руля, кордам же самим лучше будет...

— Ещё раз услышу от тебя это слово!.. — наставница Вадая стукнула кулаком по столу, и посуда внушительно звякнула.

— Людям будет лучше, — поспешно исправился тот. — Прекратятся войны, коррупция, уровень преступности...

— Люди никогда не согласятся, чтобы ими правили рены, — хмуро перебила Карина. — Представляешь, что будет? По всему миру пойдут восстания, и однажды это снова перерастёт в войну между ними и нами.

— Да уж, лучше пусть бьют друг друга, а нас не трогают, — весело добавил Ильдан.

— Но они всё равно тронут! — возмутился Вадай. — И если мы продолжим тупо сидеть у себя в коронах под куполами, в один прекрасный день они своего добьются и разгромят

нас.

— Ещё ни разу им не удавалось повредить купол, — проворчал Борсел, поднимаясь из-за стола и всем видом показывая, что разговор окончен. — Хотя не раз пытались.

— Ну, вообще-то, по-серьёзному последний раз пытались пятьдесят лет назад, — невесело произнёс Антис — его голос оказался таким же бесцветным, как и внешность. — И если вы помните, тогда победа далась Ареносе нелегко.

— Из-за предательства восьмого каранта! — захваченный азартом спора, выкрикнул Талат. — И хитрости человеческого полководца!

— ...От чего современные рены, конечно, надёжно защищены, — ядовито заметил Вадай. — И между прочим, их технологии не стоят на месте. Сколько они там напридумывали за пятьдесят лет — вы в курсе? Я — нет. И пока мы сидим и ничего не делаем...

— Да тебе не о том говорят, что не нужно ничего делать! — не выдержала Карина. — А о том, что нельзя идти в открытое наступление на города, оставляя короны без защиты...

— Ну не на все же города одновременно! Один взяли — потом следующий...

— А пока ты следующий берешь, в предыдущем люди устроили мятеж, всех ренов перебили и пошли на пустую корону?..

— Да эти корды никогда...

— ЛЮДИ! — рявкнул Борсел.

— У ваших людей, — не унимался Вадай, — никогда не хватит ни мозгов, ни смелости...

— А может, это у тебя, — перебила Карина, — не хватает мозгов, чтобы просто...

— ЗАКРЫЛИ РТЫ, ОБА! — проревел бывший куратор необыкновенно громко.

— Прямо сразу чувствуется, что домой пришёл, — ухмыляясь, протянул в наступившей тишине только что вошедший Ортей. — Решили сходу новобранцам атмосферу шестой семьи продемонстрировать?

— Уже уходим, — быстро сказал Антис, не глядя на одногодника, отнявшего у него желанное место куратора.

Борсел ещё раз обжёт яростным взглядом покрасневшегося Вадаю и надувшуюся Карину. Громовым голосом сообщил, как приятно ему было познакомиться с новенькими атрами и что они ещё как-нибудь заглянут в гости. И всего через пару минут в доме стало необычайно просторно и тихо.

— Дайте поесть, — взмолился Ортей, усаживаясь за стол. — Умираю с голоду. Что там с подарками? С ума сошли, полчаса до конца года!

Шестые переглянулись и один за другим потянулись наверх. Год в коронах начинался в первый день весны, а новогодние подарки были излюбленной ареносской традицией. Каждый рен к празднику готовил только одну вещь — но вещь, сделанную своими руками, искусно и с душой. Доставался этот предмет тому, чьё имя вытянет в новогоднюю ночь смастеривший её. Школьники тянули бумажки с именами в общих гостиных, объединявших пять комнат по четыре рена. Взрослые в секторах обменивались с соседями по дворам. Студенты собирались семьями.

Марк уверенней всего чувствовал себя в резьбе по дереву и в этом году был весьма доволен очередным своим шедевром — самодельные настенные часы вышли чудо как хороши. «Камайла», — прочитал он вслух с доставшегося ему клочка тетрадной бумаги и вручил свёрток засиявшей от радости одногоднице — миловидной кареглазой девчонке с

собранными «мальвинкой» каштановыми волосами. Они с ней вряд ли перекинулись и парой фраз за всё время учёбы в школе. Марк помнил лишь, как этим утром она поздравляла его у доски объявлений, где вывесили списки распределения выпускников по секторам. Но сейчас, стоило заглянуть ей в глаза, нотт сразу понял, почему они так блестят. Вроде бы ничего удивительного — девчонки частенько на него засматривались. Но каждый раз он чувствовал себя страшно неловко. В конце концов, была ведь Нилана...

Ортей тем временем с набитым ртом объяснял:

— ...Условия ультиматума невыполнимые — зуб даю, что специально! Чтобы потом можно было сказать: вот, колдуны, мы же вам давали шанс заключить мировую, а вы отказались. Сами виноваты.

— Что за условия? — вполне ожидаемо вклинился Талат.

— Анекдот, а не условия. Во-первых, строительство блок-постов у самых корон, а выезд во внешний мир — только по особому разрешению. Во-вторых, люди-наблюдатели внутри корон...

— Не, ну это уже... — не выдержал Вадай.

— Слишком, — с нажимом договорила Азира, сердитым взглядом заставляя одноклассника примолкнуть.

— То-то и оно, — развёл Ортей руками.

— А в чём настоящая причина? — решился задать вопрос Марк. — Если они и правда, как лидер сказал, давно искали повода. Зачем им война с нами?

Все уставились на него. Должно быть, в удивлении, что заговорил — так-то он молчал почти весь вечер.

— Боятся нас, наверное, — неуверенно предположила Виольна.

— Чего нас бояться? — поразилась Итина. — Мы же их столько лет не трогали. Сидим у себя под куполами и никому не мешаем.

— Ритмов высылают обратно в короны, — невпопад добавил Ортей, прожевав. — Всех до одного.

— Что? — тоже притихшая было в углу Карина подскочила. — Как высылают? А кто новорожденных будет регистрировать?

— Во-о-от! — поднял Ортей указательный палец и снова вернулся к своей тарелке.

А до Марка — да и до всех остальных, судя по лицам — только начало доходить. Ритма, дипломатический сектор Ареносы, занималась связями с внешним миром: торговлей, переговорами, транспортными вопросами. И, самое главное, регистрацией новых ренов.

По странной прихоти природы, маги не были отдельным народом. Они всегда рождались у самых обыкновенных людей и до момента пробуждения силы ничем не выделялись — разве что крепким здоровьем. Отличить новорожденного рена от обычного младенца можно было только первые семь-восемь дней жизни. Помогали просвечивающие в ладошках, не поддающиеся объяснению скопления энергии — сгустки Линнара, или, на просторечье, «загустени».

Ритмов вызывали прямо в родильные палаты, где появлялись на свет маленькие маги. Там им оставалось подтвердить наличие сгустков, записать данные ребёнка и его родителей и поставить на тыльную сторону ладошки крошечную метку в виде звёздочки — астрик.

Люди, ставшие родителями рену, редко бывали рады. До того, как ребёнка заберут в корону, им давали всего четыре года. Кто-то отказывался от родительских обязанностей — по суеверным соображениям или рассудив, что лучше и не привязываться. Кто-то пытался

скрыться с малышом, лишь бы не отдавать его Ареносе. У некоторых получалось — и в таком случае маленький маг погибал в десять-одиннадцать лет. Погибал, не справившись с собственной пробудившейся силой, которую мог обуздать лишь находящийся поблизости взрослый рен.

— Если они не догадаются самостоятельно помечать их... — прошептала Азира.

— Или если им запретят, — выплюнул Вадай.

— Вряд ли запретят, — протянул Ортей, ухмыляясь невесело и недобро. — Скорее, займутся этим сами. Хватит у вас воображения представить себе зачем?

— Лишить Ареносу свежей крови, — негромко буркнула Карина из своего угла. — Чтобы рены постепенно вымерли без пополнения...

— Или использовать их как заложников, — Вадай оскалился. — Для шантажа. Вполне в их духе.

— Так мы отказались? — напомнил Талат. — От условий ультиматума?

На него тоже посмотрели с удивлением.

— Ясное дело, отказались, — воскликнула Азира. — Правда, Орт? — куратор кивнул. — Глупости какие...

— Что теперь-то, а? — кажется, Ильдана без улыбки Марк сегодня видел впервые. — Нам это всё чем грозит?

— Вам грозит походом в кровать, — ворчливо отозвался куратор. — И подъёмом на тренировки завтра в шесть утра... А, нет — уже сегодня. Год-то, оказывается, пять минут назад как начался.

Глава 2. Белая тревога

Ортей не шутил. Всего через несколько часов зевающие старшие бесцеремонно растолкали новобранцев. Им предстояло то, что куратор назвал «разминкой» — десять кругов бега вокруг чёрно-белых жилых корпусов.

Впрочем, кураторы некоторых других семей, кажется, разделяли решимость Ортея: не успела шестая семья выйти за порог, мимо угрюмо протрусил десяток форсов — Марк разглядел нашивки в форме цифры три на куртках. А некоторое время спустя в поле зрения появились ещё две группы.

Утопанный наст скрипел и слегка скользил под ногами; морозный воздух врывается в лёгкие, обжигая; свет фонарей бликами отражался в оконных стёклах. Ещё было совсем темно и очень холодно — по календарю хоть и весна, да вот корона начнёт избавляться от снега и льда лишь через несколько пятидневий, не раньше.

Марк представил себе, как всё это время придётся вставать каждый день задолго до рассвета, чтобы добрых полчаса бежать по темноте и морозу, и упал духом. Видно, не один он об этом подумал, потому что на восьмом круге прямо за спиной раздался задыхающийся голос Итины:

— Неужели... и правда... каждый день?.. И на квинсу?.. Или будет... выходной?..

Камайла в ответ лишь простонала что-то неразборчивое, но эмоциональное. Зато далеко впереди Ортей развернулся к ним лицом и проорал:

— Забудьте о выходных! Тренировки — каждый день!

Марк покосился на девчонок. Итина выпучила глаза, Камайла споткнулась на бегу и устояла на ногах только благодаря Ромену, бежавшему следом и успевшему подхватить её в последний момент.

— Как он услышал? — в ужасе обратилась Итина к одноклассникам.

Ромен промолчал, Марк пожал плечами. Он и сам не подозревал о существовании ренов с подобным слухом.

— Может, и не слышал? — предположила Камайла. — Может быть, просто вдруг решил сообщить всем... чтобы жизнь мёдом не казалась, — она хихикнула, — и тут так совпало?..

Так и есть, — прошелестело в голове — по вытянувшимся лицам товарищей Марк понял, что не у него одного. — *Просто вдруг совпало.*

— Чего встали? — весело поинтересовался Ильдан у замершей посреди дороги четвёрки. — Нагоняю от куратора желаете?

— Он что, реально так далеко слышит? — без стеснения спросила Итина у старшего.

— А, это, — тот усмехнулся. — Да. Он же у нас нотт.

— И что? — не понял Марк. — Я тоже нотт, но суперслуха за собой не замечал.

— Не знаю, — Ильдан задумчиво почесал шапку. — Не разбираюсь в ноттах. Просто советую впредь держать язык за зубами. Вперёд! — он хлопнул по спине Камайлу, свою ученицу, и потрусил дальше.

— Так он твой наставник? — удивился Марк, глядя из окна лестничной площадки на куратора, быстренько уматывающего «по делам» верхом на циклофоре. — А я-то думаю, почему... — он запнулся.

— Что «почему»? — Карина нетерпеливо махнула на него, и Марк поспешил комнату.

— Почему мне так трудно читать твои эмоции, — поколебавшись, закончил он. — Он, наверное, учил тебя ограждать себя.

Несколько секунд наставница смотрела на него в упор. Марк не выдержал и отвёл взгляд первым, всерьёз испугавшись перспективы провалиться, словно в пропасть, в её глаза.

— Прости, я не...

— Сядь.

Он послушно опустился на пружинящий пол и скрестил ноги, всё ещё избегая встречаться взглядом с Кариной и чувствуя себя виноватым — непонятно, правда, в чём.

— Эти твои обмороки, — без вступлений начала она, — надо с ними что-то делать.

— Обмороки?! — возмутился Марк. — Это было всего один раз! Просто мне раньше не приходилось попадать в такие ситуации, когда одновременно столько ренов поблизости...

— Ещё не раз придётся, если действительно начнётся война, — спокойно перебила наставница. — Будешь учиться восстанавливаться.

— Как? Бить себя током?

— Ага, — она подошла поближе и села напротив. — Руку. Да не бойся ты, дай сюда.

Тонкие, неожиданно сильные пальцы обхватили его запястье, перевернули ладонь вверх.

— Покажи точку выхода энергии.

Марк покорно ткнул свободной рукой в центр ладони.

— Точку приёма.

Он нахмурился и — не без труда — нащупал уплотнение под пульсом на запястье, среди вен и сухожилий, и буркнул:

— И?

— И бей. Из точки выхода одной руки в точку приёма другой. Самым слабым ударным импульсом.

— Что?

— Показать?

— Не, я понял. Но нельзя же! Зациклуется. В школе говорили...

— Это другое. Зацикловка случится, если тыпустишь свою необработанную энергию по своему же циклу. А ударный импульс — это уже энергия направленная, больше тебе не принадлежащая. Ясно? Пробуй.

Марк обхватил ладонью собственное запястье, с неудовольствием отмечая, как дрожат кончики пальцев. То ли от страха перед невыносимой болью зацикловки, то ли оттого, что наставница всё ещё легонько касалась его руки.

— Я разомкну цикл, если вдруг, — пояснила она.

И Марк, надеясь, что это не одна из тех шуток, которые принято проделывать с новобранцами, осторожно ударил. Электрическая волна пробежала по всему телу, подняла дыбом волосы. Он резко выпрямился и судорожно замотал головой.

— Сработает не только если забыл оградиться, — спокойно продолжила наставница. — В любой ситуации, когда почувствуешь себя плохо. Только не перестарайся — вырубись.

— Другого рена тоже можно так взбодрить, если вдруг?

— М-м-м, — с сомнением протянула Карина. — Я бы не советовала. Всё зависит от того, насколько совместимы у вас с ним типы энергии. Последствия могут быть непредсказуемыми.

— Значит... Тогда, на посвящении — ты могла меня и убить?

— Нет, конечно, — пожалала плечами она. — В худшем случае ты бы потерял сознание. Что, если помнишь, ты и без того собирался сделать. Но бить аккуратно ещё и нужно уметь.

— Ладно... А если так сделать с человеком?

— Вырубишь. Сильно ударишь — убьёшь. Их тела отторгают нашу энергию, она для них как яд. Поэтому во время боя люди постараются не оставлять открытых участков кожи и будут держаться на расстоянии.

Марк медленно кивнул, вспоминая, как однажды на каникулах, в родительском доме, сестрёнка при нём порезалась ножом. Пустяковая царапина, любой взрослый рен бы с таким в два счёта справился, и даже Марк, в котором недавно только пробудилась магия, уже умел... Но что-то пошло не так. Вместо того чтобы затянуться, рана словно бы вспухла, а потом кровь полилась ручьём...

Вернувшись в корону, Марк рассказал о случившемся Миху. «Дурак, что ли?» — покрутил друг у виска. «Нельзя людей лечить, у них аллергия на магию... Несколько пятидневий назад нам на уроке рассказывали, проспал?»

— Почему так? — задумчиво проговорил он вслух.

— Не знаю. Спроси у Орта, он как раз на этой теме повёрнут, — она встала и быстрыми, привычными движениями смотала свою длинную косу в объёмный узел на затылке. — Давай теперь попробуем дальние удары.

Если он рассчитывал отдохнуть после ужина, то зря. Ортей чуть ли не за шкуру потащил его к себе в комнату. Куратора совершенно не заботило, что Марк уже ни рук, ни ног не чувствовал после утренней пробежки, четырёхчасовой практики с наставницей, затеянной Азирой масштабной уборки и ещё почти часа махания лопатой — на улице, как назло, зарядил снегопад.

— Эмоционал, — объявил куратор, швыряя Марка на стул и усаживаясь на кровать напротив. — Что это за штука?

— Совокупность постоянных и динамичных эмоциональных и психических черт... — начал было Марк, но Ортей прикрикнул:

— Стоп! Не надо мне декламировать учебники. Нормальными словами, своими!

— Э-э-э... — этим звуком Марк пытался, но не смог заполнить паузу, пока лихорадочно соображал. — Во-первых, суть рена — его постоянный психологический... портрет, что ли.

— Скорее — слепок, — насмешливо подсказал Ортей.

— Ну да. У каждого свой, как... запах. Или отпечаток пальцев. Очень точный...

— Во-вторых?

— Во-вторых — то, что он ощущает и переживает в данный момент.

— Хорошо, — рыжая кошка с громким урчанием запрыгнула на колени куратора, и тот рассеянно провёл длинными пальцами по пушистой спине. — Вспомнить хоть парочку сможешь? — он поднял голову, наткнулся на непонимающий взгляд младшего и раздражённо пояснил: — Закрой глаза и представь себе чей-нибудь эмоционал — неважно чей.

Марк вздохнул и послушно зажмурился. Внимательно, ниточку за ниточкой принялся выуживать из памяти образ Ниланы. Забавно — вопреки учебникам, он никогда не воспринимал эмоционалы как что-то чужеродное, принадлежащее другим ренам. Скорее, считал их частью своих ощущений.

— Есть.

Стоило открыть глаза, как он тут же наткнулся на внимательный, напряжённый взгляд Ортея — тот даже подался вперёд, словно стараясь рассмотреть что-то важное на лице младшего.

— Можешь найти её в пространстве?

— Нет, — растерянно покачал головой Марк. — Я знаю, что так можно, но не умею, даже не представляю... Подожди, а откуда ты знаешь, что «её»?

— Не важно. Попробуй найти — это первое, чему ты должен научиться. Прощупай хорошенько в памяти её эмоционал, отыщи нить, которая ведёт сквозь пространство. Давай.

Марк попробовал. Потом попробовал ещё раз. И ещё раз двадцать.

— Всё потому, что твоя память об эмоционале несовершенна! — заявил Ортей, поднимая вверх указательный палец. — Точнее, дело даже не в памяти — ты его неправильно зафиксировал. Недостаточно аккуратно. Уделяй больше внимания мелочам, когда кого-то читаешь. При каждой встрече наращивай на свою запись новые нити. Одна из них обязательно окажется той, что позволит находить этого рена, где бы он ни был...

Марк старательно кивал, ощущая, как веки норвят схлопнуться, словно намагниченные, а пол под ногами куда-то уплывает. Куратор заметил, что внимание слушателя ослабло, ухмыльнулся и произнёс:

— Домашнее задание: хорошенько впечатать себе в память эмоционалы остальных девятерых нашей семьи. Уметь находить их в пространстве. Срок: три дня.

— Понял, — Марк с трудом подавил зевок и встал. И уже в дверях обернулся: — Будут проблемы... с Риной. Я не смогу её прочитать.

Ортей без малейших признаков удивления, даже с непонятной грустью кивнул:

— Не сможешь прочитать — врежайся силой. Будет беситься — скажи, что я разрешил.

— Нет! — ошарашенно вскинулся Марк. — Я не могу, так нельзя!

— Ой, брось, — скривился куратор. — Я же читал твоё личное дело из школы. У тебя там чёрным по белому гневная запись о том, что ты ещё в средней ступени врезался в эмоционал того мальчишки, своего приятеля... Михела? Без его согласия.

— Михала, — автоматически поправил Марк. — То было не специально. Я ещё не умел контролировать... И это совсем другое! Карина — моя наставница, я с ней знаком всего второй день, и она... девочка.

Ортей заржал. Марк и сам улыбнулся, ощутив, как по-детски это прозвучало.

— Не переживай за это, — махнул на него рукой куратор, нахохотавшись. — Она поймёт. Я возьму ответственность. Хочешь, расписку напишу?

— Хочу, — ехидно буркнул Марк, выходя. — Завтра приду за распиской.

На следующий день болело всё. А Марк-то считал себя спортивным и выносливым. И он не знал, что хуже: настойчивая тянущая боль в мышцах или острая, горячая — в перегруженных непривычным потоком магии жилах.

Кое-как пережив пробежку (Итина села на землю после восьми кругов и наотрез отказалась бежать дальше даже под страхом наказания), ребята позавтракали и на ватных ногах отправились в тренировочный корпус на занятия.

— Зачем он такой большой? — восхитился Талат, оглядывая приближающееся здание. Окружив с трёх сторон двор, по которому они шли, оно будто тоже внимательно разглядывало пятерых новичков своими белыми окнами в чёрных стенах. — Если посчитать: четыре курса атров по десять человек и столько же рубров — это всего восемьдесят

студентов! И для них такая махина?

Молодой форс у входа окинул взглядом их форму, оставшуюся со школы — тёмно-синюю у мальчишек и тускло-голубую у девчонок (новую им ещё не выдали). Затем кивнул: — Второй этаж, пятый зал.

Внутри обнаружилось на удивление много народу. Как ни странно, большую часть снующих туда-сюда, хлопающих дверьми кабинетов форсов составляли вовсе не студенты, а взрослые бойцы. Марк рассматривал их с любопытством: в основном встречались альбы в чёрной форме с белой каймой, но изредка мелькала и серебристая кайма командиров-аргентов, а один раз навстречу им попался пожилой авр из высшего командования — окантовка на его форме отливала золотом.

— Эй, Маркий, — окликнул смутно знакомый низковатый голос, выводя его из размышлений о том, что же всё-таки столько взрослых ренов делают в тренировочном корпусе.

У окна, полусидя на белом подоконнике, ухмылялся невысокий, коренастый атр со светлыми, стриженными ёжиком волосами и неприятными желтоватыми глазами. На плече красовалась нашивка с цифрой «два».

— Реток, — насторожённо кивнул Марк. — Не думал, что ты в Форсе.

Несколько атров поблизости почему-то засмеялись. Мерзкая улыбка парня стала шире.

— Меня-то ты видел пару лет назад на доске выпускников — только не ври, будто не смотрел. Это я не думал, что *ты* в Форсе. Надо же: кажется, в боевой сектор уже стали отбирать тупо по количеству мускулов, даже если их обладатель — бесхребетный плакса и слюнтяй.

Марк промолчал. Он хорошо помнил тот случай, когда заслужил такую характеристику. Ему было двенадцать, он стоял на коленях в укромном местечке за спортивным полем, двое четырнадцатилеток больно заломили руки за спиной, а Реток бил ногами по лицу и в солнечное сплетение, не затыкая свой рот, откуда сплошным потоком сыпались оскорбления и издёвки. И в один отчаянный момент ситуация показалась настолько безысходной, что Марк просто не смог сдержать слёз...

Отгоняя паршивые воспоминания, он хотел просто махнуть рукой и пройти мимо, когда влез Талат.

— Ну тогда со мной они явно промахнулись, — весело сообщил он, демонстрируя тощий бицепс. — Да и девчонки у нас тоже не качки. Правда, девчонки?

Камайла глянула на известного хулигана с опаской, зато Итина с готовностью подхватила:

— А вот я, например, такая ловкая, что каждый день нашибаю себе пару новых синяков, и реву вообще раз в пятидневье как минимум. А ещё, говорят, туповата. И чего, спрашивается, меня взяли? Всё, трындец Форсе с таким пополнением, — задрала нос, тряхнула разноцветными волосами и гордо прошествовала мимо.

Марк глянул на обескураженно провожающего её глазами Ретока, пожал плечами и зашагал дальше. И только потом, уже ему в спину, донёсся крик:

— Эй, мозголаз! Как насчёт поединка на следующей Арене? Или опять струсишь?

— Замётано, — буркнул Марк через плечо.

— Блин, теперь ведь и не откажешься, — застонал Талат ему в ухо, стоило отойти подальше. — Позору не оберёшься.

— Я и не хочу отказываться, — слегка приврал Марк, ощущая противную дрожь в

животе.

— Он тебя размажет...

— Вот и посмотрим.

— Арена через пятьдесят восемь дней, — посчитала Итина и жизнерадостно добавила:

— Ещё успеешь потренироваться. И сам его размажешь.

Марк лишь скептически хмыкнул.

Что было здорово на занятиях в тренировочном корпусе — так это ощущение полной свободы. Никто не требовал от атров исправного посещения лекций или активной работы на практических занятиях. Преподаватели вели себя так, что сразу становилось понятно: всё, чему они учат, нужно не им, а студентам. Лишь одна пожилая аргента, лектор по истории Ареносы, мягко намекнула о строгих наказаниях, которые последуют за провалом осенней аттестации.

Три лекции и два послеобеденных практикума спустя Марк понял, что на следующий день будут болеть не только мышцы и жилы, но и извилины.

Почему-то он наивно полагал, что наставница даст хоть часик передышки, когда он, совершенно вымотанный, приползёт домой. Та, впрочем, быстренько развеяла его заблуждение.

— Занятия закончились полчаса назад, — с лёгким удивлением напомнила она, сбрасывая с плеч плед, в который постоянно куталась. — Ты прошёлся, отдохнул. А нам сегодня надо повторить простые ударные импульсы и начать жёсткие барьеры.

Планы лечь спать сразу после ужина тоже с треском провалились.

— Куда? — высунул нос из-за своей двери Ортей, пока Марк шёл в комнату, приволакивая ноги. — Ко мне.

— Но задание же на послезавтра!

— Нам и без того есть о чём поговорить, — возразил куратор. — Дверь не закрывай.

Он уселся на прежнее место, прикрыл глаза и просидел так с минуту, предоставив недоумевающему Марку возможность оглядеть комнату. Здесь уже царил не такой бардак, как вчера, но всё равно было заметно, что аккуратность — не самая сильная черта хозяина.

— Вот она, моя красавица, — очнулся наконец Ортей. — Долго же уговаривать пришлось тебя, коза упрямая.

Марк чуть прибалдело проследил, как рыжая кошка Джесс с коротким мурком ловко запрыгивает на колени куратору.

— Скажи, можешь ли ты управлять эмоциями рена? — тихо спросил Ортей.

— Нет, — быстро отозвался Марк, но потом вспомнил вчерашний разговор с наставницей про достоверность школьных сведений и добавил: — Наверное.

— Технически можешь, — старший помолчал. — Но только с его согласия. У тебя не получится сделать это незаметно, и ничего не выйдет, если тот сам этого не захочет.

— Как можно захотеть, чтобы кто-то менял твои эмоции?

— Просто. Например, тебе грустно, больно, тяжело. Идёшь к нотту и говоришь: «Хочу поправить настроение». Если нотт соглашается (что бывает редко), открываешь ему своё сознание...

— И это законно? — быстро уточил Марк.

— Почему нет? Другое дело, что процесс довольно интимный, вроде обмена энергией, и не каждый согласится на такое.

Марка бросило в жар от ни с того ни с сего возникшей перед глазами картины: вот он ласково отодвигает мягкие светлые волосы Ниланы, касается пальцами висков — та с улыбкой закрывает глаза, впускает его в свой эмоционал...

Ортей закатил глаза. Марк почувствовал, что краснеет, гадая, как много из его фантазий тот смог уловить.

— Так вот, — со вздохом продолжил старший, — а как насчёт людей? Их эмоциями можно управлять, что думаешь?

— Э-э-э... Можно?

Куратор фыркнул.

— Чуть легче, чем с ренами. Если человек напуган, или разъярён, или испытывает любые другие сильные эмоции — тогда шансы есть.

— Можно использовать в бою?

— Ага. Только учти, что нагрузка на сознание нотта в таком случае просто бешеная. Головные боли неизбежны.

— Понял.

Кошка вдруг одним прыжком слетела с насиженного места, а вторым уже оказалась на коленях у Марка, изрядно его напугав.

— Смотри ей в глаза, — вкрадчивым голосом приказал Ортей. — Читай её эмоционал.

— Какой эмоционал? Животное же.

— Он у неё есть, не сомневайся. Совсем не такой, как у ренов или людей, но есть. Читай.

— И им можно управлять?.. — прошептал Марк почти беззвучно, вглядываясь в янтарные глаза Джесс.

Но Ортей услышал.

— Разумеется. Смотри. Агрессия.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем кошка моргнула. В колени Марка сквозь ткань впились острые когти, шерсть животного на спине и у хвоста встопорщилась, послышалось низкое утробное рычание. Он инстинктивно поднял руки, чтобы защититься, и кошка страшно зашипела, ещё глубже вгоняя когти в его колени.

— Любовь, — раздался скучающий голос Ортея.

Рычание оборвалось, когти втянулись, и в руку Марка ткнулся холодный влажный нос. Он осторожно протянул ладонь, чтобы погладить питомца, и Джесс с готовностью выгнула спину, довольно мурча.

— Страх.

Кошку как ветром сдуло — лишь оранжевое пятно метнулось через комнату, загребая когтями по полу, и с грохотом скатилось по лестнице на первый этаж. Марк скривился — как бы не расшиблась.

— Вот и всё. Именно потому что их так мало и они такие простые — намного, намного проще, чем у ренов — я могу их вызывать. Да не переживай ты, всё с ней...

Он резко замолчал, не договорив. Потом вскочил на ноги, чуть не приложившись головой о полку над кроватью.

А через секунду услышал и Марк — низкие ритмичные вибрации пространства. Повторяющийся снова и снова тройной сигнал.

Общая тревога.

— За мной, — коротко приказал Ортей, кидаясь к лестнице.

Шестая семья, быстро оделись и собрались во дворе, — раздалось в голове. Ортей, к восхищению Марка, транслировал мысленную речь всей семье. — Вад — за руль, Ильд — за сборник.

На улице тревожные колебания воздуха чувствовались ещё сильнее. Ребята один за другим выбегали во двор, на ходу застёгивая куртки, морщились от неприятных пульсаций, кидали быстрые взгляды на поддрагивающий в такт сигналам тревоги защитный купол высоко в небе, сейчас хорошо видимый под преломляющимися лучами заходящего зимнего солнца.

— Учебная? — весело предположил Талат.

— Вряд ли, — мрачно отрезала Азира. — Смотрите.

От линии горизонта на холме вверх по куполу медленно, неравномерно растекалось искристое молочно-белое сияние.

— Белый щит, — выдохнула Виольна. — Его по учебной тревоге не стали бы поднимать. Правда, Орт?

— Правда, — сквозь зубы подтвердил куратор. — Слишком большая трата энер...

— Шестая семья — на четвёртую вышку, — бесцеремонно перебил его громкий искажённый голос со столба сверху. Ромен рядом подпрыгнул, Итина вскрикнула, Талат схватился за сердце. Звучач повторил приказ ещё дважды и замолк.

— Ну чего они так долго возятся, — нетерпеливо проворчал Ортей, наблюдая, как из гаража выползает, наконец, чёрный перевоз с цифрой «шесть» на кузове. — Все в машину, живо.

— Вон они!!! — завизжала вдруг Итина.

Марк задрал голову. В закатном небе над горизонтом появился словно бы косяк из пяти крупных птиц. Всем, правда, было понятно — таких крупных птиц не бывает.

Если только они не из железа.

Глава 3. Ночной гость

Марк очень старался взять себя в руки, но вокруг было слишком шумно, слишком много ренов и их переживаний. Приходилось одновременно ограждать (что не очень хорошо сказывалось на сообразительности и скорости реакции), бежать вверх по холму и слушать команды куратора.

До третьей вышки, высоченной конструкции из крашенного в чёрный цвет металла, оставалось совсем немного, когда Ортей выкрикнул во всю глотку: «Шестая на месте!» В ответ раздался чей-то усиленный голос: «Шестая — к северной стене».

— Живо, живо! — торопил их куратор, посматривая на небо, уже почти полностью затянутое искристым полем. А Марк загляделся на двух лежащих прямо на снегу ренов — над ними суетилось сразу несколько медиков в тёмно-красной форме.

Нижние два яруса башни формировали здание базы, где жил смотритель вышки и дежурили у энергосборника форсы — защитный купол существовал не просто так, а за счёт их магии. Снаружи вдоль стен тянулись белые панели с углублениями в форме ладоней. Марк на ходу стянул перчатку и впечатал руку в одно из них. Внешний энергосборник так жадно впился в точку выхода, что потемнело в глазах.

— Что с ними? — глазастая Итина кивнула на окружённых медиками форсов.

— Дежурные, наверное, — предположил Ортей. — Когда начали поднимать белый щит, на каждой вышке всего по два-три рена и было. Сборник всю энергию вытянул... Если живы останутся, после такого восстанавливаться не меньше пятидневья.

— Если мы все вообще живы останемся, — буркнул Вадай, указывая взглядом в небо, на кружащую над куполом железную стаю.

— Ой, не драматизируй, — откликнулась Виольна. — Куполу — да ещё и под белым щитом — всё нипочём.

Марк перевёл взгляд на Ортея, надеясь получить подтверждение этим словам, но куратор неотрывно смотрел вверх, на растекающийся белый щит. Лицо его ничего не выражало.

Зубами стащив вторую перчатку, Марк быстро поменял руку — пальцы совсем задеревенели от ледяной поверхности панели. Сверкающее молочное поле сомкнулось на вершине купола, дрогнуло по всей своей площади и замерло. Пятёрка летательных машин людей продолжала кружить над короной, то отдаляясь, то приближаясь.

— А если бомба? — поинтересовался Талат. — Ну, вроде тех, что показывали в лентах про войну...

— Ничего не будет, — отозвалась Азира. — Купол для этого и существует, он очень крепкий... — однако в голосе её Марк уловил еле слышное сомнение.

Солнце постепенно исчезало за горизонтом, мороз крепчал, ветер становился всё злее, всё враждебнее завывал меж металлических балок башни. Марк покосился на свою наставницу: та явно мёрзла, хоть и закуталась в шерстяной платок по самые глаза.

С верхнего яруса послышались крики. Марк вздрогнул и задрал голову — как раз вовремя, чтобы увидеть, как летуны один за другим что-то сбрасывают и резко набирают высоту.

— Без паники, — громко прошипел Ортей. — Всем стоять на месте. Отдачу энергии не прерывать.

Бомбы ударялись о поверхность купола, расплываясь по нему страшными огненными цветами. Взрывы с запозданием отдавались на земле — уши заложило, желудок подскочил к горлу и, кажется, пытался выпрыгнуть с каждым новым ударом. Судя по звукам, неподалёку кого-то всё же рвало. Марк не видел кого — поле зрения беспощадно сузилось — да и не сильно интересовался, свой-то ужин бы на месте удержать.

Грохот стих, и стало немного легче. Марк снова поменял руку и задрал голову к куполу, одновременно стараясь зевнуть, чтобы разложило уши.

Железные птицы опять снижались, заходя с севера, с той стороны, где располагалась Форса. Марк покосился на остальных. Было немного неуютно без привычного ощущения чужих эмоционалов вокруг. Мелькнула мысль: не снять ли ограждение? Нет, нельзя — все слишком взбудоражены, а то и напуганы. Сейчас не лучшее время падать в обмороки.

Корона лежала в низине, между шестью холмами. На вершинах каждого возвышались поддерживающие купол башни, и с каждого было отлично видно всё, что происходит на других. Возле второй вышки, торчавшей за жилыми корпусами Форсы, ничего хорошего сейчас не происходило — к ней летели сразу пять снарядов.

В этот раз они встретились с куполом в одной точке и почти одновременно. Огненное сумасшествие стремительно расплескалось по поверхности белого щита над башней, выпростало щупальца вверх и в стороны почти на полкупола. А ударная волна последовала такой силы, что буквально сбила с ног.

Марк ощутимо приложился спиной, но тут же вскочил, вернул руку к сборнику, не обращая на боль никакого внимания — судорожно ощупывая взглядом купол. Неужели цел?

— Цел! — голос Ортея звучал приглушённо, хотя тот почти кричал. — Улетают!

Шестая семья — некоторые так и остались сидеть на земле — с облегчением следила за удаляющимися летучими машинами. Следила, не отводя глаз, до тех пор, пока те не скрылись за линией горизонта. Потом замолчала тревога — Марк удивился, осознав, как успел привыкнуть к ритмичным тройным содроганиям. Наступившая тишина казалась оглушающей. Даже разрозненные ликующие крики странным образом оказались неспособны её разорвать.

Белый щит вздрогнул и медленно пополз вниз.

— Почему не в постелях? — устало спросил Ортей. — Скоро полночь. Завтрашнюю разминку никто не отменял, учтите.

Десять пар глаз со всех уголков гостиной уставились на него с ожиданием. Куратор фыркнул и бухнулся в свободное кресло.

— Ещё шесть корон в других странах, — проворчал он. — Всех бомбили в то же время, что и нас. Только вот наша Кумсора, считайте, легко отделалась. В Сабльшо и Арея-Верджи не успели поднять белый щит. Половина населения легла в обморок. Несколько сотен детей и стариков погибло.

Итина охнула, Камайла прижала ладонь ко рту, Вадай издал негодующий вопль, Виольна — ошеломлённый. Марк снова поспешно оградился.

— Это уже не нормально, — возмущённо произнёс Ильдан.

— Ясное дело, не нормально! — тут же вскинулся Вадай. — Орт, что в штабе говорят про ответные меры? Мы же не можем проглотить это всё и дальше отсиживаться под куполом!

— Не можем, — согласился Ортей. — Только вот кто это — «мы»? Ты всё равно ещё

далеко не боец, так что сиди на попе ровно.

— Орт, не придирайся к словам, — одёрнула старшего Виольна. — Вад имел в виду: собирается Ареноса отвечать людям или нет?

— Не решили ещё, — лаконично ответил нотт. — Думают. Пожалуй, дело пошло бы быстрее, если бы кто-нибудь закрыл рот Ликтору — тот разглагольствует активнее нашего Вада и примерно в той же наивной плоскости...

— Мне кажется, не стоило бы отвечать, — вмешалась Азира. — Ясно же, что это провокация. И если мы поведёмся, то только...

— С ума сошла?! — вытаращил Вадай глаза. — Они бомбили нас! В других коронах — рены погибли! А если бы там было не пять летунов, а пятьдесят? Куполу бы трындец...

— Ничего подобного, — ухмыльнулся Ортей. — Купол очень прочный. Даже без белого щита. Зуб даю, что Борс вам рассказывал.

— А зачем тогда белый щит? — быстро поинтересовался Талат. — Столько энергии...

— Чтобы не трясло, — пожал куратор плечами. — Гасит ударную волну. Ну и ещё... кое-что. На крайний случай.

— Так когда объявят решение? — тихий голос Карины с непонятной лёгкостью перекрыл поднявшийся шум.

— Должны уже скоро, — Ортей вытащил из кармана маленький переносной звуач. — Обещали сообщить.

Все уставились на механизм, словно он вот-вот должен был заговорить.

— Можете остаться, — после паузы сдался куратор. — Но повторяю: завтра подъём как всегда в шесть. От того, что вы узнаете решение через час или утром, никому ни холодно, ни жарко. Кто останется — заварит мне чаю.

Ребята переглянулись. Виольна махнула рукой и потянула вяло сопротивляющегося Ромена за собой. Ильдан остался на месте, но настойчивым жестом указал Камайле на лестницу. Та покорно поплелась наверх. Итина устало зевнула и последовала за ней. Талат умоляюще сложил руки, и Азира, поколебавшись, кивнула. Карина без лишних слов отправилась на кухню греметь чайниками, и Марк счёл это молчаливым разрешением.

— Получается, у Кумсоры нет оружия против врагов в воздухе? — вполне предсказуемо не вытерпел Талат через минуту тишины.

— Наверное, есть, — пожал плечами Ортей. — Просто вряд ли о нём рассказывают каждому альбу — берегут на крайний случай.

— Сегодня был крайний, — буркнул Вадай. — Не использовали — значит, нету.

— Существует договор, — начала Азира, — по которому Ареноса не имеет права использовать воздушное пространство...

— ...для передвижения! — раздражённо перебил Вадай. — Я помню его не хуже тебя. Там ничего не сказано о воздушном оружии. Да и какой, к чёрту, договор! Сегодня люди разорвали все договоры...

Он не успел закончить — Ортей вскочил. Марк и сам почувствовал что-то неладное. Несколько секунд у него ушло на то, чтобы осознать: во-первых, среди окружающих его уже знакомых эмоционалов внезапно возник ещё один, совершенно чужой. А во-вторых, ровный и непроницаемый эмоционал Карины исказился таким толчком, что Марк снова почувствовал необходимость оградиться.

А куратор уже гигантскими прыжками рванул на кухню. Марк, не мешкая, кинулся следом.

Карина с пожелтевшим лицом замерла спиной к плите, боком к ногам. Её руки сжимали кружку Ортея, но нещадно дрожали, и содержимое лилось на пол. Взгляд был прикован к мужчине напротив — такому же смуглому, как и она, чернобородому, облачённому в странные одежды из кожи и грубой некрашеной ткани. Их двоих разделял обеденный стол, но это расстояние казалось Карине слишком маленьким, судя по тому, как она вжалась в плиту.

— Атры — назад! — скомандовал Ортей, и Марк послушно отпрыгнул вглубь коридора, утянув за собой Талата.

Вовремя — мимо прощуршила мощная ударная волна Ильдана, звякнул барьер Азиры, затем второй барьер — Вадая, и тут же новая волна рухнула с потолка, повинувшись движению руки Ортея.

Однако, если не считать сбитой со стены картины, сорванных занавесок и опрокинутых стульев, никаких результатов атака не дала — чужак даже не шевельнулся, лишь бросил в их сторону стремительный взгляд. Марк успел рассмотреть его глаза — чудовищно глубокие, чёрные, как бездна... Знакомые глаза.

— Не надо! — выкрикнула Карина, переводя глаза на товарищей, и тихо добавила дрогнувшим голосом: — Бесполезно...

— Ты кто? — грубо обратился к пришельцу Ортей на авийском языке, держа руку наготове для удара. — Как попал в корону?

До Марка дошло, что так настораживало в чужаке: тот не был реном. Это казалось невозможным — но тот был человеком.

— Без особых проблем, — отозвался низким хриплым голосом чужак и снова повернул лицо к Карине, словно бы утратив к куратору интерес.

Та резко вдохнула и быстро заговорила на каком-то причудливом языке, которого Марк никогда раньше не слышал: острые перекаты чередовались с певучими гласными и щёлкающими звуками.

— Сар-банор не для чужих ушей, — сердито сдвинув густые чёрные брови, перебил её вторженец и небрежно махнул рукой в сторону шестых. — Говори по-авийски...

Его отвлекло резкое движение за спиной: это Вадай метнулся к нему с карманным ножиком в руке — судя по возмущённому восклицанию Ортея, без приказа. Марк не видел, что сделал чужак — но парень, не добежав до противника, безмолвно рухнул на пол. Азира охнула и кинулась к нему, едва успев подхватить.

— Он в порядке, — успокоил ренов человек. — Сейчас очнётся. Не мешайте, — и снова повернулся к Карине.

— Не трогай их, — уже гораздо спокойнее произнесла она. — Делай, что хотел, и уходи.

Марк отметил, что она переместилась чуть вбок, а её рука как бы невзначай легла на кухонный стол — всего в десятке сантиметров от ножа для мяса.

— Я хотел увести тебя с собой, — усмехнулся чужак. — Ты пойдёшь?

— Зачем? — краска, вернувшаяся было на лицо девушки, снова покидала его. — Чтобы убить?

— Убить мы могли тебя очень много раз, — невозмутимо отозвался тот. — Но ты жива. Ты сарбанидка и моя дочь. Твоё место в племени, а не среди колдунов.

Наступила очень долгая пауза. Марк, не в силах до конца поверить ушам, старался переварить информацию. Сарбанидка? Одна из человеческого народа, что называл себя

смертельным врагом ренов и когда-то держал Ареносу в страхе? И сейчас посреди уютной кухни стоит её отец?

— Я колдунья, — почти шёпотом произнесла она. — Моё место здесь.

Сарбанид несколько секунд молча смотрел на неё, перевёл глаза на застывших в шоке ребят, оглядел их с ног до головы, словно только что заметил, долго изучал Ортея, потом окинул неторопливым взором кухню, коридор в гостиную, лестницу, ведущую наверх.

— Не пойдёшь? — спросил наконец.

В его голосе Марк не слышал ни злобы, ни угрозы, но Карина, отчаянно мотнув головой всё же схватила нож. Глаза горели чёрным пламенем, верхняя губа чуть приподнялась, позвериному открывая в оскале зубы. В позах старших тоже что-то неуловимо изменилось.

Шестая семья приготовилась драться до конца.

— То, что случилось сегодня — только начало, — без выражения произнёс сарбанид.

Марк прикрыл глаза и сконцентрировал в правой руке энергию для удара. Но стоило открыть их через мгновение — чужака уже не было. Растерянные рены молча таращились на то место, где он только что стоял.

Карина выронила нож. Он со стуком упал обратно на стол.

— Молчать? Ты серьёзно, Орт? — светло-карие, почти рыжие глаза пришедшего в себя Вадея полыхали бешенством. — С какой радости мы должны покрывать эту пришлюю?

— В штабе и так всем всё прекрасно известно, — ровным голосом ответил куратор. — То, что сейчас произошло, ничего не изменит. Разве что даст дополнительные карты в руки... не тем ренам.

— С каких пор ты делишь руководство на «тех» и «не тех»?

— Сам знаешь с каких, — Ортей говорил тихо, но с нажимом; его глаза не отрывались от лица Вадея. — И мне, кстати, кажется, что ты всё стремительней перекатываешься к «не тем». Так, Вад?

— На что это ты намекаешь? — не скрывая враждебности в голосе, произнёс тот.

— Не понимаешь намёков — скажу прямо: мне не нравится твоё увлечение идеями Ликтора.

— Да, мне по душе его идеи, и что? С каких пор это запрещено — соглашаться с тем, что говорит кто-то другой?

— Соглашайся на здоровье. А вот заниматься глупостями, которые некоторые начинают творить, насогласавшись до потери здравого смысла, уже может быть запрещено.

— У тебя нет доказательств, — усмехнулся блондин. Марк, однако, уловил напряжённый всплеск в его эмоционале.

— Нет, — без улыбки подтвердил Ортей. — Пока.

Вадай с отвращением поглядел на куратора.

— Шантажируешь? Грязно. Вот поэтому... — он ткнул пальцем в сторону Карины. — Поэтому я и не хотел, чтобы *ты* становился куратором.

Он развернулся и психованной походкой отправился к лестнице.

— Завтра поговорим о твоём наказании, — крикнул Ортей вдогонку, — за неповиновение приказу в боевой ситуации.

Он обернулся к оставшимся. Азира и Ильдан украдкой глянули на притихшую Карину, словно опасаясь за неё. Но та сидела с вполне обыденным видом, лишь зябко обхватив плечи руками. Талат переводил слегка напуганный, но больше возбуждённый взгляд с одного

старшего на другого. Марк решил подать голос:

— А нельзя ли нам рассказать, что происходит? Раз уж мы оказались свидетелями...

Ильдан вопросительно поднял брови на Ортея.

— Многовато событий для второго дня в Форсе, а? — вздохнул куратор, помолчал и махнул рукой: — Валяйте. Хуже уже не будет.

Ильдан перевёл такой же взгляд на Карину.

— Без меня, — монотонно буркнула она, вставая из-за стола.

Впрочем, тут же застыла: из приёмника донёсся нарастающий треск: начиналась передача.

— На связи аргент второго каранта Симрон. Сообщаю итоги срочного совещания лидеров Кумсоры. Поскольку договор с организацией «Мост» разорван, а также совершена атака с воздуха на купол короны, решено мобилизовать активные силы Форсы, Медики и Тиары, входящие в основные пять карантов. Начать подготовку добровольческих формирований в остальных секторах. Дальнейшая информация непосредственно у командиров карантов. Завтра в семь ноль-ноль в штаб-корпусе Форсы состоится общее собрание командования подразделений, не входящих в названные каранты. Явиться всем аврам, аргентам, а также кураторам учебных семей.

Передачик замолк.

— Ликтор всё же не зря разглагольствовал, — вздохнула Азира.

— Анта определили в третий карант, — пробормотал Ильдан. — Ольна не обрадуется.

— И Борс в четвёртом, — мрачно добавила Карина.

Она вздохнула и вспомнила, куда шла. Пока Азира и Ильдан продолжали обсуждать знакомых из карантов, которым предстояло выйти за купол, Марк украдкой следил за наставницей. Уже у самого выхода Ортей поймал её за запястье и, не говоря ни слова, некоторое время напряжённо смотрел в глаза, явно что-то мысленно втирая. Карина стойко выдержала этот взгляд, коротко кивнула и выдернула руку.

— Так что там с сарбанидами? — не вытерпев, перебил увлёкшихся старших Талат.

— А... да, — Ильдан снова глянул на Ортея, словно в поисках поддержки.

— Сами пообещали — сами рассказывайте, — открестился куратор и смылся следом за своей младшей.

Марк с Талатом в ожидании уставились на Ильдана и Азиру. Те переглянулись.

— Давайте завтра, ребят, — умоляющим тоном произнесла рубра. — Честное слово, расскажем! Смотрите на время. Ортей нас утром жалеть не будет.

Талат издал разочарованный стон.

— Да, хватит с вас сегодня новостей, — Ильдан демонстративно потёр глаза. — Спать.

Глава 4. Степени свободы

Следующий день пролетел в сонном тумане. Невыспавшиеся, встревоженные событиями прошлого дня шестые молча отправились на разминку раньше обычного, чтобы куратор успел на собрание. Все избегали встречаться взглядом с Виольной. Последняя была мрачнее тучи. Марк с лёгкостью мог проследить нить её мыслей: если бы чёртов Ортей не вылез в кураторы вместо Антиса, её муж бы остался в короне, с семьёй.

На пробежке удалось немного схалтурить, пользуясь тем, что Ортей то и дело отвлекался, останавливаясь перешушукаться о чём-то с форсами из других семей. Дольше всех шушукался он с беловолосой кураторшей пятой семьи, Анисой. Марк с удивлением перехватил направленный на неё неприязненный взгляд Карины. Чего это она?

После лекций (несколько сумбурных, потому что преподаватели явно думали о другом) атрам велели зайти в корпус обеспечения. Там их обрадовали увесистыми свёртками с новой формой, и через некоторое время Марк уже всюду вертелся перед зеркалом в своей спальне. Чёрный цвет вместо привычного тёмно-синего ему очень шёл. Да и покрой оказался куда удобнее и даже изящнее: свободные, но не болтающиеся штаны, рубахи без пуговиц с вырезом «лодочкой», мягкие и тёплые кофты с высокой горловиной. Всё из приятной, слегка тянущейся ткани и с вшитыми номерками на изнанке — чтобы не путать при стирке.

— Почему номера? — поинтересовался Талат у Азиры, когда они спустились на кухню перед ужином. — Почему не имена, как в школе?

— Чтобы не выдавать информацию о вас врагу, если возьмёт в плен, — зловеще пошутил Вадай и обратился к Азире, колдующей одновременно над несколькими блюдами: — А что у нас сегодня, праздник какой?

— Не скажу, — на удивление весело ответила та и обменялась заговорщическими улыбками с помогающей ей Итиной.

Вадай ещё несколько минут смотрел уже ей в спину очень странным взглядом. Марк ощутил всплеск в его эмоционале и, как порядочный нотт, попытался отстраниться, понимая: он тут лишний. Но мысль упрямо вертелась в голове: если Вадай влюблён в Азиру, почему смотрит на неё с недобрый предчувствием и даже испугом?

Скоро, впрочем, всё прояснилось.

Посреди ужина нарисовался неожиданный гость — Изкор из пятой семьи. Под удивлёнными взглядами шестых он с виду уверенно (хотя Марк чувствовал его волнение) прошёл к столу и сел с краю. Итина с готовностью положила ему на тарелку еды и налила морс.

Когда в разговоре возникла пауза, Изкор прочистил горло и слегка дрогнувшим голосом начал:

— С верховий ветер, песнь свистящий, с низин ручей, стихи журчащий, с глубин песок, мечты хранящий, в свидетели зову: от горя заслоню собою, от зла и от беды укрою, всей жизни путь пройду с тобою, женою назову!..

Шестая семья взорвалась ликующими возгласами: во время короткой речи Изкора все терпеливо хранили тишину. Марк, не отставая, покосился на остальных. Только Карина улыбалась рассеянно и лишь краешком рта (если подумать, нормальной улыбки за эти четыре дня он у неё не видел, как и не слышал смеха); да ещё Вадай сидел, натужно растянув губы и глядя куда-то в сторону.

Пауза, отведённая под выражение эмоций, закончилась, и Азира продолжила:

— Пусть слышат птицы в небе синем, пусть знают звери на равнинах, пусть помнят рыбы вод глубинных зарочные слова: лучом во тьме, ручьём в песках, плечом в беде, улыбкой в снах, цветком в душе, мечом в руках — с тобой, мой муж, жива!

Ареноса не регистрировала брак, как это делали люди. Не было необходимости. Детей рены заводили редко — они никогда не рождались магами, а в коронах людям было не место. Как результат — и семьи в человеческом понимании не существовало. Контролировать же отношения взрослых ренов лидеры считали недопустимым.

Собранные в короне вперемешку, из разных стран и народов, ареносцы чаще всего помнили традиции своих родителей, но редко ими пользовались. Вместо этого за века существования они создали собственные. Такие, например, как свадебные стихи.

Вадай встал из-за стола и побрёл прочь. Среди поднявшегося шума этого никто не заметил: только Итина проводила своего наставника недоумённым взглядом, а Ортей — слегка насмешливым. Марк растерянно посмотрел на куратора: может, стоит что-нибудь сделать? Тот закатил глаза и пожал плечами, потом безразлично кивнул ему в сторону двери: неймётся — попробуй.

В этот момент хлопнула дверь — пришёл Антис. Марк задержался, и не зря. Выслушав радостную новость от Азиры и Изкора, альб вяло их поздравил и отблагодарил грустной: выход мобилизованных карантов был назначен на следующее же утро. Не желая смотреть на вытянувшиеся лица ребят и — тем более — Виольны, Марк поспешил за Вадаем.

Он нашёл старшего на просторном балконе второго этажа. В одной рубашке тот стоял, облокотившись на чёрные кованые перила, и глядел вниз, где раскинулась Форса, а за ней и вся корона, мерцающая огнями. На вышедшего Марка покосился раздражённо, но ничего не сказал.

— Холодно же, — возмутился Марк.

— Зайди в дом, — равнодушно посоветовал Вадай. — Чего вообще выперся? Иди к ним, там весело.

— Не люблю, когда шум, — совсем не соврал Марк. — По мозгам бьёт.

Он прикрыл глаза и прогнал по телу лёгкую волну магии, согреваясь. Действенный приём, но энергозатратный.

— Она знала? — спросил вполголоса.

— Не твоё дело, чёртов нотт, — огрызнулся Вадай.

Марк не обиделся.

— Не моё, прости.

Помолчали, разглядывая ночной пейзаж внизу. Ровные полосы лесопосадок разделяли сектора, а разноцветные линии фонарей обозначали их границы. Слева синими огнями была очерчена Механа, дальше по часовой стрелке зелёными — Тиара, жёлтыми — Тудора, оранжевыми — огромная Серва, красными — Медика; а прямо справа от них, за второй вышкой, мерцали белые фонари Ритмы.

Дыхание вырывалось изо рта густым паром. Марк, плавно поворачивая голову, наблюдал, как пар меняет свой цвет, пропуская сквозь себя сияние разных секторов.

— Не знала, — неожиданно, с вызовом в голосе произнёс Вадай. — Какой смысл?! У них там грёбаный взаимный кнотис, радость-счастье, тишь да гладь. На хрена я ей сдался со своим?..

— Не сдался, — согласился Марк, не глядя на старшего. — Ну и что? Взаимный кнотис

— очень редкая штука. Многие и без него живут. Например, мои опекуны — у обоих есть, и не друг на друга. И ничего, шикарная пара. Кнотис — это же не счастье, это как болезнь, понимаешь? Если всё время вместе, а потом расстаёшься, даже ненадолго — тяжело, такая побочка. А если вдруг...

Он не договорил. Со вчерашнего дня это «вдруг» почему-то превратилось из призрачного допущения в реальную страшную возможность.

— Пошёл к чёрту, — оскалился Вадай, но злости Марк не чувствовал. — Младше меня на четыре года, и будешь мне лекции про кнотисы читать?

— Не буду больше, — сдался Марк. — Прости.

— Эй, нотт, — голос Вадая догнал его уже на пороге в дом. — Не разболтаешь ведь ей?

— С ума сошёл, — мрачно отозвался Марк. — Кодекс ноттики строго запрещает...

— Да знаю я, — перебил рубр, свернув глазами, — про ваш кодекс. А ещё хорошо знаю одного нотта, который плевать хотел на все кодексы и предписания. Что неоднократно доказывал.

— Да? — удивился Марк такой характеристике куратора и поспешно пообещал: — Не разболтаю. Правда.

— Только учтите, — предупредила Азира. — Никому! Даже нашим.

— Ясное дело, — с готовностью кивнул Талат.

Они сидели вчетвером в комнате Азиры и Талата.

Ильдан вздохнул и начал рассказ очень издалека. Марк слушал с интересом, хоть и знал почти всё, о чём говорил рубр.

Сарбаниды, кочевое племя, не признавали сидения на одном месте. Но в отличие, например, от дикарей-фетов, они с готовностью пользовались доступными им благами цивилизации. Жили с разведения скота и торговли; а ещё, останавливаясь вблизи селений и городов, давали грандиозные представления с песнями, танцами, цирковыми номерами и театральными постановками. Равных им в этом деле было мало, и люди сарбанидов скорее любили. Злые языки, правда, поговаривали, что кочевники не чураются воровства и мошенничества.

Зато поистине легендарна была ненависть сарбанидов к ренам. Она уходила корнями в древность и обросла множеством преданий — какое из них истинно, вряд ли кто уже сказал бы. Венец «защитников человечества от колдунов поганых» кочевники носили с гордостью.

Они утверждали, что в Сар-Ба Нидже не рождается ренов. Ложь, конечно. Рены рождались везде, во всех уголках мира и у всех народов. Оставался неприятный вопрос: что делают «защитники» с младенцами, в ладошках которых находят загустень?..

Допустим, один такой ребёнок даже выживет — по жалости родителей, например — да всё одно: в отрочестве придёт страшный момент под названием «темпус». Неконтролируемая сила ворвётся в сосуды, выплеснется через точки выхода — а помочь маленькому магу сможет только взрослый рен, пропустив сквозь себя энергию, которая иначе просто убьёт хозяина.

Впрочем, по слухам, бывали случаи, когда рены выживали и сами, каким-то образом умудрившись взять поток энергии под свой контроль. А что, если два таких редких случая вдруг совпали?

Талат, с открытым ртом слушавший Ильдана, встрепенулся:

— Но когда у Рины наступил темпус — остальные сарбаниды должны же были понять,

что она ренна?

Ильдан пожал плечами.

— Этого мы не знаем. Она не рассказывала.

— Говорила только, что после темпуса ещё два года жила в племени, — добавила Азира. — Пока однажды на её семью не напали. Какие-то бандиты, что-то не поделившие с сарбанидами. Отца, — она поёжилась, явно вспоминая вчерашнего гостя, — дома не было, и они принялись издеваться над Кариной, её матерью, сестрой и братом. И она не выдержала.

— Использовала магию? — с любопытством спросил Талат.

— Ну как использовала, — Азира снова переглянулась с Ильданом. — Пользоваться же толком не умела. Просто выпустила, даже не понимая, что делает. Ну и не рассчитала.

— Убила?

Рубра кивнула.

— После такого скрываться дальше не получилось бы, — заметил Марк, представив себе картину.

— Она и сбежала, — подтвердил Ильдан. — Сначала во внешний мир, бродяжничала какое-то время...

— А как попала в корону? — поторопил Талат.

— Вот тут-то самое неприятное, — рубр усмехнулся. — Если бы это было всё, Вад бы так не бесился. Не в корону она попала, а к мендийским монахам.

— К мендийцам?! — ужаснулся Талат.

Все удивлённо уставились на него.

— Я же родом из Мендры, — пояснил он. — В нашем городе ими детей пугают. Да и взрослые ещё до сих пор боятся, хотя они давно не приходили...

— А что плохого в том, что Рина попала к ним? — поинтересовался Марк.

— Понимаете, — деликатно начала Азира. — Чем славятся мендийцы, так это своими обманными приёмами, гипнозом... Они умеют так ловко лгать и притворяться, что никакой нотт не раскусит. И если предположить, что...

— Что Рина — шпионка мендийцев? — недоверчиво предположил Талат.

— Или сарбанидов, — понял Марк. — Случись тем заключить с монахами союз.

— Вы сами всё сказали, — развёл Ильдан руками.

— Но... в ноттике же есть приёмы погружения в сознание, — вспомнил Марк. — Почему Орт или даже кто-нибудь из штабных ноттов не пробовал?

— Они пробовали, — тихо сказала Азира. — Только не напоминай ей об этом, она начинает злиться...

— Но почему тогда?..

— Орт говорит, что воспоминания и эмоции можно подделать, — поспешно пояснил Ильдан. — Заставить нотта думать, что он видел то, чего на самом деле не было.

Повисла пауза, которая была прервана, конечно, Талатом:

— И сколько лет назад?..

— ...Её взяли в корону? — усмехнулся Ильдан. — Она говорит, что сбежала от мендийцев в без малого пятнадцать лет. И сразу отправилась искать ареносцев. Наткнулась на одну из баз Ритмы...

— Сбежала?! —

— Она так говорит, — деликатно вмешалась Азира. — Вад, конечно, уверен, что это не так, но лично я не вижу причин ей не верить.

— То есть, она в короне всего пять лет? — быстренько посчитал Марк.

— Почти шесть, — кивнул Ильдан. — Её привезли в начале весны, и ей только потом исполнилось пятнадцать.

— Понятно тогда, почему она иногда так... странно говорит.

— Она вообще не знала нашего языка, когда к нам попала, помнишь, Ильд? — улыбнулась Азира. — И силу не умела контролировать, и даже элементарно вести себя...

— Но она талантливая девочка, — поддакнул Ильдан. — Быстро подтянулась. Между прочим, это Ольна её сразу, ещё в школе, под крыло взяла. Очень помогала ей во всём. Ну и я... Мы с Ольной тогда были вместе, — мрачно закончил он, отводя взгляд.

Марк удивился, обнаружив очередной кнотис. Хорошо же Ильдан его скрывал. Или не скрывал, а подавлял?

— Ещё вопросы есть? — устало спросила Азира, поглядывая на часы.

— Не то чтобы, но... — начал Талат, да быстро затих под грозным взглядом наставницы.

— Раз нет, тогда спать, — приказала рубра. — И смотрите мне, никому!..

Закончили сплетничать? Сюда иди.

Марк застонал. Что, серьёзно? Ортей намерен заниматься с ним в такое время? Кажется, в Форсе не в курсе, сколько часов в сутки должен спать здоровый рен.

— Не смотри так, я быстро, — фыркнул куратор в ответ на его умоляющий взгляд. — Просто напомню. Забыл ведь про задание, признавайся?

— А вот и нет, — буркнул Марк, прекрасно понимая, что Ортей чувствует его наглое враньё. — Я уже почти все эмоционалы собрал, а у меня ещё сутки времени до конца срока.

— А как же Рина? — куратор насмешливо поднял брови.

— А, Рина... — Марк слегка растерялся, но ненадолго: — Но ты же мне расписку так и не дал. А я под свою ответственность отказываюсь насильно вторгаться в чужое сознание. Тем более после того, что только что узнал...

Ортей несколько секунд глядел на него круглыми глазами, а потом расхохотался и полез в ящик стола за карандашом и бумагой.

— Вот, держи, горе ты моё законопослушное, — всё ещё похихикивая, он вручил Марку готовый документ. — Смотри, теперь не отмажешься. Завтра вечером чтобы всё было. Только постарайся заставить её врасплох, а то отобьётся.

Когда Марк, вчитываясь на ходу в размашистый почерк куратора, вошёл в комнату, Карина выглянула из-за своей двери.

— Ты где был?

— У Орта, — брякнул часть правды Марк и поднял глаза на наставницу.

На ней оказалась только белая майка и белые же короткие шортики. Наверное, что-то вроде пижамы. Чертовски мало, учитывая её привычку укутываться потеплее. Да ещё маленький прозрачный камушек свисал с шеи на длинном шнурке.

— Блин, прости, — он поспешно отвернулся.

— Брось, — она фыркнула. — Ты что как маленький?

— А... Да. Ладно, — и правда, чего это он. Было бы ещё, на что смотреть.

— Всё нормально?

Он встретился с ней глазами. Нет, не нормально, хотел бы он сказать. Я сегодня много интересного узнал. Сарбанидка, убийца, мендийка, шпионка? Весело, наверное, живётся.

Никто кругом не доверяет. Сколько ноттов побывали уже в сознании? Даже собственный наставник — и тот с лёгкостью даёт разрешение практически незнакомому рену снова это сделать...

— Нормально, — улыбнулся он.

Сейчас? Но для этого нужно преодолеть разделяющие их несколько метров комнаты, положить ладони ей на виски... А она ещё в этой дурацкой майке.

— Я спать. Спокойных снов.

— Спокойных, — отозвалась Рина.

Он не видел её лица.

Эта мысль преследовала его всё следующее утро. Мысль о том, что ему придётся сделать. Как отреагирует наставница? Что, если это испортит их отношения надолго, если не навсегда? И никакая расписка не поможет...

К обеду он твёрдо решил, что вечером отправится к Орту и откажется. И пусть тот накладывает любое наказание. Будет сильно давить — Марк пойдёт жаловаться в штаб. Кодекс ноттики никто не отменял, в конце концов.

После обеда, впрочем, он снова засомневался. У него уже получалось более-менее уверенно отследить по нитям эмоционалы каждого рена в семье — каждого, кроме Карины. А почему-то очень хотелось себе в коллекцию и его. Какой он? Что там так тщательно спрятано на дне этих тёмных глаз?

Ведь у него есть официальное разрешение куратора... Ему ничего за это не будет... Орт сказал: «она поймёт».

Всё же это тоже важный навык, который надо на ком-то тренировать.

— Жёсткий барьер, — скомандовала наставница.

Марк стремительным движением растянул перед собой поле. Импульс отскочил с лёгким стуком.

— Удар!

Прогнав энергию по правой руке, Марк выбросил её волной в барьер старшей.

— Почему всегда правой? — недовольно проворчала та.

— Я правша, — пожал Марк плечами.

— Используй обе, — её тон не допускал возражений. — Удар!

Ещё полчаса Марку пришлось попотеть, прежде чем наставница кивнула и предложила:

— Давай попробуем мягкие барьеры. Сядь.

Марк даже не успел увидеть, как она создала новое поле, которое теперь едва заметно отсвечивало в воздухе перед её ладонью.

— Когда создаёшь жёсткий барьер — или жёсткую волну — ты останавливаешь движение воздуха. Совсем. Оставляешь ему всего несколько степеней свободы: его можно двигать вверх-вниз, вправо-влево, вперёд-назад — но нельзя перемещать частицы внутри него. Что будет с твёрдым предметом, который ты бросишь в такой барьер?

— Стукнется. Отскочит, — пожал плечами Марк.

— Почему?

— Потому что застывшее пространство тоже ведёт себя как твёрдый предмет. И бить жёсткой волной — всё равно что швыряться камнями.

— А если я оставлю этому пространству больше степеней свободы?

Повинуясь движению тонких тёмных пальцев, барьер дрогнул, пошёл рябью и принялся переливаться, словно густая маслянистая жидкость, оставаясь при этом на месте и не меняясь в размере.

— Дотронься.

Марк протянул руку к полю. Оно оказалось податливым, как желе, но в то же время упругим — чем настойчивее он давил, тем сильнее оно отталкивало его пальцы обратно.

Карина свернула поле в шар и сжала его между ладонями.

— Но это же гораздо сложнее? — недоверчиво произнёс Марк.

— Сложнее, — подтвердила она. — Полностью обездвижить пространство просто. А вот ограничить его свободу в определённой мере...

— Прямо как в жизни, — неловко профилософствовал Марк, и старшая чуть заметно поморщилась. — То есть... Но какой смысл? Ведь и сила удара, и надёжность защиты тогда меньше?

— Ну, допустим, — протянула Карина, сжимая и расширяя пальцами шар текучей энергии, — тебе нужно остановить кого-то, не причиняя вреда. Передвинуть хрупкий предмет. Смягчить своё падение — от жёсткого поля будет болезненная отдача. Поддержать себя или товарища, чтобы не сбило с ног, когда собираешься высвободить очень мощный импульс. Вообще-то способов применения мягких полей в бою гораздо больше, чем жёстких.

— Понял, — Марк поднял вверх ладонь, концентрируясь.

— Двумя руками будет проще, — подсказала наставница.

С первой попытки вышло обычное жёсткое поле. Второй раз внутри уже можно было почувствовать намёк на движение, но не по всей площади. Ещё с десятков неудачных попыток, внезапное озарение — и вот между точек выхода уже бурлит полужидкая сфера, на вид ничуть не хуже, чем у Карины.

— Теперь растягивай.

К концу тренировки Марк уже едва держался, и когда старшая сообщила, что на сегодня хватит, облегчённо выдохнул:

— Наконец-то!.. А то уже рук не чувствую.

Он поднял на неё глаза и вдруг вспомнил, что ещё ему предстоит сделать. По телу разлилось неприятное ощущение. Или всё-таки не надо?

Трусишь, тихонько упрёкнул он сам себя. Сделал два шага вперёд и протянул руки.

Тогда, в школе, с Михом всё действительно вышло случайно. Друг спрятал где-то его рюкзак с учебниками и, помирая от хохота, отказывался признаваться где. Когда дело дошло до шуточной драки, обычного явления, в какой-то момент Марк обеими руками схватил Муха за голову. При этом в мыслях у него крутилось желание поскорей узнать, где рюкзак. Всё остальное произошло как-то само собой...

Но зато теперь он точно знал, что делать. Сломать тонкий лёд слабенькой, не ноттовой защиты. И нырнуть в сознание наставницы с одним чётким намерением: прочитать эмоционал.

Он успел — до того, как она поняла, к чему идёт дело. Успел один раз выдохнуть и на вдохе вобрать в себя ощущения. Дальше последовала ослепительная вспышка перед глазами, удар, нехороший хруст и резкая боль.

— ТЫ ОХРЕНЕЛ, НОТТ?!

Марк поднял голову. Карина застыла метрах в трёх, выставив ладонь вперёд; воздух перед ладонью ещё дрожал. Глаза полыхали чёрной яростью. Его самого отбросило аж к

противоположной стене, причём как-то боком, и боль расползлась от правой руки. Скосив глаза, он с ужасом обнаружил, что кисть вывернута под ненормальным углом. И с запозданием охнул.

Наставница моментом оценила ситуацию и оказалась рядом.

— Это *он* тебе велел, так? — с нажимом процедила она, осматривая его руку.

— Да... Прости. Я не хотел...

Она не слушала. Распахнув дверь, уже во весь голос звала Азиру. Та примчалась с круглыми глазами и почти сразу же. В дверном проёме замаячила любопытная физиономия Талата.

— Запястье, — кивнула Карина на Марка. — У тебя лучше получится.

— Ты в своём репертуаре, — вздохнула та, присаживаясь рядом с ноттом. — Парень четвёртый день в Форсе, а ты ему уже кости ломаешь.

— Я сам виноват, — быстро сказал Марк.

Азира лишь недоверчиво улыбнулась.

Когда Марк, с загипсованной рукой, вернулся от чуть не померевшего со смеху Ортея, Карина ждала его в комнате.

— Так зачем? — без предисловий спросила она.

— Нужен был твой эмоционал, — угрюмо отозвался Марк. — Иначе я не смог бы прочитать. Прости.

— Ты мог бы попросить, — она с недоумением покачала головой. — Просто попросить меня открыться. Неужели не подумал?

— Не подумал, — Марк зажмурился от стыда. — Вот идиот...

Он ждал, что наставница рассмеётся или хотя бы улыбнётся, но она лишь так же дёрнула уголок губ и спросила уже мягче:

— Как рука? Долго заживать будет?

— Зира сказала: дня два, но гипс лучше оставить и на третий день.

— Нам завтра идти знакомиться с опекунами, — Карина встала с диванчика, подхватила лежащую на полу книжку. — А ты у меня уже покалеченный. Спокойных снов.

— Мне правда очень стыдно, — воскликнул он, встрепенувшись. — Прости!

— Забудь, — она на секунду остановилась и тихо добавила: — Это Орт. Он так развлекается. На будущее: не ведись так легко.

Марк проводил её глазами. Эмоционал, который так хорошо — не в пример лучше других — отпечатался в его памяти, оказался очень необычен. Очень. И Марк пока даже не мог сказать, что же в нём его удивляло. Должно быть, решил он, это всё потому, что она провела своё детство не в короне. В отличие от них всех.

Глава 5. Первая ласточка

— Лидер?! — Марк встал у ворот гаража, неловко перехватив створку здоровой рукой. — Твой опекун — лидер Форсы?

— И его жена, — пожала плечами Карина, выкатывая свой циклофор.

— Почему ты раньше не сказала?!

— А если бы сказала — что? Ты бы оделся понаряднее? — насмешливо бросила она. — Расслабься, он просто рен.

— Он нотт, — буркнул Марк.

— От нотта слышу, — ровным голосом отозвалась Карина. — Тебе есть что скрывать?

Ортей ещё за завтраком напомнил, что квинса, последний день пятидневья, свободен от занятий в учкорпусе, но не от тренировок с наставниками. И что после обеда все должны съездить к опекунам, познакомить их со своими новыми напарниками. Так заведено.

— Не люблю ноттов, — попытался пошутить Марк, но наставница отрезала мрачно:

— Я тоже.

И она-то как раз вряд ли шутила.

Белоснежный кабинет деталями давил, действовал на нервы. Марк казался себе слишком тёмным, слишком крупным. И даже слишком шумным.

— Простите, что на работе, а не дома, — лидер Форсы говорил проникновенно, будто доверял им двоим некий секрет. — Сами понимаете: ситуация. Я последние дни отсюда вовсе не выхожу.

— Конечно, понимают, — весело воскликнула Тарита. — Прекрати манерничать, лидер.

Учинив наставнице по дороге краткий допрос, Марк успел узнать, что жена лидера трудилась преподавательницей во второй ступени школы, и ожидал увидеть средних лет женщину в тускло-жёлтой форме Тutory. Но эта девушка в воздушном ярко-зелёном платье выглядела очень молодо — слишком молодо. А лидеру-то почти пятьдесят. Такая разница...

Марк вдруг вспомнил, где он и кто перед ним, и поспешно подавил дурацкие мысли, опасаясь, как бы они не оскорбили лидера.

— И как ваше первое пятидневье? — поинтересовалась Тарита.

— Терпимо, — отозвалась Карина, обхватывая безупречно белую чашку с чаем ладонями, словно пытаясь согреться. — Ортей, правда, решил, что в этом году свободное время нам ни к чему, да и сон можно без проблем сократить на пару часов.

— Сообразительный молодой рен, — кивнул лидер. — Один из немногих, кто в полной мере понимает, к чему идёт дело.

— Его назначение всех очень удивило, — тихо, с едва слышной иронией произнесла Карина.

— Он хорошо справится с новой миссией, — в тон ей ответил лидер. Марк и Тарита молча переводили взгляды с одного на другую.

— А заодно и закончит старую? — не поднимая взгляда, добавила рубра.

— Именно.

Повисла короткая пауза. Марк внезапно почувствовал, что наставнице и правда очень холодно — но ёжиться или сутулиться, как дома, здесь она себе не позволяла.

— Несчастный случай на тренировке, должно быть? — попыталась спасти положение опекунша, кивнув на загипсованную руку атра.

— Да... — он заставил себя не смотреть на старшую. — Я сам виноват.

— Бывает, — мило улыбнулась она. — Рина, ты бы с ним помягче... Маркий, а чем ты увлекаешься?

— Можно просто Марк, — смутился атр. — Я... У меня специализация по дереву. Резьба. Читать люблю.

— Клавиолин, — напомнила Карина.

— А, да, — Марк с подозрением покосился на наставницу: на клавиолине, что стоял в углу гостиной, он играл лишь раз, и её тогда точно не было дома. Разве что Ортей слышал и рассказал. — Но я редко за него сажусь, особенно... сейчас.

— Да, боюсь, наши любимые занятия нам придётся до поры отложить, — с неподдельным сочувствием произнёс лидер. — Я так понимаю, Ортей уже приступил к твоему обучению?

— Очень настойчиво, — подтвердил Марк чуть более мрачно, чем собирался.

— Какому обучению? — быстро переспросила Тарита.

— Ноттике, — пожал плечами Марк.

— Вот как? — опекунша выглядела неприятно удивлённой. — Надо же... Старший нотт, младший нотт... Кажется, Карина в последнее время ими просто *окружена*, — при этих словах она метнула стремительный и яростный взгляд на мужа.

— Я заметила, спасибо, — тихо отозвалась рубра, изучая напиток в своей кружке.

— Совет планировал отправить Марка в пятую семью, — как ни в чём не бывало пояснил лидер. — Но я замолвил словцо, и вот он в шестой — рядышком с Ортеем, чтобы не бегать никуда на обучение. Всё остальное — просто совпадение.

— Конечно, — глаза Тариты метали молнии.

Марк тем временем складывал в уме два плюс два. Девочка с очень подозрительным прошлым попадает в корону — и попечительство над ней достаётся матёрому нотту, будущему лидеру Форсы. Через два года её берут в боевой сектор, которым теперь управляет её опекун, а в наставники определяют молодого нотта. Ещё через четыре года у неё уже свой ученик, и — надо же, какое совпадение — он тоже нотт. А если этого бы не требовалось? Ортей не стал бы куратором. Марк не попал бы шестую семью. Может, Марк вообще не попал бы в Форсу?

Вот как тут дела делаются, — горько подумал Марк и тут же получил мысленный ответ: — *Да, парень. Когда нет выбора, бывает и так.*

Он вздрогнул и уставился на лидера. Тот смотрел ему в глаза с улыбкой. Снисходительной улыбкой. Марк почувствовал поднимающуюся со дна души непонятную злость и поспешно отвёл взгляд.

— И как? — тихо спросила Карина после пяти минут езды в полном молчании.

— Не очень, — признался Марк.

— Что он тебе сказал?

— Кто?

— Лидер. Я же видела, вы переговаривались. Молча.

Марк помедлил.

— Просто подтвердил то, о чём я уже и сам догадался. Слушай... Я же не знал. Не знал.

что они так... следят за тобой.

— «Они»?.. — насмешливо дёрнула уголком губ наставница.

Он тут же вспомнил день посвящения — и тихий вопрос Карины: «Ты нотт?» Ещё какое-то время в задумчивости крутил педали и не сразу заметил, что порядком отстал. Поднажал и почти поравнялся со старшей.

— Говорю же: я не знал. Я не... не хочу за тобой шпионить. И не буду.

Она мягко затормозила. Зимние шины скрипнули шипами по укатанному насту. Некоторое время они просто стояли и смотрели друг на друга, не слезая с циклофоров.

— Спасибо, — она слабо, но уже почти по-настоящему улыбнулась. — Но лучше бы ты сначала разобрался в ситуации, а потом разбрасывался обещаниями. Всё, — она отмахнулась от его возражений. — Шевелись.

Они уже пересекли Ритму и теперь ехали через Медику. Этот сектор, в отличие от предыдущего, выглядел куда оживлённее: по улицам, пешком и на циклофорах, сновали медики в своих красных куртках или в повседневной одежде с алыми повязками на рукавах. Тут и там встречались и просто прохожие из других секторов, вроде них двоих.

— Маркий! Маркий!..

Сердце запнулось. Он притормозил и обернулся на знакомый голос. К нему, подхватив длинную юбку, бежала светловолосая девушка.

— Нилана!.. Что ты здесь делаешь?

— Учусь вообще-то, — фыркнула она. — Как дела? Ой... Что с рукой?

— Да вот... — Марк оглянулся на остановившуюся неподалёку старшую. — По опекунам ходим. Рука заживает, ничего особенного... Знакомься: моя наставница, Карина. А это Нилана, моя одногодница — и подруга.

Если Нилана и удивилась, то виду совсем не подала. Вежливо улыбнулась и кивнула.

— Поеду вперёд, догонишь, — велела Марку рубра, и он посмотрел на неё с громадной благодарностью.

— Как учёба?.. — начал было он, но Нилана перебила:

— Ой, Маркий... Тебя ждут, и мне, если честно, бежать надо, — на лице её легко читалась досада. — Может...

— Давай тогда встретимся где-нибудь? — перехватил инициативу Марк. — На следующую квинсу, в обед?

— Да! — обрадовалась девушка. — Давай! Где?

— В «Деревянном»? — предложил Марк, вспоминая свою любимую обеденную площадку в центре короны. — В два?

— Здорово! Договорились, увидимся!

Она убежала, а он покатыл догонять наставницу, изо всех сил пытаясь хоть немного унять глуповатую широкую улыбку, норовившую расплзтись на пол-лица.

— Поверить не могу, что ты теперь форс! — кричала Сиана с кухни во весь голос, а голос у неё был неслабый. — Садитесь за стол, я быстро!

— Тебе помочь? — предложил Марк, высвободившись из медвежьих объятий Лаксена и заглянув к опекунше.

— С ума сошёл! — та замахала на него прихваткой. — Ты — гость! Ещё и раненый. Сел за стол, быстро!

Это застолье в тесноватой, заставленной безделушками и фотокарточками гостиной

оказалось не в пример веселее чопорного чаепития в пустом приторно-белом кабинете лидера. Сиана, правда, требовала от своего подопечного невозможного: одновременно расправляться со всем тем, что она ему подкладывала на тарелку, и отвечать на её сбивчивые, перепрыгивающие с одного на другое расспросы. Марк усердно жевал (надо сказать, с удовольствием) и рассказывал. Повторять часто приходилось по нескольку раз — с набитым ртом не так-то просто говорить чётко.

Между тем он то и дело поглядывал на наставницу. Поглядывал с удивлением: оказывается, та отлично умела улыбаться. И говорила хоть и куда меньше, чем Марк — в основном тогда, когда Сиана что-то спрашивала напрямую у неё — но доброжелательно и бойко. Марк заметил, что опекунша подкладывает ей еды даже чаще, чем ему самому. Видимо, решила откормить, с усмешкой догадался он.

Лаксен, давно свыкшийся с фактом, что жене лучше не мешать, пока она не разузнает всё, что хотела, больше молчал и занимался едой. Но лишь только в разговоре появилась секундная пауза, тут же спросил:

— Девушку когда заведёшь?

— Уже почти, — не подумав, брякнул Марк.

Лаксен тут же демонстративно зажал уши. И вовремя — визг Сианы, наверное, слышно было по всей Серве. Даже Карина вздрогнула. Марк беспомощно глянул на закатившего глаза опекуна, вздохнул и приготовился к новой серии расспросов.

Когда вышли на улицу, уже темнело.

— Срежем через центр? — предложил Марк. — Быстрее доберёмся.

— Да, давай, — согласилась Карина.

Утомлённые долгими разговорами, они минут десять молча крутили педали. Потом Марк не выдержал и окликнул наставницу.

— М-м-м? — та явно вынырнула из каких-то своих мыслей.

— Почему ты не улыбаешься?

— Не улыбаюсь? — она демонстративно растянула уголки рта.

— Нет, — хохотнул Марк. — По-настоящему. И... при мне и ребятах.

Она пожала плечами и отвернулась.

— Не хочу. За причину считается?

Марк промолчал, но чуть погодя добавил:

— Тебе идёт улыбка.

Она фыркнула.

— Ладно. Хочешь — буду улыбаться. Мне лишний раз притвориться не трудно.

— То есть, сейчас, у моих... ты притворялась?

— Угу.

— Зачем?

— Чтобы не портить настроение остальным.

— Ясно, — Марк умолк, подумал. — Нет, тогда лучше не надо.

— Чего вы так долго? — недовольно выкрикнула Азира из гостиной. — Идите скорее, новости передают.

Шестые собрались в гостиной — кто на диване, кто по креслам. Только Ортей взгромоздился на длинный письменный стол у дальней стены, а Вадай вообще ходил туда-сюда по комнате. На низком столике в центре вещал незнакомым голосом переносной

передатчик куратора.

— ...в том числе города Вис, Ремиот и Трамегор. Расширена северная граница до рубежей Эспии, на востоке взят город Мельядиш, а следовательно, полностью восстановлен контроль над Севалией...

Сердце Марка ёкнуло, когда прозвучало имя его родного города. Мельядиш под контролем Ареносы. Каникулы на носу. Значит ли это, что он скоро сможет увидеться с родными, вопреки мрачным прогнозам? Или лидеры побоятся и не выпустят?

— ...Боевые силы Кумсоры потерь не понесли, — продолжал диктор. — В ходе столкновения в Ремиоте тяжело ранены четверо ренов первого каранта, их состояние не внушает опасений. В четвёртом каранте — двое тяжелораненых во время взрыва в Зиндре, угрозы для жизни нет.

Передатчик замолк. Марк невольно прислушался к облегчению, переполнявшему эмоционал Виольны.

— Надеюсь, Борс не из тех двоих, — нахмурилась Азира. — Почему они не назвали имена?

— Да ладно, расслабься, — беззаботно произнёс Ильдан. — Главное, все живы.

Шестые начали разбредаться по своим делам.

— И то правда, — задумчиво протянула Азира, а потом направила строгий взгляд на Карину с Марком. — Вы! Штаетесь непонятно где, мы без вас поужинали. Там осталось, будете?

— Не-е-ет, — простонал Марк, ощупывая набитый живот здоровой рукой. — Ни за что!

— Тебе самому разве не хочется выходной от меня? — угрюмо осведомился Марк после того, как Ортей снова утащил его к себе в комнату.

— То, чего мне хочется, далеко не всегда имеет значение, — веско отозвался куратор. — Сегодня две темы.

Марк привычно уже опустил на стул и выжидающе уставился на старшего.

— Кто такие нотты? — внезапно спросил Ортей.

— Рены, способные чувствовать эмоции окружающих, — пожал плечами Марк.

— Это ясно. Но почему? Почему остальные не могут, а мы — можем? Чем мы отличаемся?

— Никто не знает, — осторожно ответил атр, пятой точкой чуя подвох. — Вроде бы ничем.

— «Вроде бы», — передразнил куратор. — Но хоть какие-то догадки у тебя есть?

— Не задумывался... Может, и нет никакого отличия. Просто кто-то рождается со светлыми волосами, а кто-то — с тёмными. Кто-то — ноттом, а кто-то — нет.

— Если бы, — фыркнул Ортей. — На самом деле есть закономерности, и очень явные. Лови, — он бросил Марку на колени то ли тонкую книжку, то ли пухлую брошюрку. — Это домашнее задание номер один. Срок — три дня. Потом поговорим.

— Хорошо, — протянул Марк, разглядывая неприметную тёмную обложку. «В прошлой жизни я был ноттом». Серьёзно?

— Во-вторых... — Ортей уставился на младшего долгим задумчивым взглядом. — Мне, кстати, понравилось, как ты позавчера растолковывал Ваду, что такое кнотис. Хотел спросить: сам придумал или где вычитал?

— Вычитал, — буркнул атр, уже не удивляясь пугающим слуховым способностям

куратора. — Не помню где.

— И ты сам согласен с этой мыслью?

— Более-менее.

— А вот я полностью, — воскликнул Ортей, вскакивая. — Потому что это болезнь, так и есть. Вся развешанная вокруг романтическая мишура — полная чушь. Мы, в отличие от людей, почти не боеем: нам не страшны инфекции, опухоли, нарушения работы органов и прочие прелести. Даже травмы, смертельные для людей, мы лечим в два счёта. Но знаешь что? За всё надо платить. Мы платим — рассудком.

— Хочешь сказать, каждый рен, получивший кнотис — сумасшедший?

— Именно. А как ещё это назвать? Ты зацикливаешься на одном рене на всю жизнь, причём выбор часто оказывается совершенно неожиданным, вразрез с твоими предпочтениями. Дальше творится натуральное помешательство: это чувство занимает все твои мысли, мешает спать, учиться, работать... Ты становишься одержимым. А какой там, кстати, процент совпадения?

— Десять? — предположил Марк.

— Восемь. Остальные девяносто два, бедолаги, вынуждены всю жизнь прожить безответно влюблёнными. И хорошо ещё, если твой избранник, у которого нет кнотиса на тебя, будет так благороден, чтобы согласиться быть вместе. Или притвориться... Заметил ведь?

— Да, — мрачно кивнул Марк. — У Антиса нет кнотиса на Ольну. А она думает, что есть.

— Зато благородно, — пожал плечами куратор.

— Не поспоришь.

— Но самое паршивое, — продолжил Ортей, подходя к окну и поворачиваясь спиной, — это то, что те восемь процентов далеко не всегда счастливы вместе. Первичная эйфория однажды проходит, и ты обнаруживаешь, что твой суженый совсем не идеален. У него совершенно другие интересы, куча раздражающих привычек. Но при этом безумное влечение никуда не девается, и ты мучаешься: с ним — плохо, без него — ещё хуже...

— Зира и Изкор вроде бы неплохо ладят, — осторожно произнёс Марк.

— Зира и Изкор, — поморщился Ортей, — всего несколько месяцев вместе, и к тому же живут порознь. У них ещё всё впереди.

— Обидно.

— Ещё бы.

Ортей помолчал и продолжил:

— Возвращаясь к теме... Ну так что, это здоровое явление?

— Похоже, что нет, — согласился Марк. — Значит, все мы психи или ими будем... А к чему это ты?

— Нехорошее предчувствие? — ухмыльнулся Ортей. Марк кивнул. — Верно мыслишь... Мне нужно, чтобы ты подумал и назвал пять (целых пять!) безответных кнотисов внутри нашей семьи.

— Я не буду, — быстро сказал Марк. — Кодекс ноттики...

— К чёрту твой кодекс.

— ...запрещает обсуждать с другими ренами эмоциональные особенности окружающих, хранимые в секрете, — упрямо закончил Марк.

Ортей вздохнул:

— Послушай, атр... Забудь о кодексах и правилах, когда ты в этой комнате. Если ты действительно хочешь чему-то у меня научиться, то нарушений тебе не миновать. Но поскольку они все останутся в этих стенах, то и бояться нет смысла. Я тоже нотт, придурок! Ты же не думаешь, что скажешь мне нечто, чего я сам ещё не знаю?

— Нет, но...

— И потом, ты уже рассказал мне про Анта и Ольну.

— Это не... Я просто сказал, что ты и так имел в виду, — открестился Марк.

— Ну так представь, что всё, что ты мне сейчас скажешь, я точно так же имею в виду.

Марк молчал. Куратор насмешливо сверлил его своими светлыми глазами.

— Ну? — подбодрил он. — Их пять. Давай.

— У Вада к Зире, — тихо начал Марк.

— Раз.

— У Ильда к Ольне.

— Два. Дальше? Давай-давай.

— У Майлы ко мне, — еле слышно пробормотал Марк, чувствуя, как заливается краской.

— Какая трагедия, — безжалостно прокомментировал куратор. — Ещё два?

— Всё... Я больше не заметил.

— Печально, — без удивления кивнул Ортей. — Будет заданием номер два.

— Понял. Срок?

— Сколько понадобится, — старший неопределённо махнул рукой.

Утро уносы началось в пять часов — с уже знакомого сигнала тревоги, тошнотворной вибрацией сотрясавшего пространство под куполом. Сонные шестые стремительно собрались, стараясь не обращать внимания на сводивший внутренности судорогой страх, и, повинувшись приказу звуача на столбе, рванули к штабу. Там лидер с милейшей улыбкой сообщил всем, что тревога учебная, что они молодцы и что могут теперь спокойно отправляться по привычным делам.

В этот день Марк осознал, что у рубров учёба ничуть не легче их: Карина пыталась читать прямо во время тренировки и постоянно забывала, что Марк может работать только одной рукой. После отбоя он ещё долго в полудрёме следил за её эмоционалом: спать она так и не легла. Судя по всему, продолжала зубрить у себя в комнате.

Могла бы, кстати, не напрягаться: за завтраком на дуосу ожил переносной звуач Ортея. Весёлый женский голос сообщил, что занятий в тренировочном корпусе сегодня не будет, а вместо этого их семью вышвыривают на полевою тренировку на специальной площадке у западной границы купола. На два дня. Без снаряжения.

Последнее указание было буквальным. С собой не разрешалось брать ничего — ни палаток, ни спальников, ни даже еду. Пустое белое поле, заснеженное по колена, встретило их девственной чистотой. Пришлось под руководством старших сооружать из снега укрытия, разводить костёр из сырых веток, топить на нём воду для питья, удерживая её энергетическими полями за неимением посуды. Марк сразу же психанул и вопреки протестам Азиры содрал надоевший гипс с уже вполне здоровой руки.

Предприимчивый Ортей заполнил бездну освободившегося времени подвижными тренировками, благодаря которым даже двадцатиградусный мороз не так ощущался. Правда, к темноте тело уже отказывалось слушаться, желудок поминутно каркал от голода, а зубы

всё равно выбивали сумасшедшую дробь. На ощупь забравшись в свою с наставницей «палатку», Марк увалился набок и почувствовал, как спина Карины прижимается к его собственной — чтобы согреться.

Он с сочувствием подумал, что ей куда труднее. Дома она вечно мёрзла, куталась в плед; где остальные спокойно ходили в рубахах — упрямо оставалась в кофте. Наматывала на лицо шарф на улице. Однажды он подслушал, как Итина и Камайла сплетничают по этому поводу: «кожа да кости — чему греть-то?»

Как ни странно, хоть и через два слоя специального материала курток, тепло действительно вскоре разлилось по телу и позволило уснуть.

Треса выдалась тяжёлая. Желудок, с прошлого утра не получавший ничего, кроме топлёного снега, совершенно обезумел. Сил не было. Атры не выдерживали и вопреки запретам втихаря согревались, прогоняя по сосудам энергию. К вечеру осталось лишь одно желание — лечь где-нибудь в этот проклятуший снег и отрубиться. Уснуть или умереть — неважно. И только злыдень-Ортей упрямо и безжалостно не позволял этому желанию осуществиться.

Когда из звукача на одиноко торчащем с краю поля столбе раздался короткий приказ отправляться домой, Марк не поверил ушам.

Да и ужин, пусть наскоро сообща приготовленный, показался чем-то нереальным. Посреди тёплой светлой кухни, за нормальным столом и на нормальном мягком стуле, Марк уминал свою лапшу с тушёнкой и понимал, что ничего вкуснее в жизни не ел. Все уже собирались расходиться по комнатам, но тут подал голос передатчик.

— Внимание, итоги дня. Вторым карантом была предпринята попытка взятия города Беард в Эспие. Попытка провалена. Люди использовали ранее неизвестный механизм подавляющий магические способности ренов. Шестнадцать человек ранено. Жизнь пятнадцати вне опасности. Один в критическом состоянии. Двое погибли. Имена: альб Валент и аргент Джернок...

Шестые в ужасе переглянулись. Марк поспешно оградился.

— ...Первый карант успешно взял город Галливан, пострадавших нет. Четвёртый вошёл в Пенор и достиг города Фор. Трое раненых, жизни вне опасности. Город почти под контролем. Третий карант продолжает продвигаться на запад, за границу с Вирошем. Значимых столкновений не было, население мелких деревень сопротивления не оказывает. Завтра планируется атака на город Шаккаро.

Передатчик замолк, а шестая семья взорвалась восклицаниями.

— Двое погибли! — причитала Итина. — Погибли, ребята!..

— «Неизвестный механизм»! — орал её наставник. — «Подавляющий магию»! Я же говорил! Я вам говорил, вашу мать!!!

— Вад, умолкни! — прикрикнула Азира. — Как эспийцы ухитрились? У них же никогда не было приличного вооружения!

— Почему ничего не сказали про Зиндру? — запинаясь, лепетала Камайла. — Там подавили восстание или нет? Мои родители...

— Не сказали — значит, всё в порядке, — не слишком уверенно успокоил её Ильдан и ответил Азире: — Зато у Мендры вооружение всегда было. А Мендра — сразу за Эспиём. Ясно же, что помогли...

— Мне кажется, нам не взять Мендру, — растерянно почесал в затылке Талат. — Я же оттуда, я видел, какие штуки они последнее время научились делать. По-любому и в военном

деле продвинулись...

Марк встретился глазами с Роменом, как всегда молчавшим. Тот горестно покачал головой и отвёл взгляд.

Ортей встал.

— Ты куда? — встрепенулась Карина.

— Надо... сходить поговорить кое с кем. Буду поздно. Можете ложиться сразу, если заниматься сил нет. Завтра подъём как обычно.

Шестые проводили его глазами до двери.

Ясное дело, что на следующий вечер ужин прошёл напряжённо — в ожидании новых вестей. Однако к тому, что они услышали, не был готов никто.

— ...взят город Шаккаро в Вироше. Операция прошла тяжело. Четверо ранены, трое погибли. Имена: альба Микайла, альб Антис, альб Рикур. Захвачено и отправлено на изучение устройство, блокирующее магическую энергию...

Ограждение, срочно. Только теперь можно смотреть на их лица.

— Чёрт, — одно лишь слово, процеженное Вадаем сквозь зубы, нарушило тишину.

Ещё несколько беззвучных, неподвижных секунд — и начали поворачиваться головы. Поворачиваться в сторону Виольны.

— Нет, — выдохнула она, растягивая губы в странной улыбке. — Мне послышалось. Они что-то перепутали. Нет.

Марк видел, как осторожно, словно опасаясь спугнуть её, Ильдан и Азира поднимаются со своих мест.

— Тихо, — выставил Ортей вперёд руку. Лицо его, вопреки обыкновению, выглядело очень серьёзным, даже слегка напуганным, и в глазах не было ни капли насмешки. — Тихо, Ольна.

Но было поздно: девушку уже трясло, а за компанию с ней — и всю кухню. Ваза с искусственными цветами, чудом уцелевшая в ночь визита Каринино отца, медленно сползла с боковой полки и с грохотом разбилась на полу.

— Атры, под стол! — скомандовал куратор.

Марк, слегка заторможенный под действием собственного ограждения, замешкался, и Ромену пришлось силой стягивать его со стула.

Дальше начался сущий ад. Предметы беспорядочно летали, воздух дрожал, стены ходили ходуном. «Второй темпус» — так называли это штуку. Потеря контроля над собственной силой, вызванная эмоциональным шоком. Всё закончилось, когда старшие окружили барьерами и выволокли на улицу сопротивляющуюся Виольну. Затем донёсся ещё один отдалённый всплеск силы — кто-то пропустил мятежную энергию рубры через себя и вывел в небо, к куполу. Наверное, Ортей — кто ещё мог решиться?

Глава 6. Хрупкие нити

Краснощёкая с мороза Нилана окинула зал столовой с порога, увидела Марка, заулыбалась. Подобрала тяжёлую зимнюю юбку нежно-голубого — её любимого — цвета и поспешила к нему.

— Ух и холодно сегодня! — она весело уселась на скамью напротив. — Весна, называется!

Марк кивнул. Где-нибудь на юге, в Пеноре, например — может, и весна. А в Кумсоре снег только через несколько пятидневий полностью сойдёт.

— Ты какой-то сумрачный, — заметила Нилана. — Что-то случилось?

Неужели у него действительно всё на лице написано?

— Да так, — отмахнулся Марк, сомневаясь, стоит ли сразу заводить разговор о войне. — Потом расскажу. Сначала ты.

Нилана охотно принялась чирикать о жизни на новом месте, своей семье, учёбе, их общих одноклассниках, распределённых в другие сектора... Марк, честно говоря, не столько слушал, сколько украдкой вытягивал из её эмоционала ниточку за ниточкой, фиксировал их в памяти. Но потом девушка с энтузиазмом принялась выпрашивать у него подробности его собственной жизни, и отвлекаться больше не выходило. А когда наступила пауза, он всё же решился спросить:

— Как тебе новости?

Улыбка Ниланы слегка приугасла.

— Ты поэтому грустишь?

— Те альбы, что вчера погибли... Один — из нашей семьи. Все думали, что он станет куратором, но назначили другого. Поэтому настроение у нас дома сейчас... не очень.

— Да, — печально кивнула головой Нилана. — Понятно. Слушай... — она запнулась. — А вас случайно... не отправят сражаться?

Беспокоится, понял Марк. Беспокоится за него. От этой мысли по телу разлилось приятное тепло.

— Не-а, — мотнул головой он, улыбаясь. — Куратор сказал, что мы ещё дети. И рубров не отправят, потому что они нас обучают. И его самого, потому что он за нас отвечает.

— Хоть это радует, — Нилана помолчала, задумчиво разглядывая свою резную деревянную кружку.

Из дерева здесь было сделано всё: от мебели и обшивки стен до самых мелких столовых предметов. Именно поэтому Марк с детства любил это место так же, как и любил этот материал. Единственным минусом было то, что пол-короны, кажется, разделяли его чувства: сегодня, например, почти все столики оказались заняты. Честно говоря, он бы предпочёл уголок поукромнее: без шумной компании, отмечающей десятилетие окончания школы, за спиной; без галдящих без умолку школьников через столик; и без стайки знакомых девиц на год младше, бросающих на них с Ниланой любопытные взгляды.

— Ты же из Беарда? — громко спросил Марк, пытаясь перекричать взрыв хохота из-за спины. — Я помню, что из Эспии, но из какого города...

— Ну, сейчас родители живут в Беарде, — кивнула она. — Но вообще-то мы авийцы. Я родилась в Трамегоре. Как же жалко, что на этих каникулах не выпустят...

— Я вчера слышал, как наш куратор болтал с кураторшей из пятой семьи, — сообщил

Марк. — Они думают, что в те регионы, которые под полным контролем, будут отпускать. Наверное, если там спокойно.

— В Беарде точно беспокойно, — мрачно отозвалась Нилана. — Я-то этот народ знаю. Упрямые как ослы. А вот тебя, скорее всего, отпустят. Севалийцы, говорят, чуть ли ни с распростёртыми объятьями ренов встречали, там и боёв-то не было.

— Если отпустят, поедешь со мной? — выпалил Марк, заикнувшись от волнения.

— Что? — девушка от удивления не донесла до губ кружку. — С тобой?

— Ну да, — Марк с раздражением ощущал, что краснеет. — Мои точно не будут против, они гостей любят. Если... ты сама не против, конечно.

— Я... Да я-то с удовольствием, — растерянно улыбнулась Нилана. — Если разрешат. Просто я не думала, что ты предложишь... вот так легко.

Марк рассмеялся, и она подхватила. Ещё полчаса пронеслись легко и незаметно, и вот она уже засобиралась домой — сегодня, как назло, выпадало её дежурство по кухне.

Марк доехал с ней до ворот Медики, огромной металлической арки, выкрашенной в ярко-красный цвет. Там они слезли с циклофоров и прислонили их к ограде. Нилана встала напротив, хотела что-то сказать, но запнулась, смущённо хихикнула — а потом приподнялась на цыпочки и легонько, пересохшими на морозе губами чмокнула его в уголок губ.

Совершенно обалдевший от счастья, Марк ещё какое-то время глядел, как она легко запрыгивает на циклофор и катит вглубь своего сектора, затем сам медленно двинулся в направлении Форсы. Через пару минут чертыхнулся и повернул в противоположную сторону — забыл, что обещал опекунам заехать в гости.

В голове было тесно от наползающих друг на друга радужных перспектив и планов. Мороз совершенно не ощущался — не было необходимости даже греться с помощью магии. Солнце светило ярко, уже как-то по-весеннему; отражаясь от снега, радостно слепило глаза. Дворы Сервы, несмотря на холод, были полны ребятни, гостившей у своих опекунов.

Уже у дома Лаксена и Сианы витающему в облаках Марку крепко досталось по затылку снежком. Он резко тормознул и обернулся. Мелкая девчонка лет семи специально спустила намотанный на пол-лица шарф, чтобы показать ему язык. Её приятели заходились хохотом. Марк сделал грозное лицо, двинул ладонью — и в бессовестную малышню полетел целый сугроб. Совершенно по-детски атр издал победное «Ха!» и поехал дальше под восторженные визги облепленной снегом ребятни.

Казалось, ничего не могло испортить настроения.

Знакомый эмоционал Марк ощутил, только оказавшись с его обладателем лицом к лицу.

Вадай ударил по тормозам. Марк тоже остановился. Он никак не мог взять в толк, почему старший так среагировал: в его светло-рыжих глазах металась обрывки эмоций. Марк разобрал страх, вину, злость, обиду. Но с чего бы?

— Что ты здесь делаешь? — резко осведомился Вадай, взяв себя в руки.

— К опекунам в гости еду, — растерянно отозвался Марк, гадая, не нарушает ли он чего. Хотя — с какой, собственно, стати? На дворе квинса, куратор объявил свободные часы, и все вольны бродить в любом месте, куда их пустят. — А ты?

Рубр не ответил, лишь окинул нотта тем же полуиспуганным-полусердитым взглядом и поспешно тронулся дальше. Марк остался стоять в полном недоумении. Затем, здраво рассудив, что это в любом случае не его дело, продолжил путь.

— Надо с ней что-то делать, — обеспокоенно сказал Марк наставнице, едва та закрыла за собой дверь их комнаты.

Карина одарила его долгим тяжёлым взглядом:

— И что ты сделаешь? — наконец буркнула она. — Если даже Орт не может.

— У Ортея методы... — Марк запнулся. — Странные. Так не обращаются с тем, чей кнотис погиб.

Рубра покачала головой и опустила на пол, попутно заматывая косу в узел, чтобы не мешалась.

— Проблема не в Орте. Проблема в Ольне. Она бы давно уже могла выкарабкаться, но предпочитает оставаться в этом состоянии.

— Предпочитает? — Марк не мог поверить ушам. — Рина, она не может выкарабкаться!.. Это кнотис, его нельзя преодолеть так просто, а тем более после *такого*...

— Какого «такого»? — в её голосе появилось раздражение. — Всё это кудахтание вокруг кнотисов — преувеличенная чепуха. Каждый сам хозяин своим чувствам, и если он не может их контролировать, значит, ему так хочется...

— То есть, ей хочется страдать?! — Марк уже почти кричал.

— Да, чёрт побери, — прошипела Карина, не отрывая зловеще-чёрных глаз от его лица. — Любой удар, любую потерю можно пережить. Пережить — и оставить в прошлом, а не размазывать на годы вперёд.

— Ты пробовала сама... поставить себя на её место?

— Пробовала, — её голос снова утратил выразительность.

— И? Ты бы смогла через три дня после того, как погиб твой самый близкий рен, снова улыбаться и скакать? Забыть обо всём?

— Никто не заставляет её «улыбаться и скакать», — устало произнесла старшая. — И забывать тоже. Но элементарно выполнять ежедневные дела, *пытаться* прийти в себя — а не валяться с умирающим видом в постели круглыми сутками... это не так сложно.

Марк несколько секунд смотрел на неё в упор.

— Ты ужасна.

Карина пожала плечами.

— Если так переживаешь, — нехотя бросила она, — иди и пробуй... Нить о том, что надо что-нибудь сделать, все могут. Но почему-то никто ничего не делает и даже не предлагает конкретных вариантов. Или, — она метнула в него острый взгляд, — всё сводится к тому, что я должна разобраться?

— Ты её подруга, — буркнул Марк.

— Бывшая, — не моргнув, ответила рубра. — Это было четыре года назад, Марк. Я тогда всего один раз влезла по глупости. В тот самый день, когда стала «бывшей подругой». И больше этого делать не буду.

Марк посмотрел на неё непонимающе.

— Брось, — уже мягче сказала она. — С ней сейчас Зира. И Майла с Тиной. У неё есть собственный младший, Ром. А если они все ничего не смогут сделать — мы с тобой тем более. Мягкий барьер, Марк.

За следующим завтраком, на утро трессы, Ортей объявил, что забронировал большой тренировочный зал на вечер и сегодня им предстоит показать себя в поединках. Приунывшие шестые мигом взбодрились, особенно младшие. Поединки! Уже гораздо ближе

к боевой магии, чем всё, что они делали до этого. Уже не лекции, книжки да бесконечные барьеры-удары с наставниками.

Марк тоже ждал вечера с нетерпением, но в то же время и с нарастающим беспокойством. Сразу вспомнилось данное Ретоку слово о схватке на Арене. Вот и выяснится, есть ли у него хоть какие-то шансы выиграть схватку с третьекурсником... Нет, даже не так — есть ли шансы хотя бы проиграть с наименьшим позором.

От него всегда ожидали большего, чем от остальных — видимо, с оглядкой на его комплекцию. И всегда он чувствовал, что не оправдывает этих ожиданий. Он совсем не был умнее или быстрее, чем другие одногодники. Может быть, сильнее — но это преимущество легко уравновешивалось катастрофическим недостатком ловкости.

В зале, по крайней мере, были окна — высоко под потолком, прикрытые прозрачной сеткой. Стены и пол состояли из того же материала, что и в их комнатах в шестом доме, и тоже были размалёваны цветными квадратами, кругами, линиями — только куда гуще.

— Ну, молодёжь, — зловеще протянул Ортей, запирая дверь изнутри, — похвастайтесь, чему научились за двенадцать дней. Разрешаю использовать всё, что умеете. Бить можно в полную силу. За пределы квадрата не выходить, — он кивнул на очерченный широкими белыми линиями периметр на полу. — Девочки вперёд. Остальные к стенке.

Итина бодро запрыгнула в квадрат; Камайла зашла бочком, робко. Обе посмотрели друг на друга, явно не понимая, что от них требуется, потом на старших, устроившихся вдоль стены — кто стоя, кто сидя на полу.

— На счёт три, — скомандовал куратор. — Раз, два... три!

Две атры как стояли друг напротив друга, так и остались стоять. Ортей закатил глаза. Потом Итина спохватилась: «А, да!» и швырнула в подругу слабенький импульс. Та с трудом отбила его, убрала барьер и бросила точно такую же волну в ответ.

— Издеваетесь? — возмутился Ортей. — Ну-ка со всей силы бейте! На барьеры не полагайтесь, уклоняйтесь! Учтите: будете плясать, пока кого-то одного не опрокинут на пол!

Итина раздражённо вздохнула и чуть не пропустила атаку соперницы. Негодуяще вскрикнула, с замаха послала довольно мощную волну. Камайла поставила барьер в последний момент, ойкнула, потеряла равновесие, упала на колени, воскликнула: «Не считается!» и сразу же ударила. Сначала левой рукой — Итина отбила — потом правой — Итина уклонила. А потом снова левой. Времени накопить энергии на приличный импульс не хватило, и удар вышел ну очень слабенький — но явно неожиданный. Её подруга, отшатнувшись и не успевшая ещё принять вертикальное положение, покачнулась и грохнулась на спину.

— Сойдёт, — с кислой улыбкой протянул Ортей. — Ром, Тал, милости прошу.

Третьей парой куратор поставил Марка с Итиной — и Марк, к собственному удивлению, уложил ту за четырнадцать секунд. Камайла скучно проиграла Ромену, вертлявого Талата Марк гонял по квадрату добрых три минуты, пока наконец не уронил — нечаянно. Затем Итина с горем пополам одолела Ромена, Талат неожиданно расправился с Камайлой. Ромен пребольно швырнул Марка на бок, сам слегка ошарашенный содеянным. Дольше всех бегали Талат и Итина — зрители уже начали позёвывать — но в конце концов Итина одержала верх. Кажется, Талу просто надоело, и он решил поддаться. А на сладкое Камайла чудовищной силы волной выбила Марка за белую линию, жутко покраснела и долго извинялась за то, что не рассчитала силы.

— Ладно, отдыхайте, — кивнул Ортей, поднимаясь. — Рина, айда.

— Не хочу с тобой, — буркнула пристроившаяся в углу Карина. — Выбери кого-нибудь другого.

Ортей так и остолбенел.

— Совсем оборзела? — произнёс он наконец. — Поднимай задницу или накажу.

— Опять ты за своё, Орт, — весело вмешался Ильдан. — Оставь её в покое. Давай лучше со мной разомнёшься?

— Вставай, — не обращая внимания на рубра, велел куратор своей младшей.

Атры с непониманием следили, как неохотно Карина поднимается, завязывает свой привычный узел на затылке и выходит в центр квадрата под хмурыми взглядами Ильдана и Азиры и насмешливым — Ортея.

— А вы все смотрите внимательно, — напомнил куратор атрам.

Особенно ты, — добавил голос в голове Марка. Тот встрепенулся.

Этот бой совсем не был похож на их неуклюжие драки. Марк едва успевал следить за движениями старших: Ортей бил прицельно, сильно; Карина изредка отражала удары барьерами, но чаще просто уворачивалась. Ни одно движение не казалось случайным: работала целая система отлаженных манёвров. Марк перестал дышать, пытаясь ничего не упустить.

Зигзагом влево-вправо, нырок вперёд и вниз, пережат, кувырок по диагонали — и как у неё голова не кружится? Барьер, обманное движение влево, но отскок вправо. Удар — просто чтобы отвлечь — присест. Отскок вбок прямо из пережата — Марк думал, так только акробаты могут. Движение, будто для создания барьера — но вместо этого сокрушительный удар (когда только успела накопить энергию?), затем сразу же ещё один, другой рукой, и ещё. По сути, тот же приём, что использовала Камайла, только гораздо быстрее и мощнее. Под четвёртым импульсом барьер Ортея лопнул, оставив того без защиты. Давай же, ещё всего один удар... Марк обнаружил, что от всей души болеет за наставницу, сжав кулаки.

Но альб и так поддавался. От следующего удара он уклонился без малейшего труда. Второй Карина нанести не успевала. Как и поставить барьер.

Разглядеть, что сделал Ортей, не удалось. Миг назад рубра стояла на ногах, упрямо пытаясь собрать крохи энергии для барьера — и тут же рухнула на пол, словно придавленная невидимой тяжестью. Воздух вокруг пошёл рябью — даже Марк со своего места ощутил отзвук ударной волны.

А потом Карина закричала.

— Прекрати!!! — это Ильдан вскочил на ноги, направляя на куратора раскрытую для удара ладонь.

Марк внезапно сообразил, что и сам стоит рядом с ним, приготовившись к действию. Краем глаза ему было видно поднимающуюся Азиру.

Ортей лениво перевёл глаза на них, усмехнулся и убрал поле, прижимающее Рину к полу. Азира тут же кинулась к одногоднице на помощь.

— Ещё раз... — процедил Ильдан. Руку он опустил, но продолжал грозно дырять старшего взглядом. — Ещё раз повторится... И я не посмотрю, что ты — мой куратор. И плевать, что мне потом за это будет.

— Плохо, солнышко, — бросил Ортей Карине, отмахнувшись от Ильдана, словно от настёрного насекомого. — Могла бы перед новенькими не позориться.

Та подняла голову. Узел на макушке развязался, длинная чёрная коса ошетибилась выбившимися прядями. Марку очень хорошо было видно её лицо и тот взгляд, который она

бросила на своего наставника. Боль и злость выбили её из колеи привычной сдержанности, сорвали ту плотную завесу, под которой она умудрялась всё это время скрывать свои эмоции. И то, что Марк разглядел в тёмных холодных глазах, его почему-то покорило.

Четвёртый кнотис. Вот он. Всё это время был у него под носом.

Ещё хуже — насмешливый взгляд куратора, брошенный через секунду. Чёрт бы его побрал. Он всё это специально подстроил. Только для того, чтобы Марк увидел, догадался...

К счастью, в тот вечер Ортей снова умотал по своим загадочным делам, и идти к нему на занятие не пришлось. Марк чувствовал, что не смог бы спокойно разговаривать. Непременно психанул бы. И, конечно, схлопотал бы наказание.

Но в следующий вечер уже было не отвертеться.

— В библиотеку ходил? — спросил Ортей из-за своего стола, не отрываясь от какой-то писанины.

— Ходил, — буркнул Марк.

— Взял, что я тебе сказал?

— Взял.

— Начал читать?

— Угу.

Ортей поднял наконец голову. Цепко взгляделся в лицо младшего.

— И как тебе?

— Что именно? Сказки про людей-магов?

— Не сказки, а легенды. Большая разница, — куратор наставительно поднял вверх указательный палец. — К тому же, *именно эти* — довольно правдивые.

— Если бы они были правдивыми, люди уже давно бы уничтожили ренов, — возразил Марк не столько из уверенности в своей правоте, сколько из нежелания вообще в чём-либо соглашаться с Ортеем.

Тот пожал плечами.

— Дочитаешь до конца и успокоишься — ещё раз поговорим... Ладненько. Зацени, что покажу сейчас.

Он вытянул из-под футболки и снял через голову кожаный шнурок. На нём, подвешенные на металлических штифтах, болтались сразу три маленьких камешка размером с ноготь. Овальный, совсем прозрачный; коричневый с разводами треугольник со скруглёнными углами; и ещё один, слегка сплюснутый чёрный шарик. Ортей выцепил средний, а другие два сдвинул по шнурку так, чтобы не мешались.

— Иди сюда, — позвал он топчущегося у порога Марка — единственный стул был занят, а на кровать тот брезговал садиться. — Бери. Читай.

Марк, не совсем понимая, что от него требуется, осторожно взял треугольный камень в руку. Тот, только что снятый с груди куратора, был тёплый, и это вселяло отвращение. И ещё какое-то чувство... Он взгляделся в мутные коричневатые разводы в прозрачном кварце, потянулся к безделушке мысленно...

И удивлённо выдохнул.

— Это... эмоционал!

— Угу, — кивнул куратор. — Моя бывшая наставница.

— Но как?.. — Марк пристальней всмотрелся в рена в своей руке. Женщина, довольно молодая, жизнерадостная; сейчас чем-то сильно обеспокоена, даже немного напугана... А

вот и нить, которая ведёт к ней — ведёт из этой комнаты, через купол, во внешний мир...

— Видишь, где она? — тихо спросил Ортей, не отрывая взгляда от лица младшего.

Марк покачал головой.

— Вижу только, что за куполом, но дальше... Слишком далеко. На западе... юго-западе.

— Точно. В третьем каранте. Они сейчас идут через Вирош.

— У них неприятности...

— Именно. Если что случится, я узнаю первым.

Марк вскинул на него голову.

— И как ты это сделал?

— Видишь ли, — вкрадчиво начал куратор. — Эти камешки обладают весьма удобной структурой... Она у них словно прямая трёхмерная решётка. И к ней легко можно *привязать* копию нити эмоционала — таким же образом, как мы привязываем её к своим собственным.

— Нити? — тупо переспросил Марк. — Той штуки, которая ведёт...

— ...И позволяет тебе находить ренов в пространстве. Нить присутствия. Или, как ещё говорят, нить жизни.

— И если рен умрёт...

— ...она оборвётся. Вместе со своей копией. А ты почувствуешь.

Марк на секунду покрылся мурашками, но кивнул и снова пристально глянул на куратора.

— А другие два? Ринин... и?.. — Ортей загадочно молчал, и Марк предположил: — Лидера?

— Свой делать будешь? — поинтересовался старший.

— Я... Да! Конечно, — Марк нахмурился: — А я смогу?

— Зависит от тебя, — передёрнул куратор плечами. — На кого? Учти, пока ты сможешь поддерживать только один.

— Э-э-э... — Марк слегка подвис. — Это должен быть... кто-то из семьи?

— Нет.

— Тогда... на одну девушку из Медики.

Чёрт. Лицо снова стремительно наливалось краской, а уголки губ Ортея растягивались в очень зловредной ухмылке.

— На здоровье, — на его протянутой ладони лежал молочно-белый полупрозрачный камень.

Говорить было легко. Делать — ни разу. Количество безуспешных попыток, наверное, перевалило за сотню. Тон замечаний куратора — за верхнюю планку язвительности. Стрелки часов — за полночь. Но в один прекрасный миг камешек на ладони — наконец-то! — зазвучал мягким эмоционалом Ниланы.

— Ну надо же, — закатил глаза Ортей, — не так уж ты и безнадёжен.

— Я спать, — монотонно пробубнил Марк, сжал кулак и поднялся с места.

— погоди, — негромко позвал куратор. — А про своё задание ты ничего мне не хочешь сказать?

— А надо?

Их взгляды снова встретились.

— Надо, — безжалостно отрезал Ортей.

— У Карины, — вздохнул Марк, — кнотис на тебя.

Перед глазами снова, живо и в мельчайших деталях, вырисовалась сидящая в центре

белого поединочного квадрата растрёпанная наставница, её горящий злобой и болью взгляд. Он мотнул головой, сбрасывая неприятное наваждение.

— И?

— Что — и?

Несколько секунд они молча пялились друг на друга.

— И что ты по этому поводу думаешь? — вкрадчиво спросил куратор.

— Что я должен думать? — огрызнулся Марк. — Я ей сочувствую. Но это её дело. Ну и, пожалуй, твоё. Меня не касается. А пятого я пока не нашёл.

— Ну ищи, — как ни в чём не бывало отозвался старший. — Ищи.

Глава 7. Верные себе

В следующее пятидневье словно бы начали разбегаться сгустившиеся над короной зловещие тучи. Под куполом наступала долгожданная весна: днём солнце светило так рьяно, что снег уже подтаивал. А за куполом война шла к завершению: человеческие города капитулировали, мятежные области методично зачищались (Марк старался не думать, что подразумевалось под этим словом), а звуачи перестали перечислять имена погибших ренов.

Жаль лишь было, что в сутках так мало часов. Приучившись к бешеному распорядку жизни в шестом доме, Марк обнаружил, что по-настоящему наслаждается происходящим. И утренней пробежкой — когда нагрузка стала привычной и боль в мышцах перестала донимать, это превратилось в лёгкое и приятное занятие. И учёбой — теория магии, например, оказалась той ещё любопытной штукой. И тренировками с наставницей — пожалуй, она слишком высоко задирала ему планку, но спустя всего три пятидневья результаты уже впечатляли, и грех было жаловаться. И ноттикой с Ортеем, и даже домашними обязанностями.

Вот только совсем не хватало времени на любимое хобби — напильник он в руки не брал с самой школы. За клавиолин тоже садился только раз, по настоятельной просьбе Азиры. Вместо этого его захватило новое увлечение — исследование выданного Ортеем списка очень странных книг.

Он уже прочёл пару десятков необычных теорий происхождения магии — из тех, что не проходят в школе; несколько сомнительных трудов о человеческой магии, в которую Марку так пока и не удалось поверить; и ещё пару абсурдных, но занимательных книжонок об отличии ноттов от обычных ренов. Библиотекарша начала странно посматривать на него, приходившего почти ежедневно. Марк даже временами задавался вопросом: а законно ли вообще проявлять такой интерес к подобным темам?

А вот о встрече с Ретоком на Арене он старался пока не задумываться. Всё-таки до неё ещё было очень далеко — почти девять пятидневий. Да и какой смысл тратить драгоценное время на проблему, к решению которой даже не знаешь, как подступиться...

Ещё, к большому облегчению всей семьи, Виольна начала приходить в себя. Занималась вместе со всеми, хлопотала по дому, иногда даже улыбалась. Марк всё ещё ощущал пропасть внутри её эмоционала, выданный кусок души, который забрал с собой злополучный Антис. И был почти уверен, что такая рана не затянется. Верный своему намерению «что-то с этим сделать», он пару раз пытался с ней заговорить, но Ольна лишь кидала в его сторону испуганный взгляд и спешила поскорей удрать под первым же предлогом. В конце концов, отчаявшись, он мысленно согласился с наставницей и отказался от идеи лезть не в своё дело.

А за всей этой суетой, звёздочкой в чёрном небе, лучиком солнца над рассветным горизонтом сияла очередная встреча с Ниланой. Она заслуживала гораздо большего места в его мыслях, виновато думал Марк. Но просто не мог — не имел права — выбросить из головы хотя бы малую часть того, что сейчас там вертелось.

На тресу был взят последний город, самый южный порт Пенора. На кваторсу старик-альтерлидер объявил о полном контроле над территориями «кумсоринской семёрки» — стран, из которых в их корону прибывали новые рены. При этом не преминул похвастаться, что Кумсора совершила это быстрее всех остальных корон, ведущих борьбу в других точках мира.

— Надеюсь, они не выдумают теперь посылать подмогу остальным, — обеспокоенно произнёс Ильдан, дослушав сообщение.

— Не выдумают, — успокоил куратор. — «Полный контроль» — это слишком громко сказано. Да там куча регионов, которые капитулировали лишь для виду. Стоит им почуять слабинку — пойдут мятежи. А нас в каждом городе всего по нескольку ренов. И те — вымотанные и хотят домой. Всё, как Борс говорил.

— А по-моему, как раз как я говорил, — тут же вскинулся Вадай. — Ведь взяли же? Восстановили контроль? Нигде пока никого не перебили, — ехидно оскалился он на Карину.

— Пока, — лаконичным эхом отозвалась та.

Вечером на кваторсу, поднимаясь в комнату на занятия с наставницей, Марк замедлил шаг. За приоткрытой дверью куратора явно происходил разговор на повышенных тонах. Как ни прислушивался, Марк так и не смог разобрать слов ни Ортея, ни тем более Карины. Впрочем, очень скоро дверь распахнулась.

— Он, между прочим, уже пришёл, — возвестил стоящий на пороге куратор. — Уши греет. Чего встал, нотт? Марш к себе в комнату.

Карина появилась через несколько минут. Захлопнула дверь и как-то странно посмотрела на Марка.

— Что?.. — перепугался сидящий на полу атр: во взгляде наставницы ему почудилась совершенно дикая мешанина из злости, вины, неприязни и... боли?

— Ничего, — спрятала глаза Карина. — Что у нас сегодня?

— Ты говорила, «ковёр»... Та штука, которую Орт использовал в поединке?

— А, да. Вставай.

Марк, одолеваемый нехорошим предчувствием, послушался без особой охоты. И точно: тут же сверху свалилась немислимая тяжесть. Колени подогнулись, и он рухнул лицом вниз на мягкий пол. Воздух стал невыносимо плотным, и Марк едва сумел сделать вдох. Впрочем, долго это не продлилось: наставница убрала поле спустя пару секунд.

— Достаточно было просто объяснить... — прохрипел он, поднимаясь, но осёкся: в чёрных глазах наставницы явно промелькнула враждебность. Да что он ей сделал?

— «Ковёр» — это мягкое направленное поле, которое используют, чтобы безболезненно обездвигнуть противника, — Карина уселась напротив него. Марк настороженно отметил, что она впервые за всё время их тренировок забыла смотать косу.

— Кстати — да, — вспомнил он. — Больно не было. А почему тогда там, в тренировочном зале?..

— Ковёр бывает и жёсткий, — бесстрастно ответила рубра. — Орт использовал именно его.

— Зачем?

Карина чуть дёрнула уголком губ.

— Ему нравится причинять боль, вот и всё.

Марку послышался какой-то подтекст, но переспросить он не успел. Наставница продолжила:

— Тебе нужно создать обычное мягкое поле. Но когда будешь ограничивать степени свободы, надо оставить и усилить ту, что отвечает за движение вниз. Чем больше усилишь, тем плотнее будет ковёр. Вставай, — она снова поднялась на ноги. — Пробуй.

Несколько попыток прошли впустую. Получалось только ронять наставницу на пол, но

не удерживать там. Каждый раз она невозмутимо поднималась, отмахивалась от его извинений, объясняла ошибку и заставляла пробовать снова. Когда он наконец справился, она отдышалась и попросила в следующий раз не держать поле так долго.

— А если оставить движение не вниз, а в другую сторону? — поинтересовался Марк в конце занятия. — Вбок, к стене, например.

Она резко вскинула голову, словно услышав насмешку. Но, взглядевшись в его растерянное лицо, лишь кивнула:

— Можно, но гораздо труднее... Для движения вниз у твоего поля есть подсказка: земное притяжение. Чтобы двигать его в другую сторону, придётся указывать направление самому. Следить за этим одновременно по всей поверхности ковра — не так-то просто. Что, впрочем, не мешает *некоторым* активно пользоваться этим приёмом.

Последнюю фразу она произнесла вполголоса и сквозь зубы, отведя глаза. Марк не выдержал:

— Что я сделал не так? Почему ты сердишься?

Карина перевела на него сумрачный взгляд и тихо произнесла:

— Прости. Я на тебя не сержусь. Не на тебя.

— На Орта?

Наставница молча дёрнула головой, накинула на плечи плед и ушла к себе, оставив младшего в полном недоумении.

Погода после обеда на квинсу выдалась просто роскошная. Солнце грело подозрительно рьяно, и Марк в своей чёрной форме (форсам последний приказ велел носить её везде) изрядно запарился. Махнул рукой и снял куртку, подставив взмокшую кофту подлому весеннему ветерку.

— И это уже точно? — переспросила Нилана. — О, вон лавочка свободная.

— Ортей сказал, — пожал плечами Марк, следуя за ней вглубь сквера. — У него же связи... В те города, что в списке — отпустят, а в остальные, где порядок ещё до конца не навели — нет.

— Мне, значит, не светит, — мрачно подытожила Нилана. — Беардцы в землю закопаются, но так просто не сдадутся.

— Значит, ко мне поедет, как и собирались. Мельядиш — мирный городок, — Марк даже ощущал некую досаду на своих соплеменников. — Севалийцы не любят лишних проблем.

— Да, точно, — Нилана слегка улыбнулась. — Будет здорово. Спасибо, Марк.

Некоторое время они просто молча следили за весёлыми, обалдевшими от неожиданного тепла прохожими. А их на центральной аллее короны сегодня было полно: мало кто из кумсоринцев упустил бы возможность прогуляться в такой день. В толпе то и дело мелькали знакомые лица. Встречаясь с Марком взглядом, кто-то из этих ренов даже кивал ему, узнав — и он кивал в ответ.

Он покосился на Нилану — на её губах всё ещё блуждала лёгкая улыбка. Как же рядом с ней уютно! Даже в молчании. Он лишь надеялся, что и ей тоже...

— Лана, — позвал он тихонько. — Я давно хочу спросить...

Её эмоционал слегка дрогнул волнением. Ну конечно, она давно уже этого ждёт — это Марк тормозит.

— О чём? — подбодрила она его, замолкшего.

Но продолжать перехотелось — в конце аллеи показалась весьма неожиданная парочка. Ортей шагал, широко и экспрессивно размахивая руками и что-то втирая своей спутнице. Аниса, беловолосая кураторша пятой семьи, слушала молча, жутко злилась и то и дело кидала на одногодника такие острые взгляды, что Марку оставалось только дивиться, как это в нотте не образовалось ещё ни одной дырки.

— Блин, — вырвалось у него, когда Ортей выцепил глазами их с Ниланой, указал Анисе пальцем и прибавил ходу, явно направляясь в их сторону.

Нилана проследила за взглядом Марка и ойкнула.

— Ты мне нужен, — без вступлений сообщил куратор, едва приблизившись. — Поднимай задницу, за мной.

— У меня выходной, — буркнул Марк, не шелохнувшись.

— Не волнует. Я твой командир. Это приказ.

— А у нас разве боевая ситуация?

— Почти. По крайней мере, если не вмешаемся — может в такую вылиться. Поэтому заканчивай умничать и поднимайся.

Нилана испуганно переводила глаза с одного нотта на другого. Аниса фыркнула:

— Ты кайф словишь, если парню выходной сольёшь? Мы вполне можем обойтись без него. Или найти кого-нибудь другого...

— Не хочу другого, хочу его, — капризно взметнул палец в воздух Ортей, развернулся и стремительно зашагал дальше. — За мной.

— Прости, — Марк быстро чмокнул растерянную девушку в щёку, когда кураторы отвернулись. — Увидимся.

Ему пришлось перейти на рысь, чтобы догнать старших. Рены вокруг недоумённо оборачивались на бегущего по аллее обеспокоенного здоровяка в боевой форме.

— Так что стряслось?

Он спрашивал у Ортея, но отозвалась Аниса:

— Орт засёк сборище заговорщиков. Будем разгонять.

— А-а-а, — протянул Марк. — А при чём здесь мы? Разве не нужно просто доложить в штаб?

— Там наши, — отрезала беловолосая. — Не хотелось бы...

Она не договорила, но Марк понял. Какое наказание ждёт форса, участвовавшего в заговоре?..

— Кто?.. — начал было Марк, но тут же вспомнил странную встречу десятков дней назад и перебил сам себя: — Вадай, да?

— Он самый, — процедил Ортей, не оборачиваясь. — И Эйтана из пятых.

Они уже шли по территории Сервы. Вот и ряды оранжевых складов — как раз в этом районе Марк тогда и столкнулся с Вадаем.

— Человек двадцать, — быстро сообщил Ортей на ходу. — Один нотт. У двери часовой, но бестолковый — уши развесил и стоит слушает, о чём остальные говорят. Сначала проверим дверь. Разберёмся с замком, заходим, Ниса — барьер, я бью, затем все втроём кидаем ковёр. Марк, сможешь?

— Угу, — откликнулся тот. — Меня Карина вчера как раз научила.

— Представляю, — непонятно почему развеселился Ортей. — Ничего больше тебе не сломала?

Они остановились у одного из складов — крупного, обшитого листами металла и

крашенного в ярко-оранжевый цвет короба, такого же, как и десятки других вокруг. Марк задрал голову: у самой крыши тянулись длинные окна. В огромных, чтобы мог въехать грузовой перевоз, воротах была и обычного размера дверь для ренов.

— Вот ослы, — прошептал Ортей, чуть потянув ручку на себя. — Даже запереться не догадались.

Дальше всё происходило очень быстро: тёмный тамбур; чей-то возглас; просторное, заставленное ящиками и бочками помещение; крики, удары, звон барьеров; падающие на пол по жесту Анисы рены...

Марк спохватился и неумело расстелил поверх её ковра свой собственный.

— Сильно не дави, — вполголоса посоветовала она. — Задохнётся.

— Давай сначала с нашими поговорим, — предложил Ортей, стягивая шапку, и уселся на ближайшую бочку. — Где там мой белобрысый... Вон, справа. Уберите-ка с него ковёр.

— И с красавицы посередине, той, что с дулькой, — добавила Аниса, сверля взглядом лежащую вниз лицом младшую. — Ну чего ты, Маркий?..

— А как? — Марк изо всех сил старался выполнить команду, но не получалось.

— Вот блин, — Аниса усмехнулась. — Убирай совсем, я их держу.

Марк послушался, крайне неуютно чувствуя себя под насмешливым взглядом куратора. С поля, отдуваясь, поднялись двое рубров — Вадай и Эйтана, круглолицая ренна из Анисиной семьи.

— Ниса! — тут же взмолилась она. — Это не то, что вы думаете! Мы просто разговариваем о...

— Разговариваете?! — негромко, но яростно перебила кураторша. — О чём, чёрт вас всех побери, так необходимо разговаривать в самом глухом месте Сервы? Не в парке, не в столовой, не в тренировочном зале, а непременно в безлюдном складе?

Эйтана примолкла и беспомощно оглянулась на стоящего чуть позади Вадаю, но тот лишь отвёл глаза и процедил:

— Он всё знает... Раз здесь — значит, слышал.

— Слышал, — лениво отозвался Ортей со своей бочки. — Но вдруг я чего не разобрал или не так понял. Будьте уж добры, объясните. Может, вы спектакль такой решили поставить и сейчас просто репетировали. Или игру по ролям затеяли, — его глаза недобро сверкнули, — игру в восстание?

— Прекрати, — огрызнулся Вадай. — Да, нам не нравится то, как сейчас ведёт себя правительство короны, доволен? Очень многим не нравится! Но остальные сидят смиренно и лишь втихаря жалуются друг другу. Даже Ликтор — и тот только языком работать горазд... А мы хоть что-то пытаемся сделать!..

— Очень интересно, — заинтересовался Ортей. — И что же вы планировали сделать? С чего начать?

Вадай фыркнул и гордо промолчал.

— Говори, — приказала Аниса Эйтане.

Та снова оглянулась на товарища и робко пробормотала:

— Хотели собрать побольше сообщников... Составить план...

— Так? — голос Анисы кололся ледяными иглами. — План чего?

— Смены власти, — почти шёпотом отозвалась рубра. — Мы бы всё провернули максимально гуманно...

Кураторша выругалась. Ортей захихикал.

— А что бы вы сделали, когда получили бы власть над короной? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Выбрали бы новых лидеров. Мобилизовали всё население. Не только Форсу. Организовали бы масштабное наступление на людские города, без сюсюканий, как сейчас. Реально захватили бы власть — не просто заключили эти дурацкие договоры с правителями, а поставили бы своих... Чтобы полностью подчинялись короне, — робость почти испарилась из голоса девушки, а глаза вдохновенно заблестели. — Взяли бы заложников, провели разъяснительные беседы среди людей. И если бы понадобилось... обошлись без лишней жалости.

— Идиотка, — выплюнула Аниса, и Эйтана снова испуганно замерла. — Без жалости они обошлись бы! Глянь, Орт, какие герои, а! Сопляки чёртовы, да именно из-за таких, как вы, Ареноса проиграла войну пятьдесят три года назад!

— Не проиграла, — буркнул Вадай.

— Не из-за таких, как мы! — возмутилась Эйтана. — Как раз наоборот, Ниса! Восьмой карант перешёл на сторону людей, и Ареноса потеряла преимущество. А мы как раз *этого* и стараемся избежать — все союзы с людьми *всегда* приводили к неприятностям!

— Я не могу с ней разговаривать, — воскликнула Аниса. — Я её сейчас убью. Маркий, держи ковёр! Сможешь? У меня руки уже дрожат...

Марк повиновался. Его ковёр плавно опустился на Анисин, огибая двух стоящих ренов. Это оказалось не так уж и трудно. Альба убрала свой и встряхнула руками.

— Сильно не дави, дышать не смогут, — с усмешкой напомнил Марку Ортей и развернулся к однокласснице: — А ты успокойся.

— Да что с ними делать, Орт! — в сердцах воскликнула та. — Захватчики грёбаные... Если бы лидер узнал...

— Так вы не расскажете? — повеселела рубра. — Спасибо, Ниса!

— Сильно-то не радуйся, — Ортей нехорошо ухмыльнулся. — Мы вас не хуже лидера наказать можем... — он обежал глазами лежащих на полу ренов. — Кто у нас тут ещё... Медики, сервы, механики, ритмы... Да вы почти все сектора собрали, смотрю. Ничего, поговорю с кем надо — никому сладко не придётся.

Аниса, дождавшись, пока нотт закончит, за рукав утянула его в дальний угол помещения и затеяла бурное обсуждение шёпотом. Марк остался один под колючими взглядами двух рубров. Чтобы не встречаться с ними глазами, он принялся рассматривать остальных мятежников, стараясь не обращать внимания на эмоционалы, источающие страх и гнев.

Взгляд задержался на лежащей вниз лицом девушке с очень кудрявыми чёрными волосами. Интересно бы увидеть её лицо... Марку казалось, что он где-то её уже встречал...

Мощный удар сбил его с ног и отбросил прямо на деревянный ящик за спиной, угол которого пребольно впечатался ему в поясницу. Марк в ужасе перекатился на бок и вскочил, готовя удар в правой, барьер в левой, как учила наставница. Но ни тот, ни другой ему не понадобились.

— Вот придурок... — простонала Эйтана, закрывая лицо ладонью, и тут же грохнулась наземь — сверкающая глазами Аниса на этот раз не стала проявлять излишнюю аккуратность.

Вадай же висел на стене. Высоко, прямо под окном. Висел, дрыгая руками-ногами и отчаянно ругаясь. Ортей, вытянув руку в его направлении, приближался размеренным шагом. Его лицо сейчас выглядело таким свирепым, что Марк машинально отпрянул прочь с дороги.

— Ах ты, — куратор цедил слова сквозь зубы, будто пытаясь их удержать, — мелкий, гадкий, белобрысый...

— Брыкаются? — перебил чей-то голос, вроде бы негромкий, но странным образом разнёсшийся по всему помещению.

Марк вздрогнул и обернулся. Из темноты коридора шагнул лидер собственной персоной. Он улыбался, поза его была расслаблена, но глаза смотрели весьма строго.

Марк в панике повернулся к кураторам. Аниса побледнела, Ортей прикрыл глаза. Вадай на стене замер и замолк.

— Отпустите всех, — велел лидер альбам. — Я предпочитаю разговаривать с ренами, которые находятся в вертикальном положении и стоят ногами на земле.

Кураторы переглянулись и одновременно опустили руки. Вадай приземлился на пол. Остальные принялись подниматься, в совершеннейшем ужасе глядя на лидера.

Марк нашёл глазами кудрявую девушку. Обычное незнакомое лицо, дорожки слёз блестят в тусклом свете, что пробивается из окон южной стены. Даже издалека было видно, как её бьет крупная дрожь. Ещё бы... Что им теперь светит, какое наказание? Исключение из секторов? Запрет на выезд из короны, на использование магии?

Он вдруг покрылся мурашками, осознав: наказание сейчас грозит и ему самому. Ведь лидер наверняка понял, что кураторы собирались покрывать заговорщиков, а Марк с ними заодно. Чёртов Ортей...

— Хорошо, а теперь давайте обсудим эту ситуацию, — голос лидера, оставаясь доброжелательным, непостижимым образом изменился, и в нём зазвучали нотки угрозы. — Для начала я бы хотел познакомиться с вашим... идейным вдохновителем.

Заговорщики молчали, отводя глаза. Никто не издал ни звука и не шевельнулся.

— Ну же? — подбодрил лидер. — Кто у вас главный?

Больше всего Марк боялся, что зачинщиком окажется Вадай. Было ясно, что в таком случае шестой семье точно придётся распрощаться с рубром. Но голову поднял смуглый парень в центре.

— Я, — произнёс он хриловатым, словно простуженным голосом.

Марк знал его. Это был Нотт, один из рубров восьмой семьи. На следующий год он должен был стать альбом.

Лидер кивнул.

— Сказать что-нибудь желаешь?

Нотт сверкнул глазами.

— Мы делали то, что должны были. Оправдываться мне не в чём.

— Понятно, — лидер слегка улыбнулся. — И в общем-то похвально. Что ж, в таком случае я просто обязан поговорить с вами всеми по-взрослому. Присядем.

Он взмахнул руками, и многие заговорщики шугнулись. Марк слышал, как фыркнул Ортей. А лидер всего лишь аккуратно спихнул верхний ряд ящиков, подхватил их внизу мягким полем и опустил на пол почти бесшумно.

— Прошу, — предложил он и, когда никто не двинулся с места, добавил с едва заметным раздражением: — Избавьте меня от вашего упрямства, сядьте и выслушайте.

Марк зачарованно наблюдал, как заговорщики один за другим на негнущихся ногах подходят к ящикам и неуклюже опускаются на них. Он вздрогнул, когда Аниса потянула его за рукав по направлению к бочкам в углу. Лидер тем временем спустил ещё один ящик для себя, устроился на нём поудобнее и неторопливо начал:

— Сначала разберёмся, что такое верность. Только не будем брать в расчёт верность слепую, ту, что от любви и благолепия. Такой тип верности редко встречается у людей умных, здравомыслящих. Вот Ортей, глядите, — головы заговорщиков повернулись в сторону бочек в углу, на которых устроились кураторы и Марк, — очень умный и здравомыслящий рен. И в то же время верен мне. Не моему вечному оппоненту Ликтору и не кому-либо ещё. Мне. Почему, Орт?

— Меньшее из зол, — без смущения хмыкнул нотт, и у Марка волосы встали дыбом. Разве так с лидером разговаривают?

— Именно, — невозмутимо подтвердил лидер и вкрадчивым, доверительным тоном продолжил: — А теперь представим, что я совершил некую явную ошибку — например, приказал бы устроить на Арене поединки насмерть. Или отправил бы атров-первогодок в эпицентр боёв. Или, — он весело сверкнул глазами, — подбил бы альтерлидера сдать корону людям. Без боя. Тогда ты бы мне остался верен, Орт?

— Пожалуй, нет, — протянул куратор, будто бы чуя подвох. — Если бы был другой путь.

— То есть, твоя верность не безгранична, правда? Так кому ты верен больше, чем мне? Кумсоре? Ренам? Шестой семье?

— Себе, — отрезал Ортей.

— Лучшая из видов верности, — указывая на него ладонью, обратился лидер к заговорщикам. Те переглядывались, словно спрашивая друг у друга, куда ведёт эта речь. — Заключается в том, что рен поступает именно так, как велят ему внутренние моральные и логические установки. Правда, хороша такая верность лишь у тех, кто умеет правильно анализировать ситуацию. И менять свои убеждения, если понимает, что они устарели или неверны. Иначе... Иначе выходит то, что мы видим сейчас, — он обвёл жестом сидящих рядочком, как на лекции, заговорщиков. — Храбрых, верных себе и своим принципам, но не осознавших ситуацию — или из упрямства не желающих осознавать — молодых ренов.

Какое-то время царило молчание, затем раздался голос Вадая, слегка искажённый злостью и волнением:

— И какова же ситуация?

— Это уже разумный вопрос, — без улыбки ответил лидер. — Но сначала я задам свой. Видели когда-нибудь корабли? Чьи родители живут у моря, в Вироше или Пеноре — точно видели. Остальные — просто представьте... Светит солнце. По воде бегут лёгкие волны. Плывёт корабль. В днище появляется брешь. Что делает команда?

— Заделывает брешь? — неуверенно подала голос одна из девушек.

— Заделывает, — согласился лидер. — А если на море шторм?

Молчание.

— Ну и что? — недоумённо спросила Эйтана. — Брешь-то всё равно заделать можно.

— Конечно, можно. Нужно. Но что, если полкоманды в это время решило вдруг, что капитан слишком плохо справляется с управлением корабля, раз уж его кидает по волнам из стороны в сторону, а в днище дыра, и занята его низложением? Успеет ли оставшаяся верная половина заделать брешь? Заметит ли её вообще, когда вокруг звенит оружие и кричат протестующие?

Снова тишина. Осторожные взгляды.

— А если капитан и правда плохо ведёт корабль? — спокойно спросил смуглый зачинщик. — Иначе откуда в нём брешь?

Лидер рассмеялся.

— Да, действительно... Что ж, просто знайте: существуют места, где полно подводных скал. И даже очень опытные капитаны порой совершают ошибки. Но то, что обычному матросу кажется бездарным управлением, иногда — просто самый безопасный путь между скалами. И маленькая брешь — всего лишь пресловутое «меньшее из зол». Все поняли, что я хочу сказать, или я недостаточно буквально выражаюсь?

Пока заговорщики что-то бормотали в ответ, Марк перехватил взгляд Ортея. Тот покачал головой и слегка закатил глаза. Любовь лидера Форсы к театральным речам была известна на всю корону.

— Теперь к делу, — уже резче, словно заметив жест куратора у себя за спиной, продолжил лидер. — Вы спрашивали, какова ситуация. Докладываю по нашей короне: Авий, Севалия и Рей под полным контролем. Вирош и Пенор ещё вяло сопротивляются, но это дело времени. Самая сложная обстановка на севере, в Эспии. Помимо того, что это народ страшно упрямый, они ещё и дружны, хитры и, как выяснилось, весьма неплохо оснащены. Последнее — дело рук окаянной Мендры, которая лежит ещё севернее и которой не хочется вести бои на своей территории. Куда проще втихомолку подкинуть гордым соседям в помощь оружия и техники. Те приборы, что лишают ренов магии — их изобретение. От самих же мендорийцев, которые сдались подозрительно легко, вообще непонятно чего ждать. А ещё на их землях расположены горы мендийских монахов. И я вас уверяю, что по крайней мере половина слухов, которые ходят об этих людях, не лишены оснований.

— Но мы побеждаем, — с полувопросительной интонацией проговорила кудрявая девчушка со следами слёз на глазах. — Мы же всё равно победим людей!

— Мы возьмём под контроль их правительства, — размеренно ответил лидер. — Но правительство и народ — это далеко не одно и то же. Мы не сможем проконтролировать все очаги восстаний, партизанских движений и диверсий на такой огромной территории. Вдобавок, в мире есть и другие силы, кроме государственных армий.

— Те самые мендийцы? — быстро спросил зачинщик.

— Те самые мендийцы, — согласно кивнул лидер, — со своими ментальными техниками на грани магии. Сарбаниды, «степные стражи» — вездесущие кочевники, о которых мы так мало знаем — но то, что знаем, тоже не внушает оптимизма, — Марк заметил, как при этих словах лидер быстро переглянулся с Ортеем. — Стаст, мелкие поселения так называемых «свободных ренов», тоже официально не вставшие на нашу сторону. Тёмные монахи Дже за хребтами Менда — эти хоть и не на нашей территории, но тоже слишком близко, и если Шадиннан с ними не справится...

Лидер умолк и некоторое время просто разглядывал сидящую напротив молодёжь.

— Всё зыбко, — тихо продолжил он, и Марку послышались в его голосе усталые нотки. — Тьма подводных скал, большинство из которых мы не видим и можем только догадываться о их существовании... Готов ли ты, Рилтан, взять на себя управление этим кораблём? Готов ли доверить его более опытному, но всё равно ни черта не соображающему в подводных камнях Ликтору?

Смуглый рубр бросил на лидера тяжёлый взгляд исподлобья.

— Какое нас ждёт наказание? — буркнул он.

— Я бы не хотел огласки этой некрасивой истории, — в голос лидера вернулись вкрадчивые нотки. — Разумно было бы ограничиться лишением каникул на год и пристальным наблюдением. Но хочу, чтобы вы запомнили: теперь всего один шаг в сторону

— и наказание будет настоящим.

Взгляды, устремившиеся на него, были полны изумления. Марк и сам не верил своим ушам: надо же, так легко отделаться за попытку переворота!

— Свободны, — коротко скомандовал лидер. — Ортей, Аниса, напишите мне к вечеру список здесь присутствовавших, будьте добры.

Несостоявшиеся мятежники один за другим выходили через тёмный коридор прочь из склада. Нотт Рилтан, проходя мимо, смерил взглядом кураторов и задержался на Марке, словно запоминая его.

Лидер остался на своём месте, как и Ортей с Анисой, и Марк понял, что теперь пришёл их черёд отвечать за проступок.

— Я рад, что именно тебе довелось стать свидетелем, — глядя на Марка в упор, произнёс лидер, когда помещение опустело. — Постарайся вынести правильное заключение, — затем он перевёл взгляд на альбов. — Вам я благодарен за труд. Пока что ваша верность себе не вызывает нареканий. Но в следующий раз будьте осторожней.

Развернулся и вышел вслед за заговорщиками.

Глава 8. Весенние каникулы

В последнюю ночь перед каникулами почему-то очень плохо спалось. Марк вертелся в постели, то проваливаясь в сон, то выныривая в полудрёму. Всё время куда-то бежал, что-то искал. Самое мучительное — эти где-то и что-то были совсем рядом. Казалось, вот ещё чуть-чуть... ещё немного — и он добежит. Увидит. Поймёт. Но...

Отчаялся, пытался уже просто отключиться, отказавшись от погони за неведомой целью, снова повернулся на другой бок — и нашёл. Яркий, слепящий сгусток энергии. Пульсирующее, переливающееся пламя. А из него — сотни, тысячи нитей, натянутых до звона; одни толстые, чёткие; другие еле видны; разбегаются во всех направлениях, каждая — к своему истоку... Марк с усилием шёл вперёд, и пламя приближалось. Он видел, как одна из нитей тянется к нему, прямо к его сердцу. Подался вперёд, чтобы прикоснуться... И проснулся от резкой боли.

Оказалось, он со всей дури впечатал руку в стенку — да так, что кости вспомнили о переломе двадцатидневной давности. Наверное, было громко — не разбудить бы наставницу, которая за этой самой стенкой мирно спит...

Пассажирский перевоз плавно катил вперёд, во внешний мир, оставив купол Кумсоры далеко позади. Вдали, за поворотом, уже виднелись очертания Виса — ближайшего к Кумсоре города. Единственного города, к которому из короны вела твёрдая дорога.

Марк откинулся на спинку сидения и остановившимся взглядом смотрел в окно. Голова задремавшей наставницы упала ему на плечо, и от её щеки по руке распространялось приятное тепло — без куртки было довольно зябко.

Отъезд получился сумбурный, суетливый. Вставать пришлось чуть ли не посреди ночи, но даже те, кто оставался в короне, вышли провожать. Все, кроме Виольны.

Уроженцам Вироша, Эспии и западного Пенора, где то и дело вспыхивали восстания, лидеры запретили покидать купол. В спокойную Мендру тоже никого не пустили — все дороги веди через Эспию. А значит, Виольна, Итина, Ромен и Вадай оставались дома. Впрочем, последний никуда бы не поехал в любом случае — но кроме Марка и Ортея об этом никто не знал.

Пронырливый мендориец Талат, однако, недолго думая напросился в Пенор, в гости к своей наставнице Азире. Лидер дал добро, тем более что Ортей тоже направлялся на юг, и всю дорогу Талу предстояло находиться под его надзором. А Карину, которой ехать было некуда, уже не в первый раз забирал к себе Ильдан, чьи родители жили в Висе.

На востоке, в Севалии и Рее, всё было спокойно. Так что запрос по поводу Ниланы тоже был легко утверждён, и Марк витал на седьмом небе от счастья. Настроение портило только одно: им было велено оставаться в форменной одежде в течение всех каникул, чтобы люди знали, что они ареносцы. А для семьи Марка это означало катастрофу: родители, опасаясь всеобщего неодобрения, говорили знакомым, будто их сын учится в Авие, поэтому так редко появляется дома.

Ещё один неприятный сюрприз ожидал на станции в Висе, где остановился перевоз: за ограждением человеческих солдат собралась толпа с плакатами.

— Чего они хотят? — заинтересовался Марк, пытаясь разглядеть крупные авийские буквы на кусках белой и красной ткани.

— Не обращай внимания, — посоветовала сонная наставница и потянула его за рукав к площадке, где Ортей и Аниса собирали вокруг себя своих подопечных.

Но Марк напряг зрение и ухитрился прочитать: «764. МЫ ПОВТОРИМ!» И тут же возмущённо застыл.

— Что они повторяют?

— Вот блин, — Ильдан бросил быстрый взгляд в сторону толпы. — Хорошо, что Вад не видит.

— Так что они повторяют? — не унимался Марк. — Да они победили — точнее, не проиграли — в 764 году только потому, что Ареноса раскололась! Потому что грёбаный восьмой карант...

— Мы тоже учили историю, Марк, — оборвала его Азира. — Не заводись. У них в учебниках всё по-другому написано.

— А как? Как у них написано? — заинтересовался Талат.

Ортей с усмешкой прислушивался к их разговору.

— Вкратце — будто Ареноса хотела захватить мир, — вмешалась Камайла. — А доблестные человеческие войска не дали ей этого сделать. Я на прошлых каникулах сестрёнкины учебники читала, — пояснила она. — Представляете, они реально учат даты всех сражений и имена человеческих героев!

— И не факт, что *это* ложь, а не то, чему нас учат, — вполголоса пробормотала Карина.

Почти все с негодованием воззрились на неё.

— С ума сошла? — воскликнул Талат. — Хочешь сказать, ареносцы действительно хотели поработить людей?

— Почему нет, — невозмутимо передёрнула плечами рубра. — Вад же вон хочет. Вполне себе логичное стремление.

— Ортей! — Талат повернулся к куратору, с видом ябеды указывая пальцем на старшую.

— Никто из нас не видел эту войну, — криво ухмыльнулся нотт. — Никто из нас не знает правды. Может, именно так всё и было.

— Но почему их никто не прогонит? — недоумевала Камайла, разглядывая людей за оцеплением.

— А разве есть закон, запрещающий собираться в одном месте и стоять с плакатами? — Ильдан передёрнул плечами. — Так-то они вреда никому не причиняют.

— Именно, — поддакнул Ортей. — Ранить чувства горстки нежных колдунят преступлением не считается...

— Юг! — раздался усиленный звуком голос. — Южане, сюда.

— Так, — куратор поднял вверх палец и скороговоркой велел: — Марк, веди себя прилично, а главное — осторожно, на рожон не лезь, на провокации не ведись... Понял? А то плакатик его обидел... Ильд, Рина, приглядите за ним, пока восточных не заберут. Зира, Тал, Майла — за мной.

Это путешествие было лучшим за всю жизнь Марка. С Ниланой он столкнулся уже на тепловозной станции в тёмно-красной толпе едущих на восток медиков. Схватил её за руку, свободной ладонью махнул наставнице и Ильдану и запрыгнул в указанный проводящим вагон. И теперь, под мерный перестук, под ареносскую — а то и севальскую или рейскую — болтовню со всех сторон, они пили чай, глядели на проносящиеся в окнах пейзажи и окраины человеческих селений, играли в карты, чесали языками и чувствовали себя самыми

счастливыми ренами на свете.

Марк не понимал, как он раньше мог жить без солнечных зайчиков, игравших в её золотистых волосах, без её светло-голубых, сияющих глаз, без этой застенчивой улыбки. Должно быть, он смущал её своими долгими внимательными взглядами. Четырнадцать часов пролетели так незаметно...

В Мельядиш поезд прибыл почти в полночь. Дальше всё помнилось смазанно: радостная улыбка отца, поспешно выхватывающего рюкзак у Ниланы, старенький соседский электрический перевоз, который папа всегда одалживал, чтобы забрать сына со станции, синий забор родного дома, выбегающая на крыльцо мама, медвежьи объятья старшего брата, визг сестрёнки, которой давно следовало быть в постели...

— Мы думали, вас не выпустят! — стукнул кулаком по столу Давид утром за завтраком. — С этой заварушкой...

— Ну-ка веди себя прилично, — мать отвесила шутливый подзатыльник старшему сыну, что вымахал по меньшей мере раза в два крупнее неё. — Всю мебель переломаешь, своими ручищами-то.

— Мы тоже так думали, — отозвался Марк и вгрызся в мамин фирменный яичный пирог.

Краем уха он слушал, как Майя пытается наладить общение с Ниланой. Первая авийский знала с горем пополам, а вторая практически не понимала по-севальски. Зато, кажется, обеим было довольно весело.

Сестрёнке недавно стукнуло одиннадцать, она родилась уже после того, как брата забрали в корону. Но несмотря на то, что виделись они четыре раза в год (или благодаря этому), она с детства была чертовски привязана к Марку. И на Нилану, которую он неловко представил родным как «свою девушку», смотрела со смесью благоговения и восхищения.

Давид был старше Марка на полтора года и прямо сейчас вполголоса жаловался ему, что вот-вот придётся идти в армию.

— Так что мы с тобой вполне можем оказаться по разные стороны баррикад, — хлопнул он брата по спине, — если вдруг наше правительство передумает и решит дать отпор ареносцам.

Мама суежилась и улыбалась, но Марк чувствовал, как её что-то гнетёт.

— Сегодня обязательно сходите к бабушке, — посоветовала она. — Старушка соскучилась, да и с девочкой будет страшно рада познакомиться, — она кивнула на Нилану, и Марк ощутил новый всплеск беспокойства в её эмоционале.

— Знаешь, — он обменялся взглядами с Ниланой, — нам, наверное, на улицу лучше не выходить. Ареносцам в этот раз запретили появляться перед людьми без формы, а так все точно узнают...

Теперь настала очередь родителей переглядываться.

— Мы всем рассказали, сын, — тяжело произнёс отец. — Всё-таки последнее дело — стыдиться своего ребёнка.

У Марка даже слов не нашлось. В Севалии уродиться колдуном считалось тем ещё позором. А уж религиозным людям вроде родителей Марка приходилось особенно тяжело, если в семье появлялся рен.

— На всё воля всевышнего, в конце концов, — добавила мать. — Если ты родился магом — значит, ему это было угодно. Именно так мы всем и сказали.

— Эй, не переживай, — бодро вмешался Давид, считав выражение на лице брата. — Никто вам ничего не предъявит. Разве что бабушка какая-нибудь косо посмотрит...

— А мои друзья — многие — вообще считают, что рены крутые! — невпопад ляпнула Майя и покраснела.

— ...или малявки из Майкиного класса автограф попросят, — договорил Давид с усмешкой.

Марк твёрдо решил побеседовать с матерью наедине, но всё разрешилось раньше. Нилана смущённо поинтересовалась, где ванная; Майя с готовностью подскочила — Марк не сомневался, что ванной они теперь не ограничатся, а проведут полную экскурсию по дому; и тогда мама перегнулась через стол и шёпотом спросила:

— Сын... Твоя девушка — она что же, эспийка?

Марк фыркнул и едва не облился чаем. Дело-то, оказывается, было в банальной неприязни одного человеческого народа к другому! Отец закатил глаза, а Давид возмущённо воскликнул: «Мама!»

— То есть, это тебя волнует больше, чем то, что она — ренна? — недоверчиво спросил Марк.

— Нет-нет, ты не думай... — принялась отнекиваться мать под смех родных. — Я-то сама не против. Бабушке, главное, не говорите...

Марк не выдержал и выложил всё Нилане, лишь только та зашла к нему. Ей предстояло ночевать на диване в комнате Майи, а ему — у Давида, на раскладушке. Сейчас брата не было, и она свободно ходила вдоль стен, рассматривая рисунки, которых накопилось столько, что под ними почти не было видно шпукатурки. Давид любил и умел рисовать.

— Придётся тебе теперь искать ренну-севалийку, — усмехнулась Нилана и, вопреки опасениям Марка, совсем не обиделась.

Он перестал рыться в рюкзаке и замер, глядя ей в спину. Она остановилась у одного из самых старых, ещё кривеньких рисунков, портрета Марка — ему тогда было лет восемь. Марк не видел её лица, но чувствовал улыбку. Она стояла, сцепив за спиной руки и легонько перекатываясь с пятки на носок; распущенные светлые волосы отливали золотом в солнечном свете.

Марк бесшумно встал и подошёл сзади — вплотную, так, что чувствовал запах её волос. Нилана замерла. Осторожно отодвинув в сторону завесу волос, он легонько прикоснулся губами к её шее, одновременно обвивая рукой плечи. Почувствовал двойную дрожь — её и свою собственную, настойчиво развернул к себе лицом, второй рукой скользнул по талии, притягивая ближе...

— С ума сошёл, — Нилана нервно оглянулась на приоткрытую дверь. — А если кто проходить будет...

— Там в коридоре одна половица скрипит, — успокоил её Марк. — Услышим.

И, уже не совсем осознавая и тем более не обдумывая, что делает, просто предоставил своим губам свободу действий.

— Ой... Простите... — мама поспешно отвернулась, закрывая лицо руками. — Нилана, детка... Ты будешь на обед курицу? А то эспийцы же не едят...

— Да, буду, спасибо, — пробормотала красная как рак девушка, тоже прижимая ладони к лицу. — Мои родители — авийцы... А в короне вообще всё едят.

— Да, точно... Конечно... Извините, ради всевышнего...

И она поспешно ретировалась, на ходу громко скрипнув той самой злополучной

половицей.

— Маркий! — зашипела Нилана. — Бли-и-ин... Как же так...

— Она просто с другой стороны шла, — оправдался Марк. — Из спальни, а не из кухни.

— Чего ты улыбаешься? — яростно накинулась на него подруга. — Как я теперь буду ей глаза смотреть?

— Спокойно будешь смотреть, — озадаченно ответил нотт. — Ты чего, Лана? Ничего страшного же не произошло. Мама — взрослый человек; я думаю, она понимает, что мы с тобой не будем вечно только за ручки держаться...

— Да? А что, прости, мы с тобой ещё будем делать, по мнению твоей мамы?

Марк растерянно умолк, глядя в раскрасневшееся, искажённое злостью лицо подруги. Что это ещё за буря на ровном месте?

— Э-э-э...

Пока он обдумывал, что можно в такой ситуации сказать, с Ниланой произошла новая метаморфоза. Она опустила глаза, покраснела ещё сильнее и тихо, пристыженно произнесла:

— Прости... Что-то меня занесло.

— Всё нормально, — с облегчением выдохнул Марк. — Это я виноват. Не надо было так...

— Нет, правда, — она подняла смущённый взгляд и неловко хихикнула. — Просто я... испугалась, и поэтому разозлилась. Это не нормальное поведение.

— Закрыли тему, — быстро сказал Марк. — Ну что, пойдём к бабушке?

Давид запер дверь и выдохнул. Марк наблюдал за братом с лёгким любопытством: судя по эмоционалу, того весь день распирало от желания что-то рассказать. Видно, информация предназначалась только для ушей Марка, а поймать его одного в течение дня было задачей практически невыполнимой.

— Слушай, только маме с папой не говори, что я тебе разболтал, ладно? — скороговоркой выпалил Давид. — Они просили помалкивать, но ты же у нас не впечатлительная принцесса, в конце концов, и скрывать такое непорядочно, я считаю.

Марк лишь кивал, терпеливо ожидая, когда брат перейдёт к сути.

— Так вот... — Давид прислушался и продолжил: — Они приходили четыре дня назад.

— Кто?

— Военные. Причём не простые солдаты, а явно из специальных частей...

— Зачем?

— Спрашивали про тебя, разумеется, — пожал плечами Давид. — Мама с папой сначала пытались отмалчиваться, увиливать, а я взял и всё рассказал. От отца потом влетело... Но знаешь, они и так были в курсе. Скорее, проверяли нас — насколько мы готовы тебя поддерживать и выгораживать, если что.

— Если что? — повторил шокированный Марк. — Ты уверен?..

— Да слушай, — перебил Давид. — Знаешь же, у меня память на лица хорошая. Так вот, я потом одного из тех, что приходили, каждый день около дома видел. Причём не в военной форме, а в обычной одежде. То он притворяется, что телегу разгружает у соседней лавки, то на скамеечке с газетой устроится, то... Только не говори, как отец, что у меня богатое воображение! — внезапно яростно вскинулся он.

— Я верю тебе, — поспешно среагировал Марк.

— Короче, — Давид с размаху уселся на свою кровать и мрачно воззрился на младшего брата. — Ты понял, да? К чему всё это...

— Думаешь, они что-то готовят? — недоверчиво спросил Марк. — Может, просто перестраховываются.

— Может, — кисло согласился Давид. — Но ты всё равно... Мало ли что.

Марк помолчал.

— Спасибо, — с чувством произнёс он наконец. — Но ты зря переживаешь. Наши лидеры не дураки, не выпустили бы нас во внешний мир, если бы была реальная угроза. Скорее всего, эти ребята просто следят за порядком. Может быть, даже с согласия местных ритмов...

— Как скажешь, — в голосе брата затаилась нотка обиды. — Я предупредил.

Весь следующий день Марка не покидало двойственное чувство. С одной стороны, всё складывалось здорово: Нилана рядом и в хорошем настроении, родные явно рады его видеть, погода тёплая и солнечная... Но в то же время что-то было не так. Марк ощущал это как невнятный дискомфорт где-то за грудной клеткой, над солнечным сплетением. Словно его куда-то тянуло, не оставляя в покое ни днём, ни ночью...

— Всё в порядке? — шёпотом спросила его Нилана, перегнувшись через стол за ужином. — Ты какой-то грустный.

Марк встрепенулся, живо натянул улыбку и закивал. Серьёзно, что может быть не в порядке?

Она ему не поверила — по глазам было видно. Марк притворился, что очень интересуется ужином, ругая про себя свою физиономию. Что это за нотт такой, который позволяет всем окружающим читать собственные эмоции по выражению лица?

Ложась спать в тот вечер, он пообещал себе, что утром встанет с хорошим настроением и будет наслаждаться жизнью.

Обещание сдержать не удалось.

В самый тихий, самый тёмный час ночи они с Давидом подпрыгнули на кроватях от громкого стука в дверь. Зажгли свет, переглянулись и поспешили в гостиную, а затем в прихожую, где отец уже стоял у двери.

— Кто там?

— Ареноса. Открывайте. У нас срочное распоряжение эвакуировать атра Маркия и ученицу-медику Нилану.

— Чем докажете? — отец страшно разнервничался, но голос его не дрогнул.

Марк — даже сквозь металлическую дверь, даже не глядя на стоящих за ней — ощутил раздражение ночных гостей.

— Атр первого года Маркий, шестнадцать лет, шестая семья, наставница — рубра первого года Карина, куратор — альб Ортей, опознавательный номер...

— Всё, не надо дальше, — крикнул Марк. — Открывай, пап.

Отец оглянулся на него и неохотно отпёр дверь. Та скрипнула и впустила в прихожую двух ренов в серой форме. Ритмы, специалисты по связям короны с внешним миром.

— Что случилось? — испуганная Нилана выглядывала из двери в гостиную, за её спиной маячила Майя. — Вы за нами?

— Приказ из короны, — переходя на ареносский, отрезал ритм постарше, невысокий и сухощавый. — Каникулы окончены. Все рены обязаны срочно вернуться в Кумсору. Пять

минут на сборы.

— Почему? — насторожённо поинтересовался Марк. — Почему каникуляров отзывают? Снова были столкновения?

— Нет времени, — напомнил второй ритм, молодой и высокий. — Собирайтесь, будьте добры.

— Куда? — охнула мама, чуть не сбитая с ног Марком, вылетающим из комнаты с рюкзаком. — Что?..

— Прости, мам, — он торопливо обнял её. — Спасибо за всё. Ещё увидимся...

— Нет, стойте! — гневно взвилась она, опомнившись, и кинулась следом, к двери.

Но приблизиться к сыну не смогла — увязла в мягком барьере, поставленном старшим ритмом.

— Прошу прощения, но нам дозволено применять магическую силу в случае сопротивления, — сухо сообщил тот по-севальски, опуская ладонь.

— Поняли, да? — многозначительно подмигнул людям ритм помладше. — Вы хотели — очень хотели — их остановить, но мы использовали магию, и вы ничего не смогли сделать. Детвора, выдвигаемся.

Глава 9. Серый отряд

Старенький магионный перевоз, замаскированный под электрическую модель севалийского производства, медленно пробирался по улицам с выключенными фонарями. Ночь, как назло — или к счастью? — выдалась облачная и очень тёмная. Уличные фонари не горели. С обеих сторон едва различимо высились заборы и стены домов западной части города. Кроны многолетних деревьев призрачно дрожали на ветру над головами.

Ритмы решительно пресекали любые попытки расспросов. Молодой судорожно стискивал руль, вглядываясь в очертания дороги за стеклом; пожилой прижимал руку к энергосборнику, подпитывая машину, и время от времени отдавал краткие указания. Марку оставалось только переглядываться с Ниланой в темноте. Её эмоционал то и дело шёл рябью, а ладонь, которую он сжимал в своей руке, крупно дрожала.

После того, как они в очередной раз стукнулись колесом о камень на обочине, нечаянно съехав с дорожного покрытия, Марк нервно выпалил:

— Впереди какое-то столпотворение...

Старший ритм фыркнул.

— Ясное дело. Нас ждут. Там выезд из города.

— А-а-а... — протянул Марк. — А другого выезда нет?

Командир высокомерно промолчал. Зато ответил, не отрывая напряжённого взгляда от еле видной дороги, младший ритм:

— Есть, конечно. Их пять. И спорить готов, у каждого по куче солдат...

— Лучше работай, нотт, — перебил старший. — Уже достаточно близко.

— Как работать? — растерялся Марк.

Перевоз, не доезжая до следующего перекрёстка, плавно остановился.

— Мысли их прочитай, — с недоумением объяснил командир, выбираясь из машины. — Нам надо знать, как лучше прорваться. Ты чего, не умеешь, что ли?

— Мысли читать — точно не умею, — буркнул атр, но тут же сдался. — Попробую проглядеть эмоционалы. Но не думаю, что это поможет делу.

И закрыл глаза, сосредотачиваясь и не слушая больше недовольного ворчания ритма.

Три эмоционала рядом очень мешали. Всё равно что пытаться расслышать отдалённые звуки, когда под ухом громко тараторят чьи-то голоса...

— Можно потише?! — не выдержал он наконец, резко поднимая голову.

Повисла пауза, затем старший ритм возмущённо крикнул, а Нилана пролепетала:

— Но мы все молчим, Марк...

— Знаю, — устало отозвался пристыженный нотт. — Извините. Просто... Постарайтесь успокоиться, а? Я не могу пробиться через ваши эмоции.

Новая попытка вышла более удачной: по крайней мере, чужие эмоционалы он нащупать смог.

— Двадцать шесть человек, — произнёс он, не слыша собственного голоса. — Спокойны, сосредоточены. Нас пока не заметили, но врасплох застать точно не получится...

Он открыл глаза и выдохнул. Виски отозвались слабой тупой болью.

— Значит, действуем, как и собирались, — отрывисто заключил старший ритм. — Девочка, к главному протеру. Нотт, будешь питать барьер. Шевелитесь!

Марк сграбастал растерянную Нилану под мышку и пересадил на переднее сидение.

Командир забрался назад и, поругиваясь, с трудом раздвинул крышу перевоза, запуская ночной воздух. Молодой ритм с готовностью и даже каким-то азартом повернул ручку на панели, зажигая передние фонари, заранее откинул стеклянную крышку аварийного управления, нажал на педаль. Перевоз рыкнул, загудел и понёсся по безлюдной улице.

Марк нащупал в спинке переднего сидения углубление энергосборника. Тот принял первую порцию энергии неохотно — видно, второй протер давно не использовался. Да и зачем? В мирное время хитроумная защитная система перевоза была ни к чему. Зато сейчас старенький механизм довольно заурчал, заворочался, оплетая их транспорт пузырям барьера.

Марк прищурился, вглядываясь в лобовое стекло, туда, где в окружающей город древней стене виднелся сводчатый просвет. С обеих сторон к нему лепились высокие башенки затейливой формы. А поперёк дороги разлеглись здоровенные бетонные глыбы.

— Проскочим ли? — негромко усомнился молодой ритм, сжимая рукоятку управления.

— Проскочим, — отрезал командир. — Эй, дети! Только не вздумайте прервать подачу! Что бы ни стряслось, слышите?

Уже когда он договаривал, вспыхнул яркий свет, залил пустую улицу и окружающие дома с каменными стенами и острыми крышами. Марк не видел и не слышал, но чувствовал, как два десятка огнестрелов хищно нацеливаются в их несущийся на полном ходу перевоз.

Нилана вскрикнула, когда за грохотом первых выстрелов последовал оглушительный стук пуль по барьеру.

— Держать! — рявкнул на неё старший ритм. Сам он, привстав на заднем сидении рядом с Марком, через раздвинутую крышу страховал их дополнительным полем — на случай, если основное не выдержит.

— Сейчас взрывачки полетят, — почти весело предупредил молодой, когда до арки оставалось совсем немного.

И действительно, тут же вокруг всё полыхнуло и потонуло в грохоте и пламени. Энергосборник пребольно вцепился в ладонь Марка, вытягивая силу быстрее, чем тот успевал отдавать. На какое-то страшное мгновение показалось, будто барьер дрогнул и треснул, но потом остатки взрыва развеялись, и перевоз очутился уже прямо перед огромными серыми блоками, что загораживали проезд.

Марк даже не успел задуматься, как они собираются их таранить, а водитель уже со всей дури треснул кулаком по рычагу на аварийной панели, и машину жестоко трянуло, словно нечто ударило в днище. В следующий момент они непостижимым образом летели, чуть накренившись набок, прямо над блоками. Снова трянуло — это верхний барьер царапнул потолок арки.

Молодой ритм издал просто неприлично громкий ликующий вопль, как только они вырвались за стену. Его заглушил грохот взрыва — со стены вдогонку в них запустили очередным подарком. Марк теперь уже ясно ощутил, что барьер рассыпается...

Машина лишь помоталась из стороны в сторону и выровнялась. Командир ещё какое-то время удерживал спасший их ручной барьер, а потом без сил опустился на сидение. Впрочем, ненадолго — тут же потянулся вперёд, чтобы дать притихшему подчинённому хорошего подзатыльника.

— Эй! — вскрикнул тот, поворачивая голову — но не к старшему, а к Нилане. — Ты чего?

Скорость начала падать. И немудрено — девушка у сборника часто и шумно дышала. По бледным щекам уже бежали слёзы, а эмоционал оцетинился острыми иглами запоздалой

истерики.

— Я сейчас, — выпалил Марк, бесцеремонно отталкивая командира и перелезая на переднее сидение. — Лана, отпускаяй же, ну!

Он насильно оторвал её руку от энергосборника — перевоз дёрнулся — и прижал свою. И только после этого неловко вытащил из-под себя придавленную девушку и одной рукой пересадил на колени.

— Давай её сюда, — раздражённо проворчал с заднего сидения командир.

— Не, нам нормально, — откликнулся Марк.

Перевоз снова плавно катил по тёмной дороге к сплошной стене леса. Нилана у него на коленях крупно дрожала, уткнувшись лицом ему в шею. Молодой ритм кидал на них ехидные взгляды.

— Мы прорвёмся, — вполголоса пообещал Марк не то перепуганной девушке, не то самому себе, стараясь не обращать внимания на нарастающую головную боль. — Всё будет хорошо. До короны не так уж и далеко.

Действительно, рукой подать, насмешливо поддакнул противный голосок где-то в глубине сознания. Каких-то пара дней пути.

— А не проще бы было дойти до Зиндры врассыпную? — недоумённо спросил молодой ритм, когда передатчик умолк. — Большой отряд движется медленнее, и отследить его легче.

— Не нам решать, — сухо отозвался старший. — Раз приказали присоединиться к отряду, так мы и сделаем.

Марк молча поднялся с каменного пола пещеры. Полной грудью вдохнул предрассветного лесного воздуха. Передышка выдалась недолгой.

Конечно, они оторвались от погони. Как бы люди ни гордились своими электрореакционными двигателями, до магических протеров им оставалось далеко. Но продолжать путь к границе по той же дороге было слишком рискованно, и ритмы при первой же возможности свернули в едва заметную прогалину между деревьями.

Весенний лес был полон опавших сухих ветвей и комьев прошлогодней травы. Марку пришлось поработать: высунувшись в люк на крыше, он расчищал дорогу мягким полем, а время от времени оборачивался назад и заметал следы, сгребая часть мусора обратно.

Укрытие ритмы благоразумно подготовили себе уже давно — как раз на случай подобного бегства из Мельядиша. Ничего особенного, просто хорошенько замаскированная ниша в старой скале. Зато внутри отыскался приличный запас продовольствия, одежда, не отсвечивающая опознавательными знаками Ареносы, и — самое главное — рабочий передатчик, благодаря которому удалось наконец связаться со штабом.

— Перевоз придётся оставить, — молодой ритм с сожалением хлопнул машину по крылу. — Эй, ребята, вы как насчёт прогуляться?

— Пешком?! — ужаснулась Нилана. — Нас разве не ждут?

— Ждут у южной границы леса, — старик развернул карту. — Напрямик часа за три осилим. На перевозе придётся делать большой крюк — не меньше часа уйдёт. К тому же, на нём знак Ритмы. Уже светает. Два часа выигранного времени не стоят такого риска.

— Ясно, — кивнул Марк. — Значит, прогуляемся. Ну ты чего? — он настойчиво потянул Нилану за руку, помогая встать. — Каких-то три часа. Да нас в школе в походах по пять заставляли шагать. Без перерывов.

Вскоре, однако, выяснилось, что пять часов по кумсоринской степи — приятная прогулка по сравнению с часом через севалийский лес. В неверном рассветном полумраке корни деревьев выпрыгивали под ноги в самый неожиданный момент. Густая клейкая паутина подстерегала чуть ли не в каждом промежутке между стволами. Ковёр из жухлой травы умело прятал ямы, а порой и целые овраги. В попытках обойти заросли кустарника рены то и дело забредали в самую гущу, а один раз, в низине, едва не угодили в настоящее болото.

— Да что же это! — выдохнула Нилана, в очередной раз вырвавшись из плена на удивление цепкой травой, вымахавшей ей по шею, и тут же вписавшись в ближайшие паучьи сети. — Можно привал? Сил нет...

— Нельзя, — мрачно отрезал старший. — Время.

Марк молча подхватил девушку под руку. Покосился на её лицо: в глазах уже блестели слёзы.

— Вот и срезали путь, — сквозь зубы выдавила она со злостью.

— Это лучше, чем попасться людям в плен, — напомнил Марк.

— Не уверена, — пробормотала она, отцепляя остатки травы от штанов и выплёвывая кусочки паутины, и кивнула в сторону ритмов, ушедших вперёд: — Они даже не знают, куда ли мы идём. Видел, каждые пять минут с картой сверяются?

— Тебе показалось, — соврал Марк, заметивший это уже давно, и потянул её за руку вперёд. — Всё нормально. Скоро выйдем из этого леса. Зато здесь нас никто не найдёт — вокруг вообще ни души, я же вижу...

— Помощь нужна? — произнёс по-севальски незнакомый голос за спиной.

Марк в ужасе крутанулся на месте, Нилана вскрикнула. Всего в паре десятков шагов от них облокотился на ствол дерева тщедушный мужчина в соломенной шляпе. С загорелого лица, по которому Марк бы затруднился определить возраст, из-под полуприкрытых век смотрели тёмные глаза.

— Ты же сказал — никого! — шёпотом воскликнула Нилана. — Почему ты его не увидел?

Марк не ответил — сам мучился этим вопросом. Вместо этого обернулся к ритмам и заорал что было сил: «АЛЕРТ!»

— Ну чего кричать-то, — поморщился мужчина. — Я просто предложил помочь. Не хотите — как хотите.

И он развернулся спиной к ним, собираясь уходить

— Стоять! — выкрикнул подоспевший молодой ритм. — Ты кто такой?

— Я-то? — севалиец замер на месте и повернул к ним только голову. — Я лесничий здешний. Никому зла не делаю и не желаю.

— Почему подпустил близко? — накинулся на Марка старший ещё издали.

— Не видел его эмоционал, — коротко отозвался нотт, а потом добавил с нажимом: — И сейчас не вижу.

После этих слов оба ритма на мгновение замерли. Затем, повинувшись слаженным движениям их рук, в воздухе возникли два жёстких барьера, со свистом полетели вперёд, взметая по пути лесной мусор, и столкнулись под углом, отрезали лесничему дорогу к отступлению.

Тот задумчиво протянул руку, пощупал застывшее пространство перед собой и, наконец, развернулся лицом к ним.

— Стало быть, помощь всё-таки нужна, — безмятежно заметил он.

— Ты рен? Нотт? — спросил старший ритм по-ареносски. — Из короны или дикий?

Севалиец растерялся.

— Ежели вы мне, так я по-вашему не понимаю, — с нотками огорчения в голосе сказал он.

Ритмы переглянулись.

— Вы колдун? — повторил молодой на севальском.

— А! — лесничий просиял. — Нет, господа ареносцы, я не колдун. Некоторые мои земляки, правда, думают иначе. Со мной странные штуки порой происходят, это да. Потому мне и жить вдаль от соседей легче, в глуши. Но на самом-то деле я не колдун, не-е-е, — и протянул вперёд руки, демонстрируя отсутствие астрика, метки Ареносы.

— Странные штуки? — не удержался Марк, вспоминая прочтённые по указу Ортея книги. — Например, какие?

— Можешь показать кратчайший путь до границы леса? — перебил старик, кидая на Марка строгий взгляд.

— С радостью, — широко улыбнулся севалиец. — Стало быть, это вас там ждут.

И не мешкая зашагал вперёд, оставив ритмов насторожённо переглядываться за своей спиной.

— Дальше уж сами, — произнёс их проводник, останавливаясь посреди очередной поляны. Он снял шляпу, обнаружив под ней целый стог тёмных, жестких, торчащих во все стороны волос. — Что-то мне кажется, будто мне не сильно будут рады.

— Дальше? — недоумевающе переспросил молодой ритм, оглядываясь. — Да ты же завёл нас в самую чашу.

— Нет, постойте, — вмешался Марк. — Я знаю, куда идти. Слышу эмоционалы.

Ритмы уставились на него, а потом снова обменялись взглядами.

— Отлично. Благодарим за помощь, — напряжённо ответил старший.

— Ну, я пошёл, — благодушно произнёс севалиец, но сразу же после этого нахмурился и резко ткнул пальцем в сторону Марка. — А ты учти! Та нить ведёт к свету.

— Что? — открыл рот Марк, но лесничий уже снова нахлобучил на голову шляпу и стремительно удалялся вглубь леса. — Нет, стой! В каком смысле?!

— Что он имел в виду? — резко одёрнул его ритм.

— Я бы знал... — развёл Марк руками.

Но перед глазами уже разворачивалась картинка из полузабытого сна: тонкая светящаяся струна, тянущаяся вдаль, к некой неведомой, но зовущей цели...

— Я — форс! — возмутился Марк, тыкая пальцем в чёрно-белую нашивку на своей куртке.

Командир закатил глаза.

— Ты — дитё, — сердито отрезал он. — Несколько пятидневий ученичества в Форсе не дают тебе никакого права с таким гонором указывать мне на эту эмблему. Марш в центр круга, я сказал!

Марк, кипя от злости, вернулся к кучке севалийской малышни, посреди которой торчал, как столб из полевой травы.

— Ты чего? — тут же вцепилась в его руку Нилана. — Там же будет опасно!

Он лишь бросил на неё раздражённый взгляд и промолчал, с трудом подавив желание вырвать руку.

Обещанный отряд оказался горсткой ритмов, сопровождавших подобных Марку и Нилане горе-каникуляров со всей Севалии. Встретили их с негодованием на задержку, но не двинулись до полудня, пока не дождались озверевшего вида молодую ритму, чуть ли не волоком притащившую за собой мальчишку лет восьми. Мальчишка хлюпал носом и пытался стереть с лица следы слёз.

Первое нападение они пережили, когда искали переправу через мелкую речушку. Солнце клонилось к горизонту, а детвора уже даже истерики устала закатывать — брела цепочкой, спотыкаясь, по бесконечным полям да лугам вслед за своими защитниками.

Марк тогда спохватился слишком поздно — будь он внимательнее, почувствовал бы приближение солдат раньше. А так опомнился, лишь когда со всех сторон зазвучали взволнованные команды ритмов. Он послушно упал в сухостой, на ковёр нежной молодой зелени, попутно утянув за собой Нилану и ближайшую девчонку помладше. И лежал несколько минут, прислушиваясь к шороху ударных волн, грохоту редких выстрелов и звону, с которым пули отскакивали от барьеров.

Ту атаку ритмам удалось отбить с лёгкостью — людей оказалось мало. Зато можно было не сомневаться, что вернутся они с подкреплением. Даже Марк это понимал.

И они вернулись.

А Марку, отлично осознававшему, что каждый маг в этом сражении на вес золота, оставалось лишь стоять среди хнычущих малышей, сжимать руку близкой к очередной истерике Ниланы и скрипеть зубами от бессилия.

К первому удару ритмы были готовы: огненный снаряд людей прилетел издалека и не причинил ни малейшего вреда, разбив всего один барьер из поставленного десятка. Но потом подобные посыпались градом, и пришлось куда труднее. Ритмы держались, изредка перебрасываясь короткими злыми командами. Чтобы нанести удар, требовалось подпустить людей ближе. Дети, даже самые плаксивые, примолкли. Нилана тихо опустилась на землю, лицом на колени, и прикрыла руками голову, словно пытаясь защититься от происходящего.

Марк задрал глаза к небу. Лучи заходящего солнца играли отблесками на вразнобой установленных барьерах. Ну кто так делает... Ортей всыпал бы шестым по первое число, вздумай они на тренировках схалтурить подобным образом. А там, чуть левее, вообще дыра. Если какой-нибудь удачливый снаряд попадёт именно туда...

Он оглянулся. Наверное, нужно было сказать командиру или кому-нибудь ещё из ритмов. Или можно было справиться самому.

— Что ты делаешь? — Нилана подняла на него голову.

Марк не ответил, продолжая отработанными движениями подпитывать свой барьер энергией. Тот заполнил пространство между соседними, с лёгким скрежетом столкнулся с ними и в конце концов слился. Энергия плавно потекла по чужим барьерам, объединяя их. Почувывший странное командир резко обернулся. Увидел Марка, воздевшего руки к небу, хотел что-то крикнуть, но лишь сплюнул и вернулся к наблюдению за врагом.

Сверху в очередной раз гроыхнуло — может, даже как раз там, где незадолго до этого Марк успел закрыть брешь. Энергия из его тела медленно утекала вверх, в переливающийся купол. Последние лучи солнца плясали на поверхности...

Солдаты постепенно, с опаской приближались, подкатывали свои машины. Вряд ли в их планы входила смерть детей — народ взволнуется, если узнает о подобных бесчинствах.

Мало кто задумывался, что у маленьких ренов нет выбора — рано или поздно они вырастут и станут взрослыми колдунами, которых уже можно будет и не жалеть. Странная логика.

Ближе, ближе... Давайте же, взмолился про себя Марк. Ещё немного — и ритмы перейдут в наступление. Передняя шеренга резко уберёт барьеры и упадёт на землю, а вторая ударит. Уже даже этого хватит, чтобы нанести достаточно ущерба врагам.

Но техника остановилась на безопасном расстоянии, наставив на противника дула огнестрелов. За массивными жёлто-коричневыми корпусами можно было разглядеть несколько человеческих фигур, беспокоило о чём-то переговаривающихся. Что это они делают, думал Марк. Может, решили подождать, пока у ритмов не закончатся силы держать барьеры? Что ж, удачная тактика. Вон, у большинства руки уже ходуном ходят.

Тут машины снова дёрнулись, тронулись с места и медленно поползли назад, не сводя прицела с кучки озадаченных колдунов. Массивные колёса оставляли за собой широкие тёмные следы.

Марк понаблюдал, как ритмы чешут в затылках, и пришёл к выводу, что не он один ничего не понял. Зачем людям было отступать, имея на своей стороне явное преимущество?

Командир нервно вздрогнул — снова гроыхнуло. Отдалённые звуки боя доносились уже минут двадцать, а впервые послышались через пару часов после того, как измученный отряд остановился на ночлег в рощице за рекой. Хорошо, что большая часть детей и ритмов уже уснула, вымотавшись до предела.

— Надо поднимать всех, — расслышал лежащий без сна Марк голос одного из ритмов. — Идти дальше. Слишком близко.

Командир цыкнул. Его можно было понять: шагать по темноте через дикие леса и степи, опекая кучку сонной, испуганной, хнычущей малышни — перспектива так себе...

Какое-то время висело молчание. Лишь пару раз далёкие взрывы заглушали стрекочущую ночную музыку лесных сверчков.

А Марк всё яснее понимал, почему отступил тот отряд. Должно быть, отправился на подмогу своим, столкнувшись с ареносским карантом. Или наперерез... Кто знает, может тот карант как раз шёл за ними, забрать их назад в корону?

При мысли о доме что-то кольнуло внутри, непонятной тоской отозвалась некая струна. Марк почти физически почувствовал, как его тянет туда — непреодолимо, невыносимо, болезненно... Хоть прямо сейчас вставай и беги. Не было раньше такого никогда, подумал он. Ни на одних каникулах не ощущал он этой ноющей тоски, что донимала его с самого родительского дома...

— Ну так что, поднимать? — настойчиво повторил ритм.

— Поднимай, — сплюнул командир. — Уходим.

Звукачи упрямо шипели. Порой сквозь однородный шум прорывались обрывки слов или неприятные писклявые всплески, но не больше того.

— Не могли же все три одновременно сломаться! — в который раз уже повторил ритм, слева от Марка, вертя в руках один из приборов.

— Это люди, — буркнул его товарищ. — Они что-то смудрили, что передачи не проходят.

Отряд уже даже не брёл — полз. Командир устал подгонять подопечных и просто ходил туда-сюда, поглядывая, чтобы никто не подвернул ногу в темноте (благо хоть луна светила в

эту ночь ярко), кидая мрачные взгляды на шипящие передатчики и тревожные — назад, в сторону реки.

Нилана в очередной раз споткнулась, и Марк с уже нескрываемым раздражением дёрнул её за руку, не давая упасть. Она обиженно вырвала свою ладонь и метнулась вперёд, тут же угодив ногой в канавку и снова едва удержав равновесие.

Марк покачал головой. Умом он понимал, что нужно быть терпеливее. Но сил уже не было. Да и просто не хотелось. Он нарочно замедлил шаг, отстал.

Дикие луга закончились, и теперь они брели вдоль аккуратных рядочков с молодыми зелёными пучками. Кукуруза, наверное, заключил он, взглядевшись в острые длинные листочки, поблескивающие в лунном свете. Листья шевелились на лёгком ветру, поднимая неровный бумажный шум.

Мимо, едва не задев зазевавшегося нотта плечом, промаршировал командир ритмов. Остановился, всматриваясь в ночную даль. Марк машинально повернул голову и проследил за его взглядом.

И замер.

— Пошёл, чего встал, — устало буркнул командир, покосившись на него.

— Там кто-то есть, — холодея, сообщил Марк. — Много...

Накатила беспощадная слабость, и он рухнул на колени. Организм сопротивлялся попыткам нотта разглядеть далёкие эмоционалы — слишком много энергии это вытягивало.

— Кто-то? — с неестественным спокойствием повторил ритм, подхватывая его под руку и поднимая с земли. — Люди? Наши?

— Я... не знаю, — выдохнул Марк. — Не могу...

Он с трудом подавил желание безвольно повиснуть на плече командира и заставил себя переставлять ноги.

— Ребята, что там с вашими чёртовыми звуками? — выкрикнул ритм, когда они догнали остальных.

— Пытаемся, — откликнулся один из серых.

— Пытайтесь быстрее! — сердито отрезал командир.

Марк поднял словно залитую свинцом голову и наткнулся глазами на переглядывающихся ритмов. А чуть дальше виднелось обеспокоенное лицо Ниланы и удивлённые — нескольких детей. Наверное, не ожидали, что здоровяк-форс выдохнется первым.

— Я... могу сам, — невнятно промычал он, освобождаясь от хватки командира.

Сделал шаг, два — и земля снова подло покачнулась.

— Держись, нотт, — на этот раз его подхватил тот самый молодой ритм, что вёл перевоз из Мельядиша.

— Не успеем, — пробормотал Марк непослушными губами. — Быстро приближаются.

Он слышал, как ритм громко повторил его слова командиру. Слышал сдавленные ругательства — должно быть, преследователей уже было видно. Затем — отрывистые команды, возвещающие о начале боя. Кажется, руки, поддерживающие его, сменились. Тёплое дыхание согрело щеку, в ухе раздался шёпот: «Ты как?»

Марк сфокусировал глаза — Нилана обеспокоенно заглядывала ему в лицо. С запозданием сообразил, что почти опустил ограждение и голова пухнет от чужих эмоций. Исправил недоразумение. Стало немного легче. Дрожащими пальцами обхватил собственное запястье, прогнал лёгкий импульс по кругу. Изрядно напугал Нилану, дёрнувшись как

ненормальный.

Занятый этими манипуляциями, он даже не сразу сообразил, что напряжённые голоса вокруг сменились ликующими выкриками. С чего бы?

В ударившем по глазам свете фонарей перевозов показались их преследователи. В чёрной, с нашивками Форсы, форме.

— ...Пришли бы раньше, да не смогли с вами связаться, эти чёртовы солдаты как-то глушат наши звукачи, — слышался голос от большого костра. — А потом ещё наперерез кинулся отряд с тяжёлыми машинами. Непонятно, правда, на что они рассчитывали — может, время потянуть...

Марк сидел у костра поменьше, прижавшись спиной к спине Ниланы. Руки согревала металлическая кружка с горячим отваром, желудок — только что съеденный сладкий рисовый батончик. С каждым глотком в тело возвращались силы.

Он чувствовал, как глаза слипаются, и просто торопился допить прежде, чем провалится в сон. Но когда в кружке оставалось всего пара глотков, рядом с ним кто-то присел на землю.

— Это ты шестой? — спросил мягкий, низкий женский голос.

Марк распахнул глаза. Женщина сидела спиной к костру, и выбившиеся из пучка пушистые волосы зажигали вокруг головы огненный ореол. Он был уверен, что никогда раньше не видел её лица, но эмоционал странным образом казался знакомым.

Марк молча кивнул. Нилана за спиной обернулась и с любопытством разглядывала гостью из-за его плеча.

— Орт просил дать ему знать, как только тебя найду, — пояснила женщина, вытаскивая из-за шиворота камень на тонком шнурке. Она на секунду прикрыла глаза, а затем улыбнулась и добавила: — Я — Ивера, старшая твоего куратора. Ну что, Маркий, домой?

Глава 10. Чужой город

В Висе их разлучили.

Марк, которому велели следовать за Иверой, вяло спросил разрешения оставить Нилану с собой. Получив резкий отказ, не стал настаивать. Лишь кивнул в ответ на испуганный взгляд, брошенный назад, пока её с остальной малышнёй вели к перевозу. И попытался поскорее отогнать неприятную, подлую мысль о том, что он, пожалуй, даже чувствует некое облегчение.

Ивера весь день, проведённый в дороге до Виса, не отходила от него ни на шаг. И почти весь этот день болтала без умолку, вызывая у Ниланы плохо скрываемое негодование. Марка же разговоры, напротив, отвлекали и даже веселили. Отвечая короткими репликами, он успел украдкой, с любопытством разглядеть женщину.

Она то и дело перетягивала заново пучок на затылке — тёмные волосы, очень кудрявые и непослушные, жили своей жизнью и постоянно выбивались из узла. Крупноватый квадратный подбородок портил бы лицо, если бы золотисто-карие глаза не сияли так живо, а улыбка не была бы такой открытой и заразной. Форсы и ритмы, с которыми она перекидывалась хотя бы фразой, тоже непроизвольно начинали улыбаться, а дети теперь с любой просьбой обращались в первую очередь к ней. Марку оставалось только жалеть, что Ортей не перенял у своей наставницы хотя бы капельку добродушия.

Сейчас, уткнувшись носом в самодельную карту, которую им выдали на перевалочном пункте, Ивера уже в одиночку вела Марка по кривым улочкам Виса. Старые трёхэтажные дома по бокам мостовой выглядели безжизненно — если местные и остались в своих жилищах, то сидели не высовываясь. Тут и там на углах парами попадались рены — в основном в серой одежде ритмов. Подозрительно вглядывались в двух спешащих куда-то форсов. Самым любопытным Ивера бросала «каникуляр», кивая на Марка, и их тут же пропускали.

Сердце Марка исполнило сальто, когда за очередным поворотом показалась знакомая сутулая фигура. Ну кто бы мог подумать, что он будет так рад видеть своего окаянного ворчливого куратора!

— Надо же, живой, — протянул Ортей с наигранным удивлением в голосе. — Любишь заставлять себя ждать, атр? Марш за мной, наши домой хотят. Вера, ты с нами?

— Обрато в карант, — откликнулась Ивера, грубовато приобнимая своего младшего. — Не встревайте тут больше ни во что, будьте так добры.

«Наши» устроились в просторном вестибюле некой городской конторы и оказались рубрами шестой семьи (за исключением Виольны) и Анисой в компании двух своих рубров.

Появление Марка было встречено бурно. Ильдан с перевязанной головой что-то быстро тараторил прямо в ухо. Бледная Азира обеспокоенно ощупывала его и спрашивала, всё ли в порядке. Вадай сердито и бессвязно орал, как Марк всех напугал, и хлопал его по плечу здоровой рукой — вторая висела на перевязи. Изкор и Пантел из пятой семьи вместе со своей беловолосой кураторшей устало, но приветливо улыбались за спинами шестых.

Но Марк с самого порога смотрел в дальний угол комнаты — туда, где приникла спиной к стене наставница. И её улыбка — слабая, едва заметная, но такая непривычная — радовала куда больше громких возгласов остальных.

Незримая нить, всё это время болезненно тянувшая куда-то, ослабла. По телу разлилось

чувство свободы.

Многоэтажные здания Виса толпились вокруг, запирали в лабиринте стен всех оттенков серого. Яркие вывески хоть и разбавляли унылую картину, но и добавляли ей неряшливости. Клонящееся к закату солнце временами внезапно прорывалось в промежутки между домами, игриво прыгало в глаза, пробегало бликами по пыльным оконным стёклам. Впрочем, создавалось впечатление, будто и оно чувствует себя не в своей тарелке здесь, среди металла и камня...

Марку никогда не нравился этот город.

Было стыдно признаваться самому себе в том, как он истосковался по комфорту, но видения аппетитной домашней еды и тёплой мягкой постели то и дело выпрыгивали перед глазами. Оставалось-то одолеть пару километров до перевоза, который за считанные часы доставит их в корону, под надёжный купол, подальше от всего этого. Когда Марк последний раз спал? Не урывками, а полноценным ночным сном, путь и безжалостно (как ему раньше казалось) урезанным...

— Под ноги смотри, атр! — огрызнулся на него Вадай, оборачиваясь. — Ты мне второй раз уже на пятку напрыгиваешь.

— Прости, — торопливо отозвался Марк. Затем внезапно осознал, с кем разговаривает, и вполголоса добавил: — А ты что здесь делаешь? Тебе же лидер запретил выезжать из короны...

— Замолкни, — шикнул Вадай, быстро огляделся и сердито пояснил: — Я у него лично спросил, когда подкрепление набирали, вас вытаскивать, и он дал добро, понял? И вообще, тебя не касается.

Отвернулся и принялся сосредоточенно разматывать бинты на руке — даже тяжёлые травмы у ренов заживали за считанные часы, если грамотно направить энергию.

Марк виновато дёрнул плечами. Вздыхнул, вытащил на ходу из-за пазухи шнурок с камнем — надо бы узнать, как дела у Ниланы. Уже сосредоточился, чтобы лучше настроиться на её эмоционал — но не успел: воздух словно бы вздрогнул, а уши накрепко заложило, будто кто-то подкрался сзади и запихнул в каждое по куску ваты. Он испуганно потряс головой. Не помогло. В панике заозирался и обнаружил, что у остальных та же проблема. Нашёл взглядом что-то орущего и показывающего пальцем в сторону Ортея, но не смог разобрать ни слова.

Куратор махнул рукой, и в голове, теперь уже чётко, раздался его мысленный голос: *«Все врассыпную! Прячьтесь!»*

Марк метнулся в сторону и куда-то побежал, доверившись своим ногам. И только спустя некоторое время сообразил, что «врассыпную» — не значит «подальше», и необязательно поодиночке. Лучше было бы не терять из виду Карину...

Он прижался к стене одного из домов и принялся оглядываться. Поздно — в обозримом лабиринте серых стен никого не было. Невидимая нить снова болезненно стянула солнечное сплетение. Кроме того, начало подводить тело: поле зрения катастрофически сузилось, к горлу подкатывала тошнота, сердце колотилось в сумасшедшем ритме, пальцы дрожали. А ещё он решительно не мог сказать, сколько времени прошло после приказа Ортея — несколько секунд или полчаса — и в какую сторону бежал.

Ледяная волна страха прокатилась по коже. Рядом, как показалось, раздался звук, похожий на выстрел — и Марк, проявив неожиданную для самого себя скорость реакции,

выбросил вперёд руку, создавая барьер...

Попытавшись создать барьер.

Вторая и третья попытка закончились не менее плачевно. Уже не столько напуганный, сколько рассерженный, он швырнул в соседний дом несуществующую ударную волну. Замер.

Если бы стреляли в него, он был бы уже мёртв. Вот тебе и хвалёная магия, что всегда при тебе...

Те штуки. Как там их называли — блокеры?.. блокираторы? Хитрые механизмы, подавляющие реннику, о которых передавали звукачи, из-за которых погибли те форсы, включая Антиса. Вот как они работают.

Изнутри поднималась новая волна паники. Опомнившись, он завертел головой. Выстрелы слышались совсем рядом — кажется, из-за соседнего двухэтажного дома...

Он уже было метнулся прочь, лихорадочно соображая, где бы спрятаться, как из-за угла выпрыгнула тёмная фигура, и сквозь вату в ушах раздался выкрик «Стоять!» на авийском.

Марк снова застыл на месте, не сводя взгляда с незнакомого молодого альба. Тот был не менее напуган, чем он сам, а металлический предмет в руках ощутимо дрожал. Разглядев, что именно держал альб, Марк нервно хихикнул. Надо же, рен с огнестрелом.

— Атр? — напряжённо спросил альб, не опуская оружие. Марк скорее читал его слова по губам, чем слышал. — Семья?

— Шестая, — отозвался Марк, осторожно поворачиваясь боком, чтобы было видно нашивку на плече.

— Почему один? Где твои? — резко спросил форс, но не стал дожидаться ответа. — Сюда, в дверь, живо. Закройся изнутри и сиди тихо, пока не разберёмся с мятежниками.

Марк кивнул и послушно юркнул в приоткрытый подъезд. Запереться не смог — ключа в скважине не было, как и задвижки на двери. Схватился за ручку и потянул на себя, гадая, достаточно ли будет этого. Сверху с лестничного пролёта свесилась чья-то голова, ахнула по-старушечьи и исчезла. А Марк мрачно подумал, что сейчас и человеческой старушке не составит большого труда одолеть его, обессиленного и лишённого магии.

Полумрак просторного вестибюля звенел тишиной. Вытертый подошвами мозаичный пол уходил широкой лестницей на пол-этажа вверх, к разномастным дверям квартир. Сколько из их обитателей сейчас замерли у дверных глазков с каким-нибудь кустарным оружием наготове, наблюдая за перепуганным колдуном? Слегка успокоившись и взвесив перспективы, Марк прикрыл глаза и позволил себе расслабиться. Ортей говорил, что ноттика не связана с магией. А значит, должно получиться...

В квартирах действительно обнаружили напряжённые жители, сбившиеся кучками, но Марка они не интересовали — он мысленно пополз прочь, уцепившись за знакомую нить наставницы. Голова снова вспыхнула болью. Не обращая внимания, он упорно продолжал двигаться дальше и дальше, сквозь скопления людей — всевышний, как же их много в этих муравейниках — к уже ощущаемому вдали огоньку. Даже если сил не хватит найти его, хотя бы будет знать направление.

Нашёл — уже тогда, когда готов был сдаться, и тут же обругал себя последними словами. Все были в сборе. Все, кроме него. Никому больше не пришлось в дурную голову улепётывать невесть куда после приказа куратора.

Он открыл глаза и тут же повалился на пол, отпустив ручку. Пульсирующая боль в затылке стала невыносимой. Отдышавшись, понял, что лучше было искать эмоционал Ортея — могло получиться мысленно связаться с ним и попросить помощи... Но сил на такие

подвиги уже не осталось.

Пришлось просто идти. Подниматься с холодного пола, взгромождать своё тело на дрожащие ноги, выбираться, шатаясь и спотыкаясь, из убежища, переставлять ступни шаг за шагом, жаться к стенам домов.

В одном из переулков звучал бой. Марк осторожно высунулся из-за угла, понаблюдал, как пятеро человеческих стрелков, растянувшись цепочкой, медленно двигаются вдоль улицы, изредка постреливая. Видел, как один из них упал. Оставшиеся четверо попробовали было отстреляться, но в итоге поспешно отступили. Между домами мелькнуло несколько чёрных силуэтов. Но если магия не работает — это что же, форсы в самом деле стреляют в противников из человеческого оружия?

Постояв ещё немного в обнимку со стеной и послушав удаляющиеся отзвуки выстрелов, Марк вынырнул из размышлений и побрёл дальше. Брёл почти наощупь — в глазах нещадно темнело. Споткнулся обо что-то мягкое, едва удержал равновесие. Присел на корточки, чтобы поближе разглядеть тело того самого упавшего из пятёрки человеческих стрелков. Его рубашка, тускло-жёлтая с грязноватым зелёным отливом, была украшена широким тёмным пятном с маленькой дырочкой посередине. Светло-голубые глаза удивлённо глядели с юного лица в небо между крышами домов. Паренёк-то был не намного старше его самого, отрешённо подумал Марк.

А руки уже сами тянулись к левой конечности солдата, сжимавшей огнестрел, разгибали ещё тёплые пальцы. Оружие оказалось тяжёлым и каким-то неестественно холодным. Марк задумчиво оглядел механизм. В Школе их натаскивали стрелять из таких. Юные рены каждый раз поднимали учителя на смех. Зачем магам уметь пользоваться человеческим оружием, удивлялись они. Ведь рены сами по себе — ходячее оружие!

Прости, учитель. Спасибо тебе.

Он двинулся дальше, сжимая в руках страшную металлическую штуку, сестра которой только что оборвала жизнь голубоглазого человеческого паренька. Происходящее утрачивало последние признаки реальности. Точно, это просто сон, что же ещё.

Приближающегося врага он почувствовал буквально за несколько мгновений. Их хватило, чтобы поднять руку с огнестрелом, а второй отщёлкнуть закреп, блокирующий стрельбу.

Человек выскочил из-за угла как опшаренный. Разве так ведут себя солдаты, рассеянно удивился Марк. Палец сам нажал на рычажок — тот сперва никак не хотел поддаваться, зато потом пошёл мягко и охотно. Руку беспощадно дёрнуло, в плече — уже ушибленном, оказывается — разлилась боль.

Солдат подпрыгнул от неожиданности, нелепо взмахнул руками. Бросил быстрый взгляд на разбившееся окно за спиной. Замер, уставившись на Марка.

Вот и всё, подумал нотт. Промазал. Сейчас он выхватит свой огнестрел и мигом отправит меня, придурка, на тот свет.

Человек, однако же, ничего такого не сделал. Понял, что Марк больше не собирается стрелять, медленно-медленно попятился, не сводя с него взгляда, а затем развернулся и припустил со всех ног дальше.

Марк прислонился к ближайшей стене и тихонько рассмеялся всей нелепости ситуации. Создавалось впечатление, что по городу носятся поодиночке растерянные малолетние рены и люди, хаотично сталкиваясь и пугаясь друг друга. Честно говоря, он немного по-другому представлял себе военные действия.

На город спускались сумерки, а он всё стоял, обнимаясь с той же стеной, пока не ощутил приближение ещё пары эмоционалов. Почти сразу же, раньше, чем он их узнал, по телу разлилось облегчение. Первой показалась белобрысая макушка Вада, осторожно высунувшаяся из-за металлической ограды через несколько дворов, затем выскочила мелкая фигурка Карины и со всех ног помчалась к Марку.

— Ранен? — отрывисто спросила она, ощупывая его глазами. — Куда?

— Нет, — удивился Марк. — С чего ты взяла?

— Мы слышали выстрел, и тут ты, еле на ногах стоишь, — отозвалась она, всё ещё недоверчивая оглядывая его со всех сторон.

— Это я от смеха, — пояснил Марк.

— В голову, наверное, попало, — заключил подоспевший Вадай. Сжимая в руках огнестрел, он напряжённо обводил прицелом ближайšie здания. — Тебя какой чёрт дёрнул свалить так далеко, атр?

— Показалось, Орт приказал убегать, — неловко ответил Марк, сам удивляясь своей глупости. — Вы меня как нашли?

— Орт нашёл, — Карина жестом велела ему следовать за ней, и Марк повиновался.

— А сам он где?

Ему не ответили: Вадай лишь фыркнул, а Карина сжала зубы.

— Он в порядке? — настойчиво спросил Марк, слегка обеспокоенный.

— Был, по крайней мере, — неохотно отозвалась Карина. — Пока не попёрся с Анисой на пару искать ту штуку, которая заблокировала магию.

Марк кивнул. Это было вполне в духе куратора.

Поступок Ортея, как позже выяснилось, был достаточно наглым неповиновением приказу. Сразу после позорного бегства Марка отряд взрослых форсов нашёл остальных. Командующий аргент велел кураторам затаиться со своими подопечными в одном из домов и не выходить до распоряжения командования. В общем-то, Ортея можно было понять: сидеть в четырёх стенах, ничего не делая, в то время как в городе такое творится — да Марк и сам испытал подобное, стоя в кольце ритмов среди хнычущих детей.

Но старших не было уже больше часа.

Разговоры не умолкали, хотя казались ну совсем натянутыми. Все по очереди повертели в руках добытый Марком огнестрел — модель оказалась новой, не чета тем, какими снабдила Кумсора своих ренов. Откупившись от расспросов коротким рассказом — уж больно неприятно было вспоминать глядящие в вечернее небо глаза мёртвого солдата, — Марк только во внимательном, быстром взгляде наставницы нашёл понимание. Поразмыслив, решил, что она здесь единственная, кто хорошо знаком со смертью. Уютней от этого вывода не стало.

Карина сидела, как всегда, в углу, съёжившись и без конца теребя шнурок с круглым камнем. И только когда она в очередной раз вытащила его из-за пазухи, Марк вспомнил, что вообще-то собирался отыскать Нилану, и потянулся за своим кулоном.

Провёл рукой по шее раз, другой. Запустил за пазуху. Замер, похолодел. Затем задрал рубаху и принялся шарить ладонью по груди, приводя в замешательство товарищей.

— Всё в порядке? — обеспокоенно спросила Азира.

— Потерял, — тоскливо отозвался Марк и, опомнившись, махнул рукой: — А, ничего страшного. Новый сделаю.

Теперь он вспомнил: камень как раз был у него в руке, когда включилась эта проклятая машина. Его тогда словно по затылку приложили. Рука, должно быть, дёрнулась, и шнурок порвался, а ошаренное сознание это событие пропустило. Столько труда, любовного наращивания ниточки на ниточку... И успел ли всё-таки уехать перевоз с каникулярами, куда посадили Нилану? Если он попал в радиус действия блокирующего устройства, то вряд ли — магионный двигатель работает на энергии ренов. Теперь уже и не узнать.

Его сожаления были оборваны вскочившей на ноги Кариной.

— Идут! — сообщила она, сжимая кулон и хмурясь. — Нужна помощь... Орт говорит, пусть Ильд и Вад выйдут, остальным остаться, — после заминки добавила она недовольным тоном.

Оставшиеся в помещении рены подобрались, переглядываясь: жестокое давление в воздухе не исчезло, магия не вернулась — значит, Ортей провалил самовозложенную миссию. Почему — выяснилось, когда парни осторожно занесли куратора, безвольно повисшего у них на плечах.

— Что стряслось? — ахнула Азира, подсакивая к старшему с аптечкой наготове.

— На него дом упал, — мрачно сообщила Аниса, сама на вид невредимая, но чудовищно перепачканная в чём-то вроде светло-серой пыли. — Когда нам до этого чёртова механизма с десятков шагов оставалось...

— Так вот сам и упал? — скептически хмыкнул Ильдан.

— ...Надо его расхреначить, — простонал Ортей. — Идём туда.

— С ума сошёл! — задохнулась от возмущения Азира. — Во-первых, у тебя нога сломана в двух местах...

— ...Обезболивающее коли, — перебил Ортей. — И идём.

— Тогда не будет заживать! Боль запускает регенерацию...

— Оно и так не будет, — вмешалась Аниса. — Магии нет. Чтобы начало заживать, надо выключить ту чёртову машину.

— Это не наше дело, — твёрдо сказал Изкор. — Нам лучше найти кого-нибудь из альбов или аргентов и сообщить, где эта штука спрятана. Блин, жаль, звуачи не работают...

— Все бойцы сейчас в центре города, пытаются оттеснить людей, — огрызнулся Ортей и поморщился — Азира всё-таки вколола ему обезболивающее. — Пока кого-нибудь найдём, уже поздно будет...

— Значит, надо просто пойти и сделать, — отрезал Вадай. — Чего думать-то? Уничтожим блокатор — наши сразу же вернут магию и вышвырнут людей.

— А кто пойдёт, Вад? — одёрнул одногодника Ильдан. — У нас из альбов только Ниса и осталась.

— Я пойду, — не дослушав, ответил белобрысый.

— Я тоже, — Карина, к удивлению Марка, вскочила на ноги.

— Нельзя, мы не бойцы! — ужаснулась Азира. — Нам же потом ещё и влетит в штабе!

— Какой, к чёрту, штаб, Зира? — поразился Вадай. — Там наши гибнут!

— У каждого свои обязанности и полномочия, — Изкор встал рядом с женой и положил ей руку на плечо. — Если все в первой же непонятной ситуации бросятся нарушать устав, ничего хорошего не выйдет.

Вадай в бешенстве смерил их взглядом. Какая красивая пара, говорили про них в короне — оба высокие, темноволосые, с прямыми одухотворёнными чертами лица.

— Трусость — это не то, что в уставе... — начал он, но Аниса неожиданно громко

рявкнула:

— Прекратить! Со мной четверо добровольцев, — она тяжело поднялась на ноги. —
Остальные остаются.

Вадай с готовностью подскочил к двери. Карина встала рядом. Пантел из пятой семьи и
Ильдан одновременно шагнули следом.

— Кто-то один, — возразил им Ортей. — Марк должен пойти.

— Нет, — тут же встала Карина. — Он атр и неважно себя чувствует. Слишком
рискованно.

— Я сказал: без нотта вы никуда не пойдёте, — прошипел Ортей. — Бегать по этим
бетонным кишкам вслепую — самоубийство.

— Это ты сейчас всех, кто не нотт, слепошарыми обозвал, да? — проворчал Вадай.

— Реально, ребят, — нахмурилась Аниса. — Там за каждым углом может ждать засада,
а на каждой крыше — по стрелку... Мы бы и на пару шагов не подобралась, если бы Орт их
всех не видел.

Марк пошёл мурашками. Он вовсе не был уверен, что сможет увидеть «их всех».

— Время, — напомнил Вадай. — Жребий тянем — и идём?

Глава 11. Потерянная мысль

Ночной воздух оказался довольно морозным, и пар невесомыми облачками вырывался изо рта. Грязный снежно-ледяной налёт на тротуарах чуть слышно поскрипывал под пятью парами ботинок. Ярко освещённые широкие улицы чередовались с тёмными закоулками, где приходилось пробираться едва ли не на ощупь.

Марк старался не морщиться от боли. Ортею легко было говорить, но сканирование окрестностей добивало и без того измученный организм. Когда становилось совсем худо, Марк сдавался и просто машинально переставлял ноги, цепляясь в потёмках взглядом за широкую спину Пантела. Последний, к огромному неудовольствию и многословным протестам Ильдана, выиграл жребий.

Аниса щадила молодого нотта и просила о помощи только в потенциально опасных местах: перед хорошо простреливаемыми открытыми пространствами, в подозрительных переулках и возле высоких зданий. Марк послушно прочёсывал округу, но за весь путь им так и не встретились ни человеческие солдаты, ни рены — бои полностью переместились в другую часть города.

Выходило, никто из ареносцев не знал, что блокатор магии где-то здесь. Кроме них. А от передатчиков толку не было — на все попытки связаться с кем-нибудь из боевиков звуками как один реагировали ровным шумом.

Было ясно, что по уставу Анисе следовало идти одной, и не на поиски блокатора, а в район боевых действий. Отыскать командование, доложить о находке. Но тут Ортей был прав — каждая минута задержки могла стоить очередной жизни кого-нибудь из ренов.

— Ещё немного, — произнесла Аниса, пристально вглядываясь в темноту из-за угла. — Вон то пятно слева — дом, который рухнул на Орта. А чуть правее, где горит фонарь на столбе — строение с большим внутренним двором. Там мы эту чёртову машину и видели. Надеюсь, её не перевезли. Маркий, — она резко повернулась к нему, — сможешь проверить, сколько их? Такую штуку вряд ли оставили бы без хорошей охраны.

— Надо ближе, — бесцветно ответил Марк, по-прежнему пытаясь не делать страдальческое лицо.

— Значит, подойдём ближе, — Вадай аж подпрыгивал на месте от нетерпения.

— Слишком открыто, — Карина высунулась из-за Анисино плеча, тоже изучая местность. — Если вон в той многоэтажке сидит стрелок, Марк не сможет его увидеть. А попасть по нам из хорошего огнестрела — пустяк даже в темноте.

— Никто там не сидит, — возмутился Вадай. — Сама же видела — они все свалили отсюда.

— Предлагаешь делать громадный крюк, чтобы обойти этот пустырь, будь он неладен? — скептически поморщился Пантел. — Всевышний с тобой, Рина, это же ещё минут двадцать, не меньше...

— Мы с Ортом обходили, — заметила Аниса. — Но тогда здесь люди были на каждом шагу и не так темно...

Все умолкли, подозрительно прочёсывая глазами все места, где могли бы затаиться враги. Марк, воспользовавшись заминкой, тяжело опустился на землю и зажмурился. Перед глазами прибоем набегали красные волны.

— Время, — снова нетерпеливо напомнил голос Вада. — Ниса?

— Я пойду первой, — решила беловолосая. — Если доберусь без происшествий, дам знак «за мной». Если что-то случится — уматывайте обратно к Орту. Всем ясно?

Марк открыл один глаз. Пантел всем своим видом показывал недовольство планом, но вслух перечить старшей не решился.

Аниса без лишних слов развернулась и, пригибаясь, побежала через пустырь. Вместе со всеми остальными Марк замер, не упуская из виду стремительный силуэт альбы и каждый миг ожидая грохота выстрела...

Но всё было тихо. Лишь стая серых городских птиц, тревожно хлопая крыльями, взмыла вверх с места ночлега.

Марк принял протянутую руку Карины и вскарабкался на ноги.

— Приготовились, — тихо скомандовал Пантел. — Вперёд!

Ночной ветерок прошёлся по лицу, возвращая мыслям ясность. Странно: эта дистанция казалась такой большой, пока бежала Аниса, но на деле же хватило нескольких мгновений, чтобы преодолеть её.

— Давай, нотт, — тихо, но яростно произнесла Аниса, едва он, отдуваясь, нырнул под покрытие металлического забора рядом с ней. — Сколько их там?

— Всего четверо, — удивлённо сообщил Марк, всматриваясь в эмоционалы врагов. — Четверо! На страже только один и смотрит совсем в другую сторону. Двое вообще дремлют... Ай, блин...

На этот раз гримасу сдержать не удалось — в голове словно что-то взорвалось. На плечо опустилась маленькая, но уютно-тёплая ладонь. Он приоткрыл глаза — Карина.

— Отдыхай, — мягко прозвучал Анисин голос. — Дальше сами разберёмся.

Марк с облегчением прислонился спиной к забору, вполуха слушая, как остальные, сидя на корточках вокруг него, спорят, как лучше подобраться к зданию. По их словам, это был невзрачный приземистый барак с внутренним двором с другой стороны. За двором, судя по всему, и наблюдал дежурный солдат. С этой же стороны за высокой металлической оградой лежал обширный огород, но зато за ним — широкое освещённое окно с приоткрытой форточкой, в котором рены сквозь щель в заборе разглядели движение.

— Не заметят! — разгорячённо шептал Вадай. — Я тихо бегаю. Метнусь по грядкам, кину взрывачку и спрячусь за тот сарай, делов-то! Вам потом останется только того, что на стрёме, снять — он по-любому прибежит и высунется.

— Я всё-таки за дымовую, — с сомнением в голосе произнесла Аниса. — Так даже если промажем, никто из нас не пострадает.

— Если перепугаются и начнут палить, — вмешалась Карина, — этот забор нас не защитит.

— Да и эффект неожиданности потеряем, — поддакнул Пантел.

Они на несколько секунд умолкли.

— Командуй, Аниса! — поторопил Вадай. — Я не подведу!

Марк разлепил веки, чтобы взглянуть на старшего. Смотреть было на что: светло-карие, с желтизной глаза блестели в свете фонаря так живо, что сейчас рубр напоминал беса из севалийских сказок.

— Аниса?

Куратор закусил на миг губу, но затем велела:

— Делай.

Губы Вадае растянулись в недоброй улыбке, прибавив ему ещё больше сходства со

сказочным персонажем. Он бодро вскочил на ноги и, схватившись за верхний край забора, ловко и бесшумно перемахнул на ту сторону.

Все сразу же припали к щелям и дырочкам, и даже Марк ухитрился найти себе одну. Но едва он разглядел фигуру бегущего старшего...

Резкий звук прорезал ночную тишину. Марк потрясённо наблюдал, как Вадай, нелепо взмахнув руками, запнулся и полетел на землю. В груди неприятно дёрнуло, словно оборвалась, не выдержав натяжения, некая нить.

Второй выстрел раздался почти сразу же и совсем рядом. Повернув голову, Марк уставился на стрелявшего — это Карина замерла во весь рост, сжимая обеими руками огнестрел. Оружие смотрело куда-то в сторону, вверх кроны ближайшего дерева. Нотт проследил взглядом траекторию прицела — до плоской крыши одного из зданий. Там, за низеньким бортиком, едва виднелась в свете луны человеческая фигура. Секунду она была неподвижна, затем качнулась, наклонилась вперёд и полетела вниз с высоты нескольких этажей.

— Я его не видел, — в ужасе пробормотал Марк, но тут же понял, что никто не слушает.

— Ниса, они идут! — сообщил прильнувший лицом к забору Пантел.

Марк снова взгляделся в огород за забором. Из окна осторожно выглядывали двое. Рассмотрели лежащее посреди пустых ещё грядок неподвижное тело в чёрной форме. Обменялись взглядами, кивками — и вот один из них распахнул створки настежь и выпрыгнул в огород. Второй ещё какое-то время продолжал насторожённо водить прицелом, прикрывая товарища, затем спрыгнул следом.

Пантел пытался приладить дуло огнестрела сначала к щели между листами металла, затем к отверстию из-под выпавшего шурупа. Аниса прервала эти манипуляции, хлопнув младшего по плечу и покачав головой. Карина дотронулась до её локтя, указала на сумку, что висела на поясе альбы и жестом изобразила, будто поворачивает рычажок взрывачки. Кураторша нахмурилась, но кивнула.

За забором тем временем один из солдат деловито обыскивал тело Вадая, второй же внимательно водил прицелом вокруг — без особого, впрочем, энтузиазма. Наверное, решили, что Вадай — одиночка.

Аниса дождалась, когда солдат отвернётся. Щёлкнула рычажком. Бесшумно размахнулась и швырнула приборчик вверх. Одновременно с остальными Марк зажал уши и упал на землю, приготовившись к взрыву и ударной волне.

Которых не последовало.

Всё, что он расслышал — это приглушённый стук приземлившейся на мощёную дорожку взрывачки. А в следующий момент в забор громыхнул первый выстрел.

Крик Анисы, приказывающий отступить, застал Марка уже на ногах. Ну надо же, в такой ответственный момент — и попалась бракованная!

Далеко убежать не удалось. Оглушающий грохот, наподобие того, какой они ждали после броска Анисы, сбил с ног. Марк перекувыркнулся, с трудом разобрался, где земля, а где небо. Всё ещё лёжа, судорожно выставил свой огнестрел — одна из опор не выдержала, и сразу две секции забора криво рухнули. Нажал — промазал.

Люди, судя по всему, тоже не рассчитывали оказаться лицом к лицу с врагом, ещё и в два раза превосходящим числом. Оба поспешно попятились к дому.

Марк скорее почувствовал, чем увидел, что оба огнестрела в их руках нацелены на него. Похоже, он был самой удобной целью — крупной, хорошо освещённой и лежащей...

Что-то тёмное метнулось вперёд, закрывая его от выстрелов, которые прогремели мгновением позже. Сердце остановилось — Карина упала. Впрочем, тут же перекатилась на бок и вскочила невредимая. Марк понял, что она лишь отвлекла стрелков, заставив их дёрнуться и промазать. Вскарабкиваясь на ноги, Марк видел, как рухнул один из солдат — наставница ещё и выстрелить успела...

Заметил краем глаза шевеление, повернул голову — это Аниса пыталась оттащить в сторону неподвижное тело Пантела. Неужели ещё один, с замиранием подумал было Марк, — но рубр приоткрыл глаза и едва слышно застонал.

Движение впереди снова привлекло внимание — похоже, двое оставшихся солдат всё-таки решили бросить свои посты и прийти на помощь товарищу.

— Чёртов пустырь, — в полный голос выругалась Аниса. — Не успеем... Эй, нотт, ты чего?..

Марк уже бухнулся на землю, словно на мягкий пол в тренировочном зале с намерением помедитировать, и закрыл глаза.

— Не мешай ему, — раздался спокойный голос Карины. — Помоги прикрыть.

Марк сосредоточился, нащупал самого себя посреди пустыря, нащупал огни ещё трёх эмоционалов совсем рядом, расползся мыслью дальше...

Отдалённый грохот. Что-то горячее обожгло правое бедро.

Он надеялся только, что Ортей не приврал про человеческие эмоции и про то, что в определённых условиях ими можно управлять. Вот они — три трепещущих сгустка впереди. Неужели всё так просто...

Боль расплзалась от бедра и вверх, и вниз по телу. Впрочем, это было даже к лучшему — прошла голова.

Почему он раньше никогда не замечал, как сильно отличаются эмоционалы ренов и людей? Трое напротив — словно шевелящиеся клубки сияющих нитей. Те же, что рядом — плотные, однородные и в то же время непостоянные, как пламя...

Чья-то ладонь легла на плечо. Свет затопил всё вокруг, прогнал последнее замешательство, сделал мир предельно ясным и чётким.

— Не стреляют, — недоумённо произнесла Аниса.

— Не стреляют, — эхом отозвался Марк. — Я их держу.

— Чем удержишь?..

— Страхом.

Карина метнулась вперёд. Аниса, слегка помедлив, бросила на Марка обалдевший взгляд и кинулась следом.

— Давайте, девчонки... — прохрипел где-то рядом Пантел.

Свет мерк. Боль возвращалась. Но стоило ещё немного потерпеть — и обрушилось восхитительное чувство. Словно с плеч свалился тяжёлый груз, в воздух вернулся кислород, а вату из ушей кто-то вынул. Марк, задыхаясь от свободы, ощущал, как по венам снова струится магия. И не понимал, как умудрился протянуть так долго без неё.

Стоило черноте отступить, как перед глазами вырисовалось лицо Анисы.

— У меня только один вопрос, — устало проговорила она, склоняясь над его оцарапанным пулей бедром. — Почему ты не сделал этого раньше?

— Не знал... — хрипло каркнул Марк, прокашлялся и повторил: — Не знал, что могу.

Он вертел головой, но Карины не находил.

— Они даже не сопротивлялись, — потрясённо качала головой кураторша. — Пугающее

зрелище, знаешь ли... Там твоя наставница, — махнула она рукой, заметив его беспокойный взгляд. Затем отняла ладонь от его раны, уже затянувшейся, и отползла к своему младшему. Тихо добавила: — Мне... очень жаль.

Марк кивнул и нетвёрдым шагом отправился к обломкам забора. Переступил через искорёженный металл. Заметил маленькую тёмную фигурку. Подошёл и опустился на землю рядом.

— Надо поджечь, — безучастно произнесла она.

— Что? — тупо переспросил Марк, глядя в белое лицо Вадея. Черты заострились ещё больше, рыжие глаза отстранённо смотрели куда-то вдаль. Бесовской огонь в них погас — теперь уже навсегда. Как странно. Неужели так бывает на самом деле?

Внутри нарастала тупая, ноющая боль. Сознанием Марк ещё не понял до конца, что именно произошло, но где-то глубже, в самом центре души кровоточило гнездо выдернутой с корнем нити, что вела к эмоционалу этого белобрысого психа.

— Костёр, — повторила Карина, поднимаясь. — Нельзя оставлять его так. Ты же знаешь устав.

Всё ещё не понимая, о чём она говорит, Марк перевёл рассеянный взгляд на её лицо и увяз в бездонных глазах. Увяз в средоточии боли, и малой части которой не ощущал до этого. Она с досадой отвернулась, словно ненароком выдав некий секрет. А в следующий миг — сам не понял, как это вышло — он уже крепко прижимал её к себе, и она не сопротивлялась. Только бы не плакала. Он не вынесет очередной порции слёз...

Но Карина лишь мягко отстранилась чуть погодя, хлопнула его по плечу и напомнила:

— Костёр, Марк.

Аниса закончила свой рассказ и умолкла. Уставилась равнодушным взглядом в окно, будто бы это и не она вовсе только что описывала весь тот кошмар, через который они прошли.

Звенела тишина. Ильдан посерел, сжал кулаки, но молчал. Азира закрыла пол-лица руками, словно стараясь удержать крик ужаса. Ортей, какое-то время просидев неподвижно с опущенной головой, рывком вскинул глаза на одногодницу:

— Ты не имела права его отпускать.

— Не имела, — убитым тоном пробормотала Аниса. — Я признаю вину. И в короне, когда будет разбирательство... всю ответственность возьму на себя...

— Нет!.. — хором воскликнули Пантел и Изкор.

— Не валяй дурака, — со злостью процедил Ортей. — Ничего ты на себя не возьмёшь. На фоне того бардака, что сегодня творился в Висе, замять этот случай будет проще простого.

— Он сам напросился, — вставил Пантел. — Прямо рвался туда. Да и нам всем казалось, что это будет просто...

— Не важно, — устало отмахнулся куратор. — Расскажи-ка мне, Ниса, ещё раз и поподробнее про тот момент, когда они перестали в вас стрелять.

Марк поднял голову с колен и наткнулся сразу на три пары глаз — Ортея, Анисы и Карины.

— Он мне сказал, что держит их «страхом», — неуверенно пробормотала альба.

— Как можно страхом держать? — с любопытством переспросил куратор. — Я понимаю — отпугнуть там, отвлечь...

— Когда мы подбежали, они были словно парализованные, — тихо произнесла наставница, поплёскивая тёмными глазами из своего угла. — Оставалось только выстрелить в упор.

— Столько лет живу, а о таком в первый раз слышу, — сообщил Ортей. — Обычно ноты так не умеют. Как ты умудрился?

Теперь на Марка смотрели все — с любопытством и жадным ожиданием.

— Без понятия, — буркнул он. — Оно само. Случайно. Отвяжитесь.

И снова опустил голову на колени.

Куратор, к счастью, не стал упорствовать, за что Марк был очень благодарен. Наставница подседа к нему и легонько провела ладошкой по его спине, шепнув: «Разберёмся». А через несколько минут ожил передатчик, разразился целой тирадой шипящих и стрекочущих звуков и выплюнул еле разборчивый приказ двигаться к центральной городской площади.

Марк, ощутив огромное облегчение от снова замаячившей впереди перспективы вернуться домой, вместе с остальными вскочил на ноги. И тут же понял, что проблемы ещё не закончились.

— Чего там у вас? — Ортей, опираясь на импровизированный костыль, обеспокоенно обернулся на Ильдана и Изкора, успевших подхватить рухнувшего товарища.

— Чего-то он на ногах не стоит, — как сквозь вату в ушах раздался голос Ильдана. Старший, судя по всему, пытался зафиксировать Марка в вертикальном положении, да атр и сам был только за — но вот тело почему-то просто отказывалось слушаться.

— Перерасход? — предположила Азира. — Бывает же, что без симптомов...

— Ничего не перерасход, — слабо возразил Марк. — Просто резко встал. Сейчас пройдёт.

— Ты, конечно, извини, но тащить тебя через полгорода — так себе перспектива, — нахмурился Пантел. — Учитывая, что ваш куратор сам того и гляди упадёт.

Ортей оставил колкость без внимания. Его нога действительно зажила совсем неважно, несмотря на все старания Азиры. Слишком долго травма оставалась без магической регенерации.

— Ну-ка, Ильд, — наконец произнёс он, не сводя с младшего хмурого взгляда, — попробуй его ещё раз отпустить.

Ильдан убрал руки. Марк устоял. Слегка покачался из стороны в сторону, чувствуя себя неуютно под перекрестьем взглядов, сделал шаг вперёд... И ноги снова предательски подломились.

— Точно, перерасход, — подтвердил Ортей. — Рина, помоги ему.

Марк, почему-то решивший, что куратор приказывает мелкой хрупкой рубре тащить его на себе, уставился с недоумением. Впрочем, все остальные поняли правильно.

— С ума сошёл? — возмутилась Азира.

— Да, Орт, это немного слишком, — поддакнул Ильдан.

Остальные же просто воззрились на альба, словно в первый раз видели. Только Карина смотрела куда-то в сторону.

И до Марка наконец дошло.

— Нет, — возразил он. — Я же не настолько... В смысле, я в порядке, мне просто нужно восстановиться...

— Времени нет, — отрезал куратор. — Это приказ. И нечего строить тут из себя святую

невинность. У нас война. Идём, ребята, не будем мешать.

Рены потянулись к выходу — кто-то смущённо отводил глаза, кто-то кидал сочувственные взгляды. Ортей с порога обернулся и велел своей младшей:

— Чтобы через десять минут он был на ногах. Догоните.

Карина без выражения кивнула. Куратор же перевёл взгляд на безвольно валяющегося Марка и внезапно ухмыльнулся самым издевательским образом.

Кровь, снова лишённая магии, вскипела в жилах от злости. Да он же просто насмехается! Плевать ему, что война, что Вад погиб — только бы лишний раз поглумиться!

Карина тихо опустила рядом, протянула ладони к его рукам.

— Правда, может, не надо, — вяло попробовал сопротивляться Марк. — Я сам...

Но она молча, спрятав глаза, обхватила его запястья.

Обмен энергией не зря всегда считался крайне интимным процессом. Практиковали его в основном пары, да и то не все. Не все были готовы разделить с кем-то свои самые глубинные, самые тёмные желания и эмоции, о которых порой и сами толком не знали.

Тёплые потоки густой, чужой энергии медленно поползли из точек приёма вверх. Дыхание перехватило — померещилось, будто это свет заполняет его изнутри, затапливает каждую клеточку. Острое, болезненное блаженство поднялось откуда-то из глубин то ли тела, то ли души. Окутало на мгновение, заставив забыть обо всём на свете, и схлынуло — наставница убрала ладони с его запястий. Остался лишь слабый отзвук горьких, тёплых ноток её эмоционала.

— Спасибо... — он слабо, неуверенно улыбнулся ей, стгорая от стыда.

Она не ответила на улыбку. Мрачно, внимательно смотрела прямо в глаза, чуть склонив голову набок, словно ждала чего-то. Откуда в ней, чёрт побери, столько боли? И что она сама успела прочитать в его эмоционале?

— Идём? — поторопился разрушить неловкую паузу Марк.

Она тут же легко подскочила и рывком вздёрнула его на ноги. Отступила на шаг. Марк устоял, но теперь вместо головокружения, похоже, начались галлюцинации: мир дрогнул и на миг исчертился во всех направлениях тонкими, прозрачными линиями, слегка вибрирующими, как струны музыкального инструмента. И он точно мог сказать, что одна из них шла через него — видение исчезло, а он всё ещё стоял, прижимая ладонь к солнечному сплетению, словно пытаюсь нащупать призрачное волоконец.

Кусочек за кусочком, мозаика складывалась. Сон про погоню за неведомым сгустком сияния... Слова того странного лесника о нити, которая точно ведёт к свету... Контраст между шевелящимися клубками человеческих эмоционалов и ровно пылающих — ренов... Свет, наполняющий вены... И эта струна из груди, ведущая — куда?.. Марк закрыл глаза и судорожно потянулся за ускользящей догадкой, словно за последним кусочком мозаики...

— Пойдём, — тон наставницы не предусматривал возражений, а хватка маленькой руки, вцепившейся в его локоть, была самой железной.

Мозаика не выдержала и снова рассыпалась на мелкие фрагменты. Марк поплёлся следом за старшей, пытаюсь вспомнить, что это на него только что нашло. Кажется, он понял нечто важное... Нечто, связанное со светом... Или теплом? Или... чёрт, о чём он только что думал? Мысль неуловимой оборванной нитью ускользнула прочь.

Он тряхнул головой. Наверное, последствия переутомления. Да ещё этого странного, смущающего обмена энергией.

Глава 12. Разбитые окна

Дымящаяся яичница на тарелке казалась чем-то нереальным, не принадлежащим этому миру. Миру, в котором (оказывается!) есть боль и смерть.

Марк осторожно ткнул желток вилкой, словно ожидая, что аппетитное видение растворится в воздухе.

— Что не так? — насторожённо спросила Азира. — Пересолила?

— Не так?.. — рассеянно повторил Марк, гипнотизируя несчастную яичницу. — А? Нет, всё нормально. Не пересолила. Извини.

Он принялся за еду, пытаясь почувствовать вкус, но ощущения почему-то разбегались так же, как и мысли.

— Зира, ты золотце! — зевнул спустившийся с лестницы Ильдан. — После вчерашнего... Встала раньше всех, чтобы завтрак сделать... А нас Ортей еле поднял. Да, Рина?

Тёплая рука на секунду легла поверх ладони Марка — от неожиданности он вздрогнул. Карина на ходу чуть наклонилась, заглядывая ему в лицо, словно чтобы убедиться, что всё в порядке. Марк поспешно натянул улыбку. Наставница дёрнула уголок губ в ответ и плюхнулась на своё привычное место в углу.

Остальные шестые уже давно были на занятиях в учкорпусе. Это им пятерым, добравшимся до короны только под утро, разрешили остаться дома.

— Вообще-то, если честно, меня тоже Ортей разбудил, — призналась Азира, водружая тарелку перед Ильданом. — Аргументировал тем, что сегодня моё дежурство по кухне. А Ромен готовил остальным.

Марк облокотился всем весом на столешницу, прикрыл глаза и расслабился, слушая их голоса. Напряжение и боль растворялись под натиском поднимающегося изнутри тепла. Как он был рад, что они рядом.

Страшно подумать: а если бы их тоже... как Вада...

От этих мрачных мыслей его отвлек и заставил обернуться приближающийся стук со стороны лестницы. Куратор неловко, боком, опираясь на деревянную палку — кажется, ту самую, что подобрал ещё в Висе — спускался по ступенькам. С незалеченным вовремя вчерашним переломом естественная регенерация не справлялась.

— Тебе помочь? — дружелюбно предложил Ильдан.

Ортей проигнорировал его.

— А я говорила, что надо было сразу от купола в Медику тебя везти! — проворчала Азира и тоже не удостоилась ответа.

— Из штаба есть новости? — спросила Карина.

— Сейчас как раз иду, — буркнул Ортей. Помолчал немного, остановившись у двери и оглядывая своих подопечных. А потом добавил: — Постарайтесь сегодня не высовываться. Говорят, в короне неспокойно.

Марк недоумённо вскинул голову. Непокойно? Как может быть неспокойно в Кумсоре? Старшие, однако, не выказали ни капли удивления. Кивнули и отвели глаза, будто бы речь шла о чём-то неловком.

Хлопнула дверь. Марк машинально провёл рукой по тому месту на груди, где должен был висеть камень. И тут же вспомнил.

— Орт! — выкрикнул он, вскакивая с места — Азира так и подпрыгнула от неожиданности. — Стой!

Куратор ещё не ушёл, но стоял на пороге, опираясь на свою палку.

— Чего тебе?

— Узнай, пожалуйста — в штабе — нормально ли доехал тот перевоз, в котором... В который посадили остальных каникуляров.

— У тебя же амулет, — проворчал Ортей. — Камень твоей девчонки. Потерял, что ли?

Марк смущённо кивнул.

— Во даёшь... Возьми у меня в столе заготовку, сделай новый.

Марк открыл рот для ответа, да так и замер. Он не подумал о такой возможности. Но и следовать этому совету почему-то не хотелось.

— Не мог бы ты... просто узнать. Пожалуйста, — выдавил он наконец.

Ортей ещё несколько мгновений сверлил его тяжёлым взглядом. Затем кивнул. Дёрнулся было открывать дверь, но снова замер на полпути.

— Ты, — медленно проговорил он, — про моё задание совсем забыл, да?

Марк опешил. Вот нашёл же время! Как будто после всего, что вчера случилось — после предательства людей, после этого выматывающего бегства, после гибели Вадея и ещё бог знает скольких ренов — у него могли найтись силы и время, чтобы заниматься идиотским поиском этих проклятых неразделённых кнотисов!

— Какой из тебя к чертям нотт, — губы куратора изогнулись насмешливой кривой, — если ты в своих-то эмоциях разобраться не можешь? Придурок.

И он ушёл, оставив остолбеневшего Марка одного в прихожей.

В своих?..

Да нет, быть того не может. Он бы понял. Или...

Марк рухнул на тумбу для обуви, впечатывая затылок в стенку. Вот же идиот! Ортей-то ему скармливал подсказку за подсказкой... Там, в тренировочном зале, мучая Карину — он показал ему не один кнотис, а два! А Марк так заикнулся на первом открытии, что совсем проигнорировал собственную реакцию! И весь этот вчерашний театр с обменом энергии — вот для чего он это устроил. Чтобы туповатый младший сам допёр. А он...

Куратор прав. Придурок и есть.

Он не вернулся за стол. Вообще не пошёл в дом — посидев в прихожей, оделся и выскочил на улицу, нарезать круги вокруг уже ставших родными стен. Выдохшись, опустился на скамеечку на заднем дворе.

Шло восьмое пятидневье весны, и снег большей частью уже сошёл. В результате то, что недавно было одним сплошным сугробом между домом и забором, неожиданно превратилось в ещё залитый грязью, но потенциально аккуратный огород. Ровные выложенные камнем дорожки бежали между разноуровневыми грядками, а в противоположном углу обнаружилась небольшая теплица. Рука Азире чувствовалась повсюду.

Вот бы и у него в голове был такой же порядок! Сначала Марк пытался не думать ни о своём неприятном открытии, ни о приключениях последних дней, но... В итоге сдался и тупо уставился на проклёвывающуюся молодую травку, позволив мыслям бурлить практически без его участия.

И хорошо сделал, что отстранился: можно было представить, будто это не он

непроходимый тупица, а кто-то другой. И вовсе не из-за того, что его вытаскивали из восставшей Севалии, шестая семья задержалась в Висе и погиб Вад. И это чья-то чужая девушка сейчас, может быть, плачет в своей комнатухе в Медике, вспоминая ужасы тех дней и переживая за него. Не догадываясь, что её благоверный на самом деле рад от неё отделаться, потому что схлопотал кнотис на собственную наставницу, чёртову сарбанидку на полметра ниже и на четыре с половиной года старше...

Марк снова треснулся уже большим затылком в стену шестого дома.

— Можно поаккуратнее? Только осенью всё покрасили.

Эти страсти явно ему не на пользу — он даже не заметил, как она подошла, хотя уже привык следить за всеми окружающими эмоционалами.

— Что он опять тебе сказал? — Карина уселась рядом.

— Кто?

— Орт. Что он тебе такого сказал, что ты убежал, даже не доев?

Марк промолчал, по-прежнему глядя в одну точку.

Карина вздохнула, сбросила сапоги и забралась на скамейку с ногами. Откинулась к нагретой стене, подставила лицо солнцу.

— Скоро лето...

Марк покосился на неё и чуть улыбнулся. А в конце концов, почему он решил, что всё совсем плохо?

— Слушай, — осторожно начал он, одновременно стараясь из всех сил, чтобы его голос звучал как можно твёрже. — Как ты считаешь... Мы с тобой могли бы быть вместе?

— А-а-а, — протянула она. — Понятно.

— Ты знала, — усмехнулся он, скрывая горечь. — Орт тебе сказал... И давно? А, точно, — тут же ответил он сам себе. — Вы с ним ещё ругались в тот день, а потом ты на меня весь вечер странно и злобно смотрела.

Карина фыркнула. Марк искоса глядел на неё. Отвечать на вопрос она явно не торопилась. Что ж, он даст ей время.

— Чего ругались-то?

Сначала ему показалось, что и этот вопрос повиснет в воздухе, но Карина нехотя выдавила:

— Он считает, что это я тебе внушила.

— Внушила... кнотис? Каким образом?

— Я же сарбаника. И вдобавок мендийка. Забыл?

Впервые за весь разговор они наконец встретились взглядами. Марк расслабился — её глаза на ярком солнечном свете вдруг оказались совсем не холодными и не чёрными, а шоколадно-карими с золотыми крапинками.

— Хорошо, допустим, внушила, — с улыбкой согласился он. — А зачем?

Карина пожалала плечами, не отводя взгляда:

— Чтобы ты полностью попал под моё влияние и позволил легко манипулировать собой, я полагаю.

— А ты... — Марк подавил смех. — Ты точно этого не делала?

— Если и делала, то не признаюсь.

Он не выдержал и рассмеялся.

— Прости, Марк, — добавила она, снова отворачиваясь к солнцу. — Ничего не выйдет.

Марк кивнул — не сильно-то он и надеялся. По крайней мере, не так сразу. Но на

всякий случай аккуратно уточнил:

— А почему?

— Почему, — повторила она задумчиво. — Почему ты не встречаешься с Майлой?

— Откуда ты знаешь? — Марк аж поморщился. — Орт что, вообще язык за зубами не держит? Нельзя же разбалтывать...

— Так почему? — настойчиво перебила она.

— Не хочу, — смущённо отозвался он. — Она мне... не очень нравится. И потом, у меня есть девушка...

— Что не останавливает тебя сейчас, — с толикой яда в голосе заметила Карина. — Вот и я не хочу. Сойдёт за причину? — она послушала его молчание. — Марк?

— А ещё Орт, — пробормотал он.

— Что Орт?

— То самое, — он поднял на неё хмурый взгляд. — Но вы ведь с ним не пара, нет?

Может быть, дело было в легком облаке, которое приглушило яркий солнечный свет, но глаза наставницы вновь потемнели.

— Это тебя точно не касается, — её голос звучал мягко, но уже прохладно. — Давай закроем эту тему. Мир, Марк?

Нотт с удивлением уставился на её ладонь, раскрытую и повёрнутую вбок с отогнутым большим пальцем — жест примирения после дворовых ссор у севалийской малышни. Покачал головой и ответил, зацепив её палец своим собственным. Карина усмехнулась — как-то по-нормальному, а не краешком рта, как всегда, — спустила ноги, метко угодив ими прямо в сапоги, и потянула его со скамьи, к входу в дом.

— Вот вы где, — выпрыгнувшая из-за угла Азира недоумённо скользнула взглядом по их сцепленным рукам. — Слушай, Рина, из рационки пришёл приказ продукты на следующее пятидневье забрать. А Орт ведь велел не высовываться. Можешь спросить?..

Карина уже доставала из-за пазухи камень. Пока она общалась с куратором — или, по крайней мере, пыталась — Марк оказался лицом к лицу с ожидающей ответа Азирой.

— Ты в порядке? — с лёгким беспокойством спросила она. Видно, его внезапное исчезновение и от неё не ускользнуло.

— В полном, — передёрнул он плечами.

Дальше стояли молча. Рубра нетерпеливо поглядывала на замершую с медальоном в руке одногодницу, а Марк задумчиво смотрел на неё, вспоминая разговор с Вадаем на балконе. Почему-то представлялось довольно обидным то, что Азира так и не узнала о чувствах парня. С другой стороны, а зачем ей знать? Ничего, кроме боли и тревоги ей это не принесёт...

Из-за угла выглянул Ильдан, заметил их и направился навстречу. Карина фыркнула, открыла глаза и привычным движением закинула камень обратно за ворот.

— Что сказал? — тут же вклинился рубр.

— Если отбросить всё нытьё о том, как сильно я его отвлекаю, то разрешил, — буркнула Карина. — Мы с Марком поедем.

— Чем это он там так занят? — заинтересованно спросила Азира.

— «В короне беспокойно», — процитировал Ильдан. — Готов поспорить, беспокойно не в последнюю очередь из-за Орта! Если это Ликтор что-то затевает, наш куратор не упустит возможности ему палки в колёса вставить... Эй, Рина, — он замер на ходу, глядя в каменное лицо одногодницы. — А ты ведь что-то знаешь! Ну-ка признавайся!

Но та лишь отмахнулась от назойливых расспросов и потащила Марка дальше, к гаражу, где стояли их циклофоры.

— И это всё? — недоверчиво спросила она, принимая из рук раздатчика ворох бумажных пакетов.

— Наборы урезали, — сухо ответил молодой серв. — Война. Торговля приостановлена. Вас, форсов, ещё пожалели. Не верите — вон, на стене новые списки, проверьте. И сравните с другими секторами.

— Верю, — поспешно отозвалась Карина, передавая Марку половину продуктов — действительно, ощутимо потерявшую в весе по сравнению с прошлым разом.

Загружая пакеты в багажник своего циклофора, Марк насторожённо оглядывался. Виной ли тому предостережение Ортея, но на улице действительно витало напряжение. Прохожие шли быстрее, чем обычно, и то и дело посматривали по сторонам. На ближайшем перекрёстке скучковалось несколько дружинников — ренов из разных секторов с чёрными повязками на плечах. Их набрали, чтобы поддерживать порядок в короне, пока большая часть форсов работала за куполом.

— Ты правда что-то знаешь? — тихо спросил он у наставницы, просто чтобы не молчать.

Карина покачала головой. Глаза, впрочем, при этом отвела.

— Поехали, — легко вскочила на циклофор и тронулась. Шины мягко зашуршали по заливному покрытию дороги.

Марк последовал за ней. Проехав мимо группы дружинников, он окончательно перестал сомневаться, что в Кумсоре что-то затевается.

— А эти вон, смотри, — он указал наставнице на группу школьниц в синей форме средней ступени, — гуляют, и хоть бы что.

— А что им будет? — отозвалась она. — Их в любом случае не тронут. Дети же. А вот наша форма для некоторых — как сигнал к действию.

Марк умолк. Они решили сделать крюк, чтобы не проезжать через самый центр короны, и теперь крутили педали вдоль границы Туторы — жёлтого сектора, где стояли три корпуса школы, окружённые необъятными жилыми блоками. Девчонки впереди шли как раз к воротам своего сектора. Их оживлённое щебетание было слышно издали. Больше на улице никого не было. Слева тянулся высокий кованый забор, за которым начиналась Тутора. Справа — невзрачные двухэтажные дома с рабочими помещениями снизу и иногда жилыми сверху.

Школьницы приумолкли, когда они проезжали мимо. Дружно проводили взглядами их чёрную форму. Марк с лёгким раздражением понял, что не успеют они выехать из зоны слышимости, как стайка взорвётся бурным обсуждением. Но вместо этого за спинами раздался резкий крик.

Марк жёстко тормознул, разворачивая циклофор. Краем глаза он видел, как наставница делает то же самое. Он успел лишь разглядеть, что одна из девочек лежит на земле, а Карина уже выдохнула: «Темпус!» и рванула назад.

— Все прочь! Быстро! — крикнула она замершим в растерянности школьницам, спрыгнула с циклофора и бросила его на землю плашмя. Пара пакетов вывалилась из багажника, продукты рассыпались по дороге. — Да отойдите же, дуры!

Марк спрыгнул следом, не понимая, чем помочь. Девочка на земле кричала и

выгибалась. В воздухе вокруг уже беспорядочно носились несколько камней и какой-то мелкий мусор. Выкатившееся из багажника Карины яблоко подпрыгнуло и присоединилось к бешеной пляске.

Карина стремительным движением развернула мягкое поле, накрыла им девочку вместе с левитирующими предметами, и лишь потом осторожно приблизилась.

— Марк, ковёр держи! — отрывисто приказала она.

— Да, — радуясь, что хоть что-то может сделать, он поспешно подхватил брошенное поле, не дав ему свернуться, и удивлённо обнаружил, что тело девочки оказывает невероятное сопротивление.

Карина с усилием погрузила ладонь в барьер, обхватила тонкое запястье уже не кричащей, а лишь жалобно стонущей школьницы. Подняла вторую руку вверх. А потом заорала:

— ВСЕМ ЛЕЧЬ!

Марк, уже привыкший сначала слушаться, а потом думать, поспешно опрокинул мягким ковром всех девочек, до которых сумел дотянуться.

Ударная волна накрыла и отпустила. Когда отзвенели выбитые стёкла в соседнем здании, Марк задрал голову вверх, к куполу, куда до сих пор указывала дрожащая рука Карины. Он был готов поклясться, что видел, как по поверхности купола разбежались волны от удара.

Перевёл взгляд на наставницу. Та явно побледнела, и над верхней губой что-то темнело. Она утёрлась рукой и изумлённо уставилась на измазанную кровью ладонь.

Вокруг начали собираться зеваки. Марк разглядел нескольких перепуганных дружинников — очевидно, те ожидали обнаружить здесь совсем другую сцену.

— Как тебя зовут? — послышался негромкий голос наставницы.

— Мерина, — дрожащим голосом ответила девочка, поднимаясь с земли.

— Я — Карина, это — Маркий, мой младший. Мы из шестой семьи.

— У нас с тобой одинаковые короткие имена, — рассеянно улыбнулась школьница. — Спасибо вам... Я не думала, что будет вот так, внезапно, как раз когда я не в школе... И так... сильно.

— Ты разве не с третьей ступени? — спросила Карина, принимая протянутую руку Марка, чтобы подняться.

— Ну да, с третьей, — Мерина смутилась. — Я, кажется, последняя на девятом году, у кого случился темпус. Уже переживала, что я не маг... Так что — ура.

Она невесело хихикнула и перевела взгляд на Марка. Нахмурилась. И — оградилась.

Карина ничего не заметила. Она уже поднимала с земли свой циклофор. Подружки Мерины поспешно собирали обратно в пакеты рассыпанные продукты. Прохожие расходились. Несколько ренов оглядывало повреждения — ничего страшного, лидеры помогут восстановить.

— Эй, ты чего там?

Её голос словно выдернул из гипноза Марка, всё ещё глядевшего вслед школьнице.

— А я думала, у тебя на меня кнотис, — фыркнула Карина.

Марка передёрнуло от такой бестактной шутки, но мысли были слишком заняты другим:

— Рина, она нотта! Честное слово, она оградилась от меня!

— Но она же вроде бы девочка?

— Вот именно...

Наставница некоторое время молчала, теперь тоже уставившись в сторону ворот жёлтого сектора, куда уже скрылась стайка девчонок.

— Интересно, — произнесла она наконец. — Девочка-ногга с очень поздно наступившим темпусом и силой, способной снести пару домов... Спорим, будет твоей младшей? По возрасту подходит. И в линию к нам отлично впишется.

— Тебе, кажется, по голове досталось немного? — сочувственно спросил Марк. — Чего это ты вдруг шутить начала?

Карина устало пожала плечами.

— Поехали домой.

Крутить педали в молчании, однако же, оказалось трудно, и Марк не выдержал:

— Нет, но ты заметила её силу?

— Конечно, заметила, — отозвалась Карина. — Я её через себя пропустила.

— Купол зашатался. Столько стёкол лопнуло. А мне говорили, у меня сильный выход был — а я всего-навсего одно окно разбил и шкаф сломал... А ты?

— Что я?

— Ты что-нибудь сломала в свой темпус?

Ей не понравился вопрос. Марк думал, не ответит. Но несколько секунд спустя она произнесла:

— Да. Человека. И жизнь себе.

И ударила по педалям, вырываясь вперёд. А до Марка медленно доходило, что он сморозил.

Глава 13. Новый порядок

Ещё несколько дней в короне только и разговоров было, что о нарастающем волнении и грядущих переменах. Но дальше разговоров дело не двигалось, и всем надоело. Если кто и пытался ещё заводить эту тему, окружающие устало закатывали глаза и отмахивались.

Да, если бы всё случилось в тот день, когда Марк с Кариной встретили Мерину, когда корона звенела от напряжения — последствия могли бы быть совсем иными. Но за какие-то семь дней восстание мятежных городов на востоке было подавлено, а торговля — налажена; недовольные ритмы снова рассылались по своим рабочим местам во внешнем мире; уставшие, но довольные форсы карант за карантом возвращались в корону. Кумсоринцы успокоились, расслабились, пригрелись на тёплом весеннем солнце...

И шестые растерялись от неожиданности, когда на утро квинсы Ортей с грохотом и плохими новостями ввалился в дом.

— Собираются в центре, у штаба альтера, — сообщил он, отдуваясь. — Взяли под контроль почти всю Механу и половину Сервы. А я пропустил, прохлопал ушами... Их и так слишком много, да ещё по всем секторам работают агитаторы, красиво убеждают... Многие присоединятся. Наши тоже стараются, но народ слишком устал...

— «Наши», Орт?! — взъярилась Азира. — Ты же говорил, что...

— Не важно! — резко оборвал её куратор. — Кто со мной?

— С тобой — что делать? — осторожно спросил Марк.

— Да, было бы неплохо, если бы ты объяснил, — тут же поддакнул Ильдан.

Ортей на секунду прикрыл глаза, а затем скороговоркой оттарабанил:

— Защитить альтерлидера, отбить первую вышку, не дать Ликтору устроить переворот. Но! — его указательный палец взлетел вверх. — Никаких приказов не было. Это моя инициатива. Если ничего не выйдет, я приму ответственность, но и вас всё равно могут наказать. Возможно, жестоко. Если не уверены, лучше сидите дома. Атров, — поспешно добавил он, взглянув на засиявшего Талата, — возьму только вместе со старшими.

— Я иду, — тут же произнесла Карина равнодушным тоном.

Ильдан переглянулся с Азирой и ответил за двоих:

— Мы тоже.

Марк молча встал и отправился вслед за ними. Уже на пороге прихожей он слышал, как бормочет Виольна:

— Я не пойду, Орт. Какая, к чёрту, разница, кто там рулит наверху?

Она снова заметно сдала по сравнению с началом каникул, подумал Марк. Кажется, гибель одногодника и её сильно задела...

Два перевоза — с шестой и с пятой семьёй — мчались по полупустой дороге. Ортей вёл переднюю машину, растерянно хлопающего глазами Талата посадили к сборнику, отдавать энергию. Марк в компании Карины, Ильдана, Азиры и Камайлы тряслись в перевозе в обнимку с циклофорами — куратор настоял, чтобы взяли, на случай если дороги заблокируют.

Даже отсюда, из лежащей на склоне холма Форсы, было видно, как кипит центр короны. Если присмотреться, можно было разглядеть даже цепочку крохотных фигур вокруг первой вышки — оцепление.

Улучки центрального сектора действительно оказались перегороженными — в основном оранжево-коричневыми перевозами Сервы. Пару баррикад Ортей умудрился объехать, в последний момент сворачивая в узкие переулки, но на третьей они застряли. Без лишних обсуждений пересели на циклофоры и помчались по тротуарам, притягивая недружелюбные взгляды толпящихся по углам ренов.

Похоже, все решительно настроенные кумсоринцы сейчас были у вышки, и почти весь путь особых проблем не возникло. Один раз группа ритмов пыталась их остановить, чтобы выяснить, на чьей они стороне, но Аниса с Пантелом резво возвели барьер, и удалось смыться. Первая схватка произошла лишь на подъезде к площади.

Здесь уже никто не стал задавать вопросы: едва увидев Ортея, толпа без опознавательных знаков сектора накинулась на форсов. Усидеть на циклофоре и одновременно отбиваться оказалось невозможным — Марк едва не грохнулся на дорогу вместе со своим барьером. Шум стоял ужасный, и Ортей раздавал команды мысленно. Это стало проблемой: Марк, оказавшись посреди водоворота огромного количества эмоций, вынужден был оградиться, и голос куратора теперь проникал в его голову будто издалека.

Строй «прорыв-три»... Фронт, барьеры снять — удар! Барьер!

Наседавших спереди ренов раскидало в стороны. По бокам отряд трясло от разрозненных ударов, но против слаженной защиты молодых форсов они были бесполезны. Марк с удовольствием подумал, что сорок дней совместных тренировок определённо не прошли даром: вон и Талат с Камайлой выполняют команды чётко и сосредоточенно.

— Ты придурок, нотт! — неожиданно прорезал шум-гам чей-то мощный голос. — Зачем детей с собой притащил?

Роквел, механик, — прошелестело в голове Марка. — Сильно преувеличивает свои умственные способности. Но обаятельный. Скорее всего, вожак этого стада, что сейчас вокруг нас. Давайте его прихватим. На счёт два — Ильдан, стоп-барьер — Аниса, бей!

Марку очень хотелось посмотреть, как старшие провернут эту штуку, но с противоположного фланга, где он держал барьер, как раз посыпались атаки одна за другой, и отвлечься не получилось. Когда же удалось наконец повернуть голову, несчастный Роквел уже болтался между Пантелом и Изкором в полубессознательном состоянии.

Потом они вырвались из тесного переулка на площадь, и внезапно стало спокойней. Кругом по-прежнему было полно народу, но никто больше на них не бросался — напротив, рены с готовностью расступались, завидев отряд в чёрной форме.

— Марс! — выкрикнул Ортей, продираясь ближе к вышке, к форсам в оцеплении. — Примите пленного!

— Чёрт, Орт! — чернобородый, свирепого вида аргент обернулся, сверля нотта взглядом. — Где тебя носит? Это ещё что за кадр? Миса, возьми.

— Предводитель буйных механиков. Наверное, — отозвался Ортей, наблюдая, как тщедушная с виду альба подхватывает из рук Изкора пленника, а лишь тот начинает вяло сопротивляться, отвечает ему неслабую оплеуху. — А где лидеры?

— Наш и альтер здесь, в башне, — рен, названный Марсом, цепко обежал отряд за спиной нотта, задержался взглядом на Марке. — Что-то решают вместе с аврами. Остальные, как я понимаю, пытаются навести порядок у себя в секторах... Слышал уже, что Ликтор выкинул?

— Объявил себя альтерлидером, — буркнул Ортей, не глядя на собеседника. — А своего лизоблюда Вартека — лидером Форсы.

— Странно, да? — произнёс аргент так тихо, что Марк едва расслышал сквозь окружающий шум. — Не то чтобы мы не ожидали... Но всё равно — вместо того чтобы объединиться перед лицом общего врага, рены сразу же перегрызлись между собой, как последние... — он осёкся, глянув на застывших рядом студентов.

Корды, — любезно закончил за него Ортей, не открывая рта.

Куратор был прав — народу всё прибывало. Настроение толпы из пассивно-недовольного постепенно менялось на агрессивное. Марк подумал, что попади он в такую заварушку всего несколько пятидневий назад, моментально грохнулся бы в обморок. Теперь же он вполне сносно умел ограждать (спасибо Ортею), знал, что делать в случае, если не успеет (спасибо наставнице) — да и вообще уже привык к толпам беспокойных ренов вокруг.

Пятая и шестая семьи заняли места во второй шеренге, позади подчинённых аргента Марса — полное имя Марк так и не узнал, не было времени на церемонии. Проходящий мимо авр резко остановился, разглядев форму атров и рубров, но лишь поинтересовался, под чьим они командованием, и зашагал дальше.

Некоторое время спустя на площадке третьего яруса башни показались лидеры. Сначала пытался говорить альтер, глава всей короны. Его негромкий, усиленный звуком старческий голос разносился по площади, вызывая лишь негодующие выкрики. Странно — старика в короне, как всегда казалось Марку, все любили.

Вкрадчивая речь лидера Форсы, понёсшаяся следом, заставила сборище примолкнуть, но лишь на несколько мгновений. Затем толпа разразилась яростными выкриками. Ещё более странно, подумал Марк, прекрасно помнивший гипнотический эффект голоса и взгляда лидера.

Неужели всё так плохо? Чего они, молодые студенты-форсы, не знают, в чём не разбираются? Не могли же все эти люди прийти сюда просто так и без причины рваться в бой с действующей властью?

А что, если они правы? Что, если руководство короны и впрямь забрело в тупик, а Марк принял не ту сторону, поддавшись убедительным речам лидера и Ортея?

Он растерянно огляделся, словно только сейчас увидев себя со стороны, в плотной двойной шеренге, окружившей несчастную центральную вышку, посреди кучки форсов, спрятавших за своими спинами лидеров и их авров. Столкнулся взглядом с Кариной. Та подняла брови, заметив его растерянное выражение лица, легонько пихнула его плечом. Покачала головой, словно прочитав его мысли: ты неправ, мы всё делаем верно.

Чуть дальше повернул к нему лицо Ортей. *Вспомни, что он сказал*, — раздалось в голове у Марка. — *Просто вспомни — на том складе, когда попался Вад...*

Марк тряхнул головой, словно пытаясь вытрясти оттуда мысленный голос старшего. Он помнил. Самый безопасный путь, брешь в корабле, меньшее из зол. Но одно дело — кучка разномастных студентов, заперевшихся на складе, чтобы почесать языками, а другое — половина жителей короны, в ярости размахивающая кулаками... Точно ли это тот самый безопасный путь?

Будто в поисках помощи, Марк принялся перебегать взглядом от одного форса в оцеплении к другому. И то, что он видел, неприятно его удивляло.

Они сомневались. Чёрт побери, да они почти все сомневались, на той ли они стороне!..

По сравнению с долгим, утомительным ожиданием, всё произошло быстро. Чересчур быстро.

Крики слышались со стороны бульвара, ведущего в Серву. Но так и не утихли — наоборот, приблизились, распространились, и стало понятно, что на сей раз это радостные, приветственные возгласы.

Толпа стремительно расступалась, давая дорогу тем, кто двигался к вышке. Форсы в оцеплении резво возвели барьеры, и буквально сразу же на эти барьеры обрушился шквал ударов. Марк едва устоял на ногах.

— Ликтор, — проорал Ортей, обращаясь к обеим семьям. — Собственной персоной!

Марк вытянул шею, пытаясь сквозь дрожащий от ударов воздух разглядеть легендарного авра. Стыдно признаться, но он никогда не видел его вживую — зато слышал, пожалуй, достаточно: дерзкий, острый на язык, не по возрасту подвижный, Ликтор не упускал ни единой возможности во всеуслышание поспорить с лидером. Самые яркие отрывки подобных споров передавались из уст в уста (беспощадно перевираемые) среди школьников.

Несложно было догадаться, почему идеи Ликтора, в мирное время воспринимаемые большинством с ироничной улыбкой, получили такую бурную поддержку именно сейчас. Никого не интересуют перемены, когда и так всё хорошо.

— Эй, ребята! — пожилой, смуглый и худощавый рен весьма небольшого роста забрался на тумбу одного из фонарных столбов, чтобы его лучше было видно. Золотистая кайма формы тускло блеснула на солнечном свете. — За что дерётесь?

Он обращался к форсам по другую сторону барьера. Тёмные, с виду доброжелательные, но с изрядной хитрецей глаза живо перебежали с одного лица на другое.

— А вы за что? — пробасил голос аргента Марса.

— Мы — за перемены к лучшему, — с готовностью ответил мятежный авр. — За решительные действия без многодневных обсуждений и топтания на месте, за безопасность короны, за жизни кумсоринцев.

— Ваши «решительные действия» могут привести к катастрофе! — выкрикнула женщина чуть правее. — Если бы ты, Ликтор, не пропускал мимо ушей всё, что говорилось на этих «многодневных обсуждениях», ты бы представлял себе её масштабы!

— Вечная песня трусов, — Ликтор привалился спиной к столбу и скрестил руки.

Марк покосился на командиров — почему они позволяют ему так себя вести? Один удар — и лидер повстанцев у них, а бунт обезглавлен.

— Неужели среди вас совсем не осталось храбрецов? — теперь уже без улыбки продолжал оратор, убедившись, что всё внимание приковано к нему. — Я вижу лишь кучку разновозрастного запуганного старичья. Ах, этот город мы брать не будем — там опасно. Ох, здесь мы слышали пару выстрелов, давайте отступим. Нет, эта стратегия слишком рискованная, нужно ещё пару пятидневий её пообсуждать... Именно так у нас в короне проходят совещания Форсы, если кому было интересно. О, я смотрю, наши доблестные руководители решились-таки высунуть нос из своей крепости, — он помахал рукой кому-то над головой Марка. Нотту не нужно оборачиваться — он и так чувствовал два знакомых эмоционала за спиной.

— Заканчивай цирк, Ликтор, — хриплым старческим голосом выговорил альтерлидер. — На сей раз ты перестарался.

— Цирк пора заканчивать, это верно, — легко согласился Ликтор, подался вперёд и выкрикнул во весь голос: — Если ещё кто-то сомневается, на той ли он стороне — то

делайте свой выбор прямо сейчас!

Громыкнуло.

Плотные облака дыма заволокли всё кругом. Марк поспешно развернул жёсткий барьер. Потом почувствовал, как рука наставницы схватила его за локоть и потянула куда-то в сторону. «Пригнись!» — слышал он сквозь крики и звон барьеров её шипение.

К стене, — лаконичный приказ Ортея припозднился: Марк с Кариной уже прижимались спинами к энергосборнику вышки. Мимо шуршали, задевая их барьеры, мягкие волны: форсы разгоняли дым — теряя при этом драгоценные секунды.

Сверху раздался короткий вскрик, а затем — совсем рядом — отвратительный звук упавшего с высоты тела. Марк вздрогнул, судорожно вглядываясь сквозь дым в сочащийся болью эмоционал перед собой. Незнакомый эмоционал — наверное, кто-то из охраны лидера.

— Вот чёрт! — выругался вслух Ортей. — Шестые, Ниса, будьте здесь, помогайте с барьерами! Я наверх...

— Как всегда, — буркнула Карина под ухом у Марка.

Дым почти рассеялся, и стали видны последствия атаки: растерянные форсы возводили заново барьеры, пытаясь удержать толпу, задирали головы, прислушиваясь к звукам борьбы. Примерно половины из оцепления не было на местах — то ли поспешили на подмогу внутрь вышки, то ли последовали совету Ликтора...

И Марк не был уверен, что их стоило осуждать.

— Строй «пресс-два»! — проорал кто-то из оставшихся командиров. — Жмём, ребята!..

Марк оглянулся. По бокам стояли Карина и Ильдан. Наставница кивнула, и он опустил руку — пустое пространство тут же заполнили, столкнувшись, барьеры старших. Со стуком защитные поля сливались в одно, пока голос Анисы не скомандовал: «Шаг!»

Студенты послушно подались вперёд, заставляя слегка растерянную толпу отступить. Дальше, дальше... Цепочка поддерживающих общий барьер форсов растягивалась, оцепление уже было почти восстановлено. Оставалось только надеяться, что те, кто сражается внутри башни, не подведут. Стоило Марку об этом подумать, как сверху раздался уже знакомый голос:

— Кумсора!.. Цирк, как наш уважаемый *бывший* альтерлидер выразился, окончен.

— Как так, как же так?! — потрясённо и неуместно громко возмущался где-то рядом Талат. — Столько форсов, опытных бойцов — первая вышка, защитные механизмы — и так просто прорвались?!

Наверху, всё на той же площадке третьего яруса, красовалась невообразимая сцена. Марк вместе с остальными форсами тянул шею, глядя через плечо, и одной рукой продолжал подпитывать барьер. Это, впрочем, было уже лишним: мятежники больше не швырялись импульсами, пытаясь разбить щит, и даже не напирали. Все взгляды прикипели к разворачивающемуся зрелищу наверху.

Лидеры — белоснежная и чёрная фигуры — остановились впереди, у самого края, со связанными руками. Шеи обоих обхватывали непривычные атрибуты — широкие тёмные ленты, на вид словно резиновые. Марк узнал орнаменты — устройства, на время разрывающие энергетический цикл и сводящие магическую силу почти к нулю. Форса пользовалась ими для усмирения нарушителей спокойствия внутри короны.

За спинами пленников — ещё двое в чёрном. Приземистый силуэт Ликтора и второй,

покрупнее и повнушительнее, незнакомый. А ещё дальше, в самом углу площадки...

— Юлона! — со злостью процедила Аниса. — Всегда знала, что она та ещё...

Помощница лидера, единственная женщина-нотта в короне (нет, уже не единственная, вспомнил Марк), стояла с самым безмятежным видом. Как всегда с безупречной осанкой, стянутыми в строгий узел светлыми волосами и невозмутимым выражением на немолодом лице.

— Вот тебе и ответ, — мрачно произнесла Азира, обращаясь к Талату. — Она с самого начала была на стороне Ликтора. Она и помогла им прорваться. А раскусить её никто не мог, потому что нотта...

— Рина, что с Ортом? — быстро спросила Аниса, пока победители выдерживали паузу, наслаждаясь своим торжеством.

Карина, сжимающая в кулаке свой камень, не ответила — будто не расслышала.

— На колени, — раздался приказ наверху, и Марк, раскрыв рот, наблюдал, как старик-альтер и лидер Форсы, коротко переглянувшись, повинуются.

— Раз прежний альтерлидер больше не в состоянии грамотно исполнять свои обязанности, — сухо начал Ликтор, — я беру их на себя.

Толпа приветственно зашумела. Повстанец переждал и продолжил:

— Этот ареносец обвиняется в многочисленных преступлениях против населения Кумсоры. А именно: в неоднократном потакании людям в ущерб интересам короны; в непринятии должных мер по защите короны и ренов, находящихся за её пределами; в невнимании к агрессивным действиям местного человеческого правительства по отношению к Ареносе. В результате перечисленных проступков погибли бойцы Форсы и Ритмы во время операции по возвращению детей в корону; Ритма потеряла позиции во внешнем мире, а значит, и возможность контролировать рождаемость ренов.

По площади снова пробежала и притихла волна шума. Марк сквозь своё ограждение ощущал нарастающее беспокойство: наверное, какая-то часть была его собственной.

— Поэтому, — выкрикнул, перекрывая гомон, Ликтор, — чтобы вы убедились, что мои слова не расходятся с делом и решительные действия начинаются прямо с настоящего момента, я приговариваю этого рена к казни.

Мгновенно — Марк не успел осознать значение последних слов, да и вряд ли кто другой успел — лидер повстанцев выхватил из-под мышки человеческий огнестрел — металл блеснул в свете весеннего солнца — и выстрелил.

Из человеческого оружия. У всех на глазах. Отнял жизнь рена — а ведь каждая драгоценна и неприкосновенна!

Один из сообщников Ликтора с готовностью бросился вперёд и подхватил безжизненное тело. Толпа застыла в ступоре. Несколько секунд тишины — а затем глухой, низкий, медленно нарастающий гул. Растерянный, неодобрительный, разочарованный...

Это было ошибкой, подумал Марк. Одним этим выстрелом Ликтор перечеркнул всю свою популярность среди ареносцев. Такого они не потерпят...

Ошибался, однако, он сам.

Кумсоринцы поднимали головы. И во многих глазах нотт совершенно отчётливо, даже сквозь ограждение, читал боль, потрясение — но и некую новую, отчаянную решимость.

— Илур, — разнеслось над толпой. — Прежний лидер Форсы.

Марк покосился на Карину. Та не отрывала напряжённого взгляда от своего опекуна. Тот ещё несколько секунд смотрел на маленькую лужицу крови, оставшуюся от альтера

(тело уже унесли). Затем неторопливо поднял глаза на убийцу и своим обычным вкрадчивым голосом поинтересовался:

— И в чём же обвиняюсь я?

— В первую очередь, в непротивлении бездарному руководству, — отрезал Ликтор.

— Эй! — послышался женский голос снизу, из оцепления. — А давно у нас такой пункт в уставе?

— Во вторую и главную, — продолжал повстанец, не обращая никакого внимания на злые смешки среди форсов, — в принятии серии неверных самостоятельных решений, которые тоже привели к печальным последствиям. Например, приказ об отступлении во время осады Беарда, вследствие чего погибло трое форсов...

— Их погибло бы гораздо больше, если бы не этот приказ! — прорезал воздух мощный бас, в котором Марк узнал голос Борсела, бывшего куратора шестых.

— ...вместо того чтобы продолжать наступление и уничтожить магионный блокатор, что сэкономило бы много сил и жизней в следующих битвах. Кроме того, я бы хотел поделиться с вами подозрениями, что Илур, пользуясь старостью *покойного* альтерлидера, фактически сам являлся правителем короны последние несколько лет. Разумеется, — Ликтору пришлось повысить голос, чтобы перекрыть роптание слушателей, — этого я доказать не могу, а следовательно, и не имею права вменять ему это в вину. Но...

Полкороны, собравшиеся на площади перед первой вышкой, зачарованно следили, как Ликтор, по-прежнему стоя за спиной лидера, нарочито медленно поднимает только что отнявший жизнь альтера огнестрел, направляет дуло в затылок своему врагу.

Распущенные длинные волосы лидера свисали растрёпанными патлами по бокам, и Марк не видел лица. Но отчего-то показалось, будто там, за завесой волос, хитрым весёлым огоньком блеснули глаза...

Ликтор успел отразить удар в последний момент, но всё равно его отбросило к самому краю площадки. Аниса вскрикнула, Карина и Ильдан резко метнулись в сторону. Марк, разглядев источник беспорядка, ринулся следом, лихорадочно соображая, как и чем он может тут помочь, когда помощь нужна наверху...

Прекратить, — раздался в голове слабый, прерывающийся голос Ортея. — *Не вмешиваться*.

Двое ликторовских форсов с размаху бросили связанного нотта на колени рядом с лидером, лицом к толпе. Третий уже затягивал тёмную ленту орнаменты на его шее. По щеке куратора текла кровь — кажется, кто-то в сердцах приложил его по голове. Лицо же выражало лишь злость и досаду.

— Так и знал, что ты что-нибудь выкинешь, — раздражённо бросил ему Ликтор, поднимаясь на ноги. — Чёртов прихвостень.

Теперь дуло огнестрела упёрлось в затылок Ортею.

Марк беспомощно оглянулся на старшую — но той явно было не до него. Этот отчаянный взгляд, которым она сейчас смотрела на своего наставника, пребольно резанул Марка по сердцу. Он перевёл взгляд наверх и заметил, что не он один засмотрелся на Карину — её опекун тоже внимательно следил за ней.

Нужно было что-то делать. Марк поймал взгляд Анисы — та как раз жестами объяснялась с Ильданом, Пантелом и Азирой. Показал на себя. Аниса кивнула и хотела было отдать какой-то приказ, но сверху вновь зазвучал голос Ликтора.

— Не собирался я его убивать, — буркнул он, убирая оружие от головы Ортея. — И тебя

не собираюсь. Было бы очень прискорбно для короны терять ещё двух талантливых ренов.

Он снова обвёл глазами забитую ренами площадь, прочистил горло и продолжил с видом актёра, прерванного на середине вдохновенного монолога:

— Кумсоре нужны перемены. Признайтесь, даже самых законопослушных из вас хоть раз посещала эта мысль. Я принёс вам перемены. Но чтобы они пошли короне на пользу, нам необходимо объединиться. С сегодняшнего дня я — альтерлидер Кумсоры, а Вартек, — он кивнул на крупного молчаливого форса за своей спиной, — лидер Форсы. Изменить вы уже ничего не сможете. Просто признайте этот факт.

— А что будет с теми, кто откажется признавать? — прозвенел из оцепления задорный женский голос.

Марк вытянул голову, чтобы поглядеть на Иверу. Судя по напряжённой позе, та тоже минуту назад была готова кинуться на помощь своему младшему.

— Мы будем вас переубеждать, настойчиво и долго, — невозмутимо отозвался молчавший до этого Вартек. — Так долго, сколько понадобится.

— Думаю, будет проще, если мы дадим слово нашему бывшему лидеру, — подала голос нотта Юлона.

— Хорошая идея, — согласился Ликтор. — Скажи, Илур, если бы можно было вернуть всё назад, стал бы ты повторять свои ошибки?

— Что за вопрос, — мягко улыбнулся лидер. — Знай я, что мои действия окажутся ошибочными, я бы определённо не стал их предпринимать.

Марк не удержался от улыбки. Всё-таки был в этом некий шик: стоя на коленях перед победившим врагом, на волоске от смерти, так тонко дерзить.

— Если бы тебе дали второй шанс, стал бы ты снова противостоять новой власти?

— Конечно нет. Я теперь целиком и полностью поддерживаю новую власть.

Кто-то в толпе засмеялся.

— Не мог бы ты быть так любезен, — процедил Ликтор с плохо сдерживаемым раздражением, — сформулировать ту истину, которую ты только что понял, для своих упрямых *бывших* подчинённых?

— Без проблем, — легко согласился Илур и осторожно поднялся на ноги. — Эй, ребята... Пожалуй, я действительно был слегка неправ. Новый порядок может оказаться ничуть не хуже старого — вполне вероятно, даже лучше. Или даже единственно правильным. Если вы мне так доверяете, что готовы были рискнуть своими жизнями — доверьтесь и сейчас. Преодолейте свой гонор, подчинитесь. Вспомните, кто наш истинный враг. Направьте энергию в ту русло, где она принесёт короне пользу, а не разрушение. Хочу, чтобы вы поняли: тот, кто сейчас пойдёт против новой власти, пойдёт и против меня.

Марк заметил, как снова блеснули хитрецей глаза бывшего лидера. И ему это не понравилось. А ещё он видел, как ошарашенно смотрит на него снизу вверх всё ещё стоящий на коленях Ортей. И это не нравилось ему ещё больше.

— Бывшего лидера Форсы Илура приговариваю к дисциплинарному ношению орнамент в течение десяти суток с нынешнего момента, после этого — к возвращению в строй в статусе альба без права на повышение. Куратора шестой семьи Ортея — к дисциплинарному ношению орнамент в течение трёх дней под надзором альба Борсела. Всех авров и лидеров секторов жду на совещание через полчаса в альтерштабе. Авры же побеседуют с аргентами и кураторами семей в штабе своего сектора через два часа. Аргенты и кураторы после этого донесут информацию своим отрядам и семьям. Свободны.

За спиной один за другим раздавались щелчки снимаемых барьеров. Форсы опускали головы, отводили глаза. Послышались первые сухие приказы — командиры, не желая больше принимать участие в этом балагане, уводили свои десятки домой. Толпа без возражений расступалась.

Марк всё ещё стоял, задрал голову и не сводя глаз с Ортея, который точно так же сверлил взглядом Илура.

— Марк?

Нотт обернулся к своим. Все глядели на него.

— Он всё знал, — сообщил он им, стараясь не впустить в голос кипевшую внутри ярость. — Лидер... Бывший лидер всё знал. Они это подстроили.

— Сдурел, атр? — рассерженно покрутила у виска Аниса. — Они убили альтера. Как *это* можно подстроить?

Марк пожал плечами, и вмешалась Азира:

— Но зачем бы...

РТЫ ЗАКРЫЛИ.

Все так и подпрыгнули. Ортей свирепо взирал на них с края площадки:

Мигом забыли всё, что этот умник вам тут наплёл. Марш по домам.

Глава 14. Дело чести

— Ты мог отказаться, — заметила Карина. — Никто бы и слова не сказал. Это над ним смеяться будут — третьекурсник вызывает первокурсника на Арену, просто нелепо.

— Значит, и продуть не так стыдно, — проворчал Марк. — Не мог я отказаться, понимаешь? Не в тех, кто смеяться будет, дело. А в нас с ним.

Наставница прислонилась плечом к дверному косяку его спальни, задумчиво и бесцеремонно наблюдая, как он переодевается. С плеч привычно свисал плед.

— Совсем не обязательно продувать, — произнесла она спустя какое-то время. — Но ты мог бы сказать мне и пораньше. До Арены всего восемнадцать дней.

— Я хотел, — начал оправдываться Марк. — Но то одно, то другое... Так ты мне поможешь?

— Разумеется, — она пожала плечами. — Только вот Реток неплохой боец... Что вы не поделили?

Марк насупился. Ему одновременно и хотелось рассказать всё наставнице, и было безумно стыдно.

— В школе... Он меня терпеть не мог.

Карина подняла брови.

— Ну, знаешь, — он смутился и полез в шкаф убирать одежду, — меня многие не любили. Не всем ведь нравится, когда «копаются в мозгах»...

— Прекрасно их понимаю, — отозвалась наставница.

Марк захлопнул наконец шкаф и повернулся. Она улыбалась. Не краешком рта, а по-настоящему. Глаза тоже неуловимо поменяли оттенок с ледяного чёрного на чёрный тёплый.

И внутри что-то перевернулось — то, что давно уже ждало, когда он даст слабину, висело тяжёлым грузом, мешало дышать — он до этого и сам не осознавал, насколько мешало. Сердце заколотилось с такой скоростью и яростью, что в глазах потемнело.

Схватить её, прижать к себе, впиться в эти улыбающиеся губы... Что может быть проще, что может быть нужнее? Сорвать дурацкий плед и всё остальное, гладить ладонями тёмную кожу, вдыхать запах мягких волос, потеряться, утонуть в бездонной тьме глаз...

Он резко выдохнул, отступил на шаг и, пытаясь остановить это безобразие, довольно ощутимо треснулся лбом в шкаф.

— Ну и лез до меня при любом удобном случае, — Марк пытался говорить как ни в чём не бывало, но голос всё равно дрожал, и он снова зачем-то полез в шкаф, лишь бы не смотреть на наставницу. — Первый раз у него не хватило ума прихватить с собой пару дружков, и я его уделал. Зато потом...

— Понятно, — если она и заметила, как он чуть не сорвался, то виду не подала. — Но ведь не из-за этого у него на тебя зуб, так? Было ещё что-то?

— Ага, — неохотно выдавил Марк. — Нилана.

— А, ясно, — фыркнула Карина, но выпытывать подробности, к его облегчению, не стала. — Пойду я у Орта кое-что спрошу.

Она исчезла за дверью, а Марк обессиленно опустился на подоконник. И что это было? Чёртов кнотис. Вот как теперь себя контролировать...

— Борс! — в сердцах воскликнул Ортей, в очередной раз натолкнувшись на следующего

за ним по пятам старшего. — Ты можешь хотя бы не мельтешить под ногами?

Шестые, вяло отрабатывающие удары в тренировочном зале, повернули головы.

— Сам виноват, — невозмутимо пробасил Борсел. — Нечего было кидаться на Ликтора, каким бы мерзавцем он ни был.

Куратор кисло провёл рукой по орнаменте, обтянувшей шею. Ещё две пары украшали его запястья и щиколотки, напрочь отрезая энергетическим потокам путь к точкам выхода.

— Должен же был хоть кто-то попытаться, — злобно процедил он.

— И что оно дало, твоё «попытаться»? — вздохнул старший.

Марк наострил уши: все предыдущие два дня куратор наотрез отказывался обсуждать произошедшее и чуть ли не силой вышвырнул Марка из своей комнаты, когда тот явился к нему поделиться подозрениями...

— Ничего, — бесцветно согласился Ортей. — Эй, лодыри, какого чёрта встали? Хорош стенку массировать, погнали командами!

— Нас неравное число, Орт, — мрачно заметила Азира.

С тех пор, как погиб Вадай, куратор сам занимал место пятого бойца в слабейшей, на его взгляд, команде и сражался вполсилы. Но сейчас, со своим ошейником и без магии, он был бесполезен.

— Даже не смотрите на меня, — отмахнулся Борсел. — Мне сказано глаз не сводить с этого психа, ни на что не отвлекаясь.

— Ильд и Ольна против Зиры и Рины, все со своими младшими, — решил Ортей. — Тина — в команду к Ильду.

— Нечестно, — возмутился Талат. — Их больше!

— Больше — не значит лучше, — откликнулся Ортей, многозначительно глянув на безразличную Виольну.

Марк понимал, что он имел в виду: рубра теряла позиции изо дня в день. И дело было даже не в вечно подавленном настроении, отсутствии малейшей инициативы или интереса к тренировкам. Она словно постепенно забывала всё, что умела. Как бы Ортей ни бился над ней, ни заставлял отрабатывать проколы и ошибки, становилось лишь хуже.

Встретившись взглядом с молчаливым Роменом, Марк понял, что они думают об одном и том же. Рому вообще было не позавидовать: понятно же, что и тренировки с младшим Виольне стали, мягко говоря, безразличны.

— ...Не значит лучше... — задумчиво повторил Ортей, а затем внезапно заявил: — Я передумал. Первая команда — Ильд и Рина. Вторая — все остальные. Двое на семерых.

Семья уставилась на него.

— Смешная шутка, куратор, — оскалился Ильдан.

— Никаких шуток, — упёрся Ортей. — Давайте уже, на позиции. Сами сейчас всё увидите.

Карина и Ильдан обеспокоенно переглянулись, словно гадая, какую пакость на этот раз задумал старший. Марк же, глядя на хмурую Азиру, начал понимать. Атры поодиночке, без своих наставников, резко теряли в боевой мощи. Виольна в её нынешнем состоянии — тоже. Оставался лишь один полностью боеспособный дуэт — Азира с Талатом. И всё это против двоих самых умелых рубров-одинок в семье.

Ортей, ухмыляясь, скомандовал старт — и понеслось. Карина тут же нырнула вниз, швырнула волной под ноги. Итина, зазевавшись, попалась, грохнулась на пол. Все атаки второй команды разбились вдребезги о барьер Ильдана. Марк, чувствуя, что следом

прилетит ковёр от наставницы, заранее выставил вверх барьер — и угадал. Затем мимо прошуршала неслабая волна от Камайлы. Ильдан едва успел передвинуть барьер, чтобы её отбить...

Схватка вышла безумно напряжённой. Ренов второй команды оказалось достаточно, чтобы окружить первую, но двое рубров яростно сражались спина к спине и казались непобедимыми — пока в один прекрасный момент Марк не разгадал очередную обманку от Карины (которую она сама же ему и показывала на тренировках). Отбил, дав шанс Азире воспользоваться преимуществом и атаковать. Почти одновременно с этим Камайла и Ромен ухитрились нащупать брешь в защите слегка отвлекшегося Ильдана и общим импульсом достать через неё старшего. Дело завершили Талат и Итина, опрокинув ковром не успевших опомниться от обрушившихся на них атак старших.

— И о чём это, по-вашему, говорит? — спросил куратор, когда семья, отдуваясь и посмеиваясь, рассаживалась на скамье.

— О том, что количество важнее, чем качество? — наивно предположила Итина.

— О том, что можно победить даже сильного противника, объединив силы! — радостно заорал Талат.

— ...О том, что нужно сражаться вместе со своими младшими, а не против них... — тихо произнёс Ромен и тут же стушевался под удивлёнными взглядами.

— Во-о-от! — довольно поднял Ортей указательный палец вверх. — Вы бы не победили, даже если бы вот это недоразумение, — кивок на Виольну, — выкладывалось как подобает, но при этом в команде не было бы Марка и Майлы. Или хотя бы кого-то одного из них. Поймите уже, наконец, что дуэт — это не пустое слово. Его сила — в совместной работе. Пока я вижу в семье только два дуэта — те, которые сегодня разделил. Зира, отстаёшь, работай. Ольна, совсем плохо. Уже обсуждали, повторять не буду.

Азира оглянулась на расстроенного Талата и серьёзно кивнула. Виольна не отреагировала никак. Куратор продолжал втолковывать:

— Сила эта становится слабостью, если напарникам приходится сражаться друг с другом, потому что им лучше прочих известны слабые места друг друга. Особенно это касается младших — и Майла с Марком только что нам это продемонстрировали. Молодцы.

Шестые удивлённо переглядывались — неужели в кои-то веки из уст Ортея довелось услышать похвалу?

— Вы мне вот что скажите, — внезапно раздался мощный бас Борсела, про которого уже все забыли. — Он у вас всегда такой мудрый или только при мне выделяется?

— Если ты не хочешь со мной больше встречаться, так и скажи.

Марк вынырнул из раздумий и поднял глаза на обиженное лицо Ниланы.

— Прости... Нет, ты что! Просто столько навалилось последнее время, и вообще...

Он поморщился. Девушка ещё какое-то время смотрела на него в упор своими голубыми глазами, в которых он не видел больше света. Пытался разглядеть изо всех сил, но — не мог.

— Чего мы сидим на скамеечке, как старики? — она через силу улыбнулась. — Пойдём походим.

— Да, давай, — Марк с облегчением вскочил на ноги.

Стоял послеобеденный час кваторсы, и аллея, ведущая к первой вышке, была относительно пуста — дети и студенты на занятиях или тренировках, многие взрослые на работе. Это была их вторая встреча за три пятидневья, прошедших с окончания неудачных

каникул. И, как и прошлая, совсем короткая — Марку правдами и неправдами удалось выпросить у куратора час свободного времени. Вся боль была в том, что даже эти минуты в обществе Ниланы его тяготили.

— Во сколько тебе нужно быть дома? — она словно прочитала его мысли.

— К трём, у нас общая тренировка... — Марк замедлил шаг и остановился посреди безлюдной аллеи.

Нилана стояла напротив, глядя ему в глаза снизу вверх. Было в её лице что-то наивное, беспомощное, и сердце Марка снова дрогнуло. Причинить ей такую боль? Да нет у него никакого права. Этот идиотский кнотис — болезнь, с которой нужно просто совладать. И всё снова станет как прежде. Рухнет стена, выросшая во время бегства из Мельядиша — выросшая только из-за нездоровой одержимости, которую он тогда сам не осознавал.

Ведь нужно просто взять себя в руки, вернуть контроль — и всё у них с Ниланой будет нормально.

Во дворе дома уже собирались шестые. Довольный Ортей то и дело потирал шею и запястья, наконец свободные от орнамент. Карина устроилась на перилах. Куратор широко зевнул и дал команду занимать позиции.

— Кроме вас двоих, — добавил он, останавливая жестом Марка с наставницей. — Вы — марш ко второму дому. Они сегодня тоже во дворе.

— Отлично, — бодро отозвалась Карина и потянула недоумевающего младшего за собой. — Спасибо, Орт.

— На здоровье, — проворчал тот, разворачиваясь к озадаченным шестым — уйти с общей тренировки до сих пор было делом немыслимым. — И только попробуйте мне!..

— Попробовать что? — растерянно спросил Марк, следуя за Кариной по дорожке между домами.

— Плохо выступить на Арене, я думаю, — отозвалась та. — Он тебе этого не простит.

— При чём тут?.. А-а-а, — до него дошло, лишь только за поворотом показался дом с чёрной цифрой два на торце.

Вторая семья уже всюду занималась. Когда они подкрались поближе, затаившись за высокой живой изгородью, разминка как раз закончилась, а куратор, крикливый рыжий малый, делил подопечных на пары для поединков.

— Хорошо видно?

Марк кивнул, не отрывая глаз от будущего соперника. Реток нетерпеливо покачивался на месте в боевой стойке, ожидая сигнала к началу боя. Напротив него скучала девица с коротко стриженными волосами сероватого-русого цвета — должно быть, наставница.

— Следи в первую очередь за её движениями, — тихо посоветовала Карина. — Она за два года изучила его стиль лучше всех остальных.

Рыжий выкрикнул команду, и вторая семья начала поединки.

Реток бился лениво, словно ему было смертельно скучно. Движения скупые, точные — ничего лишнего, никаких выкрутасов. Его наставница тоже выкладывалась максимум вполсилы. Вот же два лодыря, поразился Марк. Ортей бы на месте рыжего шкуру с них спустил за такое...

Он покосился на свою старшую — поглощённая наблюдением, та прижалась плечом к его руке, сама того не замечая.

Вспомнив про её совет, он спохватился и принялся отслеживать манёвры рубры. Та явно

уступала в силе, поэтому больше налегала на косые барьеры, уводящие атаки соперника в сторону, и на неожиданные хитрости вроде закрученных ударов или нижних подсечек — всё то, чего Марк ещё не умел делать.

Видимо, решив, что для галочки схватка отыграна, дуэт быстренько завершил поединок: Реток словно бы случайно открылся, его наставница словно бы удачно ударила и аккуратно уложила младшего на землю.

— Он так и не выложился на полную, — разочарованно шепнул Марк.

— Ну, не у всех же кураторы — нотты, — заметила Карина. — Или хотя бы такие зануды, как Борс, — помолчала и зачем-то добавила: — Вот Ант разрешил бы так дурака валять.

Марк быстро глянул на неё, затем снова уставился на поле, где Реток уже встал в пару с другим атром, и только тогда решился предположить:

— Так может быть... лидер всё-таки сделал Орта куратором из-за его характера, а не только чтобы он продолжал следить за тобой?..

Она какое-то время молчала, наблюдая за новой схваткой, но потом всё же отозвалась:

— «Бывший лидер». Не знаю. Просто вышло не так плохо, как сначала казалось.

Этот поединок закончился быстро — соперник Ретока оказался гораздо слабее. Зато теперь...

— О, это уже другое дело! — довольно прошептала Карина. — Смотри внимательно.

Новый противник, рубр, казался с виду тщедушным и слабым, но уже первые секунды боя дали понять, что это иллюзия. Чертовски быстрый, он наносил удар за ударом — и Реток едва ухитрялся отбивать их.

— Ни черта же не умеет уклоняться, — обрадовался Марк.

— Если у него есть козырные приёмы, он покажет их сейчас, — добавила Карина.

Действительно, стоило рубру чуть отвлечься, как Реток совершил странное движение обеими ладонями, как будто собирая в кучу что-то невидимое, а затем резко поднял их вверх. Его противника словно подбросило в воздух. Рубр потерял равновесие, но вовремя сгруппировался, кувыркнулся, отбил встречный удар и в отместку хорошенько шарахнул сверху чем-то вроде полужёсткого ковра, легко и болезненно опрокинув атра на землю.

— Ничего себе! — обалдел Марк. — Что это был за трюк?

— Наверное, мягкое поле с обратной подсказкой направления, — оживлённо отозвалась Карина. — Сложный приём. И... смотри, проигрывать он тоже не умеет...

Реток, поднимаясь с земли, кинул злобный взгляд на уже отвернувшегося рубра. В какой-то миг Марку даже показалось, что сейчас он бесчестно нападёт со спины, но секунду спустя ярость атра угасла, ушла вглубь эмоционала...

— ...Впрочем, это ты и так уже знаешь, — договорила наставница.

— Что знаю? — спохватился Марк.

— Что он не умеет проигрывать. Иначе чего бы он до сих пор на тебя дулся, — она пожала плечами и с интересом уставилась на младшего. — Как ты умудрился отбить у него девушку?

Марк почувствовал, как от смущения кровь приливает к щекам.

— Всё было не так... Я никого не отбивал. Нилана сама... не захотела с ним встречаться. А мы с ней тогда просто общались. Но он меня не выносил, вот и придумал себе невесту что...

— Не надо оправдываться, — она смотрела удивлённо. — Я просто спросила.

А в глазах мелькали непривычные, весёлые золотистые искорки...

— Вы двое! Что тут делаете?

Марк вздрогнул от испуга и резко обернулся. За их спинами стояла, строго сложив руки на груди, женщина. Белая кайма, нашивка на рукаве... Куратор седьмой семьи.

— Смотрим, как дерётся один атр из вторых, — безмятежно ответила Карина, даже не обернувшись толком к старшей, и кивнула на Марка. — У моего младшего с ним бой на Арене.

— Да? — заинтересовалась альба, присаживаясь рядом. — С которым? С Ретоком, что ли?

— С ним, — подтвердила Карина.

— Это он тебя вызвал? — обратилась к Марку куратор; тот смущённо кивнул. — Ну и дуралей. Не переживай, парень. Он сглупил, вызывая перваша. Даже если выиграет, посмешищем станет. И вообще, Арену этой весной могут и отменить, — она слегка нахмурилась.

— Старый альтер ни за что не отменил бы, — вполголоса пробормотала Карина. — Но не новый.

— Это точно, — ещё сильнее помрачнела альба и с чувством хлопнула Марка по плечу, поднимаясь на ноги. — Удачи, парень.

А Марк только сейчас вспомнил, где видел её — это она дерзила Ликтору из оцепления в день переворота.

Карина не успокоилась, пока они не попали в парный зал в тренировочном корпусе и не отработали несколько подсмотренных приёмов. «Тело помнит лучше», — сказала она.

В результате домой явились только к ужину. Уже с порога стало понятно, что есть новости: все остальные мрачно уставились на них из-за стола.

— Задание из штаба, — лаконично объявил Ортей, дождавшись, когда вопросительное выражение на лицах вошедших сменится раздражением.

— Рубрам? — спросила Карина.

— Нет, Рина, всем! — процедила Азира сквозь зубы, явно еле сдерживая ярость. — И атрам тоже.

— Атров — за купол?.. — переспросила наставница, переводя взгляд на Марка. — Как совет лидеров разрешил Ликтору...

— Не «Ликтору», а «альтерлидеру», — невозмутимо поправил Ортей.

— Как видите, разрешил, — подтвердил непривычно серьёзный Ильдан. — Я даже хорошо представляю, что он наплёл: «атров нужно знакомить с реальностью, нечего их держать под крылом, пусть учатся на практике» и туда-сюда в том же духе.

— Ну так мы не сильно-то против, — неосторожно вклинился Талат и тут же попал под раздачу.

— Совсем, что ли, не понимаешь? — возмущалась Азира, сверкая глазами на своего младшего. — А если кто-нибудь из вас столкнётся с людьми? Вы же ещё и сражаться-то толком не умеете, только учиться начали! А если кто-нибудь погибнет? Линия прервётся!

— Ну и что? — неожиданно вмешалась Итина. — Вад же погиб. Так меня Ильд взял второй младшей. Вот и со следующим поколением так будет.

— Это другое, — с каменным лицом отрезала Азира. — В Висе была непредвиденная ситуация. Но намеренно, осознанно отправлять атров на человеческие территории! Да что

атров — даже рубров...

— Вад бы сейчас сказал, что ты сама боишься, — негромко произнесла Карина. Краешек её губ едва заметно дёрнулся вверх.

Азира возмущённо задохнулась, но почти сразу же неожиданно улыбнулась.

— А ведь правда, так бы и сказал...

Повисло странное молчание. До этого погибшего товарища старались вслух не вспоминать. Но сейчас почти все — даже Виольна — печально улыбались. Верил бы Марк в мистические шутки — решил бы, что призрак Вада на несколько секунд залетел в гости к своей семье...

— Мы не такие уж и бестолковые, — осторожно сказал он Азире, подождав, пока наваждение спадёт. — А куда нас отправляют?

— На самом деле не так всё страшно, даже немного скучно, — с готовностью встрепенулся Ортей. — Всего и делов — доставить опорникам новые протеры.

— Кому?

— Ритмам, живущим на опорных базах, — усмехнулся куратор, закатывая глаза.

— А зачем им новые протеры? — заинтересовался Талат.

— Последняя разработка Механы, — пожал Ортей плечами. — Больше ничего не знаешь и не должен знать. Выдвигаетесь дуэтами завтра до рассвета, на циклофорах. Дорога не дальняя, так что налегке. И чтобы на одежде — ни единого опознавательного знака Ареносы. Даже на трусах!

— По циклофорам же понятно будет, что мы ареносцы, — проворчала Карина.

— Попадётесь военным — им и без циклофоров понятно будет, — отрезал Орт. — А вот простой народ лучше не смущать.

— Точно, простой народ ведь так и ждёт, как бы взглянуть на трусы проезжающих мимо циклофористов, — повеселел Ильдан.

Глава 15. Первое задание

Марк часто удивлялся тому, что многие рены почти не задумываются, как устроен купол над их головами. Опять же, в школе всё упрощали — говорили, что его поддерживают семь опорных вышек: одна в центре и остальные на вершинах холмов вокруг короны. На деле пограничные башни, преобразуя энергию дежурных форсов, выпускали в небо прямые поля; центральная же, наоборот, притягивала их к себе, заставляя соединяться и смыкаться над короной куполом.

Но и сами поля были не так просты, как казалось. Взять хотя бы «решето» — способность купола пропускать воздух и мелкие тела — без него корона бы задохнулась. Да и тот же таинственный белый щит, который, по словам Ортея, был предназначен гасить ударные вибрации и «ещё кое-что на крайний случай»... У Марка голова шла кругом, когда он начинал обо всём этом размышлять.

Даже обыденный портал у второй вышки, через который хоть раз в жизни да проходил каждый кумсоринец, был довольно замысловатой металлической конструкцией, что оттягивала на себя участок поля, заворачивала его внутрь коротким тоннелем и, наконец, словно с большим трудом разрывала, позволяя пройти насквозь.

— А что, нельзя выпустить всех сразу? — недовольно проворчал один из ритмов, чьей обязанностью было открывать портал.

— Приказано выпускать по дуэту с интервалом в пять минут, — сухо отозвался аргент, контролирующий всё это действие. — Так меньше шансов привлечь лишнее внимание.

Ритм переглянулся с напарником. Насколько Марк понимал, открывать и закрывать портал было делом крайне трудоёмким. А сделать это предстояло ещё восемь раз — у купола собрались пятая и шестая семья в полном составе, а покинул корону только первый дуэт — Азира и Ромен.

Аргент по большей части лишь отстранённо наблюдал, а Ортей и Аниса следили за временем и отдавали подопечным приказы. Марк подозревал, что куратор не случайно, а чисто из вредности отправил их с Кариной в самую последнюю очередь — ждать пришлось довольно долго.

Он замешкался, закидывая на свой циклофор оба рюкзака — багажник наставницы был занят здоровенной коробкой с грузом — и нечаянно стал свидетелем странной, явно не предназначенной для его глаз сцены: проезжая мимо куратора, Карина легонько коснулась пальцами его щеки. Тот ответил внимательным, задумчивым взглядом и растянул губы в непривычной, совсем не ехидной улыбке.

Ругая себя последними словами за то, что это увидел, и за собственную глупую реакцию, Марк наткнулся на острый, ледяной взгляд Анисы, направленный в спину Карине.

По гладкой дороге, бежавшей вокруг купола, ехать было легко и приятно, но удовольствие длилось недолго: слушаясь карту, пришлось скатываться с ровного покрытия на одну из почти незаметных полузаросших тропинок, что разбегались от короны в стороны.

В тенистых низинах меж сопок ещё кое-где лежали посеревшие остатки снега, последние приветы долгой зимы. Но большей частью преграждали дорогу озёра полужидкой грязи. То и дело приходилось останавливаться и счищать липкую дрянь с колёс и цепей.

Ехали молча, навстречу восходящему солнцу, то скрывающемуся за очередным холмом,

то снова выпрыгивающим, заливая глаза. Марк всё никак не мог выкинуть из головы прощание Орта и Рины. Зато эти мысли натолкнули его на догадку: он внезапно понял причину того тянущего, ноющего дискомфорта, что мучил его все проведённые с Ниланой каникулы.

То чувство, будто тебя крючком подцепили за внутренности и тянут куда-то — это была не тоска по короне. Это и было пресловутое побочное действие кнотисов, которое проявлялось на большом расстоянии.

И если подумать, Карина... да что там, ещё и Азира, Ильдан, Камайла, некоторые пятые — все они едут сейчас прочь от своих кнотисов, заранее зная о неприятных последствиях. У Марка от этой мысли мурашки бежали.

— Потренироваться бы, — наставница взглянула беспокойно. — Не вовремя нас выгнали. Арена через пятнадцать дней.

Марк улыбнулся — надо же, переживает за него больше, чем он сам — и упал спиной на нагретую солнцем землю. Над головой едва заметно шевелило ветвями низкорослое деревце с бледными, почти белыми узкими листочками. Это был их первый привал, а ноги уже с непривычки гудели.

— У нас разве есть время тренироваться? — сонно спросил он.

— Нет, — она села рядом, прислонившись спиной к стволу. — Да и заметить могут.

Редкие прозрачные облака пробежали по небу, каждый раз слегка приглушая солнечный свет. Повернув голову, Марк из-под полуприкрытых век следил, как она отрешённо дожевывает свой обед, глядя куда-то вдаль. Они сейчас совсем одни, вдвоём посреди безлюдной степи...

Он раздражённо фыркнул и потряс головой, пытаясь выкинуть оттуда дурацкие мысли.

— Ты чего?

— Ничего, — буркнул он. — Это, знаешь ли, немного сложно... Когда ты всё время рядом, и при этом не думать... Ты не представляешь!

— Вообще-то представляю, — спокойно ответила она.

Марк повернул голову. Наставница прикрыла глаза и предложила:

— Начистоту?

Он резким движением сел.

— Давай. Что у тебя с Ортом?

— Ничего. Он мой наставник, Марк. Мой куратор. Ещё у нас с ним есть парочка общих дел. И да, если тебя именно это интересует — мы близки. Были. Но сейчас он с Нисой, ты должен был уже понять.

Марка словно холодной водой окатили — такого откровенного ответа он не ожидал.

— Тогда почему...

— Говорила же — не хочу. Ни с Ортом, ни с тобой, ни с кем-нибудь ещё. Мне это не нужно и не в радость. Мы с тобой друзья — но не больше. Прояснили?

Марк растерянно кивнул, и Карина, усмехнувшись, спросила:

— А что у тебя с Ниланой?

— С Нила... Зачем тебе?!

— Просто интересно, — пожала плечами она. — А что? Я тебе всё честно выложила, заметь.

Марк несколько секунд смотрел в лицо наставницы — ситуация её явно забавляла, и вот

это выражение сейчас очень живо напоминало Ортея.

— Не очень, — сдался наконец он. — А между прочим, она мне со средней ступени нравилась. И тут, когда мечты сбылись и уже было всё так хорошо ... — он махнул рукой и откинулся обратно на землю. — Не тянет больше к ней, и точка. Вместо этого всё время ты в голове. Но нельзя же теперь просто взять и бросить...

Карина какое-то время молчала, а затем тихо произнесла, растеряв всю насмешливость:

— Пройдёт... Рано или поздно станет легче.

Марк лишь скривился — легко ей говорить. Или, может, не так уж и легко...

— Замечательно, — резюмировал он, любуясь раскинувшимся внизу видом. — Это что, река так разлилась?

Старшая тоже растерянно оглядывала огромную, сплошь залитую водой низину. Далеко впереди виднелся берег — склон очередного холма — но до него было добрых несколько сотен метров грязной воды с торчащими тут и там верхушками деревьев.

— А другого пути нет? — спросил Марк с запозданием — наставница уже спрыгнула с циклофора и вытаскивала из рюкзака карту.

— Есть запасной, вот здесь, пунктиром... В обход этой горы, — Карина махнула рукой на полурассыпавшуюся, но всё ещё внушительную каменную громадину чуть севернее. Но там деревня совсем рядом, а нам велели избегать людей.

— По возможности избегать, — напомнил Марк. — Сейчас такой возможности нет, — он красноречиво поглядел на залитую долину.

— Похоже на то, — согласилась она и хмуро покосилась на солнце, что уже клонилось к горизонту. — Тогда пошевеливаемся, нужно проехать их до темноты.

Деревней это назвать было трудно — скорее, охотничий лагерь, приютившийся у подножья горы, у самой кромки хвойного леса. Несколько хижин, лай собак, гулко разносящийся в ущелье, дым с запахом жареного мяса.

— Через лес, — решила Карина. — Может, не заметят.

Лес оказался совсем не похож на севалийский, через который Марк с Ниланой продирались три пятidineвья назад. Здесь почти не было валежника и зарослей кустарников, под колёсами стелилась ровным ковром палая хвоя, а нижние ветви старых сосен висели высоко над головой.

Рены осторожно крутили педали, петляя между стволов, довольные, что не пришлось брести пешком с циклофорами под мышкой. Марк, увлечённый маневрированием и витающий в своих не самых весёлых мыслях, спохватился слишком поздно:

— Рина!.. Впереди люди...

Громкий, яростный собачий лай свёл всю пользу предупреждения на нет.

— Успеем? — Марк кивнул вглубь леса, но старшая, наоборот, притормозила и развернула циклофор. Пришлось последовать её примеру.

— Собаки быстрее, — она спрыгнула на землю и взглянула на него. — Замри. Не вздумай их отпугивать, пока не скажу.

Псиная свора налетела, окружила. От истеричного лая закладывало уши, но нападать звери не торопились — загнали добычу и ждали хозяев.

Охотники были пешие, девятеро. Одинаковые, разрисованные линиями и пятнами, штаны и куртки; лица загорелые; глаза узкие, грязно-голубые. Остановились поодаль, луки и

копья наготове, но не наводят, разглядывают.

Марк торопливо пробежался по эмоционалам — враждебные, настороженные.

Рядом зазвучал голос наставницы, но Марк ничего не понял — он даже и языка такого не слышал никогда. Она говорила медленно, с трудом вспоминая слова, прокрикивая, чтобы перекрыть лай.

— Что ты им сказала? — тихо спросил Марк, глядя, как охотники переглядываются. По лицам пробежало оживление, но дружелюбия не было и в помине.

— Что просто едем мимо по своим делам, попросила отозвать собак.

Местные, однако, не спешили. Переговаривались. Неодобрительно косились на циклофоры, как на что-то неприличное. Марк с Кариной терпеливо ждали. Наконец один из мужчин, покрупнее, неохотно махнул рукой, недвусмысленно давая пришлым понять, чтобы убирались поскорее.

Марк облегчённо выдохнул. Карина выкрикнула ещё что-то короткое — благодарность или прощание — и вскочила на циклофор, махнув длинной косой.

Раздался резкий окрик. Один из охотников возмущённо показывал на ренну пальцем:

— Сарбунитто!..

— Вот же чёрт, — процедила она. — Марк, пугни псов! И мотаем...

Марк, мысленно благодаря Ортея и свою подопытную Джесс, с расстояния врезался в примитивные эмоционалы животных, вытащил страх наружу. Голова пошла кругом — двенадцать собак это не одна-единственная смиренная кошка, как дома — но псы заскулили, поджали хвосты. Под рассерженные крики охотников он вскарабкался на циклофор, качнулся, чуть не упав на бок — рука наставницы крепко схватила руль.

Огибая привычные уже голые прямые стволы, он боялся лишь, что вслед полетят стрелы — но местных, видимо, слишком озадачило поведение собак.

— Чего это они? — поинтересовался он у наставницы, лишь только они оторвались на достаточное расстояние.

— Феты, — презрительно бросила та. — Решили, что мы шпионы Сар-Ба Ниджа. Больно нужны им эти дикари... Чёрт, ну почему нельзя было подписать на карте, что деревня фетская? Лучше бы тогда обогнули по широкой дуге...

Лес кончился, солнце скрылось за горизонтом, но они всё ещё крутили педали в сумерках — старшая хотела отъехать от злополучного поселения как можно дальше. В результате палатку раскладывали уже в почти в полной темноте.

Марк вызвался дежурить первым, и Карина охотно отправилась спать. Ночь выдалась безлунной — к вечеру набежали серьёзного вида тучи. Гроза началась в полночь. Он какое-то время сидел, укрывшись плащом и слушая стук крупных капель по водонепроницаемой ткани, но затем решил, что никакого смысла мокнуть дальше нет.

Карина сонно спросила «Время?», но он велел ей спать дальше. Пристроился рядом, не касаясь, и лежал почти неподвижно до конца смены. В крошечной темноте слушал её дыхание и шум дождя, старательно отгоняя нежеланные мысли.

Наставница, когда настала её очередь, безропотно закуталась в плащ и выбралась наружу. Дождь немного успокоился, но Марк всё равно чувствовал себя неловко. Выглянув из палатки, он чуть прибалдело понаблюдал, как она устраивается на ветке ближайшего дерева, и лёг спать, улыбаясь.

Тропинка вела через ущелье между двух отвесных скал, поросших мелким ползучим кустарником. И заканчивалась прямо у порога маленького простенького домика на толстых коротких сваях.

Рен в одних серых штанах, без рубахи, сидел на высоком крыльце и с любопытством их разглядывал из-под отросших и в беспорядке торчащих в стороны светлых волос. Марк поёжился — утро выдалось сырым после дождя и не самым тёплым.

— Вот так встреча, — весело сказал он, обращаясь к Карине. — Смотрю, у тебя всё сложилось? Я рад, — он повернулся к Марку. — Никест. Можно просто Ник.

Без особого труда подхватив увесистую коробку с циклофора Карины, он повёл их в дом. Внутри убранство оказалось ещё проще, чем снаружи: одна большая комната с койкой, печкой, грубым столом и парой стульев. Только в центре громоздилась металлическая конструкция, уходящая под крышу и смахивающая на уменьшенную копию одной из опорных вышек Кумсоры.

— Вам уже говорили, что вы шикарно смотрите рядом? — Никест сразу же вскрыл посылку и вытащил чёрный металлический короб. Оглядел со всех сторон и опустил в гнездо в основании своей минибашни.

— Не раз, — усмехнулся Марк, глянув на наставницу сверху вниз.

Опорник хлопнул ладонью по аппарату, и тот издал неприятный писклявый звук.

— Садитесь, сейчас закончу и покормлю вас, — он глянул на Марка и подмигнул: — Эй, атр, она тебе рассказывала, как мы встретились? — Марк потряс головой, и ритм с готовностью продолжил: — Я тогда студентом был, практику проходил на базе в Мендре... И тут заявляется: вся оборванная, ноги в кровь, глазищи горят. Требуется отвести её в корону... Так, сейчас не пугайтесь!

Воздух вокруг дрогнул, словно от удара. Металлический ковшик сорвался с гвоздя на стене и с грохотом упал на пол.

— Оп-па! — рассмеялся Никест, глядя на растерянные физиономии форсов. — Надо подрегулировать. Так вот... И потом она слово за слово обменивается любезностями с нашим командиром и уделывает его, как мальчишку, одним ударом...

— Не было такого, — тихо возмущилась Карина. — Он принял меня за сумасшедшую, не поверил, что я ренна. Пришлось доказывать...

— Но ты его опрокинула на землю! Взрослого рена, — со смехом напомнил опорник, оборачиваясь.

— Он не защищался, потому что не верил, что я что-то могу, — кисло отозвалась рубра, уставившись в окно. — А я не умела контролировать силу, не рассчитала...

Ритм пожал плечами и повернулся к своей машине, лишь снова предупредил, чтобы не дёргались. Пространство опять вздрогнуло, но уже гораздо мягче.

— Работает, — сообщила Карина, по-прежнему глядя в окно. — Надо же, без подпитки...

Марк тоже выглянул — сначала ничего не заметил, но потом рассмотрел переливчатые блики на поверхности барьера, окружившего домик.

Опорник кормил форсов тушёным мясом с картошкой и хмурился, пока те рассказывали про затопленную низину и стычку с фетами-охотниками.

— Вообще-то странно, — задумчиво заключил он. — Так-то они нормальные ребята. Я у них покупаю продукты. Вон, мясо в котелке — их добыча. Разве что их кто-то разозлил до

вас...

Он вскочил и пару раз прошёлся вокруг своей башни, где тихонько гудел новый протер.

— Может, есть третий путь? — поинтересовалась Карина. — Не хотелось бы снова наткнуться на тёплый приём.

— Да, с паводком не вовремя вышло, — почесал затылок Никест. — Придётся вам делать здоровенный крюк, объезжать их лес. В короне вас не потеряют?

— Я предупрежу, — коротко отозвалась Карина, дотрагиваясь до груди, где висел камень Орта.

— А, точно, — поморщился ритм. — Я и забыл, что *этот* тебя под крыло взял. Слушай, — он отвернулся, будто бы не придавая большого значения своим словам, но Марк почувствовал, что вопрос назревал уже давно, — а как там Тарита?

— Что? — Карина растерялась. — То есть, ты последних новостей ещё не слышал? Нет, с ней ничего не случилось, — торопливо добавила она, когда опорник испуганно повернулся. — Просто Илур больше не лидер. Ликтор устроил переворот... А это — камень моего наставника, он тоже нотт.

— Переворот? — ошарашенно повторил опорник. — У меня же связь только через звуками, и никто ничего... А последние гости были давно. Когда успели?

— Семь дней назад, — подал голос Марк.

Никест недоверчиво покачал головой и снова повернулся к Карине, уже не притворяясь, что тема ему безразлична:

— Так она ещё с ним? Вы с ней видите? Всё в порядке?

— Да, — чуть улыбнулась рубра, отвечая сразу на все вопросы. — Не переживай, я за ней приглядываю.

— Тарита — это ведь твоя опекунша? — спросил Марк, лишь только они отъехали от базы. — Жена лидера?

— «Бывшего лидера», Марк.

Нотт лишь отмахнулся. Не у него одного язык всё ещё не поворачивался называть Ликтора новым именем.

— И когда Никест привёз тебя в корону...

— ...Попросил Тариту обо мне позаботиться. А потом она сошлась с Илуrom. Так всё и сложилось.

Марк помолчал, но долго не выдержал:

— Как ему удаётся так долго жить вдали от своего кнотиса? Я бы не сказал, что ему совсем плохо...

— Говорю же, тяжело только сначала, а потом привыкаешь, — пожала плечами наставница. Её рука непроизвольно коснулась живота. — Заметь, это был его выбор — никто не мешал ему остаться в короне. Так, нам вроде бы сюда...

Тропинка, на которую советовал свернуть Никест, вильнула вокруг горы, прорезала небольшой участок редколесья и вывела на дорогу вдоль кромки леса. Следы колёс и лошадиных копыт были свежие, и Марку пришлось поднапрячься, непрерывно прочёсывая окрестности на наличие людей. Это выматывало. Наставница косилась сочувственно и устраивала привалы чаще, чем раньше.

К вечеру снова пошёл дождь — но не проливной, как накануне, а противный, морозящий, зябкий. Карина мрачнела и дрожала — плащ не спасал от ледяной

всепроникающей сырости.

Дежурить снаружи палатки в этот раз смысла не было, и они просто забрались внутрь, оставив мокрые плащи на улице. Спиной к спине — так теплее — провалились в сон. Марк спал беспокойно, то и дело просыпаясь, чтобы мысленно обшарить округу.

Крепко уснул лишь под утро. И тут же — как ему показалось — был безжалостно растолкан старшей. Не в силах даже возмущаться, покорно поднялся, собрался и вскарабкался на циклофор.

Лес сменился пустынной, скалистой равниной, а та к вечеру вздыбилась знакомыми авийскими холмами.

— Да и чёрт с ними, — пробормотал Марк, взглядываясь в пыльное облако у самого горизонта. — Что они нам сделают? Всего пятеро...

Наставница смотрела молча, ехать дальше не торопилась. Только когда едва угадываемая точка перевоза вдали скрылась за очередным холмом, словно очнулась:

— И правда...

Марк выдохнул и тронулся следом.

Конечно, можно бы было снова съехать с дороги, затаиться где-нибудь в низине — но так уже, честно говоря, надоело. Те редкие путники, от которых они прятались до этого, оказывались безобидными торговцами. Последний раз не стали, проехали мимо. Люди скользнули удивлёнными взглядами по циклофорам, дружелюбно окликнули. Рены ответили коротким приветствием, и на том всё закончилось.

Но в этот раз всё же следовало спрятаться, понял Марк, когда перевоз вынырнул из-за вершины уже совсем недалеко.

— Военные, — сквозь зубы сообщил он старшей. — Попробуем свалить?

— Поздно, — спокойно откликнулась та. — Лицо попроще. Мы ничего плохого не делаем и знать не знаем ни о каких колдунах. Если вдруг что — сразу барьер.

До последней минуты Марк надеялся, что обойдётся...

— Далеко путь держите, молодёжь?

Солдат рядом с водителем фургона лениво высунулся в окно, с любопытством разглядывая парочку. Говорил он по-авийски, но на лицо казался эспийцем — светлая кожа и волосы, глаза голубые. Ещё трое, судя по всему, сидели в кузове.

— До Виса, — коротко ответил Марк. Они с наставницей заранее условились, что в случае чего говорить будет он.

— Чего не на поезде-то? — удивился военный, подозрительно прищурился глаза с бесцветными ресницами.

— Тренируемся, — развёл руками нотт, указывая кивком на свой циклофор.

Он успел бросить быстрый взгляд внутрь кабины. Оба человека были вооружены до зубов. Наверное, и те трое в кузове тоже.

— А-а-а, спортсмены, значит, — протянул солдат и тоже уставился на двухколёсный транспорт. — Что за модель? Никогда таких не видел.

Марк похолодел — угораздило же напороться именно на того, кто соображает в циклофорах!

— «Герко», мандорийские, — ввернула Карина.

— А, да, слышал, — осклабился солдат и уставился на неё. — Надо же, совсем ещё ребёнок, а уже на такие расстояния ездит!

— С детства не слазит с циклофора, — кивнул Марк и поставил ногу на педаль, давая собеседнику понять, что разговор окончен.

И тут же ощутил его горячее желание потянуть время — пока не... пока не — что? Чем там заняты солдаты в кузове? Марк жалел сейчас, что не умеет пользоваться ментальной речью — нужно как-то дать знать наставнице...

— А ну-ка стоять! — просто гаркнул солдат, так и не придумав ничего лучше. — Не двигаться! Эй, бездельники! — проорал он уже по-эспийски, повернувшись к окошечку за спиной. — Вы долго будете со своим «мати» возиться?

Что ещё за «мати», подумал Марк. Какое-то оружие?

Но тут из кабины донеслись приглушённые возгласы — и удивлённо исказились эмоционалы.

— Рина, знают! — сообщил он наставнице.

— Барьер!

Солдат теперь ухмылялся во всю ширину своей физиономии. Огнестрел в его руке был направлен на Марка. Второй — в руке водителя — на Карину.

Створка кузова отъехала вбок, выпустила ещё двоих. Ещё два прицела поверх старых. Третий солдат остался внутри.

— Ух ты, настоящий, — один из людей хлопнул ладонью по невидимому барьеру, который держал Марк.

— Как вы поняли? — ровным голосом спросила Карина.

— Как вы поняли, что мы поняли? — в тон ей ответил ухмыляющийся. И тут же выкрикнул: — Эй, Гек, врубай! Вот и проверим...

— Снять, — шепнула Карина Марку.

Она успела ударить — наполовину. Высвобожденного импульса хватило на то, чтобы солдата в кабине отбросило прямо на водителя, но не больше. Рубра ахнула и схватилась за запястье. Больно, наверное, когда энергетический цикл разрывается во время атаки.

Марк же не успел ничего сделать, и его ладонь лишь впустую мазнула по воздуху. Уши заложило — совсем как в тот раз. Желудок подскочил к горлу, толкнул сердце.

В голове крутилась лишь одна мысль: встряли.

— ...Понятно, что в корону, но откуда? Боги, колдун! Просто скажи, и отпустим. Убивать вас без повода нам всё равно запретили. Даже пленных сейчас нельзя брать...

Марк разлепил глаза — залило кровью. Солдаты решили, что главный в дуэте — он, и на возмущённые возгласы Карины лишь смеялись.

Дёрнул руками — бесполезно. Запястья были перехвачены за спиной крепкой чёрной верёвкой. Как и лодыжки. Спина упиралась в измазанное грязью колесо перевоза. Злые волны блокатора отдавались тошнотой в желудке, в ушах стоял противный шум.

— Сказал же... Просто тренировались. Полевая тренировка, слышали о таком?

— Да что за сказки, колдун? Можно подумать, у вас под куполом места не хватает для тренировок. Чтобы ещё и детей, — кивок на Карину, — на нашу территорию высылать...

Марк, несмотря на ситуацию и пульсирующую боль, едва удержался от смеха. Наставница глядела мрачно. Ей досталось куда меньше: может, если бы не сопротивлялась так отчаянно, и вовсе не тронули бы.

— Ничего ареносского, ничего подозрительного, — сообщил солдат, вытряхивающий их вещи из рюкзаков. — Шпионы какие-нибудь, зуб даю.

— Что же наши шпионы высматривали? — мягко произнёс командир, присаживаясь на корточки перед Кариной. — Эй, Барт! — здоровяк, что вёл перевоз, поднял голову. — Ты же у нас по малолеткам? Как насчёт поработать с девочкой?

Марк похолодел.

— Если надо, — с виду безразлично буркнул водила, но нотт с омерзением ощутил в его эмоционале ликование.

Двое других солдат хмуро переглянулись, но промолчали. Зато из кузова за спиной Марка раздался возмущённый голос:

— Командир, запрещено!..

— Молчать! — рявкнул тот. — Им здесь шарахаться тоже запрещено. Это — не люди. Уже забыли, что они сделали с семнадцатым взводом в Беарде?

— Мы на авийской территории, — угрюмо пробормотал один из солдат, переходя на эспийский язык. — Могут быть проблемы...

— Проблемы у нас будут, если не разузнаем, что эти двое забыли в Эспие, — отрезал командир.

Марк перехватил взгляд Карины. В нём не было страха — лишь беспокойство. Не за себя. Она понимала, что язык таким образом будут пытаться развязать ему, а вовсе не ей.

Увалень Барт тем временем не спеша подошёл к своей жертве, схватил за косу, задрал ей голову, заставляя взглянуть в лицо.

— Видали волосищи? — прогудел он. — У меня в Беарде знакомый парики делает. За такую штуку денег дадут больше, чем за это задание.

На лице Карины не дрогнул ни один мускул, но эмоционал злобно ощетинился.

Барт рывком поднял рубру на ноги, прижал к стенке кузова. Марк снова отчаянно дёрнул связанными руками.

— Ну что, я начинаю, командир? — оскалился водила.

Двое солдат отвели глаза. Марк чувствовал их отвращение, но сильнее всего оно ощущалось в эмоционале третьего, что так и не вылезал из кузова — сторожил блокатор.

Командир смотрел с ожиданием.

— Не надо, — не своим голосом произнёс Марк. — Я всё расскажу.

Краем глаза он видел, как наставница молча косится на него. Выдохнул, пытаюсь привести в порядок мысли и придумать хоть что-то правдоподобное.

— Мы ездили к одному человеку... — осторожно начал он.

— Человеку?.. — перебил командир. — Именно человеку?

— Да, нам поручили передать послание...

— Что за послание? Что в нём?

— Я не знаю, — огрызнулся Марк, старательно изображая негодование. — Конверт был запечатан. Посыльным ведь обычно не рассказывают, что в секретных документах, да?

— Где и кому вы его отдали?

— В небольшой деревушке, там, за рекой... Даже не помню, как она называется. Лица мы не видели, он его закрыл.

— А девочку зачем таскал с собой?

Марк мысленно хлопнул себя по лбу, но наставница тут же подала голос:

— Я родом из тех мест, знаю короткую и безлюдную дорогу. И язык тоже знаю.

— Родом из Эспия? — усмехнулся командир, разглядывая её во все глаза, будто только что увидел. — Ну да, на вид так типичная эспийка.

— Моя мать — отступница-сарбанидка, — невозмутимо соврала Карина. — Я пошла в неё.

Ещё несколько секунд командир пристально глядел в её глаза, а потом Марк изумлённо осознал, что тот поверил — поверил их нелепой импровизации!

— Как называются деревня и река? — быстро спросил солдат по-эспийски. — Если ты из этих мест...

— Дроатос и Лу, — без заминки отозвалась она.

Он фыркнул. Махнул рукой Барту:

— Отпускай. Поехали.

Водитель разочарованно перевёл взгляд на пленницу. Её коса всё ещё была намотана на его кулак.

— А так что с волосищами-то, командир? Может — того? А то, что выручим, поделим?

— Валяй.

Марк даже дёрнуться не успел, как Барт с хищной ухмылкой выхватил нож и так яростно им полоснул, словно пытался компенсировать недополученное удовольствие. Карина упала на колени — криво обрезанные короткие волосы рассыпались по лицу.

— Я запомнил тебя, — тихо, сквозь зубы сообщил Марк здоровяку, что как раз проходил мимо, помахивая трофеем в руке.

Тот вместо ответа расхохотался и со всей силы пнул его в живот — так, что мир перед глазами взорвался от боли, разлетелся на мелкие осколки.

— Ты там полегче, — расслышал он сквозь алую пелену. — Мы его не для того в живых оставили, чтобы ты угробил одним ударом.

— Да что ему будет, колдуну-то, — беззаботно отозвался Барт. — Они же живучие, как тараканы.

Перевоз разразился рёвом, поднял облако пыли и укатил прочь. Марк лежал на земле, изо всех сил пытаясь не застонать — боль разлилась по всему телу и безжалостно пульсировала.

На плечо легла маленькая рука. Он открыл глаза. Наставница склонилась со встревоженным лицом.

— Жив, — сообщил он ей хрипло и неубедительно.

Она молча куда-то уползла. Марк почувствовал, как она связанными руками ощупывает верёвку на его запястьях, по-прежнему стянутых за спиной. Тяжёлое давление блокирующего поля постепенно ослабевало, пока не растаяло совсем.

Должно быть, Карина тут же попыталась разрезать пути острым жёстким полем и немного промахнулась, потому что Марк вздрогнул от новой боли — словно полоснули ножом по ягодице.

— Чёрт! — ругнулась она. — Прости...

Через минуту он, уже освобождённый от верёвок, хохотал, лёжа на животе с приспущенными штанами, пока наставница с виноватым лицом залечивала свежий порез.

Глава 16. Безымянная тьма

— Ха! — торжествующе выдохнул Ильдан. — То-то она за тебя так усердно взялась.

— М-м-м? — непонимающе протянул Марк.

— Ну, понимаешь, у неё с Джилурой — старшей этого твоего Ретока — как-то раз случился... э-э-э... конфликт.

Маленький зал, где они тренировались вдвоём, погружался в полумрак — вечерело. Карина, осознав, что комплекцией и близко не напоминает будущего противника Марка, сдалась и попросила о помощи Ильдана. Ортей разрешил — подозрительно легко.

— Конфликт? — удивлённо переспросил атр, вспоминая невзрачную рубру с короткой стрижкой.

— Да-а-а, — протянул Ильдан, улыбаясь воспоминаниям. — Года три назад. Девчонки тогда сцепились в коридоре тренировочного корпуса. Слово за слово... Джилура, конечно, много наговорила гадостей — и про Ринино происхождение, и про шестую семью в целом. Ну а твоя наставница тогда была... чуть импульсивнее, чем сейчас.

— Представляю, — ухмыльнулся Марк. — И что она с ней сделала?

— Чуть не убила, — лаконично отозвался Ильдан. — На пару с Вадом. На глазах у половины корпуса. Ох, Борс и орал тогда...

— С Вадом? — не поверил Марк.

— Ага. Джилуру тогда слегка понесло, и она чего только не наплела про нашу семью. Ерунду по большей части, но Вада задело. Не могло не задеть — ты ж помнишь, какой он был. Ну и... На моей памяти первый и единственный раз, когда эти двое оказались заодно, — он тяжело вздохнул.

Марк подумал, что то, насколько ему самому было больно вспоминать о погибшем рубре, не шло ни в какое сравнение с чувствами одноклассников Вадая. Наверное, когда он проведёт эти четыре года вместе с Талатом, Роменом, Камайлой и Итиной, потерять вдруг кого-то из них будет просто невыносимо... Он встрепенулся и, пытаясь отогнать дурные мысли, спросил:

— А старших рядом не было?

— Орт был, — криво усмехнулся Ильдан. — Стоял и ржал. Ему потом тоже досталось — и от Борса, и от лидера. Наверное, даже крепче, чем этим двоим...

Они сидели на скамье у стены, переводя дыхание. Карина тщательно втолковывала однокласснику тактику Ретока, и тренировка вышла напряжённой. Но по крайней мере Марк продвинулся в обороне от мощных прямых атак.

— Понятно, — произнёс Марк и пожал плечами. — Ну и ладно. У меня свои разборки, у неё свои. Главное, чтобы Арену не отменили.

— Восемь дней осталось. Хотели бы отменить — сделали бы это раньше. Так что — поднимай седалище, боец, продолжаем.

Дни летят как угорелые, когда не надо. Казалось, вот только начинается одиннадцатое пятидневье года, но лишь моргнул — и пожалуйста, ещё одно прошло, а до Арены три дня...

День с утра не заладился. Небо запечатали плотные тёмные тучи, и пробежка прошла под мерзким морозящим дождём. Марк на бегу загляделся на загадочные желтоватые вспышки, с самого утра пробегавшие по куполу со стороны Механы, от третьей вышки, и

налетел на Камайлу. Пока он бормотал извинения донельзя смущённой одногоднице, подоспел куратор и, будучи слегка не в настроении, всыпал ему по полной. «Неуклюжий мордovorот», пожалуй, был самым мягким из прозвучавших эпитетов. Закончив монолог, Орт переключился на Рину:

— ...Или ты займёшься его чувством равновесия, или в один прекрасный день он всех угробит! — шипел он.

Та отрешённо кивнула, нисколько не задетая. Но одного-единственного её взгляда Марку хватило, чтобы понять: наказу куратора она последует, и поблажек ждать не стоит.

Резкий порыв ветра бросил в лицо пригоршню сырости, сорвал капюшон с её головы. Непривычно короткие тёмные волосы разметались в стороны. Итина несколько раз принималась уговаривать её сделать стрижку, чтобы и не мешались, и выглядели прилично — но смотрела исподлобья мрачно и неизменно отказывалась. Ожившие в памяти воспоминания о злополучном дне никак не улучшили Марку настроение.

Дома Орт схватил из буфета булку и умчался прочь. Вымокшие и злые шестые позавтракали бы в молчании, если бы Азира не затеяла внезапную перебранку с Виольной. Та решительно не хотела ничего слышать о дополнительных тренировках, которые куратор поручил девушкам проводить ежедневно.

— Такое впечатление, словно это мне нужно! — негодовала Азира. — Прости, Ольна, но здесь он прав: ты деградируешь. Тебя атры скоро обгонят по показателям. На прошлой учебке с пятыми — признаем честно — от тебя толку не было вообще. Мы с Риной и Ильдом тащили и прикрывали, а ты... А что на задании будет?

— Да пошли вы все к чёрту со своими заданиями! — взорвалась Виольна, так резко отворачиваясь от окна, что рыжие кудрявые волосы хлестнули Ромена по лицу. — Что вы как собачки дрессированные — вам свистнут, и вы бежите, радуетесь, соревнуетесь, кто эффектнее свою жизнь постелет?.. Кому это нужно? Вы хоть немного задумываетесь, что вы не за себя собираетесь биться, а за своих свихнувшихся лидеров?..

Воцарилась тишина.

Потом Ильдан тихим, пришибленным, несвойственным ему голосом произнёс:

— Ольна... Это уже чересчур...

— Чего ты хочешь? — перебила Карина, поднимая голову. — У тебя есть конкретные соображения, как нам следует поступать вместо этого? Или все должны сесть рядышком и ныть вместе с тобой, как всё плохо? Или скорее — жалеть тебя, такую несчастную?

— Всё, хватит! — рявкнула Азира своим фирменным железным тоном, но в глазах Риной уже плясал холодный чёрный огонь, а в голосе снова прорезался акцент:

— Тебя не было среди каникуляров, когда они бежали через восставшие территории. Не было с нами в Висе, когда мы остались без магии, когда Вад погиб. Всё Ликторово восстание ты отсиделась дома. Никто тебя пальцем не тронул, когда вы с Ромом ездили к опорнику... Но послушать тебя — так это ты тут самая пострадавшая, а все беды — от свихнувшихся лидеров!

Виольна побелела и начинала дрожать. Марк, всё это время пытавшийся одновременно ограждать и следить за её эмоционалом (мало ли что), протянул руку и схватил наставницу за плечо:

— Ты делаешь хуже...

Карина кинула на него убийственный взгляд, но он его выдержал, лишь крепче сжал её плечо.

И чёрный огонь погас. Она закрыла глаза, выдохнула. А потом снова повернулась к окаменевшей Виольне:

— Прости. Я не хотела...

— Хотела! — сквозь зубы бросила та, всхлипнула и умчалась наверх.

— Насколько хуже? — с виноватым видом обратилась Карина к Марку. Тот лишь пожал плечами, и она пробормотала, ни на кого не глядя: — Я же просила меня останавливать...

— Я пыталась, — прохладным тоном заметила Азира.

— А я с тобой согласен, — неожиданно для всех подал голос Ромен. — Это было резко, но чистая правда.

Карина удивлённо взглянула на атра-молчуна. Марк сомневался, что они за всё время знакомства хоть раз перекинулись словом.

Ромен умолк, смущённый непривычным вниманием, хотя остальные, кажется, ждали от него ещё каких-то слов.

Марк напрасно думал, что хуже сегодня уже ничего не случится.

Поглощённый невесёлыми мыслями о предстоящей Арене, он брёл по коридорам тренировочного корпуса на очередное занятие, когда услышал своё имя.

Он обернулся. Камайла с испуганным, но решительным видом стояла у окна.

— Можно тебя на пару слов?

С очень нехорошим предчувствием он огляделся, подошёл и, просто чтобы не выглядеть глупо, уточнил:

— У нас же сейчас лекция в третьем зале, разве нет?

— А? Да, в третьем, — одногодница не выдержала и спрятала глаза. — Слушай... Я давно хочу спросить...

Ему вдруг очень сильно захотелось что-нибудь соврать, как-нибудь выкрутиться и убежать, лишь бы не слышать, лишь бы не отвечать... Усилием воли он заставил себя остаться на месте и даже не отвести глаз от её лица.

— ...Как-ты-смотришь-на-то-чтобы-куда-нибудь-вместе-сходить? — скороговоркой выпалила Камайла.

— Прости, — Марк покачал головой. — Лучше не стоит.

— А... — она выдохнула, и теперь Марк почувствовал её желание побыстрее смыться. Но она ухитрилась взять себя в руки и нервно улыбнулась ему: — Так ты же нотт... Сам ведь знаешь всё, да? Такая незадача... А я подумала: дай-ка просто спрошу, а то всякое кругом творится, рены гибнут... Мало ли что...

— Так я бы сам подошёл, — осторожно произнёс Марк.

— Что?

— Сам, говорю, подошёл бы. Если бы... — он умолк, осознав, что городит.

— А, поняла, — кисло улыбнулась Камайла. — Если бы я тебе хоть немного нравилась. Всё, вопрос закрыт. Извини за беспокойство...

Она хотела убежать, но Марк успел схватить её за руку.

— Нет, стой!.. Не это... Не в этом дело. Просто у меня уже есть девушка.

Камайла чуть ли не с ужасом высвободилась из его хватки.

— Кто? Ой...

И закрыла лицо руками, явно собираясь добавить, что это не её дело. Но Марку казалось, что чем больше будет ясности, тем чётче точка в их разговоре.

— Нилана с нашего года... Ну, помнишь, она ещё по баллам на тестах первое место заняла. В Медику поступила...

— М-м-м, — промычала Камайла, с несчастным видом глядя в сторону. — Ясно. Ну тогда тем более...

Марк подумал, что лучше бы сейчас снова оказался под полем блокатора, на коленях перед вооружёнными солдатами. Вот как сделать, чтобы хоть немного уменьшить боль, которую он только что причинил? Такую знакомую боль...

— Это совсем не значит, что ты мне не нравишься, — мягко сказал он, пытаясь поймать её взгляд. — Просто я люблю... — он запнулся. — У меня кнотис на другую, вот и всё, — от произнесённой лжи (или, скорее, полуправды) стало только противнее. — Так бывает... Часто бывает. Жизнь на кнотисах не сходится, понимаешь? Говорят, со временем почти проходит...

Камайла кивала, не веря ни одному его слову.

А дома его подкараулил Ромен. Высунул лохматую голову из-за своей двери и почти так же робко, как и Камайла, попросил зайти поговорить. Марк послушался, гадая, что могло понадобиться от него тихоне-одногоднику.

— Ты же вроде бы любишь книги, да? — с порога огорошил его Ромен и, не дожидаясь ответа, пихнул в руки объёмную пачку листов. — Можешь, пожалуйста... если не трудно... прочитать?

— Что это? — Марк с недоумением проглядел первые несколько страниц, исписанных ровным почерком.

— Несколько рассказов, — отвёл глаза Ром. — Не думаю, что они получились хорошими, но я сам понять не могу, поэтому не мог бы ты... Если, конечно, есть желание... Если нет — я пойму...

— Погоди... Это что — ты сам сочинил?

Ромен смущённо кивнул и тут же встрепенулся:

— Только не сейчас! Не при мне. Потом, один прочитаешь...

— Без проблем, — улыбнулся Марк. Одной загадкой меньше: он столько раз замечал, как одногодник сидит, уставившись в окно или просто в одну точку перед собой, а эмоционал его так и переливался эмоциями. Так вот чем он был занят! — Если хочешь, я и Рине могу показать — она тоже читает всё подряд...

— Нет! — пришёл в ужас Ромен. — Только не ей...

— Она совсем не такая жуткая, как кажется, — честно поделился Марк.

— Всё равно... Не надо. И ещё — если тебе вдруг... не понравится — просто сразу скажи и не читай дальше, хорошо?

— Хорошо, — согласился Марк, прекрасно осознавая, что никогда так не поступит. — И когда ты успел столько настроичить?

— В школе. Вообще-то это не всё, у меня ещё есть длинная история, но я не дописал...

— Понял, — откликнулся Марк. — Сейчас со временем не очень, но как только — сразу прочитаю, обещаю.

— Да я не тороплю, — замахал руками Ромен. — И — да... Удачи тебе на Арене.

Входная дверь хлопнула, и вошедший Ортей остановился на пороге кухни, угрюмо глядя на ужинающую семью. А семья растерянно уставилась на него.

— Замечательно, — первой высказалась Карина. — Молодец, Орт.

— Опять?! — в сердцах воскликнула Азира. — Да что с тобой такое?

— И во что на этот раз влез? — поинтересовался Ильдан. — Опять Ликтору козни строил?

— Можно и так сказать, — неопределённо отозвался куратор, проводя пальцем по тёмно-красной ленте орнаменты на шее. — Что сегодня на ужин?

— А где Борсел? — вытянул шею Талат. — Должен же быть надзирающий?

Ортей, наполняя свою тарелку, почему-то захихикал и махнул рукой в сторону входа:

— Сейчас придёт... надзирающий.

И правда, через пару минут на кухне объявилась Ивера собственной персоной. Подмигнула удивлённым рубрам, со смехом взъерошила своему младшему и без того растрёпанные волосы.

— Я сама вызвалась, — поделилась она. — А эти дуралеи даже не сообразили...

— Что не сообразили? — любопытствовал Талат.

— Я же его наставница, — пожалала плечами альба. — У меня право дуэта.

— «Право дуэта»? — озадаченно переспросила Итина.

— Если он снова что-нибудь натворит, я имею право не останавливать его, а наоборот, защищать — и ничего мне за это не будет, — пояснила Ивера. — Толку от такого надзирательства. Не то что бы мы собирались... Правда, Орт? — она метнула на младшего строгий взгляд.

— Сомневаюсь, что наш новый альтер в таком случае будет учитывать подобную ерунду, — монотонно отозвался тот с набитым ртом. — Плевать он хотел на традиции, что уже не раз демонстрировал.

— Какой срок? — тихо спросила Карина.

— Пять дней, — неохотно ответил куратор.

Карина, Азира и Ильдан переглянулись.

— Арена... — сорвалось с губ Азиры.

— Не переживайте, — Орт поднял на них жёсткий взгляд. — Если что... И без меня будет, кому встать.

Сон не шёл, и Марк всерьёз подумывал, не включить ли светильник и не начать ли читать Роменову писанину. Но потом всё же резко провалился.

И зря.

Сначала снилась тревожная погоня за исчезающим лучиком света по тёмным коридорам. Снова раз за разом падал в какие-то колодцы, сумрачные норы, ведущие в новые лабиринты. Двигались стены, слышался неразборчивый шёпот. Кто-то невидимый смотрел пристально и насмешливо, как Марк барахтается, словно муха в варенье, в густой липкой тьме.

Закончился кошмар уже знакомым с детства, но давно не посещавшим сценарием: на пути выросло зеркало, но отражался в нём не совсем Марк. Или, точнее, совсем не такой Марк, каким бы он сам хотел быть. Что-то неуловимо жуткое было в чертах лица и в самой позе; злоба, высокомерие, жестокость сквозили в каждом движении.

«Ты не я», — шептал Марк, пятясь назад.

«Ты — не я!» — громовым голосом вторил двойник, указывая на него пальцем.

Марк пытался отвернуться — зеркало окружило его сплошной стеной. Упал на спину —

зеркало закрыло собой небо. Пытался зажмуриться, но веки отказывались повиноваться; зажимал уши руками, но голос гремел в голове.

Ты — не я!..

Черты лица двойника смазывались, фигура расплывалась. Жутковатой карикатуры на отражение больше не было. Остался лишь безымянный ужас — безликий и бесцветный, хотя в голове вертелось слово «тьма»; беззвучный, хотя уши по-прежнему закладывало от зловещего голоса.

Не я!..

Марк умудрился наконец закрыть глаза, но даже сквозь веки продолжал видеть. Пытался кричать от страха, но из горла не вырывалось ни одного спасительного хрипа... Бежать уже не пытался: всё тело, если оно у него вообще когда-нибудь было, сковало каменной бесчувственностью...

— Марк!

Он вынырнул из забытья, задыхаясь, благодаря того, кто его вытащил — кем бы он ни был.

— Ну всё, всё...

Щёлкнула кнопка выключателя — и появилось обеспокоенное лицо наставницы.

— Просто сон! — с нажимом сообщила она — наверное, его лицо ещё было искажено ужасом.

Марк откинулся на подушку, не в силах даже ответить. Постепенно успокаиваясь, восстанавливая дыхание, осознал, что старшая сидит, поджав ноги, на его кровати, практически вплотную, и всё ещё смотрит на него.

— Извини... — хрипло проговорил он. — Я орал, да? — Она чуть улыбнулась и закивала. — Вот блин...

— Бывает, — пожалала она плечами. — Что снилось?

— Какая-то фигня, — он поёжился и замолк, но Карина продолжала пристально глядеть в ожидании. — Какие-то догонялки... А потом зеркало. Но там... Такое, знаешь... Что-то бесформенное, непонятное, и при этом настолько страшное, что... Глупости, в общем.

— Зеркало? — тихо спросила она. — И — безымянный ужас, в который превращается твоё отражение? — Марк растерянно кивнул. — Раньше снилось такое?

— Несколько раз — давно, в детстве.

Она рассеянно покачала головой, хлопнула его по плечу и приподнялась, собираясь спрыгнуть вниз.

— Стой! — Марком снова овладел страх, и он схватил её за руку — наверное, крепче, чем собирался. — Не уходи!

Карина удивлённо замерла. Он поспешно разжал пальцы, и она произвольно потёрла руку, где остался след.

— Да, прости, — пристыженно пробормотал он. — Это просто глупо. Всё нормально, иди.

Но она ещё какое-то время сидела рядом, задумчиво его разглядывая, словно собираясь и не решаясь что-то сделать. Затем привстала на коленях и потянулась к дальнему углу кровати, туда, где деревянное изголовье сходилось с потолком и разделяющей комнаты стеной. Марк отвёл глаза, чтобы не смотреть на белоснежные майку и шорты, даже в тусклом свете ночника оттеняющие смуглую кожу.

Что-то щёлкнуло. Он озадаченно понаблюдал, как старшая тянется теперь в

противоположный угол, у изножья кровати. Второй щелчок.

— Я сейчас, — бросила она, одним бесшумным движением спрыгивая вниз.

Совсем скоро послышались ещё два похожих щелчка — но приглушённых. Марк отёрнул ногу — стена принялась двигаться, сначала медленно, а затем резко ушла вниз и стукнулась об ограничитель. Он обескураженно уставился на наставницу, как ни в чём не бывало усевшуюся на своей кровати, затем на щель между матрасами, куда отъехала толстая деревянная панель, заменявшая, как выяснилось, часть стены.

Так вот, оказывается, откуда ноги растут у тех нелепых слухов, что в Форсе студенты спят в одной кровати с наставниками.

— Теперь не уйду, — она откинулась на свою подушку, укутываясь в одеяло. — Только, Марк... Не привыкай. И не говори никому из атров, ладно? Наставники сами должны показать, если...

— Если что?

— Если сочтут, что достаточно доверяют своим ученикам.

Марк, несмотря на всё ещё колотящееся с перепугу сердце, улыбнулся.

— Значит, ты мне достаточно доверяешь?

— Угу. Спи.

— А если зря?

— Что — зря?

— Знаешь, — Марк нахмурился, — а я ведь пару раз чуть не набросился на тебя. Еле сдержался. Этот чёртов кнотис...

Карина молчала, и он решил, что она уже спит. Но потом тонкая рука протянулась через разделяющую кровати щель, смуглые пальцы легли поверх его собственной пятерни.

— Ты мне ничего не сделаешь, — ровным голосом сказала она.

Он так и не решился уточнить, что это было — высокомерие, угроза или всё-таки доверие.

Глава 17. Последняя Арена

Арену в Кумсоре проводили дважды в год — весной и осенью. Марк часто бывал там вместе с Михом, у него имелись любимые постоянные бойцы. Участвовать разрешалось любому совершеннолетнему рену — при условии, что кто-то захочет с ним сражаться. Бои на Арене служили кумсоринцам развлечением, стимулом к тренировкам, а порой и средством выяснения отношения — как в случае с Марком и Ретоком.

Только вот обычно трибуны были забиты до отказа, список дуэлей тянулся на десятки строчек, а иногда приходилось растягивать мероприятие на два дня... Но не в этот раз. Всё же ощутимая часть дуэлянтов набиралась из форсов, которых в короне сейчас было совсем мало — рассеялись по городам внешнего мира, по заданиям. А тем, кто остался, было не до игрушечных драк. Ивера громко жаловалась, что если бы не приказ сопровождать всюду провинившегося Ортея, она бы поучаствовала. А то позорище — со всей короны набралось лишь шестнадцать пар.

— Ну как, волнуешься? — толкнул Марка локтем Талат.

Нотт лишь пожал плечами. Не объяснять же однокласснику, что он вот уже почти сутки ходит с ограждением от собственных эмоций...

У судейского стола на краю площадки Реток запустил руку в ящик с жетонами, вытянул один, скривился и показал Марку. Тут Марк был с противником солидарен — он бы тоже предпочёл закончить всё поскорее, а не выступать в самую последнюю очередь.

Чтобы свести к минимуму общение противников до поединков, участников делили на две группы, из которых выпускали на поле по одному человеку. Марка отправили в комнату под трибунами на южной стороне.

В стене были заботливо проделаны смотровые отверстия, чтобы томящиеся в ожидании дуэлянты могли наблюдать за предшествующими схватками. Пока зрители рассаживались по полупустым трибунам, Марк углядел на противоположной стороне поля, в проходе между сидениями, фигурку наставницы. Та о чём-то переговаривалась с Ортеем. Куратору приходилось наклоняться, чтобы слышать и быть услышанным. Через некоторое время Ортей развернулся и принялся бочком протискиваться вдоль сидений, а Карина стремительно сбежала по ступенькам вниз и, к разочарованию Марка, пропала.

Зато теперь взгляд выцепил среди пёстрой толпы светловолосую девушку в голубой рубашке с алой повязкой на рукаве. Нилана пришла не одна — судя по таким же повязкам, уговорила пару подружек-медик. Сердце неприятно ёкнуло. Странно: ему так хотелось, чтобы наставница была рядом во время схватки, но совсем не тянуло сражаться под взглядом собственной девушки. Особенно проигрывать — а в таком исходе боя он почти не сомневался.

Злясь на время, которое в этот раз решило сыграть с ним злую шутку — одновременно стремительно лететь и мучительно медленно тянуться, — Марк провёл час, бездумно наблюдая за боями. Цель, как и частенько на тренировках, была в том, чтобы выбить противника за пределы очерченного на земле круга. Если через пять минут оба бойца оставались внутри поля, объявлялась ничья.

Участники покидали комнату один за другим. Их оставалось четверо, когда появилась Карина. Молча встала рядом, покосилась на него. Так, не говоря ни слова, они и досмотрели двенадцатую дуэль до конца.

— Никто не ждёт от тебя выигрыша, — повторила она, пока выходил следующий боец. — Проиграешь, даже с позором — не беда. Вытянешь на ничью — будет идеально.

Марк кивнул. Это он и так знал. Но всё равно её слова смутно грели что-то внутри...

— И Орт просит передать, чтобы ты снял своё дурацкое ограждение. Он даже докричаться до тебя не может.

— Я и так собирался.

— Лучшеними прямо сейчас, а то потом шарахнет.

— Что бы ты понимала, — проворчал Марк, но повиновался.

Сотни эмоционалов зазвенели вокруг, хлынули в сознание. Марк с готовностью прогнал по собственному кругу лёгкий ударный импульс, помотал головой. Отмахнулся от взволнованного эмоционала стоящего наготове следующего дуэлянта, вслушался в свой собственный. Неплохо — пожалуй, даже лучше, чем он ожидал от себя. Страх почти нет, лишь немного усталости, капля азарта (ну а вдруг?) и желание закончить поскорее.

Глубоко вдохнул, улыбнулся Рине, наблюдавшей за ним с любопытством. Она вернула улыбку — такую тёплую, что внутри снова всё подпрыгнуло — и молча убежала обратно на трибуны.

Он был готов, когда завершилась пятнадцатая дуэль. Был готов, когда усиленный голос судьи вызвал на поле последних участников. Но оказавшись лицом к лицу с Ретоком, обнаружил, что на самом деле ни черта-то он не готов.

Одно лишь радовало — точно такие же чувства он читал на лице противника. Смятение, смешанное со злостью — злостью на нотта, который всё видел. Реток тоже был на Арене впервые. И, видно, только сейчас до него дошло, что тренировочный бой на глазах у собственной семьи — совсем не то же самое, что схватка под сотнями жадных незнакомых взглядов.

Марк ухмыльнулся. Будь что будет.

Душераздирающий гудок — сигнал к началу боя. Сразу же — резкий, но предсказуемый выпад Ретока, уклонение. Крики толпы. Скрипнувший упругий настил под ногами. Белая линия далеко. Удар, просто для пробы. Второй — проверить, уйдёт или отобьёт. Барьер-обманка — на самом деле рывок вбок, пережат, удар снизу. Отбит...

Сознание прояснялось. Мир приобретал чёткость и яркость, как никогда прежде. Всё кругом жило, пело, двигалось в неуловимой гармонии: и собственное тело, и пробегающие по нему энергетические волны, и движения противника, и шум толпы, и сияющее в небе солнце, и свежий ласковый ветерок... Марк радовался, как ребёнок, ощущая, как всё это дышит и дрожит вокруг, словно сотканное из невидимых натянутых нитей...

Должно быть, он улыбался от уха до уха, потому что недоумение в эмоционале Ретока тут же сменилось раздражением, а затем и злостью — но это тоже было надо, тоже правильно, тоже подчинялось неким законам, которые только что нащупал Марк.

Шаг, удар, барьер, рывок вниз. Интересно, сколько осталось времени? Хотя — не важно, пусть эта схватка, этот безумный танец длится сколько угодно — хоть вечность. Дрогнувшие пальцы вытянутой руки противника, начало того самого жеста — прыжок в сторону. Секретный приём Ретока, удар снизу, ушёл в небо к куполу, лишь краешком задел ногу Марка и заставил его потерять равновесие.

Кувырок — о, а белая линия-то совсем близко, в двух шагах. Пережат, чтобы убежать от рухнувшего сверху ковра — дурак Реток, надо было делать шире. Удар с размаху, целясь в голову — точнее, движение будто для удара. А теперь сам удар, подсмотренный у шустрого

рубра из второй семьи (спасибо, парень!) — почти у самой земли, по ногам, крошечный по площади, чтобы проник под барьер...

И вот, пока противник пытается удержать равновесие — полноценный импульс, со всех сил... Эх, не успел. Как не успел и уклониться из неудобной позы-приседа. Пальцы левой руки прямо на белой линии — но всё равно ещё цел барьер, ещё можно отбиться...

Настил под ногами взбрыкнул, словно дикая кобыла, подбросил в воздух, а потом принял обратно — но уже за пределами линии. Всё, что ли?

Марк задрал голову к светящемуся табло над трибунами. 4:56. Серьёзно, не хватило четырёх секунд до ничьей?

Зрители, даром что малочисленные, орали. Последняя схватка их не разочаровала.

Реток подошёл и неохотно протянул руку, как требовал обычай. Марк принял её и тут же тихо, быстро произнёс:

— Мы с ней не встречались в школе.

Лицо соперника вытянулось от неожиданности. Окинув Марка недобрым взглядом, он выплюнул:

— Я вас видел вместе.

— После распределения. Не в школе.

— Но она сказала...

— Наверное, соврала, чтобы отделаться от тебя, — без особого удивления отозвался Марк.

Реток покраснел и хотел ещё что-то сказать, но над полем уже всюду несся усиленный голос одного из судей:

— Теперь я попрошу всех участников выйти обратно на поле. Дайте нам несколько минут, чтобы решить, которая из дуэлей сегодня...

— ...Думаю, это может подождать, — перебил чей-то твёрдый голос.

Марк огляделся и увидел на одной из трибун фигуру Ликтора со звуачём-усилителем в руке. «Альтерлидера, Марк!» — мысленно поправил он себя голосом наставницы.

— Я рад, что вы сегодня хорошо провели здесь время, — доброжелательным голосом продолжал альтер. — Но, к моему сожалению, заранее вам сообщаю, что это была последняя Арена. До полной стабилизации ситуации за куполом — боюсь, это может занять несколько лет — схватки на Арене приостановлены...

Нарастающий ропот с трибун напоминал жужжание потревоженного улья с пчёлами, вроде тех, что им показывали на школьной экскурсии в Тиаре.

— При всём уважении, альтерлидер, — снова раздался слегка дрожащий голос судьи, — ты не можешь принять такое решение единолично. Традиция Арены уходит корнями в древность, к самому возникновению организованной цивилизации ренов; само название «Ареноса» было принято нами именно в честь...

— Не всё, что древнее — достойно существования, — резко оборвал его Ликтор. — И решение было принято не единолично. Я здесь, лишь чтобы сообщить вам о нём — думаю, так честнее, чем если вы услышите безликое оповещение по звуачам.

— ...Арена — не просто традиция, — продолжал гнуть своё пожилой судья, хотя голос его всё сильнее срывался, — это отдушина в трудные времена, это дополнительный стимул к изучению боевой магии в небоевых секторах...

— ...Именно поэтому я предлагаю вам другую отдушину и стимул, — проревел альтерлидер, чтобы перекричать уже не просто бормотание, а отчётливые возмущённые

вопли в толпе. — С завтрашнего дня во всех секторах вводится обязательное обучение основам боевой магии, а для совершеннолетних ренов по завершении обучения — служба за куполом. Отдельные рены могут быть освобождены от обучения и службы по особым обстоятельствам, но... ТИХО, КУМСОРИНЦЫ! — снова заорал он, потому что шум стал оглушительным.

Рены притихли, все взгляды прикипели к невысокой тщедушной фигуре Ликтора. Тот, добившись наконец тишины, не спешил говорить, лишь обводил глазами недовольную толпу на трибунах, кучку растерянных участников посреди поля, восьмёрку судей за своими столиками.

— Бред какой, — произнёс рядом голос Ретока, вероятно, забывшего, где он находится и с кем.

— Чтобы корона выстояла и сохранила своё положение, нам необходимо одолеть людей, — наконец заговорил Ликтор. — Чтобы одолеть людей, недостаточно использовать один сектор — всей короне придётся объединиться. Вы все маги, все потенциальные бойцы. Поэтому давайте на время забудем о развлечениях и комфорте. Поднапряжёмся, перешагнём через собственный страх и лень и одержим уже, наконец, победу.

Марк чувствовал, что речь альтерлидера не нашла ожидаемого отклика среди собравшихся, что на этот раз он ошибся, не смог предсказать реакцию толпы так удачно, как в прошлый раз, во время своего триумфа.

Но в короне полно других жителей, напомнил он себе. Тех, что не увлекаются Ареной или даже не переносят её. Зачем объявлять об её отмене здесь, где собрались все сторонники? Как раз в этом случае разумнее и безопаснее было бы использовать звуачи...

Или нет?

— Даже не знаю, как вам сказать, — Ортей устало потёр лоб. — В общем, поздравляю. Теперь вы преподаватели боевой магии. Все до единого.

— Круто! — восхитился Талат и тут же сник под Азириным взглядом. — То есть... Какой ужас, да?

— И? — поднял брови Ильдан.

— И — шуруйте завтра дуэтами по секторам, куда в штабе скажут, — огрызнулся Орт. — Будете сервов и механов простейшим ударам-барьерам учить. Срок — три пятидневья. Потом пойдёте с ними в операции по захвату.

— Ну, — осторожно произнесла Итина, глянув на старших, — не самый худший вариант, правда?

— Что — не самый худший вариант? — хмуро отозвалась Азира. — Вести в бой работяг, всего пятнадцать дней знакомых с боевыми приёмами?

Марк сжал переносицу. Всё же столько времени в окружении сотен эмоционалов, да плюс собственные переживания не прошли бесследно. Поднял глаза и тут же наткнулся на сочувственный Ринин взгляд.

— Только это ещё не всё, — поднял палец вверх куратор. — По ночам будем дежурить на вышках, а вечером — общие тренировки и занятия с наставниками. В тренировочном корпусе, естественно, занятия пока отменяются. Но, думаю, вам дадут хотя бы список литературы для самообразования...

— Какой литературы?! — неожиданно взорвалась Камайла. — Какие дежурства? А спать, спать мы когда будем, Орт?!

— Попробуйте днём подремать, — пожал плечами куратор. — Один дрессирует новобранцев, другой дрыхнет... Да и на вышках во время пересменки всегда можно минут пятнадцать, а то и полчаса урвать... Чего вы так на меня смотрите? Все вопросы к нашему любимому альтерлидеру. Кому-то же было пофиг, кто у руля стоит, да?

— Мне и сейчас пофиг, — фыркнула Виольна, поднимаясь с дивана. — Чего ради смертников напрягаться.

— Ох, чувствую, она своих натренирует, — мрачно произнесла Азира, глядя в сторону лестницы, на которой скрылась одногодница. — Ром, тут вся надежда на тебя.

Глава 18. Неполная готовность

Снилось, будто она бежит по летней степи — обычной, родной степи, покрытой пыльной, жухлой травой, под пасмурным небом, навстречу лёгкому, волнующему, чуть пахнущему дымом ветерку. Бежать легко, приятно — не от чего-то и не куда-то, а просто ради удовольствия. Впереди встаёт вертикальная стена воды. Она, не задумываясь, с разбегу влетает в неё — в манящую, прохладную, но совсем не мокрую глубину. А воды вокруг и нет... Есть искрящиеся на белом, морозном зимнем солнце мелкие снежинки, зависшие в воздухе почти неподвижно, и есть хрустящие сугробы под ногами. Морозно — но не холодно, сказочно, волшебно, и она бежит дальше, не сбавляя темп. Ещё одна стена, дрожащая и переливающаяся, словно расплавленный воздух над раскалённой солнцем дорогой... И — здравствуй, горячий, влажный, полутёмный тропический лес, где приходится ловко маневрировать между деревьями и сплетениями лиан, перепрыгивать, словно дикая кошка, через ароматные заросли. А потом — вниз с неожиданно открывшегося глазам живописного, захватывающего дух обрыва, без капли страха, прямо в бурлящую в ущелье реку...

Марк проснулся со вдохом. На полочке над головой уже всю чирикал будильник.

Спрыгнув вниз, ощупал себя, чтобы убедиться, что привычное тело на месте. На всякий случай ещё заглянул в зеркало. Приснится же такое.

— Ты чего? — с любопытством спросила Карина, выходя из своей комнаты.

— Ничего, — буркнул он. — Сон приснился странный. Как ты понимаешь, когда что-то не так? Ты точно не нотта?

— Зачем мне это, — отозвалась наставница, затягивая чуть отросшие волосы в куцый хвостик на затылке, — когда у тебя на лице всё написано. Опять кошмар?

— Нет, не кошмар — даже наоборот, что-то приятное... — Марк задумался, силясь вспомнить. — Не, забыл. Но я был девочкой! — возмущённо добавил он. — И каким это, интересно, образом у меня на лице может быть что-то написано?

— Ну-у-у, — протянула Карина. — Как тебе объяснить... Сейчас покажу, подожди.

Она свела брови на переносице, выдвинула нижнюю челюсть вперёд, слегка ссутулилась и, не мигая, уставилась на него. Марк заржал.

— Примерно так, — как ни в чём не бывало пожала плечами она, возвращая лицу нормальное выражение.

— Мне такой сон снился... — мечтательно проговорила за завтраком заспанная Камайла.

От утренней пробежки пришлось отказаться — теперь шестая семья вставала ни свет ни заря, наспех перекусывала и отправлялась в другие сектора, тренироваться с новобранцами.

— Что за сон? — машинально спросил Марк, пытаясь вспомнить свой. По телу до сих пор разливалось приятное чувство, но картинка упрямо ускользала.

— Знаете, будто мир поделён на части такими... барьерами, но словно из воды. И каждая часть — кусочек какого-то места со своей погодой. Где-то снег, мороз и скалы, где-то дождь в лесу, где-то — песок и жара... А через эти барьеры можно легко пройти, и каждый раз словно попадаешь в новую точку на карте...

Марк со звоном уронил вилку на тарелку. Прокашлялся и сказал:

— Интересный сон.

— Да, люблю такие, — с закрытыми глазами пробормотала Майла. — Не то что обычно...

А Марк мысленно сделал себе пометку спросить у Орта, нормально ли (и возможно ли вообще) для нотта проникать в чужие сновидения.

Два десятка разновозрастных сервов вяло поднялись со своих мест при виде их циклофоров. Многие всё ещё зевали или тёрли глаза. Марк на миг ощутил раздражение — ну сколько можно вести себя, как капризные дети?

Когда погода позволяла, тренировались во дворе. Несколько дней назад шёл небольшой дождь, и Карина велела своей двадцатке, сбившейся в наскоро переделанном под тренировочный зал ангаром, выметаться на улицу. Что началось! Сетия, женщина лет сорока с лишним, до сих пор смотрела на Рину обиженно. Последняя не поспешила в выражениях, объясняя недовольным, почему важно уметь терпеть любые погодные условия.

— Их насильно, не спрашивая даже мнения, заставляют делать то, чего они никогда раньше не делали, — объяснял потом Марк сердитой наставнице. — Рисковать своими жизнями. И они чувствуют себя угнетёнными, обиженными... — он взмахнул руками, подыскивая точные слова, чтобы описать ту смесь чувств, что успел за это время разглядеть в эмоционалах подопечных. — А ещё им страшно. Очень страшно. И многим стыдно за это. Понимаешь?

— Нет, не понимаю! — вспыхнула старшая. — Не понимаю, почему взрослым ренам так трудно взять себя в руки и через всю эту ерунду перешагнуть.

Сегодня, впрочем, небо было голубым и совершенно безоблачным, в отличие от лиц новобранцев, что становились каждый раз всё мрачнее. Шёл двенадцатый день тренировок, и до обещанного наступления оставалось меньше четырёх суток. Форсам удалось научить их ставить простейшие барьеры, быть прямыми импульсами и использовать несколько групповых построений, но...

— Ноктан, нет! — Карина раздражённо обернулась в сторону громкого треска и дружных воплей. — Нельзя же бить, не дождавшись снятия барьера...

Марк со вздохом пронаблюдал, как старшая бежит к месту происшествия, помогает подняться оглушённым сервам, попутно объясняя — в который раз — что нужно концентрироваться на мелкой контрастной детали за барьером, чтобы точно определить миг, когда тот будет снят... Виновник инцидента, здоровенный угрюмый серв размером почти с Марка, хмуро, но покорно выслушивал нотации.

Никто из них больше не пытался подвергать сомнению авторитет юных учителей — с того случая в самый первый день тренировок. Марк отлично помнил, какими взглядами встретили их тогда. Особенно Карину. Работяги даже не пытались скрывать, насколько смешной и нелепой казалась им идея учиться бою у такой малявки.

Тогда, с первых минут осознав, что есть только один путь наладить контакт, Карина кивком отослала Марка в сторону и спокойным голосом попросила двадцать взрослых сервов атаковать — показать ей, что они умеют. Как результат — двадцать аккуратно уложенных по всему мощённому камнем двору обездвиженных тел. Марк лишь в самом конце помог прикрыть их ковром. Как награда — несколько пар живо заблестевших глаз, когда ковёр был наконец снят и побеждённые принялись неуверенно подниматься на ноги.

Сейчас, наверное, у неё уже не получилось бы так. Всё же эти двенадцать дней они

выкладывались по полной — и новобранцы, и учителя. Всё же что-то удалось вбить в этих закаменелых, вечно недовольных ренов. Но... Что будет, если тот же Ноктан снова ударит в неснятый барьер прямо посреди боя?

— Ничего, есть ещё три дня, — подбодрил он наставницу, когда настало время сворачивать тренировку. — Ещё можно попробовать...

Резкий сигнал из звукача на стене ангара не дал договорить.

— ...Всем семьям Форсы и их кураторам явиться в штаб сектора, немедленно...

Сервы, уже начавшие расходиться, замерли и заинтересованно следили, как Марк с Кариной торопливо запрыгивают на свои циклофоры.

— Завтра?! — с досадой воскликнул рыжий куратор второй семьи. — Но планировали же через три дня!

Его голос гулко разнёсся по чёрно-белому, просто и строго обставленному залу собраний.

— Я не стану отчитываться перед вами касательно причин этого решения, — надменно пророкотал лидер Форсы. — Итак, отбытие состоится очень ранним утром. Наши... кхм... средства передвижения не способны полноценно перемещаться в темноте, так что отправитесь, лишь только начнёт светать. Соответственно, быть у портала вам надлежит за час до этого — сами понимаете: перегруппировка, инструктаж, погрузка...

— Но мы не успели завершить обучение новобранцев, — нахмурился Изкор, высовываясь из-за спины Анисы. — Они ещё не готовы вот так сразу — и в бой...

— Вы пока отправляетесь без них, — бесстрастно пояснил лидер. — Им будут даны указания продолжать тренировки самостоятельно, а пару дней спустя они к вам присоединятся. Так требует план.

Решили, значит, застать врасплох, подумал Марк. Этот внезапный отъезд был запланирован с самого начала — на случай, если информация о «пятнадцати днях» просочится за купол.

— Интересно, а что это за средства передвижения такие, которые не могут ехать в темноте? — с любопытством спросил Талат, когда они выходили из штаба.

— Лошади? — предположила Камайла.

— Лошади могут, — возразила Итина. — Мы на тренировках в школе ездили...

Пока сыпались догадки, одна безумнее другой, Марк воспользовался моментом и слегка приотстал от своих, чтобы оказаться рядом с Роменом.

— Ты прости, я так и не дочитал, — виновато сказал он.

— Да уж понятно, — одноклассник скупно усмехнулся. — Не до того было.

— Но могу сказать промежуточные впечатления...

— Нет! — Ромен поспешно выставил ладонь перед собой. — Если не бросил — значит, не совсем всё плохо. А остальное — когда закончишь.

— Ну ладно, — пожал плечами Марк.

— И ты, — Ром подозрительно прищурился и перевёл взгляд на спину Карины в нескольких метрах впереди, — ведь не давал ей читать, нет?

— Э-э-э... нет, — слегка запнулся Марк. — Не давал.

— «Э-э-э»? — пришёл в ужас чуткий до интонаций Ромен.

— Я правда не давал. Она сама нашла... Просто нечаянно забыл в общей комнате, прихожу — а она сидит читает. Но я не говорил, что это ты написал, — быстро добавил

он. — И, кстати, ей понра...

— Всё! — зажал уши руками Ромен. — Потом, давай потом...

— Хо-ро-шо, — размеренно проговорил Марк, пытаясь не рассмеяться, и сменил тему: — Как у вас с Ольной вышло сервов потренировать?

— Никак не вышло, — упавшим голосом ответил одноклассник. — Полный провал. Ты же знаешь, ей теперь плевать на всё... А я — я и сам-то, если честно, ни черта не умею, с такой наставницей, — он в сердцах пнул попавший под ноги камушек, и тот отлетел, врезавшись в бордюр — они уже подходили к дому. — Представить не могу, какая от нас польза будет в бою...

Они умолкли, вслушиваясь в ещё звенящие в воздухе последние два слова. «В бою». Даже не верилось, что это правда, что это реальность. Что им, шестнадцатилетним пацанам, действительно придётся биться наравне со взрослыми альбами и аргентами, и так скоро — ведь что такое «завтра»? Лишь глазом моргнуть...

Особенно Ромену, думал Марк, косясь на товарища. Ему-то ещё не доводилось сталкиваться ни с солдатами, ни с выпивающим магию из тела полем блокатора, да и просто бывать в какой-нибудь маломальской переделке вроде мятежа Ликтора...

«Защитить Кумсору». Достаточно ли это веский девиз, чтобы вся корона его подхватила и закрыла глаза на то, кого Кумсора выставляет на свою защиту?

Часа в запасе оказалось более чем достаточно. Шестая семья уже прошла через портал и уселась кучкой на рюкзаках у края огромной площадки за куполом. Народу постепенно прибывало — в основном это были семьи, но Марк видел и двадцатку альбов-боевиков, и небольшую группу медиков в тёмно-красной походной форме, и — зачем-то — дюжину тиаристов со своими питомцами, смиренными (до поры до времени) крупными хищниками.

— Ничего себе, — с восхищением произнесла Азира, не отрывая взгляда от огромной кошки с пятнистой чёрно-белой шкурой. — Я таких даже и не видела никогда! Почему нам их не показывали, когда мы проходили обучение в Тиаре?

— Так где наш транспорт-то, а Ортей? — весело спросил Ильдан, вычерчивая палочкой на пыльной земле завитушки. — Куда они собрались грузить всю эту ораву?

Куратор раздражённо пожал плечами. Наверное, его бесит, что в этот раз он не в курсе происходящего, подумал Марк.

— Ой, да расслабьтесь, — сонно произнесла Итина с земли, где она устроилась полужёла, головой на рюкзаке. — В кои-то веки можно просто лежать и ничего не делать...

— Рина, Марк, гляньте — ваши друзья идут, — от нечего делать дурачился Ильдан.

Марк обернулся и обнаружил Ретока, шагающего рядом со своей старшей. Тот отвёл глаза. Странно — вряд ли он сделал бы это до той схватки... Его наставница же, напротив, одарила шестых — и особенно Марка с Кариной — долгим, пристальным взглядом.

— Такая страшенькая, а имя красивое, — бесцеремонно заявила Итина, глядя вниз головой. — Жи-лу-ра... Интересно, настоящее?

— Что — настоящее? — не понял Талат. — Как имя может быть ненастоящим?

— Я имею в виду то имя, которое дали люди при рождении, — пояснила Тина и с ноткой грусти добавила: — Вот Вада, например, звали Вадайнор. Это в короне уже сократили, чтобы было как у всех...

— А меня называли специально так, чтобы рены ничего не меняли, — вмешалась её подруга со смешком. — «Камила». А когда в корону привезли, оказалось, что на нашем году

уже зарегистрировали Шимилу, и моё подправили, чтобы краткие имена не совпадали... А родители так и зовут Милой.

— А я — Азирия, — улыбнулась Зира.

— А я настоящий, неправленный! — воскликнул Ильдан, выпрямляясь — тема ему пришлась по душе. — Ну-ка, ребята, кого ещё как зовут, давайте знакомиться!

— Я просто Марк, — буркнул нотт, почувствовав на себе взгляды. — Мне, наоборот, слог добавили.

— Мне ничего не меняли, — пожал плечами Ромен.

— Мне тоже, — неожиданно подала голос Виольна.

Все умолкли, и Ильдан, видимо, почувствовал необходимость взять руководство в свои руки:

— Орт?

— Беортей, — коротко проворчал куратор, и послышались смешки.

— Рина?

— Каринни, — неохотно, с ударением на последний слог произнесла та.

— Серьёзно? — удивился Ильдан. — А я думал, ты себе вообще ненастоящее имя взяла после того, как... — он покосился на насторожившихся Итину с Камайлой. — Ну, ты понимаешь.

— Это настоящее имя, — отозвалась та после некоторой заминки.

— А-а-а... Ну вот и... Эй! А ты там чего молчишь?

Все удивлённо уставились на Талата — и правда, совсем не в его духе было игнорировать такое занимательное обсуждение.

— Да ну вас, — обиженно отмахнулся тот. — Вы ржать будете.

— Ржать? Над тобой? — расплылся в улыбке Ильдан, предчувствуя нечто необычное. — Да ты что! Когда такое вообще было?

— Ну скажи, Тал, ну пожалуйста! — заголосила Итина.

Атр с обречённым видом набрал полную грудь воздуха и выдохнул:

— Талаторимифатиус!

Остальные собравшиеся вокруг площадки с недоумением оглядывались на хохочущих во всё горло шестых, а сами шестые за собственным смехом не сразу расслышали нарастающий гул — будто из-под земли.

Звук переместился чуть выше, и почти сразу в небе над вершиной соседнего холма показалась огромная уродливая тень. Рены, сначала притихшие, взволнованно зашумели и отступили дальше от краёв площадки, когда стало ясно, что махина двигается в их сторону. В неверном предутреннем свете, разинув рты, они наблюдали, как невероятных размеров железный монстр мягко приземляется на покрытие площади, а над холмом тем временем уже поднимается второй, а затем и третий...

— Летуны! — в совершенном восторге заорал Талат, видимо, только сейчас обретя дар речи. — Гигантские ангасы!

— Сам ты ангас, — буркнул голос Ромена рядом с Марком — вряд ли Талат его слышал. — У ангасов крылья...

— Это алихи. Зацените символ Форсы на боку, — с сарказмом сообщил Ортей. — Уже даже чуть-чуть облупленный. Вот вам и соблюдение договора все эти годы!

— Ну, они же их не использовали, — со смехом заметил Ильдан. — Так что всё соблюдено.

На площадку выбежали аргенты и принялись раздавать команды, оперативно загоняя слегка подвисших от зрелища бойцов в недра гигантских машин. Внушительные винты, не останавливаясь, молотили воздух, поднимая жуткий шум и ветер.

Внутри обнаружилось напоминающее широченную трубу пространство с рядами лавок вдоль полукруглых стен. Лампы на потолке сочились холодным голубоватым светом, со стен над скамьями свисали широкие толстые чёрные ленты и ещё какие-то приспособления в виде двух мягких дисков размером с яблоко, соединённых между собой гибкой плоской дугой.

Марк устроился на скамье между Кариной и Виольной и только тогда заметил, что им в попутчики, кроме нескольких альбов, двоих аргентов и троих медиков, досталась вторая семья в полном составе. А пресловутая Джилура, чьим именем так восхищалась Итина, и вовсе уселась прямо напротив и теперь усиленно вертела своей коротко стриженной головой, словно проверяя, всё ли в порядке.

Шум внутри машины стал глуше, но не тише. Вдобавок здесь ощущалась неприятная вибрация, отдалённо напоминающая дрожание купола во время общей тревоги — только не тройными импульсами, а непрерывно.

Сухощавый пожилой авр стремительным шагом прошёл сквозь помещение, мимо рассеявшихся по скамейкам бойцов, остановился у дальней стены и поднял вверх обе руки, привлекая всеобщее внимание. Затем опустился на коротенькую лавочку, установленную лицом ко входу, демонстративно вытянул из-за спины чёрные ленты, продел в них руки, а ещё одну застегнул на поясе. Жестом потребовал у остальных сделать то же самое.

Ребята повиновались, и когда шевеление на лавках успокоилось, авр снял с крючка на стене второе приспособление и натянул на голову, так что дуга обхватила макушку, а диски оказались прямо на ушах. Затем вытащил из левого диска проводок и поместил перед губами. Переглядываясь, рены последовали его примеру.

— Отлично, все справились, — раздался в ушах искажённый, как в звуках, голос авра. — Меня зовут Килар, я командир девятого каранта, куда вы все с этой минуты относитесь. Мы летим в северную Мендру с целью захватить одну из самых беспокойных точек сопротивления — город Ос. Я знаю, у вас много вопросов, но на основные три вы и сами сможете ответить. Чего мы добьёмся, захватив Ос? — он обвёл подчинённых глазами и постучал по пластинке на правом ухе. — Чтобы говорить, поверните рычажок вот здесь.

— Завладеем командным центром мендорийцев, — раздался голос куратора вторых. — Деморализуем...

— Хорошо, — кивнул авр. — Тогда вопрос второй: почему мы так уверены, что нам это удастся?

На этот раз подала голос одна из альбов:

— Они ждут нас у южных границ и не так скоро. В Осе сейчас недостаточно вооружённых сил, чтобы отбить атаку.

— Именно. И третий вопрос: почему мы оставили в короне большую часть наших сил?

— Для точечного внезапного удара по городу четырёх карантов достаточно, — догадался кто-то из второй семьи. — Толпа будет только мешать... Их привезут потом, к зачистке и взятию мелких населённых пунктов.

— Рад, что вы понимаете, — на лице командира проскользнула тень улыбки. — Теперь план...

Ощущать под ногами твёрдую, неподвижную землю после нескольких часов тряского перелёта было даже как-то странно.

Марк занял своё место в середине строя, оглядываясь по сторонам. В кузове летуна совсем не было окон, и он с удивлением обнаружил, что высадили их чуть ли не в самом центре города, на просторной огороженной площади с ровным светло-серым покрытием. Две машины уже стояли неподалёку, судя по всему, пустые. Ещё одна заходила на посадку чуть правее, бешено молотя пропеллером.

Ос лежал на склоне горы и хорошо просматривался с того места, где они стояли. Ниже по склону беспорядочно высились многоэтажные здания, за ними — дымящая высоченными трубами громада какого-то завода. Выше — хитросплетение улиц с домами попроще, самое большее в три-четыре этажа. А за ними, за бесчисленными ступеньками человеческих обиталищ — огромные, невообразимые горы, накрытые снежными шапками, приглушённые утренним туманом...

Марк втянул полной грудью воздух — непривычный, чуть отдающий дымной горечью, но такой освежающий после душных внутренностей летуна. Небо стлалось над головой низкими однотонными тучами, настойчивый ветерок ерошил волосы.

— Почему нас поставили в один карант со вторыми? — пожаловалась Азира, оглядываясь. Было видно, что этот вопрос донимал её всю дорогу — но шум не давал его озвучить. — Нас же всегда объединяют с пятыми!

— Нам тоже с первыми спокойнее, знаешь ли, — тут же огрызнулась Джилура, — а не с кучкой вчерашних атров и школьников.

— Мы не говорим, что с вами плохо, — миролюбиво откликнулся Ильдор. — Просто непривычно. Не переживай, — понизив голос, сказал он Азире, — Изк тоже где-то здесь.

— Идём за седьмым карантом до моста, — напомнил командир, останавливаясь перед ними. — Они нам сделали коридор, да и люди сюда стараются не соваться — этот район наш с самого начала. Но барьеры всё равно держим. Затем налево, к нашей первой цели. Собраться, внимательно слушать команды, не своевольничать. У кого это первый бой — запомните: первая ошибка прощается, если не станет для вас последней. Вторая такая же ошибка наказуема. Девятый карант! Строй бросок-два, пошли!

Марк вспоминал своих с Кариной учеников-сервов и малоэффективные попытки научить их одновременно бежать и держать жёсткий барьер над головой. Простенький оборонительный приём, который он и сам использовал прямо сейчас. И что они, неумёхи, будут делать посреди чужого враждебного города, так и не овладев им? Когда в любой момент...

Резкий, оглушительный грохот выстрелов, одного за другим, перервал размеренный бег каранта. Звон отскакивающих от барьера пуль разнёсся эхом по пустынной, уходящей в гору улице, между кирпичными стенами домов и деревянными кружевами заборов.

Рены остановились, спокойно ожидая, пока выстрелы прекратятся.

— Самодеятельность, — проворчал Ортей, наблюдая, как по команде авра альбы выбивают дверь дома, на крыше которого укрылся стрелок. — Просто у кого-то из местных оказался дома огнестрел...

Альбы вывели двоих — крепкого угрюмого старика и дрожащего парнишку на пару лет младше Марка. За их спинами в дверном проёме хваталась за сердце пожилая женщина.

— Что с ними делать? — спросил у командира один из аргентов.

— Мы не убиваем мирное население, — отрезал авр.

— Но они атаквали с явным намерением...

— Нет. Оружие отобрать, обездвигить. Не до них сейчас. Медики, сюда.

Двое в красном, мужчина и женщина, приблизились к людям, которых альбы всё ещё удерживали, скрутив за спиной руки. Старик и бровью не повёл, когда медика положила ему на виски ладони. А вот пацан брыкался и вырывался изо всех сил, а увидев, как дед рухнул державшему его альбу на руки, и вовсе завопил дурным голосом.

Второй медик что-то успокаивающе сказал побелевшей старушке, аккуратно укладывая бессознательного парня рядом со стариком. Та залилась слезами и ещё что-то долго бормотала вслед уходящим ренам.

— Что такое «дэсним»? — вполголоса спросил Марк у мендорийца Талата.

— «Спасибо», — с готовностью ответил тот. — Она думала, мы их убили, а медик сказал, что они очнутся через несколько часов.

— Старик может и не очнуться, — обеспокоенно произнесла Азира, оглядываясь. — Для пожилых людей такой импульс...

— И сам будет виноват, — огрызнулась Джилура. — Нечего было стрелять. Ещё и пацана втравил. Хорошо, у них взрывачки дома не завалилось.

— А по-моему, это достойно уважения, — храбро отозвалась Итина. — Решиться напасть на врага, так явно превосходящего тебя по числу и силе, чтобы защитить родной город — не у каждого на такое смелости хватит.

Марк едва сдержался от смеха, увидев, как Реток смотрит на неё — с такой же смесью замешательства и восхищения, что и в тот день в тренировочном корпусе, когда он вызвал Марка на дуэль.

— Ничего, вырастешь — научишься различать смелость и дурость, — снисходительно бросила Джилура надувшейся Тине. Вторые рассмеялись.

— Ну-ка хватит! — грозно рявкнул Ортей, оборачиваясь и одним взглядом закрывая сразу несколько ртов шестой семьи, уже готовых вступить в словесное сражение. — Нашли время!

Одинаковые дома тем временем расступились, открывая взглядам набережную, вымощенную светло-жёлтым камнем и уставленную милыми скамеечками. За узорчатым парапетом шумела, отражая матовое пасмурное небо, быстрая горная река.

— Мост, — зачем-то сказал Марк вслух.

Там, за рекой, слышались выстрелы и ощущались колебания воздуха от ударов форсов. Седьмой карант уже сражался...

Пока они бежали по набережной, из дальней части города поднялась в воздух летающая машина наподобие тех, на которых рены прилетели, но значительно меньше.

— Летун на четыре часа! — выкрикнул кто-то.

— Главное, чтобы не с блокатором, — пробурчала Карина.

По плану, в этом случае атрам и рубрам следовало бросаться врассыпную и прятаться, предоставив бой взрослым форсам.

Летун, однако же, направлялся вовсе не в их сторону. Зависнув над той частью города, где сейчас отдувался седьмой карант, он принялся один за другим выпускать снаряды.

— Далеко бьют, — прищурился рыжий куратор вторых, разглядывая через плечо дымный след. — Интересно, барьеры выдерживают?

— Мне кажется, им нужна наша помощь, — взволнованно выкрикнула альба из передней шеренги. — Командир!..

— У нас своё задание, — не оборачиваясь, отрезал авр. — Седьмой карант сам справится. Поднажмите, цель уже близко!

Марк тоже старался не смотреть назад вразрез со своим любопытством — ещё не хватало споткнуться и подмять половину строя. Но когда из задних рядов донёлся дружный вздох, он не выдержал.

— Стоять! — уловив ситуацию, велел командир.

И девятый карант, замерев на берегу городской речки, следил, как летающая машина людей нелепо накренилась и описывает отчаянную дугу, теряя высоту и оставляя за собой в воздухе клубящийся чёрный след.

— Слишком близко подлетели, — злорадно резюмировал кто-то из альбов. — Подбили птичку.

Летун, наверное, пытался выбраться за пределы города — но ничего не вышло. Остолбневшие рены смотрели, как он на полном лету впечатывается в многоэтажное здание, как назло выросшее на пути. С небольшим запозданием полыхнул пузырь пламени, затем долетел отдалённый грохот, и только потом чуть дёрнуло ударной волной.

— Насмотрелись? — отрывисто поинтересовался командир. — Вперёд!

Марк с трудом оторвал взгляд от медленно рушащегося здания и заставил себя двигаться. Вопрос, который вертелся у него на языке, озвучил рубр из второй семьи:

— Они ведь не успели эвакуировать людей, правда? — никто ему не ответил; всё слишком хорошо знали ответ. — То есть... Дом, в который эта штука сейчас врзалась — он был полон людей, да? То есть... Ведь там могло быть человек пятьдесят мирных, а то и больше?

— Какая разница, — оцетинилась на одногодника Джилура — уже, правда, не так уверенно. — Это люди, Дарк. Это не рены.

— И что, что люди? — неожиданно взвилась Камайла. — Люди не имеют права жить?..

Закрыли все рты и быстро вспомнили, где находитесь.

Судя по ошарашенным лицам вторых, с ментальной речью Ортея они имели дело в первый раз.

Глава 19. Отравленная победа

— А я-то уже думал: неужели так просто к базе подпустят, — весело проорал Ильдан, когда всех передёрнуло.

Марк краем глаза видел, как Реток безуспешно пытается восстановить барьер. Похоже, неповторимое ощущение покинувшей тело магии было ему ещё не знакомо.

— Ждём! — снова выкрикнул командир, не опуская руку.

Но уже через несколько секунд стало ясно: это по их души.

— По укрытиям!

Марк, с нервным смешком вспомнив своё позорное бегство в Висе, зацепился взглядом за спину наставницы и старался не отставать от неё ни на шаг. В результате они оказались вдвоём за голубой будочкой очень милого вида посреди двора. Металлическая дверь в сплошной, без окон, стене была заперта, и Марку пришлось попотеть, сбивая замок. Внутри выстроились вдоль стены четыре гудящие машины, а остальное пространство занимали мётлы, грабли и ещё какой-то рабочий хлам.

Летун не стал снижаться — вместо этого прямо в воздухе открылась дверь, и из неё один за другим посыпались человеческие фигурки и, под самый конец, какой-то тёмный ящик. Марк заинтересованно глядел, как над ними раскрываются белые тканевые купола, тормозя падение.

— Люди слишком хрупкие, чтобы доверяться таким приспособлениям, тебе не кажется? — вполголоса сказал он наставнице.

Та не ответила — в этот миг ожили огнестрелы альбов. Один из куполов — всего Марк насчитал пятнадцать — сдулся, сжался, и человек под ним резко ушёл вниз. Прежде чем солдаты достигли земли, подобная участь постигла ещё троих.

— Всё, пошли, — она потянула его за руку, заставляя спрятаться. Марк неохотно послушался.

Скоро, скрытая от его глаз стенами голубой будочки, началась перестрелка. Марк от нечего делать высунул нос из-за двери и следил за слоняющимся вдоль стены соседнего дома Ортеем. Тому тоже запретили участвовать в сражении, велев вместо этого приглядывать за своей семьёй.

Но, судя по всему, куратор решил, что семья и сама неплохо о себе позаботится, и снова задумал проявить инициативу. Подозвав одного из оказавшихся поблизости медиков, он с минуту ему что-то втолковывал, а затем вскарабкался тому на плечи и выдрал хлипкую решётку на окне первого этажа. Ударом локтя открыл створку, забрался внутрь, помог подтянуться медику.

— Он умеет убеждать, да? — кисло сказал Марк наставнице, тоже в этот момент следившей за своим старшим.

— Этого у него не отнять, — непроницаемым тоном согласилась та.

Одиночные выстрелы с верхнего этажа дома, куда пробрались Орт и его товарищ, дали знать, что план удался.

— Не понимаю, как он жив до сих пор, — едва слышно сказала Карина.

Что-то в её тоне очень болезненно задело Марка.

Рубры стаскивали с улицы деревянный мусор для костра. Альбы прикрывали их

барьерами. Раскуроченный в сердцах металлический ящик всё ещё дымился в стороне. Рены поглядывали на него с ненавистью — слишком многих жизней уже стоили Кумсоре эти хитроумные изобретения.

Тела в серо-коричневой одежде валялись по всей улице, и никто уже не обращал на них внимания. Всё оно было приковано к тем двум, на которых была чёрная форма с белой окантовкой. Марк же смотрел даже не на них, а на живую альбу с посеревшим от ужаса лицом, совершенно сухими, неподвижными глазами глядящую на одно из них. Он пытался отвести взгляд. Пытался оградиться, взять мысли под контроль — но чудовищная дыра от вырванного кнотиса в эмоционале притягивала, гипнотизировала своим отчаянием.

— Хватит, — ладонь куратора отвесила ему лёгкий, но отрезвляющий подзатыльник. — Сколько ещё будешь любоваться?

Марк выдохнул, усилием воли возвращая себя в реальность.

Подошла, отряхивая руки, наставница, встала между ним и Ортеем — наблюдать, как альбы одно за другим укладывают неподвижные тела поверх горючей кучи, а командир поджигает её...

«Погибшие товарищи должны быть сожжены», — говорилось в кодексе.

Эти пятнадцать храбрецов, прыгнувшие с неба — на что-то же они рассчитывали, атакуя целый карант магов? А что, если бы им удалось — кто бы сжёг тела?

Девятый карант двинулся, лишь убедившись, что костёр горит ярко и неумолимо. Команды авра стали суше и резче, а движения бойцов — увереннее и злее.

Пули отбивали по барьерам затейливую барабанную дробь. Взрывачки больше не кидали — опасались за собственные жизни.

— Снять — удар!.. Барьер!

Массивные металлические ворота гулко дрогнули, но снова выстояли. Зато с сокрушительным треском накренилась и обрушилась одна из каменных башенок, где сидели стрелки. Град из пуль стал заметно реже.

— ...удар!..

Одна из створок слетела с петель, железная рама покосилась. Ещё удар, последний — и с неповторимым скрежетом рвущегося металла конструкция медленно рухнула на землю, подняв облако пыли. До слуха ренов донеслась забористая мендорийская ругань и команды об отступлении.

— Строй «прорыв-четыре»! — крикнул командир. — Главное, верхний держите — сейчас опять взрывачки полетят! Добавьте мягких полей...

Перешагивая через обломки ворот, рены напряжённо и упорно двигались вперёд, будто внутри стеклянной коробки, молясь лишь, чтобы между барьерами не оказалось случайной прорехи...

Сквозь дым и пыль, поднятые выстрелами и взрывами, можно было разглядеть просторный двор перед зданием базы. По бокам тянулись длинные одноэтажные постройки, где сейчас укрывались стрелки. До самой базы уже оставалось совсем немного, но карант двигался так медленно в своём коробе из барьеров...

Мир дрогнул, взорвался ослепительной вспышкой, и лишь затем потонул в грохоте.

— Вставай, вставай! — чьи-то руки настойчиво тянули его, тормозили, не давали провалиться.

Марк разлепил глаза — не помнил, чтобы закрывал их. Лицо наставницы, окружённое

выбившимися из хвостика прядями, занимало почти всё поле зрения. Бесстрастное, сосредоточенное выражение не вязалось испугом, заполнившим до краёв глаза.

— Жив, — с облегчением выдохнула она. — Как у тебя, Ильд?

Марк повернул голову вслед за взглядом Карины. Совсем рядом на земле лежала Камайла, а над ней суетились на пару медик и Ильдан.

— Всё в порядке, просто оглушило, — откликнулся последний, тоже изрядно бледный. — Называется, атров в самое безопасное место в строю поставили...

— Кто знал, — сухо произнёс чей-то голос.

Марк поднял голову. Теперь, оттеснив наставницу и девушку-медику, над ним склонился сам командир. Карант стоял на месте. Остальные бойцы, не отпуская барьеры, с любопытством косились на пострадавших.

— Я в порядке, — пробормотал Марк, слегка смущённый повышенным вниманием. — Всё, дайте встать.

С помощью Рины и авра он кое-как вскарабкался на ватные ноги. Оглянулся — Камайлу тоже уже поставили в вертикальное положение. Правда, судя по её растерянному лицу, она это ещё не до конца осознала.

— Держись, атр, — командир, вблизи оказавшийся на голову ниже него, хлопнул его по плечу и повернулся к остальным подчинённым: — Девятый карант, чуть-чуть ещё! «Прорыв-шесть» — и вперёд!

Пока карант осторожно менял строй, гремя барьерами, взгляд Марка упал на построю по левую руку. Должно быть, ту злополучную взрывчатку метнули именно оттуда, потому что стены явно были обрушены не без участия мощного магического импульса.

А среди развалин подлое зрение как-то и зачем-то выцепило отвратительную деталь: полуоторванную человеческую руку, а рядом — нечто очень подозрительно напоминающее чью-то темноволосую макушку, только странной, приплюснутой формы...

Марк поспешно отвернулся, сосредоточив внимание на шаге и своём барьере. Да вот только зрелище всё ещё стояло перед глазами. Более того, становилось ярче и чётче с каждой секундой...

Вообще, честно говоря, мир словно проявлялся, наливался красками, звуками, запахами. Хотелось кричать, танцевать, петь, хохотать... Из остатков соображений о приличии он ещё сдерживался, позволив себе лишь тихонько захихикать — но и те постепенно блекли, теряли всякий смысл...

Болезненный электрический удар прошил тело, а следом прилетел крепкий подзатыльник.

— Ты форс или кто? — разъярённо прошипел Ортей, который в этом строе занимал позицию прямо позади Марка. — Что это ещё за истерика?

Карина отпустила его запястье, ещё раз обеспокоенно взглянула ему в лицо и отвернулась. Марк хотел было сообщить ей, что она перестаралась со своим «бодрящим» трюком, но заметил Итину, как раз закатившую глаза и явно едва сдерживающую смех. Потом понял, что дышит очень часто, прерывисто, словно задыхаясь, а рука, вливающая энергию в общий верхний барьер, крупно дрожит. Покраснел и промолчал.

Отлично. Если бы не куратор с наставницей, то он, пожалуй, мог бы стать первым в истории форсом, пустившимся в пляс посреди боя от вида расплющенного врага. Позорище.

Командир предупреждал, что самая сложная часть плана — осада. Впрочем, касалось

это только взрослых форсов, которые сейчас работали внутри здания. Семьи и медики остались во дворе, растянувшись двумя шеренгами, спина к спине.

Вторая семья, как более опытная, отвлекала на себя отстреливающихся из окон и иногда отвечала им внезапным ударом (Марк тогда ощущал резкий толчок в спину — отдачу от выпущенного импульса). Шестой семье досталось следить за редкими и вялыми атаками тех, что остались во дворе. Труднее всего оказалось не думать, что будет, если людям подвезут новый блокатор и обе шеренги превратятся в отличные мишени без своих барьеров...

Эй, нотт, — шепнул в голове у Марка Ортей. — *Ну-ка выключи на минутку чувствительную барышню и глянь в сторону того барака, что мы разнесли.*

Марк послушно, хоть и без особой охоты взгляделся в развалины, осторожно прощупывая их на предмет эмоционалов — и не безрезультатно.

Видишь? Понимаешь, чем он занят?

Марк смотрел тщательно, но не мог разобрать — такое ощущение, что единственный оставшийся в живых человек... сломан. Сошёл с ума. Эмоционал его дрожал, бугрился, словно кипящий суп, непрерывно перетекал из одной эмоции в другую...

Собрал все взрывачки, которые нашёл на телах мёртвых товарищей, — объяснил Ортей. — *Нацепил их на себя. Сейчас побежит к нам. Герой, мать его.*

Марк похолодел.

Твой выход, нотт. Докажи, что Ниса с Риной тогда не наврала мне про случай в Висе.

— Я не могу, — шёпотом произнёс Марк. — Слишком далеко!

Карина настороженно повернула к нему голову.

Тогда лови его, когда побежит, — помолчав, велел Ортей. — *Только не упусти...*

— Шестая семья, противник на два часа от меня, — выкрикнул он вслух. — Барьеры усилить, ждать команду. Без команды ничего не предпринимать!

— Чего там у вас? — послышался голос рыжего куратора вторых. — Помощь нужна?

— Справимся, — коротко ответил Орт.

Марк судорожно вчитывался в эмоционал сумасшедшего солдата, поражаясь тому, как тот преображался. Какофония всполохов и провалов сходила на нет, уступая место ровному, жутковатому свечению. Марк любовался им; настолько величественным и благородным было это ощущение, что внутри невольно поднималась странная зависть. Так вот каково это — когда терять больше нечего и всё, что казалось важным раньше, блекнет, исчезает в сиянии единственной цели...

Словно во сне, не отпуская эмоционал, Марк следил, как солдат глубоко вдыхает, выдыхает, поднимается на ноги, делает шаг, другой... Вот его уже видно — он выскочил из-за угла полуобрушенной стены, мчится к ним со всех ног... Осознаёт, что внимание шеренги колдунов впереди приковано к нему, удивляется, почему никто его не атакует...

Стой.

Прыжок, шаг, шажок... Тело больше не слушается. Останавливается. Падает на колени.

Прости, парень, за испорченные последние мгновения жизни. Не повезло.

Болезненное, полное отчаяния разочарование. Столько решимости, такая острая и ясная цель — и всё зазря.

Марк судорожно выдохнул. Земля покачнулась, попыталась вероломно убежать из-под ног. Пришлось отпустить барьер и упасть на одно колено.

Рядом, не убирая руку с барьера, осторожно присела наставница. Марк поднял голову: Ортей и Ильдан отделились от шеренги и подбирались к лежащему на земле человеку. Чего

это он увалился?

Марк покачал головой в ответ на вопросительный Каринин взгляд, отдышался и поднялся на ноги. Вторые за спиной любопытно оглядывались, явно недоумевая, что это там происходит у шестых.

Куратор и Ильдан ощупали солдата, перебросились парой фраз, аккуратно отцепили него коробочки взрывачек и вернулись в строй, очень странно поглядывая на Марка. Неужели они его так и оставят валяться? Он же сейчас очнётся...

И что ты сделал, атр? — лишь спустя некоторое время обратился к нему Ортей.

Марк слегка наклонился вперёд, чтобы встретиться глазами с куратором. Тот смотрел, нехорошо прищурившись, словно пряча страх за насмешкой.

Он мёртв. Убил ты его, чудовище.

Уныние мрачной серой тучей висело над собравшейся в кружок шестой семьёй. Многие из них сегодня убивали впервые — после взятия базы им пришлось участвовать в зачистке здания и территории.

Марк знал, что за мысль вертелась во всех головах: слишком просто. Не нужно наводить прицел, стрелять. Не нужно копить энергию, ломать человеку кости ударной волной. Всё, что требуется — две твоих руки незащищённая кожа противника. Лучше всего — виски, но сгодятся и запястья. Магическая энергия делает круг по телу, отравляет его, и человек падает замертво...

Не всем, как выяснилось, нравилось обладать такой силой. Не всем хотелось быть монстрами.

И тут Марк начинал чувствовать себя ещё паршивее. Ему-то самому оказалось достаточно расстояния в двадцать шагов, чтобы убить. Он, конечно, мог сколько угодно убеждать себя, что это совпадение, что солдат умер от сердечного приступа или что там ещё случается в слабых организмах людей...

— ...Поэтому наша следующая цель — лечебница, — распинался командир очень громко, чтобы слышали все бойцы каранта, расположившиеся по разным углам просторного холла. — Но только после того, как защитим эту базу. Разведчики говорят, одно из подразделений совсем рядом — и, если наши расчёты верны, они попытаются отбить её. Советую воспользоваться временем ожидания, чтобы подкрепиться и отдохнуть.

Марк понимал, что этим советам нужно последовать: он вымотался до предела, сканируя здание и территорию в поисках затаившихся выживших; тело гудело от нагрузки — с самого утра на ногах, в напряжении, а за последний час пришлось ещё и тяжести потаскать — тела защитников базы было решено оставить в уцелевшей боковой пристройке. Да и желудок не получал сегодня ни крошки, не считая того быстрого перекуса перед вылетом...

Карина с четверть часа пропадала где-то. Вернулась вместе с Азирой, довольная и с двумя дымящимися металлическими плошками в руках.

— Суп. У них кухня в подвале, там целая кастрюля, — сообщила Азира учувшим запах товарищам.

Марк с благодарностью принял миску из рук наставницы. Может быть, качество похлёбки и оставляло желать лучшего, но по крайней мере она была горячая, а он только сейчас обнаружил, как в помещении холодно. Наверное, виноваты были выбитые окна. Или это сказывалось траурное настроение?

Время тянулось медленно. Солнце клонилось к горизонту, скрытому силуэтами

вразнобой натыканых домов. Монотонное журчание голосов усыпляло. Командир, аргенты и альбы сновали по зданию, споря по поводу стрелковых позиций, засад, строя бесконечные предположения о роде атаки, что попытаются организовать люди...

Рядом поёжилась и подвинулась ближе к нему Карина. Они сидели на собственных рюкзаках, опираясь спиной о холодную гладкую стену.

— Замёрзла? — вполголоса спросил Марк.

Она кивнула и прижалась плечом к его руке. Он осторожно высвободил руку и приобнял её за плечи, в любой момент готовый отшатнуться, если наставнице это не понравится. Напрасно боялся: она охотно опустила голову ему на плечо и притихла. Марк надеялся лишь, что она не заметит, как сильно колотится его сердце...

Всего через несколько минут её дыхание стало ровным и медленным. Марк попытался уснуть сам, но не давали резкие звуки, окрики и что-то распевующие в своём углу вторые, неожиданно оказавшиеся той ещё музыкальной семейкой. Вздохнул и сдался. Принялся вместо этого разглядывать лицо спящей старшей.

Сейчас, когда эти жуткие тёмные глаза были закрыты, она казалась совсем ребёнком. Прядь чуть отросших волос упала на лицо, пушистые ресницы чуть подрагивают, губы слегка приоткрыты...

Марк вдруг осознал, что улыбается, словно идиот, и резко вскинул голову — не видел ли кто? Видели, как оказалось, все, кому не надо было.

Он успел прочитать любопытство в глазах Итины, радостное удивление — у Ильдана, отчаяние и непонимание — у Камайлы... Но хуже всего был взгляд куратора. Ортей единственный не отвёл взгляд, а ещё несколько мгновений смотрел в упор — насмешливо, ядовито.

— А они не торопятся, — заметил кто-то из альбов.

Карант уже был на взводе. Вечерело, а ожидаемой атаки так и не случилось. Командир надеялся до темноты взять следующий объект — но увести с базы бойцов, оставив её без защиты, он не мог.

И даже теперь, когда разведчики доложили наконец о приближении врага, приходилось ждать, и ждать долго.

Поэтому когда по базе полетела команда «Алерт!», карант огласился негромкими, но ликующими выкриками. Правда, сразу же сменившись руганью — ушла магия...

— Не вздумайте стрелять без команды, — напомнил командир через звуач расположившимся в засаде на территории базы альбам, затем повернулся к тем, кто был в помещении: — Вас тоже касается. Семьи, все к дальней стене, под ногами не мешаться, помогать будете, только если прикажут. Я на второй этаж, аргент Исал — за главного. Нотт, за мной.

Марк дёрнулся, но потом сообразил, что командир имел в виду Ортея. Последний обеспокоенно глянул на свою семью, ткнул пальцем в Ильдана, обозначая его старшим, и поспешил за авром.

Кто-то выключил освещение, и холл погрузился во тьму — только сквозь окна со двора лился мягкий свет фонарей, преломляясь на обломках разбитого стекла. У каждого проёма вырисовывался силуэт альба с огнестрелом наготове.

— Вижу врага, — прохрипел звуач у аргента Исала. — Пять, семь... десять... двенадцать человек. Ребята, они в каких-то масках...

— Масках? — ворвался в эфир голос командира. — Что за маски?

— Странные. Верх стеклянный, прозрачный, а снизу трубка, ведёт к рюкзаку за спиной...

— Ничего не предпринимать. Ждать.

Снова всё погрузилось в тишину. Марку надоело вслушиваться в нетерпение замерших у окон стрелков, и он, хоть и понимал, что силы лучше беречь, осторожно скользнул мыслями во двор...

Дюжина человеческих эмоционалов, растянувшись двумя цепочками, медленно двигалась к зданию базы. Странно — знают же, что у противника в три раза больше бойцов и позиция куда более выгодная, и всё равно идут так спокойно и уверенно...

— Вот чёрт! — ругнулся альб у дальнего окна. — Что делать, командир?

— Студенты, кто из вас нотт? — окликнул аргент. — Сюда, живо!

Марк вскочил на ноги и кинулся к окнам. Человеческих солдат во вдоре видно не было. Ничего, честно говоря, видно не было. Чуть качающиеся на ветру фонари освещали густой, клубящийся белый туман.

— Ищи их по этому вашему, как там... эмоциону, — велел аргент, вручая ему огнестрел.

— Эмоционалу, — автоматически поправил Марк, прицеливаясь.

Легко сказать. Приблизительное направление он мог определить, но ориентироваться по нему при стрельбе... Не говоря уже про то, как всё печально у него было со снайперскими навыками. Первый выстрел прошил туман — без толку. Второй угодил во что-то, но вреда, судя по всему, не причинил.

— Помогайте, — уже отчаявшись, приказал аргент. — Стреляйте наугад...

— Есть, — выдохнул Марк. — Один готов.

— Один, — буркнул аргент. — А там их ещё одиннадцать...

Марк успел сделать ещё несколько выстрелов, но лишь два из них нашли свои цели. Ещё троих или четверых подбил какой-то меткий стрелок со второго этажа — наверное, Орт. Кажется, случайные пули альбов тоже не все были выпущены зря. Но всё равно — люди уже подобрались достаточно близко, чтобы...

— Они что-то кидают! — заорал он, поворачиваясь к командиру.

— Отходим, — тут же велел тот, уворачиваясь от летящего сквозь открытое окно предмета. — ВСЕМ ЛЕЧЬ!

Марк тут же рухнул на землю и прикрыл голову руками, но никакого взрыва не последовало. Коробочки, с громким стуком приземлившиеся на плиточный пол, издавали тихое шипение.

— Тоже дымные, — догадался кто-то.

— Нет, не дымные, — в ужасе уставилась на одну из взрывачек женщина-медика. — Никому не дышать! Командир, надо уходить...

Но аргент уже и сам смекнул, что к чему:

— Всем встать. Вглубь здания, по лестнице наверх. Не дышать, дыхание задержать.

— Сдаём парадный? — послышался совсем рядом удивлённый голос Ретока.

За ним последовал звук подзатыльника и тихое, сквозь зубы, Джилурино: «Не дышать, кому сказано...»

— Идёт подкрепление, человек тридцать. Тоже все в масках, — сообщил звуач в руке аргента.

— Просто отлично, — буркнул тот, глядя, как альбы затыкают щель под дверью, чтобы

не прошёл ядовитый газ. — Эй, студенты, чего стоим? Живо наверх!

Карина схватила замешкавшегося на лестнице Марка за руку и потянула за собой.

Альб, встретивший их в полутёмном коридоре, глянул обеспокоенно, развернул в другую сторону и указал на ближайшую распахнутую дверь. За ней оказался учебный класс: стучаясь об острые углы парт, Марк побрёл к дальней стене с висящей на ней меловой доской, где собрались кучкой остальные шестые. Ортей с огнестрелом стоял у окна рядом с другим альбомом и лишь покосился на вошедших.

Марк прижался спиной к стене. С телом творилось что-то неладное. Кожа покрылась липким, холодным потом; грудная клетка словно распухла изнутри и онемела; рот так быстро наполнялся слюной, что приходилось сглатывать каждые несколько секунд. Он не выдержал и сполз по стенке на пол. Рядом тут же приземлилась наставница. Глаза её лихорадочно блестели в темноте.

Ортей что-то сказал — Марк не расслышал. Оба альба вскинули оружие и принялись стрелять. Грохот выстрелов самым кошмарным образом отдавался в голове и желудке.

В дверь влетела бледная медика. Привалилась к шкафу и быстро-быстро принялась что-то втолковывать альбам. Теперь Марк слышал каждое слово, но ни одного из них почему-то не мог понять, словно говорили не по-ареносски. Прикрыл глаза на миг, пытаясь прийти в себя. Когда открыл, с туповатым удивлением обнаружил склонившуюся над ним медику — как это она так быстро переместилась через всю комнату?

— Глотай, — слабым голосом произнесла она, запихивая ему между зубов несколько таблеток. — Глотай и запивай.

Марк послушно попробовал проглотить лекарство, но оно застряло где-то в горле, и он закашлялся, судорожно шаря в рюкзаке в поисках бутылки. Нашёл, выхлебал почти половину, чтобы подавить приступ тошноты.

— Что это? — спросил где-то рядом голос Ильдана, тоже совсем слабый.

— Противосудорожное, — бесцветно откликнулась медика. — Глотай.

— Поможет?

— Вряд ли. Глотай, запивай...

Покалывание зародилось в кончиках пальцев рук и ног и теперь поднималось всё выше, к телу, к сердцу. Тянуще-давящий комок рос в животе, от него разливались волны тошнотворного жара...

Он снова прикрыл глаза. Чьи-то ледяные пальцы коснулись его щеки.

— Держись, — шепнула Карина. — Не сдавайся так легко.

Он усилием воли распахнул веки, вырвал своё сознание из цепких лап забытия. Окинул мутным взглядом комнату. Кроме двух альбов у окна, все лежали. Через пару шагов на полу темнела фигура медики — луч света выхватил её лицо; кажется, она была без сознания. Рядом с ней на полу виднелась россыпь белых точек. Приглядевшись, Марк распознал таблетки, которыми она их кормила...

Ещё секунда темноты.

Рука Карины лежала совсем рядом. Марк хотел взглянуть на её лицо, но для этого нужно было повернуть шею. Не получилось. Как и поднять руку, чтобы дотронуться до её пальцев...

Тьма.

— Шестые, не дышать! — злое, отчаянное лицо Ортея. — Ещё немного потерпите, чтоб вас!.. Мы завалили их главаря; резервная группа пошла в атаку. Если всё выгорит,

зайдут с тыла и раздолбят блокатор... Терпите...

А умирать, как оказалось, не страшно и не больно. Наоборот: ушла, наконец, тошнота, тянущее чувство под желудком ослабело, дышать стало легче. Всё, что осталось — невероятная слабость и вместе с тем — лёгкость...

Глава 20. Знакомое лицо

— Не хочется от вас ничего требовать, но выхода нет, — произнёс командир, потирая забинтованный бок. — Седьмой карант пострадал ещё сильнее нашего, а десятый слишком далеко. Боеспособных альбов у нас осталось всего несколько, и увести их с базы я не могу. А времени потеряно и без того... — он в отчаянии махнул рукой.

— Троиш, — задумчиво протянул Ортей, оглядывая свою семью.

Половина шестых всё ещё валялось на полу в полуспящем-полубессознательном состоянии. После того как блокатор был уничтожен, нейтрализовать яд не составило никакого труда, но вот избавиться от последствий его долгого пребывания в организме оказалось не так просто.

— Командир, — упавшим голосом произнёс Ортей, закончив осмотр, — давай лучше я по-быстрому сгоняю, а вторые присмотрят за моими?

— Ты нужен мне здесь, — сухо отозвался авр. — У второй семьи дела не лучше, чем у вашей, их куратор не в состоянии даже разговаривать. И от них тоже пойдёт тройка, только в другую сторону.

— Понятно, — Орт вздохнул и почесал лохматую макушку. — Ладно, семья, признавайтесь — кто тут живой?

— Я, — поднял руку Талат — яд действительно почему-то пощадил его.

— И я, — тихо откликнулась Камайла, принимая сидячее положение.

— Я в порядке, — пожала плечами Виольна.

— Ты не пойдёшь, — тут же сказал Ортей.

— Почему? — возмутилась рыжая.

— По веским причинам... Нотт, ты как?

— Более-менее, — осторожно отозвался Марк.

— Идёшь. Нужен хотя бы один рубр...

Карина, поймав взгляд старшего, безразлично кивнула.

— Орт! — непривычно горячо воскликнула Виольна. — Мне явно лучше, чем ей!

— ...пусти её... — прохрипел Ильдан из угла, дрожащей рукой указывая на Виольну.

— Нет, я сказал. Рина, Марк — и... — он остановился глазами на Талате и Камайле.

— Жребий? — хлопая глазами, предложил Талат.

Марк, которого ещё и самого подташнивало, поглядывал на девчонок с сочувствием. В предрассветных сумерках одна казалась совсем белой, другая жёлтой. Шли молча, медленно, под барьерами. Сомнительно, правда, было, что в случае атаки те бы их защитили — слишком вышли слабенькими.

— За этими домами, — шепнула Карина, глядя в карту и резко останавливаясь. Марк не успел вовремя затормозить и сбил её с ног, налетев сзади.

— Прости, — едва успев поймать, он поспешно поставил наставницу на место. — А разве не дальше?

— Пустырь, — коротко ответила она, передавая ему карту.

Марк взгляделся в разноцветные линии и прямоугольники. Действительно, помеченное крестиком здание было окружено обширным незастроенным пространством. Высунься — и будешь как на ладони для любого мало-мальски опытного стрелка...

— Что тут написано? — спросил Марк, пытаясь разобрать мендорийские закорючки. — «Изк...» «Искво...»

— «Изквэлло», — отозвалась наставница. — Школа.

— А-а-а, — протянул он, высматривая из-за угла на приторно-розовое трёхэтажное здание, окаймлённое беговыми дорожками, спортивными площадками, учебными огородами. — Вот почему такая планировка... Рина, там внутри полно народу. Но, может, это дети...

— Ага, — подала голос Камайла. — А на этом их по домам, наверное, развозят.

Марк проследил за её пальцем. Там, из-за розового угла, торчал небольшой кусочек предмета, в котором безошибочно можно было узнать лопасть пропеллера.

— Мы их нашли, — сообщила Карина в свой звукач. — У школы стоит военный летун, внутри нотт чувствует большое скопление людей.

— Отлично, — раздался сквозь помехи бодрый голос командира. — Обойдите кругом, попробуйте засечь дозорных и огневые точки. Следите за любыми шевелениями. Одиннадцатый карант на подлёте, высадутся на нашей базе и сразу отправятся к вам.

— Ясно, — Карина спрятала передатчик и вздохнула, глядя на обессиленных младших. — Поползли дальше.

И они поползли — медленно, в коробочке барьеров, по широкому кругу, разглядывая злополучную розовую постройку в просветах между домами. Время от времени рубра вытаскивала звукач и надиктовывала командиру то, что удалось высмотреть.

С другой стороны обнаружилась одноэтажная, но длинная постройка, крашенная в тон основному зданию. Как назло, дома в этом месте расступались широкой аллеей без малейшего укрытия. Карина долго разглядывала подозрительное строение.

— Я бы на их месте в первую очередь сюда стрелка посадила, а вы? — произнесла она наконец. — Разворачиваемся, здесь мы не пойдём, опасно.

Марк, засмотревшийся на Камайлу — та устроилась в обнимку с грязной каменной стеной и явно уже держась на пределе сил — послушно повернул голову назад, в сторону узкой арки между двумя домами, откуда они пришли. И замер.

— Рина, стой, стой! — быстро зашептал он, хватая наставницу за руку и утягивая обратно за стену. — Прости, я только что заметил...

Судя по её расширившимся глазам, она и сама уже услышала голоса и мерный топот приближающихся солдат.

Камайла выпрямилась.

— Да их там много, — с отчаянием в голосе пролепетала она. — Спрячемся в этом доме?

— Местные могут выдать, — спокойно ответила Карина. — Побежали через аллею. Главное, барьеры держите... Чёрт.

Марка передёрнуло. Вот по чему он совсем не скучал — так это по волнам блокатора.

— Засекли? — ахнула Камайла.

Карина нервно оглянулась на арку — там слышались крики.

— Уже не важно, — бросила она. — Бежим!

Марк кинулся вперёд, стараясь не отставать от старшей и не выпускать из виду Камайлу. Вперёд, через чёртову широченную аллею, прямо под прицелом у невидимого стрелка в розовой пристройке. Прыжками через живую изгородь, через скамейки — нет времени обходить — через фонтанчик на маленькой площади, к счастью, не работающий...

Он был уверен, что слышал с десятков выстрелов, пока они бежали, но едва оказался в безопасности, под укрытием очередной многоэтажки, в компании девчонок, как понял, что все они прозвучали только в его воображении.

— Ещё не всё, Марк! — выкрикнула Карина. — Пригнись, пригнись!..

Он успел послушаться вовремя — над головой что-то просвистело. Волосы встопорщило горячей волной. Снаряд вонзился в стену соседнего дома, посыпались обломки.

— Опять они по своим стреляют! — возмутился Марк. — Там же люди, мирные — в домах...

— О себе волнуйся, — отрезала Карина, бросая на него сердитый взгляд. — Посмотри лучше, куда нам теперь податься.

Марк повертел головой. Они втроем вжались в высокий металлический забор на перекрёстке. Вариантов было достаточно — можно нырнуть вон в тот двор, или пробежать через базарчик за дорогой — удобно, много укрытий. Или по соседней улице, она наверняка выведет к... Стоп.

— Только не это, — простонал он. — Рина, там ещё...

Его прервал очередной свист, и на этот раз не так повезло — снаряд, должно быть, разорвался совсем рядом. Ударной волной сбило с ног. Марк вскочил, оглушённый, и принялся очумело вертеть головой. Вот Камайла, сидит на земле, потирая плечо, вроде цела... Где наставница?

Снова грохот. Сверху что-то посыпалось. Марк сграбастал одногодницу за шиворот и бесцеремонно поволок подальше от падающих кусков штукатурки. Рядом уже слышались чьи-то голоса. Он быстро выхватил огнестрел, разблокировал, прицелился из-за угла...

— Рубра, — мужчина в чёрном бережно ставил на ноги Карину. Та была вся в пыли, из-под волос по лбу и щеке стекала тонкая струйка крови. — Какой карант?

— Девятый, — выкрикнул Марк, опуская оружие. — Мы разведчики.

— А, это вы наши наводчики, — усмехнулся незнакомый альб. К ним, глядя с интересом, подоспели ещё трое. — Мы из одиннадцатого. Попали под раздачу?

— Не знаю, как они нас заметили, — слегка заплетающимся языком проговорила Карина.

— Не вас, — мрачно отозвался один из бойцов. — Это мы слегка... лишнего внимания привлекли, — он переглянулся с товарищами. — Сами до базы дойдёте?

Марк неуверенно покосился на зажимающую рану на голове старшую.

— Дойдём, — уже чётче отозвалась она. — Спасибо.

Грохот стрельбы остался позади. Троица кралась через дворы без барьеров и без магии, с жутким чувством незащищённости.

— Мы можем спрятаться, — неуверенно предложила Камайла Карине. — Подождём, пока одиннадцатый карант разобьёт блокатор, потом залечим твою рану. Ты же не выдержишь...

— Выдержу, — упрямо выдохнула та. — Всё нормально.

Ещё минут пятнадцать по узким улочкам — и тут небо наконец, впервые за эти два пасмурных дня, решило поделиться с пыльным городом влагой, разразилось холодным мелким дождиком.

— Там люди, — шепнул Марк наставнице. — За этими домами...

Они осторожно заползли под один из уличных прилавков, выглянули из своего укрытия

и увидели полуразрушенное многоэтажное здание, а перед ним — засыпанную обломками площадь.

— Это тот самый дом, — прошептала Камайла. — В который вчера врезался летун...

— Скорее всего, — согласилась Карина и нахмурилась.

Марк проследил за её взглядом. По площади, неторопливо перешагивая через обломки, словно на прогулке, двигалась группа из пяти человек. Трое из них — в военной мендорийской форме. Посовещавшись немного, эти развернулись и бегом бросились в сторону школы, где сейчас шло сражение.

Двое оставшихся, в обычной городской одежде, ещё некоторое время тихо переговаривались, стоя спиной к ребятам и разглядывая разрушенный дом. Затем один замолчал — и исчез. Марк принялся тереть глаза, но так ничего и не понял: вот только что человек стоял неподвижно на месте, а теперь его там нет.

Он посмотрел на наставницу, но та глядела всё так же хмуро и без капли удивления. Зато когда человек развернулся к ним лицом...

Карина задохнулась и нырнула под прилавок.

— Ты чего? — перепуганно прошептал Марк. — Он нас не видел.

— Что он здесь делает? — еле слышно пробормотала она в ответ. — Их здесь не должно быть. Не может быть.

Марк озадаченно переглянулся с ничего не понимающей Камайлой. В таком состоянии он наставницу видел впервые — в глазах ужас, дыхание сбито, вся дрожит.

— Кого не должно быть? — осторожно спросил он.

— Монахов, — она снова выглянула из-за крашенной в веселенький зелёный цвет металлической стенки. — Они не имеют права вмешиваться...

Дождь смочил ей волосы, и теперь розовая струйка воды стекала по её лицу, смешиваясь с всё ещё сочащейся из ушиба кровью... Точно, ей же по голове прилетело. Должно быть, из-за этого...

Марк тоже высунулся. Человек так и стоял перед останками многоквартирника, будто ждал чего-то.

— Но он не похож на монаха, — скептически протянула Камайла, тоже разглядывая незнакомца. — Мендийцы так не одеваются.

— Вот что, — Карина выпрямилась. — До базы рукой подать. Возвращайтесь без меня. Это приказ. Выполняйте!

И, не успев Марк остановить её, как она сорвалась с места и кинулась навстречу человеку, на бегу выхватывая огнестрел.

— Чёрт! — беспомощно выругался Марк, подхватываясь на ноги. — Жди здесь! Не высовывайся! — заорал он на растерянную Камайлу и бросился следом.

Шаг, другой, прыжок через обломок... Удаляющаяся спина наставницы впереди. Стрельба — где-то совсем близко. А что, если так всё и закончится? Сейчас одна заблудившаяся пуля — и нет Марка. Или ещё хуже — Марк ещё есть, но ранен смертельно, неисцелимо, лежит в одиночку, истекая кровью под злыми волнами блокатора, и мечтает умереть. Умереть, но перед этим дать хорошего подзатыльника своей свихнувшейся старшей...

Посреди обломков замерла грязная, растрёпанная фигурка. А перед ней — мужчина с невыразительным загорелым лицом и очень светлыми серыми глазами. Улыбается, как старой знакомой, но при этом пальцы правой руки — щепотью, кроме оттопыренного

мизинца, что-то чертят в воздухе, и выглядит это угрожающе...

Огнестрел в руке — на что? Он не видит, отвлёкся, не отрывает глаз от её лица — что он там нашёл? Можно хорошо прицелиться. Можно успеть выпустить две пули, по одной в каждую руку. Умеют ли мендийцы колдовать ногами?

Она обернулась так резко, что брызги разлетелись в стороны. Проорала его имя. Кинулась вперёд — защитница, блин — но закрыла собой самого Марка, а не монаха.

Мендиец рассмеялся. Привалился спиной к полуразрушенному дому, простреленные руки безвольно повисли, кровь льётся на засыпанную обломками землю, а сам хохочет во всё горло.

— Объясни! — выкрикнула Карина по-авийски, не сводя с него глаз. Голос странный — неужели плачет? Из-за дождя не разглядеть.

— Он говорил, что настанет момент, — ответил мендиец, — когда перевес будет слишком значимым. Он настал, и мы вступаем в дело.

— Перевес... на нашей стороне? — она запнулась. — У Ареносы? В этом всё дело?

— И в этом тоже, — кивнул монах. — Между прочим, у тебя был шанс всё исправить...

Что-то ощутимо толкнуло Марка в спину, и он еле устоял на ногах. Развернулся, свирепо уставился на промокшую Камайлу.

— Я же сказал ждать!

— Марк... там... командир!

— Вот только этого не хватало...

Действительно, по улице бегом приближались двое: сам авр-командир и один из аргентов — тот, что командовал на первом этаже во время защиты базы. Должно быть, ребята из одиннадцатого каранта позаботились, чтобы наводчиков встретили.

— Что у вас? — выкрикнул авр, подбегая и не сводя прицела со спокойного монаха.

— Пленный, — холодно отозвалась Карина.

— С каких пор мы берём пленных без распоряжения? — сухо осведомился авр, подходя вплотную к человеку. — Боги, что это?..

Марк смотрел, как командир подцепил дулом огнестрела висящую на груди пленника цепочку. С такого расстояния не было видно, что за символ изображён на кулоне, но авру оказалось достаточно одного взгляда.

— Мендиец, — он перевёл строгий взгляд на Карину. — Ты сама понимаешь, как это выглядит со стороны, рубра? — та отвела глаза. — Стреляй. Стреляй сейчас. Это твой единственный шанс хоть как-то выгрести из ситуации.

Ждать пришлось долго. Карина молчала, застыла ледяной статуей. Командир сверлил её взглядом. Аргент держал на прицеле улыбающегося монаха. Камайла в ужасе переводила глаза с одного на другого. Марк до крови вгонял ногти в ладони.

— Мне всё ясно, — бесстрастным голосом отрезал авр и кивнул аргенту, который с готовностью нажал на спуск...

Но выстрела не последовало. Пока озадаченный аргент вертел свой огнестрел в руках, мендиец поднял голову, грустно улыбнулся — и неудачливого стрелка вместе с его оружием подбросило в воздух, словно зацепив невидимыми нитями за конечности, перекрутило, переломало. Авр замешкался лишь на мгновение, когда кровь товарища щедрым веером брызнула ему в лицо, но тут же вскинул свой огнестрел...

Какая-то неведомая сила приподняла Марка над землёй, швырнула ему в спину что-то большое и тяжёлое, выбив дыхание, на мгновение лишив сознания. Очнувшись, он

обнаружил себя метрах в десяти от того места, где стоял прежде. От колена разливалась тугая, горячая боль; Камайла поднималась с земли в нескольких шагах, держась за голову, а Карина так и оставалась, целая и невредимая, перед своим монахом...

Марк поискал глазами командира. Нашёл у соседней стены — без сознания, но на вид живого. Попробовал подняться — правую ногу прошило болью, он охнул и свалился обратно. Но по крайней мере, Карина наконец сподобилась оглянуться.

— Дура! — заорал на неё Марк во всю глотку. — Тебе теперь нельзя в корону! Уходи с этим!..

— Хорошая идея, — улыбнулся проклятый монах. — Пойдёшь, сестрёнка?

Та молча замотала головой.

— Жаль, — вздохнул мендиец и практически с этим вздохом исчез.

Воздух словно стал легче. Теперь можно было дышать...

Карина развернулась и молча, на дрожащих ногах побрела к ним через обломки, мимо лежащего на земле бесформенной изломанной кучей аргента. Окинула невыразительным взглядом опарашенную Камайлу, склонилась над повреждённой ногой Марка, провела первым целебным полем. Магия вернулась.

— Ты ещё можешь уйти, — выдавил он, с ненавистью глядя на неё.

— Не могу, — тихо отозвалась она, не глядя на него.

— Невыполненная миссия? — горько предположил он.

Рубра замерла, подняла на него чёрные глаза.

— Марк, что ты несёшь? — ужаснулась Камайла, подползая поближе. — Карина, я помогу...

— Тогда стреляй в него, — предложил Марк наставнице, уже сам не понимая, верит ли в то, что говорит, и вытянул палец в направлении всё ещё лежащего у стены командира. — Давай. Мы с Майлой скажем, что монах его убил, и никто ничего не докажет.

Камайла нервно хихикнула. Решила, что он шутит. Карина молча поднялась и отправилась к командиру. На какой-то дикий миг Марку показалось, что она последует его совету, но наставница лишь ощупала раны авра и принялась за лечение.

— Идиотка...

Глава 21. Второе дыхание

— У меня сегодня со слухом что-то, — протянул Ортей и демонстративно поковырял в ухе. — Можно ещё раз, с самого начала и помедленнее?

Марк, борясь с желанием нахамить куратору, повиновался. Камайла сидела рядом с несчастным видом и поддакивала. Карина устроилась у стены и прикрыла глаза, будто всё это её вовсе не касалось.

Ортей весь рассказ ходил туда-сюда вдоль боковой стены холла, увешанной дощечками с мендорийским текстом. Лишь в конце, когда Марк досказал, как поджигали тело погибшего аргента, как он сам ковылял до базы на повреждённой ноге, а девчонки волокли командира, куратор нетерпеливым жестом прервал его и остановился возле своей младшей. Та подняла голову и посмотрела ему в глаза.

Альб резко наклонился, схватил её за руку, дёрнул, поднимая на ноги. И — с размаху влепил пощёчину.

Марк, забыв о том, что всего минуту назад сам втайне мечтал так сделать, заорал и, не имея возможности быстро подняться из-за больной ноги, метнул в куратора ударный импульс. Азира, возившаяся с его раной, едва успела пригнуться. Как выяснилось мгновением позже, не он один не сдержался: Ильд тоже среагировал быстро.

Ортей, впрочем, знал своих подопечных — оба удара разбились о барьер. Свиристая улыбка куратора не сулила ничего хорошего. Ольна и Зира медленно поднимались на ноги, воздух над их ладонями чуть заметно колебался.

— Давайте, скажите, что она не заслужила, — прошипел он.

— Вы там что творите? — донёсся окрик с другого конца зала.

Марк обернулся: вся вторая семья, замерев, наблюдала за разыгравшейся сценой.

— Не ваше дело, — с улыбкой, но очень твёрдо отозвался Ильдан.

— Какая разница, заслужила или не заслужила, — возмутилась Виольна. — Это не тебе решать, и наказание в этом случае накладывать тоже не тебе, Орт.

— Уж ты бы помолчала, — огрызнулся тот. — С каких пор тебя волнуют такие мирские мелочи? Э, — он погрозил пальцем Ильдану, который явно собрался ещё раз попытать удачу, — тебя я наказать точно могу.

— Выступаем через полчаса! — выкрикнул спустившийся со второго этажа альб и снова ушёл наверх.

Шестые, переглядываясь, расселись по прежним местам. Молчание вязкой субстанцией накрыло с головой.

— Ты мне только одно скажи, — снова обратился Ортей к своей младшей, нарезав пару кругов по холлу, — что мешало тебе выстрелить?

— Ничего ей не мешало, — не выдержал Марк, в сердцах отшвыривая обрубок дерева, на котором ножом пытался вырезать узор, успокаивая нервы. — Выстрелить можно было раз пятьдесят, а она стояла и пялилась на него, как на всевышнего во плоти!

— Ты не... — Карина на этот раз хотела ответить, но Ортей умотал прочь, словно не желая ничего слушать; она бездумно провела рукой по красному отпечатку длинных пальцев на щеке и повернулась к Марку: — У тебя же брат в человеческой армии, да? Представь, что тебе дают приказ стрелять в него. Выстрелишь?

— При чём тут брат? — зарычал Марк. — Этот мендиец тебе брат, хочешь сказать?

— Хочу, — бесцветно ответила Карина. — В своё время именно он вытащил меня из полной задницы. Всё объяснил, рассказал, научил контролировать магию... Кем нужно быть, чтобы после этого стрелять в человека?

— Научил, — с досадой повторил Ильдан после паузы. — Мендиец научил. Рина, а мы-то думали, у Вада просто богатая фантазия.

— Почему ты тогда не ушла с ним, если он такой замечательный? — Марк чувствовал, как теряет последнее терпение.

— Потому что мой дом в короне.

— Ты хоть примерно представляешь себе, какое тебя ждёт наказание там, «дома»? — вполголоса осведомилась Азира, проходясь по болячке Марка чуть жёстче, чем требовалось.

Рубра снова подняла голову, оглядела восемь пар уставившихся на неё глаз.

— Если бы можно было всё вернуть назад, — тихо, но чётко произнесла она, — я бы поступила точно так же. И не имеет никакого значения, что вы все или кто-либо ещё об этом думаете. Больше мне сказать нечего.

— Конечно, под арестом, — кивнул командир на вопрос Ортея, бросив на Карину неприязненный взгляд. — Пусть сидит здесь до нашего возвращения. Младший тоже может остаться — травма не из лёгких...

— С ногой уже всё в порядке, — быстро сказал Марк. — Разреши пойти, командир!

Ортей оскалился. Авр фыркнул.

— Пусть твой куратор решает, — бросил он, отворачиваясь. — Если он и кто-нибудь из ваших рубров готов взять ответственность...

— Я возьму, Орт, — тут же сказала Азира, и Марк глянул на неё с благодарностью. — Пусть идёт.

Марк заставил себя не оборачиваться, хотя знал, спиной чувствовал: наставница пытается поймать его взгляд.

Карант, если горстку оставшихся в строю можно было так называть, двинулся. Этой ночью погибли трое альбов, да плюс ещё убитый мендийцем аргент... Девятерых форсов и одну медику было решено оставить на базе — все они, не считая Карины, или были ранены, или до сих пор не отошли от отравления. В итоге насчиталось двадцать пять бойцов вместо положенных сорока, да и тех большая часть — студенты. На просьбу выделить им подмогу одиннадцатый карант прислал одну-единственную тиаристку с крупной хищной птицей на плече. Марк ёжился, представляя себе, в каком состоянии находится кожа женщины в тех местах, где её сквозь одежду достают острые когти.

— До объекта бегом, — отрывисто велел командир. — Чем внезапнее будет наше появление, тем проще.

Одно было хорошо: нотты могли расслабиться. Дрессированная птичка выполняла работу разведчика: парила в небе, высматривая подозрительные шевеления, и чуть что — давала знать хозяйке. Последняя, худенькая светловолосая женщина средних лет в тёмно-зелёной форме, бежала чуть особняком, словно всё ещё не относила себя к девятому каранту, и ни с кем не заговаривала.

Марк держал барьер машинально, на бегу, не задумываясь. Растерянность и страх давно прошли. Сейчас он чувствовал лишь строй и своё место в нём. Неожиданностей не случится: барьер свернуть — доля секунды, а во второй руке ждёт своего часа тяжёлый комок энергии, в любой момент готовый превратиться в ударную волну... Наставница может им гордиться.

А вот сама...

Марк сжал зубы, прогоняя из головы навязчивые горькие мысли.

— Я думаю, всё образуется, — негромко сказал Ильдан, хлопая его по плечу свободной рукой. — Орт может сколько угодно злиться и раздавать оплеухи, но в обиду он её не даст. Никого из нас не даст.

Марк мрачно посмотрел на старшего и ничего не ответил. Оптимизм — это хорошо, но, честно говоря, ему трудно было представить себе, как удастся замять недавнее происшествие.

— Мы ведь можем сказать на допросе, что она пыталась с ним сражаться, когда командир уже был без сознания, — зашептала Камайла из-за спины. — Мы можем...

— Нет, не можем, — огрызнулся Марк. — На допросе по-любому будет нотт — например, та жуткая Юлона. Или тебя тоже мендийцы учили врать?

— Марк! — вполголоса ужаснулась Азира, косясь на заинтересованные взгляды вторых. — Будь так добр, не кричи!

Он покорно умолк и принялся глядеть под ноги, на собственные ботинки, на мокрую после дождя дорогу. В компании с этим видом и невесёлыми мыслями он провёл ещё минут десять, пока тиаристка не выкрикнула:

— Группа людей прямо впереди, примерно через километр!

Командир обернулся к Ортею.

— Пятеро, — чуть погода добавил тот. — Нас ждут. Боятся, но намерения тверды...

— Обогнём? — предложил аргент, указывая в боковой переулочек. — Нам сейчас некогда тратить время...

— Не хочу оставлять их в тылу, — угрюмо отрезал командир. — С пятерыми управимся быстро, даже если у них блокатор.

— ...Смотрят вверх на мою птицу и машут белой тряпкой, — как ни в чём не бывало добавила тиаристка.

— Белой? — в недоумении переспросил аргент, поворачиваясь к ней. — Точно белой?

— Точнее некуда, — спокойно отозвалась женщина.

Компания солдат будто бы специально выстроилась в хорошо просматриваемом скверике. В руке одного из них действительно колыхался обрывок ткани на длинном шесте. При виде приближающихся ренов люди дружно подняли руки, демонстрируя пустые раскрытые ладони.

— Кто такие? Чего хотите? — грубо спросил командир по-авийски, когда пятёрку окружили.

Солдаты переглянулись. Марк решил было, что среди них никто не знает авийский, но тут, подбирая слова, заговорил самый молодой, мужчина лет тридцати на вид:

— Мы сдаёмся. Мы не враги для вас.

— Те, кто нам «не враги», сидят по домам, — отрезал командир, кивая на окна жилых зданий. — Ареноса не берёт пленников. Каждый, кто сдаётся — умирает.

— Переговоры, — быстро сказал солдат.

— Достаточно ли у вас полномочий, чтобы вести с нами переговоры?

— Не как... командование, — человек кинул вопросительный взгляд на своего товарища, пожилого бородатого мендорийца, и тот ему что-то коротко сказал. — Как... просто люди.

— Послушай их, командир, — протянул Ортей по-ареноски, внимательно вглядываясь

в лица солдат. — Не чувствую ни агрессии, ни хитрости.

Командир покачал головой, подозвал одного из альбов и принялся диктовать ему, чтобы тот переводил:

— Вы сдаётесь по собственной инициативе, не по распоряжению командования?.. При вас нет звукоулавливающих устройств, взрывных?..

Солдаты кивали.

— Не врут, — пожал плечами Орт.

— Зачем тогда сдаётесь? — гнул своё авр. — Так боязно за свои шкуры?

— Было бы боязно — они бы наоборот, выполнили приказ, а не пошли наперекор, — запротестовала одна из альб.

— У двоих из нас — родные в короне, — произнёс пожилой солдат. — А я и остальные раньше работали с ренами в «Мосте» и знакомы с вашими идеалами и понятиями о чести. Не нужно быть большого ума, чтобы понять: эта война навязана Ареносе нынешним руководством «Моста» и подхвачена нашим правительством. А за громкими лозунгами и пропагандой прячется самый настоящий геноцид...

— Что предлагаете?

— Информацию, которая позволит вам свергнуть правительство Мендры и поставить собственное. Так будет куда гуманнее. Вы взамен даёте слово избегать убийств наших товарищей, если это возможно. У вас есть техника лишения сознания — пользуйтесь ей.

Ортей присвистнул:

— Продаёте родину за жизни соплеменников? Благородненько.

Альб-мендорийец кинул на него раздражённый взгляд и не стал переводить.

— Но мы не можем дать вам никаких гарантий, что выполним свою часть договора, — произнёс аргент.

— Ареносцы славятся умением держать слово, — пожал плечами старик.

— Пойдёте с нами, — после короткого раздумья решил командир и обратился к бойцам: — Обыскать, обезоружить. Под конвоем.

— Зачем? — шёпотом спросила Камайла на бегу, глядя на пленников в энергетической коробке. — Они же безоружные, зачем их держать барьерами?

— Мы видели монахов в городе, — буркнул Марк, от которого не укрылось, какими взглядами обменялись командир с Ортеем. — Монахи умеют притворяться и запутывать — в том числе и ноттов. Сейчас они на стороне людей. Дальше продолжать?..

— Они не похожи на мендийцев, — скептически произнёс Талат, шурясь на неуклюже бегущих в центре строя людей.

— А по мне, так вполне, — вмешался Ильдан. — Кожа смуглая, глаза и волосы светлые. Хотя... мендорийцы же тоже все такие, да?

Когда здание лечебницы уже замаячило в просвете между улицами, снова хлынул дождь. Но не мелкий, как утром, а вполне себе ливень.

Рены, хлюпая сапогами по лужам, поднимали себе настроение, поглядывая на птицу-разведчика: в такую погоду она летать не могла и сейчас смирно ехала на плече хозяйки, заботливо укутанная в тёмно-зелёный дождевичок. Обязанности разведки снова легли на ноттов.

— Командир, они уходят! — выкрикнул Ортей. — Кажется, военных там нет, только врачи и больные. Бегут из здания с другой стороны...

— Захват, называется, — недовольно фыркнул авр. — Могли бы сначала разведать обстановку и нас зря не гонять... Ребята, надо, чтобы в здании остались заложники. Иначе кто мешает разбомбить его к чертям вместе с нами?

— Перехватить не успеем, — сообщил Ортей. — Далеко.

— Так заложники у нас есть! — воскликнул куратор второй семьи, указывая на пятёрку солдат. — Только никто не знает...

— Вызывайте командование, — тут же велел авр. — Пусть свяжутся с их штабом, назовите имена и звания этих, — он кивнул на пленников. — Пускай скажут, чтобы не вздумали наносить удары.

Струи воды стекали с козырька с равными промежутками, отгораживая крыльцо, словно прутьями клетки. Пятеро атров шестой семьи сидели кучкой на широких ступенях. Марк вполуха слушал, как вяло переговариваются остальные, даже не пытаясь следить за нитью разговора.

В груди что-то болезненно ныло. Он бы подумал на этот идиотский кнотис, да времени ведь прошло совсем немного.

Командир без особого энтузиазма велел альбам и рубрам быстро обыскать здание. Задерживаться в нём карант не собирался, и атры, снова оставшиеся не у дел, с минуты на минуту ждали команды двигаться дальше.

Выполнившие задание стягивались к крыльцу, коротко отчитывались командиру. Тот уже закончил толковать с пленными и нервно ходил взад-вперёд по ступеням.

— Самое бестолковое задание, — зевнула во весь рот Итина. — Лечебница... А что не детский сад?

— Лидеры тоже ошибаются, — пожал плечами Ильдан, усаживаясь рядом. — Может, здесь были военные, но недавно ушли...

Марк смотрел на лужу перед крыльцом. Кто-то рассыпал в неё жёлтые таблетки, и они раскисли в воде, превратившись в яркие солнечные пятна на сером камне...

За спиной, среди альбов послышались удивлённые возгласы, которые тут же замолкли. А потом в голове раздался крик:

АЛЕРТ!

Марк вскочил на ноги, подхватывая рюкзак, заозирался по сторонам, силясь понять, откуда исходит опасность.

ВПЕРЁД! БЕГИТЕ! СО ВСЕХ НОГ, ВАШУ МАТЬ, ПРОСТО БЕГИТЕ КАК МОЖЕТЕ! БЫСТРЕЕ!

И он сорвался с места, подгоняемый голосом куратора, ничего не соображая, но понимая — когда тот орёт вот так, лучше просто слушаться. Гадать о причинах, впрочем, пришлось недолго — стоило поднять голову к небу.

Наверное, что-то подобное падало тогда на корону, когда поднимали белый щит. Только вот сейчас у них не было ни щита, ни купола.

— Не успеваем! — прокричал командир. — Все в кучу! Барьеры, самые мощные, какие только сможете! Быстро!

Тело двигалось на автомате. Вскинув руки вверх, к летящим прямо на него, словно хищные птицы, дымящим штукам, Марк так стремительно прогнал по венам энергию, что мышцы стянуло болью. Воздух наполнился стуком несогласованных барьеров, задрожал, нагрелся...

Удар оказался чудовищным. Гораздо мощнее, чем он себе представлял. Ноги подогнулись, колени болезненно стукнулись о землю, но он всё же ухитрился сохранить равновесие. Уши наглухо заложило, и звон лопающихся барьеров скорее ощущался кожей, чем слухом.

Держать, не отпускать! — продолжал верещать в голове Ортей. — *Держать! У кого лопнул — сразу ставьте ещё один, ниже!*

Воздух стал плотным, как резина; все мышцы жгло огнём, будто он не руки над головой держал, а свинцовые болванки. Не в силах больше удерживать свой вес, он сел на землю, но барьер не отпустил...

Рядом кто-то упал. Потом кто-то ещё. По рукам пробежала болезненная судорога, словно хлыстом огрели — барьер лопнул. Дрожащими, онемевшими ладонями он поспешно создал ещё один — тоненький, слабенький... Пот катился со лба, по лицу, по всему телу, обильно пропитывая и без того мокрую от дождя чёрную одежду.

И всё кончилось.

Он непреднамеренно сделал хриплый глубокий вдох, словно только что вынырнул из пучины — сам не осознавал, насколько трудно было до этого дышать...

Либерт, — куратора теперь было едва слышно. — *Отпускайте...*

— Ребята помогите тем, кто перерасходовался! — хрипло, не своим голосом каркнул командир. — Только сами не свалитесь...

Марк бросился к лежащей на земле Итине, краем глаза отмечая, как Камайла вытирает рукавом набежавшую из носа кровь и хватается за запястья бесчувственного Ильдана. Совсем капельку, чтобы привести в сознание... Девушка выгнулась и хрипло закашлялась... Жива. Дальше...

Хорошо, что у всех хватило ума не устраивать капризов. Рены подбегали к лежащим без сознания товарищам и вливали в их вены частичку себя — когда речь идёт о жизни и смерти, не до приличий.

Руины лечебницы дымились за спиной — неужели они успели так далеко отбежать? Оба медика, командир и аргент суетились над бесчувственной альбой — той самой, что потеряла свой кнотис ещё в первом сражении. Марк наблюдал за ними, пока один из медиков не встал, поднимая над головой скрещенные руки. Девушка была мертва.

Фигура в зелёном сидела спиной ко всем, слегка покачиваясь. По торчащим из-под её руки перьям Марк понял, что она баюкает погибшего питомца. А потом его взгляд упал на пять тел, которые почему-то все обходили стороной. Медленно поднялся на ноги, подошёл поближе...

— Такие хрупкие, да?

Марк вздрогнул. Джилура стояла рядом и тоже разглядывала мёртвых людей. Судя по всему, шансов у них не было. Марк понятия не имел, что именно хотела сказать рубра и к нему ли вообще она обращалась, поэтому промолчал.

Что ж — значит, мендийцами они не были.

— Они убили своих солдат, — мрачно произнёс Реток, глядя в точку перед собой. — Выстрелили по своим же, чтобы уничтожить нас. Тот летун, что упал на дом — то была случайность. Но на этот раз — специально, осознанно... — он замотал головой, словно утратив дар речи, и в сердцах хлопнул ладонью по стене.

На восстановление сил дали всего час. В другой раз после такого по каранту

прокатилась бы волна возмущения — как так, в бой через час после перерасхода! Но не в этот. Марк сам ощущал странный свирепый подъём, словно злость теперь бежала по венам, заменяя собой энергию. Он не знал, что было причиной: смерть альбы, подлость людских командиров, пятеро неподвижных человеческих тел на мокрой земле или, может быть, мёртвая птичка на руках светловолосой тиаристки.

В голове билась мысль: хватит. Пора заканчивать этот бардак. Пора сделать, наконец, всё, что для этого нужно. Если придётся — сделать больше, чем возможно. Чтобы выжить, чтобы вытащить друзей. Чтобы вернуться домой.

Чтобы больше никто не умер.

— Возьмём — и Ос наш!

Восточные ворота базы рухнули куда быстрее, чем в прошлый раз. Территория огромная, народу куча — но и ареносцы пришли сразу тремя карантами, злые и решительные.

Если бы у Марка было время задуматься, он понял бы, что дерётся лучше, потому что рядом нет наставницы. Не нужно оглядываться на неё, беспокоиться. Не нужно задумываться, правильно ли он всё делает. Можно просто позволить телу творить, что оно само считает необходимым.

Парами и тройками растянулись по территории, прочёсывая все постройки и кусты, чтобы на этот раз не оставлять врага за спиной. Люди падали один за другим, обездвиженные коврами, затем обмякали в руках ренов, отравленные магией.

В сознании неуёмной жилкой билась мысль: неужели нет блокатора? Почему не привезут из другого города? Или заманивают в ловушку, заставляют расслабиться, переоценить свои силы, снова отдают в жертву всех, кто сейчас гибнет от рук ареносцев?

Здание окружили плотным кольцом, вымотали стрелков, пока те не начали экономить патроны, ворвались внутрь через двери и окна. Смяли тех, кто сопротивлялся открыто, вычислили спрятавшихся — Ортей не успевал называть укромные места.

Подкрепление опоздало — ареносцы разделялись (без особой жалости — просьба пятерых дезертиров была забыта) с последними защитниками, когда ударило излучение блокатора. Три летуна, тарахтя винтами, снижались с северной стороны, ещё четыре — с юга. На этот раз лёгкой битвы не намечалось...

— Готовы?

Шестые переглянулись и закивали. Глаза блестели над шарфами, намотанными на лица. Ортей усмехнулся и снова отвернулся к двери, выглядывая наружу.

— Рано... Рано... — повторял он, чтобы успокоить напряжённых подчинённых. — Рано. Есть! Пошли!

Один за другим бесшумно выскользнули в заполненный плотным дымом двор, наощупь кинулись вперёд.

Ильд, левее, — доносился беззвучный голос Орта. — Ещё левее... Теперь прямо. Зира, веди своих быстрее, не успеете. Ольна, тоже шевелись.

Марк, не отпуская руку Азиры, с разбегу налетел на что-то твёрдое. Тут же потянул девушку к себе, а за ней уже появился и Талат.

— Блин, не здесь, — шепнула старшая, вслепую проведя рукой по обшивке. — С другой стороны. Давайте под брюхом...

Зира, у вас за спиной двое, уберите.

Марк, и сам уже заметивший, стремительно развернулся, выхватил нож, поймал подпрыгнувшего от неожиданности человека в захват. Лезвие вошло натужно, с отвратительным хрустом. Подождал, пока тело обмякнет, и только тогда убрал ладонь, зажимавшую рот солдату рот. Едва сдержал тошноту.

Какая разница, твердил он себе, как убивать? То, что травить беспомощный человеческий организм магией проще и чище, чем стрелять в упор или колоть ножом, не делает такой способ лучше или добрее. Убийство есть убийство. Сколько жизней он, лично он, тихий шестнадцатилетний мальчишка, сегодня уже прервал? А ведь это не тренировка и не игра, как бы ни трудно было поверить. Наверное, потом, когда придёт осознание, будет хреново...

Азира дотронулась до его плеча, убеждаясь, что с ним всё в порядке. Потянула прочь, под брюхо стоящего на земле летуна, чтобы вынырнуть с другой стороны.

Марк нащупал в кармане выданную куратором коробочку. Выдохнул, шлепком прилепил к двери летуна, повернул рычажок. Кинулся обратно под брюхо, утягивая за собой Зиру и Тала.

От взрыва машина покачнулась, просела и ударила Марка пузом по затылку. Глаза заслезились. Мимо метнулась тень — Азира. Громыкнул одиночный выстрел. Марк испуганно вздрогнул, но рубра уже вернулась.

— Попала? — быстро спросил Талат.

— Да, — прошептала та, — но...

Снова грохот. Уши заложило. Магия не возвращалась.

— Марк, иди ты, — напряжённым голосом приказала Зира. — Я не могу...

Стараясь не думать о том, что она имела в виду, нотт повиновался. Подполз к двери, резко вскинул огнестрел, целясь внутрь. Пилот висел на ремнях неподвижно. В кабине дёргался в судорогах солдат. Марк брезгливо выстрелил, прекращая его мучения, запрыгнул внутрь и принялся обшаривать салон.

Серый ящик оказался спрятан под одним из сидений. Марк облегчённо выдохнул. Взрывачку из кармана, шлепок, щелчок — и дёру. Немножко не успел — задело ударной волной, швырнуло на землю.

Перекатился, ощупал себя — вроде цел... Дым рассеивался, сквозь серую пелену уже угадывался силуэт соседней машины. Провёл рукой — магии нет... Неужели блокатор уцелел? Назад в салон...

Что там у вас, Марк?

— Мы его взорвали, — вполголоса отозвался Марк, склоняясь над развороченным, искрящим аппаратом — Орт всё равно услышит. — Взорвали, честное слово. Значит, в другом летуне ещё один...

В этих двоих пусто, — после заминки ответил куратор. — Наверное, с южной стороны... Чего там одиннадцатый карант возится? Зира, держись, моя хорошая, сейчас помогу.

Марк похолодел. В каком смысле — держаться? Опрометью он вылетел из машины, отыскал глазами силуэт рубры и склонившегося над ней младшего...

Девушка хрипло дышала, в уголке рта пузырилось розовым.

— Не могу остановить кровь, — с отчаянием в голосе пожаловался Талат. — Они в неё попали, Марк, когда она взрывачку бросала...

— Уйдите, — Ортей выскочил как из ниоткуда, одним движением вытряхнул на землю аптечку, разодрал чёрную ткань рубахи, вылил что-то остро пахнущее на жуткую рану в боку. Рубра сдавленно, сквозь зубы застонала. — Знаю, знаю... Терпи.

Марк повернул голову в сторону нарастающего гула. Дым уже почти развеялся, и в сером небе чётко вырисовывались силуэты трёх летунов. Эти были другие: поменьше, поюрче. Округлые выступы по бокам не оставляли сомнений в их предназначении.

— Орт...

— Вижу, — тихо отозвался куратор, не отрываясь от своего занятия. — Ну что же теперь поделаешь. Прикроете?

Марк переглянулся с Талатом. Они поднялись, вытащили огнестрелы... И тут же с облегчением засунули обратно — магия, в этот момент пробежавшая по телу, была куда надёжнее!

— Ильд, сюда! — заорал Талат, завидев сквозь исчезающий дым фигуру старшего. — Помогите!

Ильдан примчался гигантскими скачками, Майла с Тиной едва за ним поспевали. Мгновенно окинув и оценив взглядом ситуацию, он выбросил руки вперёд, разворачивая в воздухе жёсткий барьер, а астры тут же прижали к нему свои ладони, принимаясь вливать энергию.

На другом конце двора обнаружили Ольна с Роменом, тоже изрядно потрёпанные, но целые. Марк видел, как рубра что-то крикнула своему младшему, указывая в сторону здания; тот пытался спорить, но под очередным гневным окриком развернулся и кинулся со всех ног прочь.

— За подмогой послала, — пробормотал Ильдан, тоже не отрывающий взгляда от одноюгодицы. Та, оставшись одна, смело развернулась к летящим машинам, раскинула барьер. — Да толку, не успеют ведь...

Дальше Марк просто не успевал осознавать, что происходит. Помнил целую серию мощных ударов, последний из которых разломал к чертям их общий барьер и наткнулся на вовремя подставленное поле Ортея. Помнил, как осела на землю вконец выдохшаяся Итина. Помнил смутную радость, когда мимо понеслись ударные волны прибывших на подмогу альбов одиннадцатого каранта.

Точно помнил: в какой-то момент показалось, что силы равны, что шансы есть... Но потом всё изменилось.

Двоих альбов, мужчину и женщину, отчаяннее всех кидавшихся на противника, серия выстрелов заставила отступить, прижаться спинами к искорёженной обшивке одного из летунов, что прибыли раньше. Ещё какое-то время они держались, но последний барьер разбился, и мужчина осел на землю, хватаясь за живот. Напарница успела обернуться, выкрикнуть его имя — и тоже упала, настигнутая снарядом в голову.

А мне куда попадут, думал Марк, глядя, как летун, разделавшись с надоедливой парочкой, медленно разворачивается в воздухе к их группе. Он оглянулся: на ногах остались лишь странно побелевший Ортей и дрожащая Камайла. Кажется, надолго их не хватит — да Марк и за себя бы не поручился. Была надежда ещё на группу альбов, да те отбивались от натиска других двух летунов...

Кажется, не умирать сегодня не получится.

Ортей выдохся после первого же удара. Не упал, осторожно сполз по обшивке летуна. Отмахнулся в ответ на обеспокоенный взгляд Марка: следи за противником...

Барьер разбился, и на мгновение они с Майлой остались без защиты, две слабые, измученные фигурки перед хищной мордой нависшей над ними машины.

Марк рывком, уже не чувствуя рук, возвёл барьер. Повернул голову, чтобы узнать, как там одноклассница — и застыл, на миг забыв о том, где находится.

Девушка стояла на месте, но её эмоционала там не оказалось. Вернее, эмоционал был, но совсем чужой, незнакомый. Или...

Дальше Камайла — если это была она — стала творить совсем уже невероятные вещи. Одним движением сняла (не разбила, а просто убрала!) возведённый Марком барьер. Выбросила руку вверх, к летающей машине, одновременно закручивая кисть и пальцы на ней штопором. Эффект был потрясающим: летун потерял управление и, словно детская игрушка, завертелся на месте, подбрасываемый спиральными потоками энергии.

Затем ладонь девушки взлетела вверх. Марк знал это движение, так следовало начинать накидывать ковёр. И верно: повинувшись чудовищному тяжёлому полю, машина грохнулась на землю, обдав их волной осколков и пыли; смялась, словно была сделана из фольги, а не из железа.

— Майла... — пробормотал вообще ничего не понимающий Марк, но девушка не слышала — спокойной, какой-то не своей походкой она уже направлялась вперёд, туда, где другие две машины безжалостно выжимали группу бойцов со двора. Один из летунов слегка дымился и кренился на бок, но ещё держался в воздухе.

Недолго.

Марк ошарашенно следил, как атра разводит руки в стороны, словно намереваясь кого-то обнять, а затем резко сталкивает машины друг с другом, прижимая их двумя полями с противоположных сторон. Опускает руки, смотрит, как искорёженные куски металла рушатся на землю, взметая облако пыли. И только потом падает на колени.

Он кинулся вперёд, торопясь поймать девушку, если та вздумала терять сознание. Но нет — Камайла лишь вскинула на него глаза, из которых струились по щекам слёзы. Теперь он её узнавал. Теперь эмоционал был совсем знакомым, лишь немного истощённым и совершенно потрясённым. Того, второго, не было и в помине.

Помогая ей подняться на ноги, Марк обвёл очумелым взглядом поле боя и наткнулся на ещё две пары округлившихся глаз.

На Камайлу, словно в первый раз её увидели, глядели её наставник и куратор.

Глава 22. Серьёзное наказание

Дин-дон.

Дверной колокольчик в шестом доме был предметом особой гордости. Не бездушная электрическая кнопка, а настоящий колокол, тяжёлый, чугунный, старый — должно быть, работа кого-то из предыдущих поколений шестой семьи — он, если дёрнуть за шнурок, каждый раз издавал такой глубокий и печальный звон, что у Марка мурашки бежали.

Шестые подобрались, насторожились.

— Ждём кого? — беззаботно спросил Ортей, как ни в чём не бывало откусил кусок печенья и шумно отхлебнул чай.

— Я открою, — Азира бросила быстрый взгляд на Карину и отправилась в прихожую.

Марк слышал эмоционалы двух альбов за дверью и примерно знал, зачем те пришли. Да что там — все они с самого утра ждали этого момента.

Карина отставила в сторону наполовину полную кружку. Под ответственность Ортея ей разрешили участвовать в зачистке Оса. Деваться было некуда — в четвёртом каранте, в горем пополам восстановившемся после газовой атаки, выдохшемся во время штурма базы и той сумасшедшей схватки с летунами, каждый боец был на вес золота. Но все понимали — и она сама лучше всех: двое суток, проведённые в деле, не перекрывали тяжести одной-единственной уже совершённой ошибки.

Вошедших оказалось не двое, а трое. Марка, впрочем, это не удивило: опытные нотты всегда умели скрывать свои эмоционалы, а уж Юлоне опыта было не занимать.

— Приятного аппетита, — добродушно пожелала она.

— Спасибо, — вежливо отозвался Орт, не поднимая глаз на свою бывшую наставницу по ноттике. — Чем обязаны?

Марк отметил, как Ильдан поднялся со своего места, якобы чтобы унести в раковину свою тарелку, а Азира непринуждённо прислонилась плечом к дверному проёму за спинами гостей — рука как бы невзначай скрыта за стеной...

Кажется, их бедной кухне сейчас снова достанется, подумал Марк. Только вот и сам он на этот раз не собирался отсиживаться в стороне...

— Нам велено арестовать рубру Карину, — сообщил один из альбов.

Марк краем глаза видел: наставница сделала движение встать, но Ортей едва заметным жестом её остановил.

— Причина? — всё так же благодушно поинтересовался он.

— Неповиновение приказу, повлёкшее за собой смерть рена, — пробубнил альб, — подозрение в шпионаже и предательстве.

— Серьёзные обвинения, — задумчиво кивнул Орт. — Поэтому и сразу, без разбирательства, серьёзное наказание? — он указал взглядом на плоский прямоугольный футляр в руках второго альба.

— Орнаменты — не такое уж и серьёзное наказание, тебе ли не знать, — мягко возразила Юлона. — Настоящее ждёт её, когда вина будет доказана...

— Если вина будет доказана, — Ортей поднялся с места, не выпуская из рук кружку. — Пока что это всего лишь «подозрение в предательстве», но не «предательство».

— Игра словами и бумажная возня, — Юлона пожала плечами. — Мы оба знаем, чем всё закончится...

Она ловко, почти не глядя, отбила удар Азиры, но вот объединённая атака Ортея и Ильдана с лёгкостью расколола поставленный альбами барьер. Марк нырнул под стол, отправил по полу сбивающую с ног волну и с радостным удивлением обнаружил, что Виольна, до этого старательно делавшая вид, будто пейзаж в окне интересуется её гораздо больше происходящего вокруг, обрушила на противников ковёр, закрепляя его успех...

— Хватит!

Марк с удивлением взглянул на вскочившую с места наставницу. Та свирепо сверлила глазами куратора.

— Да что с тобой такое? — с негодованием зашипела она на него. — Их-то ты зачем подставляешь? Уберите ковёр... Убирай, Ольна!

Юлона поднялась ничуть не смущённая, в отличие от своих спутников, отряхнулась и с улыбкой произнесла:

— Чего и следовало ожидать от шестой семьи... В моё время мы тоже такими были.

— Я признаю вину, — быстро сказала Карина. — Не назначай им наказание. Ортей, он... — она кинула яростный взгляд на наставника.

— О, я его прекрасно понимаю, — так и расцвела улыбкой нотта. — Гораздо лучше, чем он сам себя, пожалуй.

— То, что сейчас произошло...

— ...Может быть легко забыто, — откликнулась авра. — Правда, мальчики? — альбы угрюмо кивнули. — Но — прости, дорогая, мне действительно нужно забрать тебя на допрос, — при этих словах её улыбка слегка угасла, и Марку даже почудилось в её голосе сочувствие.

Он мог легко представить себе, как именно будет проходить «допрос». И готов был поклясться, что мысль об этом совсем не доставляла нотте удовольствия.

Альб раскрыл чёрный футляр, внутри которого обнаружили пять разноразмерных багровых лент — по паре на запястья, на лодыжки и ещё одна — на шею. Карина покорно протянула руки.

Ко времени парных тренировок наставница не вернулась. Не зная, чем себя занять, он вышел из дома и отправился в библиотеку. Тёмные деревянные стеллажи с ровными рядами книг всегда действовали успокаивающе.

— Сегодня что-то конкретное ищешь? — поинтересовалась библиотечка.

Марк улыбнулся ей и покачал головой. Она пожала плечами и склонилась над очередной стопкой. Длинный хвост совсем седых волос упал ей через плечо, мешаясь.

Марк шёл между рядов, бездумно проглядывая корешки и вспоминая всё, что знал о седине. Она появлялась в старости, когда рен начинал терять магию, и стремительно разрасталась ещё несколько лет. Вместе с тем магическая энергия, уходя из организма, освобождала место болезням — сначала безобидным, вроде простуд и желудочных расстройств, затем всё более серьёзным. Этой женщине оставалось совсем немного. Возможно, раньше она была сильным бойцом, пока обладала магией, а теперь доживает свой век, разбирая тома в библиотеке Форсы...

Что будет, если лишит магии молодой организм? Не на несколько дней, как принято, а дольше — на десяток пятидневий, на год? Что, если Ортей прав и Карину будут держать в орнаментах до самого конца?

Он остановился у ближайшего стеллажа и стукнулся лбом о тёплое полированное

дерево перекладины. Нужно что-то делать...

На полке перед глазами теснились разнокалиберные книги о народах мира: вирошцах, фетах, шадиннанцах... Но взгляд зацепился за один, серый и невзрачный корешок: «Повседневный быт Сар-Ба Ниджа». Марк неверяще протянул руку, вытащил томик пролистал. Потрёпанные страницы с мелким шрифтом, но зато красочные и детальные картинки. Ни слова про магию или политику — устройство стоянок, маршруты кочевий, одежда, еда, песенные традиции...

Что же, он уже давно не читал ничего просто ради интереса.

— Танцевать, — тупо повторил Марк.

Наставница передёрнула плечами.

— Ты прости, но раз тренировки по боевой магии откладываются, — она раздражённо покосилась на красные ленты на запястьях, — будем заниматься твоим чувством равновесия.

— Но почему именно танцы? — он едва сдержал смех.

— Ай, называй как хочешь, — огрызнулась Карина. — Если так боишься этого слова, пусть будет гимнастика.

— Я не боюсь, — обиженно буркнул Марк.

Он вытянул из памяти школьные уроки хореографии (чему только их в своё время не учили) и исполнил грациозную, как он думал, приглашающую фигуру.

— Не ареносские танцы, — отмахнулась она. — Полная и бесполезная ерунда.

— Сарбанидские? — мигом сообразил он и решил блеснуть почерпнутыми из новой книги знаниями: — Вер... Вирдо-шини?

— Вердошани, — машинально поправила Карина и уставилась с подозрением: — Нет, конечно, это танец жениха и невесты!

— А-а-а, — протянул Марк, действительно припоминая, из какой именно главы взял это слово.

Поговорить снова не вышло — наставница каждый раз приказывала ему закрыть рот, чтобы сосредоточиться. Как не вышло и в предыдущий вечер — от Юлоны она вернулась измученная и злая, хлопнула дверью перед носом Марка и пошла спать.

Марк сдался и всю тренировку послушно повторял движения. Он вынужден был признать, что сарбаниды действительно знали толк в обучении гибкости: на его взгляд, только профессиональный танцор мог запомнить и воспроизвести все эти движения, да ещё и синхронно с партнёром.

Карина не унывала. Чего-чего, а терпения ей было не занимать. Марк понимал, что если бы он был гибкой девчонкой и ему пришлось бы обучать азам акробатики неуклюжего увальня, привыкшего всю жизнь полагаться на физическую силу, а не на пластику, он бы уже не выдержал.

— Ты боишься, — заявила наставница, когда Марк в очередной раз запутался в собственных конечностях.

— Чего я боюсь?

— Всего. Окружающих предметов, своего тела, воздуха... — она подошла вплотную, протянула руку вверх, приподняла ему подбородок. — Выпрямись! Не веди себя так, словно ты в этом мире незванный гость! Любое твоё положение в пространстве — естественно. Любое твоё движение имеет право происходить, а ты двигаешься так, будто каждый раз нарушаешь запреты, будто кому-то мешаешь...

— Ничего подобного! — возмутился Марк. — Да я никогда даже не задумывался...

— Ты — не задумывался, — усмехнулась старшая. — Просто принимал как должное то, что нашёптывает тебе подсознание. Пока не заставишь себя усомниться, а так ли это верно, с места ничего не сдвинется.

Марк нахмурился. Попробовал повторить последнее движение. Откровенно говоря, он действительно всегда ощущал своё тело несколько... инородным. Непозволительно крупным. Негармоничным...

— Понимаешь? — тихо продолжала наставница. — Поэтому — танцевать. Двигаться следует не просто эффективно, но ещё и красиво. Ты сам должен ощущать своё движение как красоту, получать от него удовольствие — и тогда оно будет вписываться в окружающее пространство. Давай со мной...

Он пристально следил за ней, пытаясь отражать её движения, словно зеркало. Как она это делает? Даже элементарный пасс рукой в сторону — он у неё чёткий, уверенный, будто она видит конечное положение до того, как примет его...

Вот оно, наверное. Уверенность в завершении. А у него её нет — а наоборот, есть что? Страх. И верно...

— Подожди, Рина!.. Можно сначала?

Увидеть, почувствовать, какое положение должно принять тело через секунду — и просто привести все его части в это положение. Как по рельсам. Как будто невидимые ниточки управляют каждой мышцей, каждым суставом — ниточки, которые точно знают, куда тянуть.

— Нет, стой! Не так, ещё раз...

Если представить, что в пространстве целая серия застывших призрачных отпечатков будущего — отпечатков того, где будет его тело в разные моменты времени — останется просто собрать их, как бусинки на иголку.

— Молодец!

Улыбается — заслужить её похвалу в первый же день тренировок дорогого стоит.

Но это был ещё не конечный отпечаток. Следующий — вплотную к ней.

— Марк?..

— Дай мне хотя бы извиниться, — попросил он, мягко обездвиживая её руки.

— Тебе не за что извиняться. Отпусти.

— Я орал на тебя, отказывался даже вдуматься в ситуацию и понять...

— Всё правильно. Я бы тоже орала и отказывалась. Пусти.

— Если бы ты мне просто рассказала...

— Я не хочу и не буду говорить об этом. *Даже* с тобой.

Её лицо так близко, тёмные глаза смотрят с теплотой, но твёрдо. И это с нажимом произнесённое слово — «даже». Сколько в нём смысла! А запах волос...

Он судорожно вздохнул, приводя голову в порядок и при этом заставляя себя не отвести глаз.

— Прости, Рина.

— Говорю же, не за что извиняться. Кроме того, что ты делаешь сейчас.

Он рассмеялся и разжал наконец объятия. Она потёрла след на плече от его хватки и ещё какое-то время стояла напротив, словно не решаясь что-то сказать. Он терпеливо ждал.

— Слушай... Я просто очень, очень не хочу тебя впутывать.

— А если я сам хочу впутаться? Может, не будешь решать за меня? — он снова

рассердился при виде её кислой улыбки. — Ортея же впутала — скажешь, нет?

— У Ортея, — в её глазах мелькнул отблеск боли, — просто не было выбора. И, как ты мог заметить, он не сильно счастлив. У тебя же...

— Плевать, Рина! Ничего не знать — это гораздо хуже! — она молчала, тёмные глаза снова леденели. — Хотя бы в общих чертах...

— Что ты сделаешь, — её голос стал каким-то чужим, — если всё окажется правдой? Если я действительно шпионка и предательница и уже шесть лет вожу за нос всех ноттов короны? Если из-за меня умрут ещё рены, если из-за меня погибнет кто-то из шестых? Или вообще — вся корона?

Он замер.

— Я... Я буду с тобой, — сам удивляясь тому, что говорит, медленно начал он. — Если придётся — против них всех, и короны, и шестых... Я знаю, что это низко, подло — но если не останется другого выхода, я буду за тебя, что бы ты не натворила.

В комнате словно потемнело. Тишина стояла ещё несколько секунд.

— Вот поэтому, — выговорила наконец Карина, — я и не стану тебе ничего рассказывать. Именно поэтому я не имею права тебя впутывать. Спокойных снов, Марк.

Дни тянулись, будто липкое, густое повидло.

Занятия с Кариной, которая провела в орнаментах уже два пятидневья, теперь сводились к пресловутым «танцам». Азира, сжалившись, завела привычку брать Марка к себе и тренировать вместе с Талатом. Но Марку не хватало наставницы и на продолжившихся тренировках с сервами, и на групповых занятиях шестой семьи.

Последние часто проходили без Ортея — за главного оставался Ильдан, а тот порой бывал знатным лентяем и всячески старался облегчить жизнь себе и товарищам в эти часы. Пока в один прекрасный день не был так строго отчитан собственной младшей, что вся семья потом долго ещё перед Камайлой на цыпочках ходила.

Весть о задании была встречена шестыми с мрачной решимостью. Условия, правда, оптимизма не внушали: четырнадцатый карант, куда их определили на этот раз, состоял из шестой семьи (не считая Карину), пяти альбов, двух медиков и одного аргента-командира. Оставшихся бойцов они должны были выбрать сами из числа своих подопечных сервов. В результате Марк добрый час препирался с Кариной — их мнения по поводу того, кого именно из новобранцев Марку следовало брать с собой, кардинально расходились. Он напирал на тех, кто был наиболее полезен (читай: натворил меньше бед) во время зачистки Оса; наставница же упрямо твердила, что в этот раз следует брать самых спокойных и рассудительных.

Накануне вылета Ортей отправил их спать пораньше, но сразу уснуть не удалось. Марк долго вертелся в кровати, не в силах отогнать вернувшиеся мерзкие воспоминания о падающих замертво под его руками солдатах. При мысли о том, что уже завтра придётся заниматься этим снова, подступала тошнота.

Потянулся к эмоционалу наставницы — тоже не спит. Поколебавшись, приподнялся на локте и протарабанил костяшками пальцев по стенке настойчивую дробь. Откинулся на подушку, глядя в тёмный потолок. Вряд ли откроет. А он-то свою сторону с того раза так и не запер...

Щелчок, второй. Вопросительный взгляд тёмных глаз по ту сторону уехавшей вниз

перегородки.

— Не спится, — пожаловался Марк, уже готовый к тому, что стенка сейчас же с грохотом вернётся на место.

Наставница вздохнула, переложив раскрытую книжку с одеяла на полку и плюхнулась на свою подушку лицом к нему.

— Ос вспоминаешь?

— Да, — Марк судорожно выдохнул, и слова полились беспорядочным потоком: — Я не хочу больше... Мне это не нравится. Убивать. Я бестолковый форс. Не хочу больше это делать. Пусть кто-нибудь другой, кому всё равно... Это же ненормально, чудовищно. У него, может быть, любимый человек, родители, друзья — а ты ему пулю между глаз. Или дозу отравы по жилам. А он тебе ничего не сделал. Просто ему приказали, и тебе приказали. И два дурака послушались. И зачем тогда...

— Тихо.

Марк умолк, осознав, что по щекам катятся слёзы, а рука наставницы лежит на его плече.

— Чёрт... — он поспешно зажмурился и принялся вытирать краем одеяла предательскую воду с лица. Но не удержался и добавил: — Не хочу... без тебя.

— Не хочешь убивать без меня? — усмехнулась старшая, не сводя взгляда с его распухшего лица.

Он внезапно пожалел, что не прикусил язык. Пожалел, что вообще постучал в эту проклятую перегородку... Как бы ему хотелось, чтобы она отвела глаза, не смотрела с этой усмешкой... Да, это потешно: ревуший в подушку двухметровый бугай.

— Ай, брось, — мягко сказала она, словно прочитав его мысли. — Всем хреново после Оса.

— Но не тебе, — буркнул Марк, всё ещё обижаясь на ту улыбку. — Ты вообще хоть что-нибудь почувствовала?

— Да, — невозмутимо ответила наставница. — Злорадство.

Она откинулась на подушку и улыбнулась в ответ на его непонимающий взгляд:

— Ну, знаешь... Когда все те умники, что за твоей спиной высокомерно зовут тебя убийцей, в один день становятся ничуть не лучше... И до них доходит, каково это, — она помолчала. — Ты бы видел, как на меня Аниса посмотрела в Висе, после смерти Вада, когда я без раздумий застрелила тех троих, которых ты парализовал. Как на монстра. А я просто... привыкла, вот и всё.

Марк ошарашенно смотрел на наставницу. Слова сорвались с языка раньше, чем он им это разрешил:

— Ты убивала раньше? Кого?

Взгляд тёмных глаз, до этого направленный в потолок, повернулся в его сторону. Марк почувствовал себя неуютно; захотелось взять свой вопрос обратно, признать, что это не его дело, попросить прощения — но он не мог издать не звука, словно загипнотизированный.

— Сначала, в день темпуса, лучшую подругу, — тихо ответила она. — Потом трёх отморозков... и заодно собственных мать, сестру и брата. Это всё вышло нечаянно. А потом, когда я сбежала из племени, мне нужно было как-то выжить, и я убивала уже по заказу. Оружием, не магией. Гордиться нечем.

— Подожди, — в полном шоке выговорил Марк. — Ты убила свою мать?

— Ещё сестру и брата, — отрешённо напомнила Карина, снова глядя в потолок.

Марк не мог больше найти слов, и какое-то время они лежали молча.

— Знаешь, — наконец подал он голос. — У меня, наверное, всё хорошо. Извини, что пришлось мне это рассказывать. И... спасибо.

— Рада за тебя, — сонно отозвалась старшая и зарылась лицом в свою подушку. — Спокойных снов.

Её тонкие пальцы снова скользнули в его ладонь.

На следующий день их ждал сюрприз. К тому моменту, когда два каранта прибыли на место назначения, горожане, заручившись поддержкой части армии, уже успели поднять бунт и свергнуть городскую власть. Ареносцам оставалось лишь принять бразды правления городом, попутно пообещав повстанцам выполнить несколько их мелких требований.

— Не хотят такого же бардака, как в Осе, — пояснил Ортей. — Разрушенные дома, горы мёртвых солдат... Немалая цена. Призрак Оса теперь будет витать над каждым подобным решением. Нам же проще: попатрулируем улицы и стратегические точки пару дней да домой полетим.

Марк видел, что некоторые были разочарованы таким исходом. Даже сервы-новобранцы, успевшие побывать только в одном сражении. Достаточно было взглянуть на их лица, когда они, в специально пошитой чёрной с оранжевыми полосами форме, тряслись под ремнями летуна, направляющегося обратно в корону. Марк чувствовал неприязнь к этим ренам. Вот кто летел сюда убивать. Вот кто потом точно не стал бы рыдать по ночам.

Командир-аргент, видимо, тоже заметил эти лица — но отнёсся по-своему.

— Эй, новички! — прокричал он в свой передатчик так, что все содрогнулись. — Повоюете ещё, там вирошцы воду мутят, никак не успокоятся!

На следующее после возвращения утро он впервые не дождался наставницу из её комнаты. Прислушался: не было слышно ни звука. Обычно она хлопала дверцами шкафов, скрипела половицами, шагая по спальне...

— Рина? — позвал он. Ответа не было, и он заволновался: — Рина, я вхожу!

Её не было видно под ворохом одеял, лишь тёмные волосы разметались по подушке.

— Эй, ты чего? — поразился он. — Время, Орт же прильёт... Вставай.

Он стянул с неё одеяло, бросил на стул вниз. Рубра, в своих белых шортах и майке, тут же молча съежилась клубочком.

— Приехали, — констатировал Марк и, подумав, гаркнул во всё горло: — А НУ ПОДЪЁМ!

После такого она действительно зашевелилась, приоткрыла глаза и, наконец, спрыгнула — нет, скорее стекла — со своего спального места вниз. Покачнулась и завалилась вбок.

— Вот оно что, — Марк едва успел поймать её. — А просто сказать было трудно?

Он поставил её на ноги, но она снова не устояла — рухнула ему на руки. Он осторожно придержал её, поглаживая по голове, как ребёнка, и принялся думать, что же делать дальше.

Четырнадцатый день в орнаментах — при том, что максимальный исправительный срок для накосорезивших ренов составлял десять. И ни малейшей надежды на то, что их в скором времени снимут. Сколько ещё она выдержит?

Марк знал, что Ортей не сидит сложа руки — но в кои-то веки даже хитрый куратор со всеми своими связями не мог ничего сделать.

— Они ещё издеваются надо мной, — вещал он сквозь зубы, ходя туда-сюда по гостиной

под мрачными взглядами шестой семьи. — «Приходи завтра, альтерлидер не может принять тебя сегодня!» «Лидера нет, покинь приёмную!» «Мне запрещено обсуждать эту тему с тобой!» Так бы сразу и сказали, лицемеры поганые: мы не собираемся снимать орнаменты с этой придурочной, пока она не подохнет в них — пусть будет уроком всем, кто впредь вздумает мешать политике Кумсоры своими поступками или просто своим существованием...

Марк тогда считал, что Ортей преувеличивает. Но сейчас, держа в руках обессиленное тело наставницы, вдруг осознал, что всё это — не просто слова, а вполне вероятная и страшная возможность.

В общей комнате хлопнула дверь.

— Давай её сюда, — со вздохом произнёс вошедший куратор. — Попробую оживить... А сам шуруй на пробежку. Скажешь остальным, что сегодня без меня.

Камайла не слышала его шагов; продолжала раскладывать чистое бельё по кучкам, сверяясь с вышитыми номерками. При этом она то ли напевала, то ли бормотала что-то под нос. Марк некоторое время наблюдал за ней, стоя на нижней ступеньке лестницы. Чтобы зайти в подвал, пришлось бы чуть наклонить голову набок — низкие потолки не были рассчитаны на его рост.

Он бы мог сказать, что Камайла изменилась за те восемнадцать пятидневий, что провела в шестой семье. Но это было бы не совсем точно: все они изменились. Есть события, пережив которые, невозможно остаться прежним.

Девушка принялась складывать вещи в корзину. Длинные — ниже лопаток — волосы, собранные прядями по бокам, чтобы не лезли в лицо, с каждым движением колыхались светло-каштановой волной. Марка, стоящего за спиной, она по-прежнему не замечала — пока не развернулась наконец к нему лицом...

Корзина выпала из рук, освобождая место швабре, конец которой тут же упёрся Марку в грудь. Он расхохотался.

— Ты серьёзно хотела убить меня шваброй? — поинтересовался он, забирая инструмент и наклоняясь, чтобы поднять выпавшее из корзины бельё.

— А нечего подкрадываться, — смущённо пробормотала она и тоже рассмеялась. — Прости... Это всё после того задания. Ходишь, а вокруг — будто ненастоящее всё, бесцветное. Только и ждёшь, когда нападут из-за угла... С нетерпением, — она невесело усмехнулась. — Глупо, да? И ещё сны эти, — она нахмурилась и оборвала сама себя.

— Сны — да, — мрачно подтвердил Марк. — Ты как, закончила здесь?

— Что? А, — Камайла удивлённо посмотрела на увесистую корзину в руках, словно только что её увидела. — Отнести осталось.

— Тогда пошли, — Марк забрал у одногостицы ношу. — Нас с тобой Орт зовёт.

Слова вырвались раньше, чем он успел сообразить, как обманчиво-двусмысленно и горько прозвучит для неё эта фраза. «Нас с тобой».

— ...То есть, меня и тебя, — поправился Марк, снова не очень-то подумав. Вышло, пожалуй, ещё хуже.

— Зачем? — спросила Камайла, отважно стараясь не обращать внимания на его запинки.

— Понятия не имею. Он же никогда сразу не говорит.

Враньё, — вкрался в голову обиженный голос куратора. — *Я всегда сразу говорю, если*

умственные способности слушающего позволяют донести информацию без вступлений.

— Я думала, это невозможно, — тихо сказала Камайла, первой нарушая молчание.

— Ну, а я, например, думал, что твилсы — это выдумка, — заметил Ортей.

— Я не знаю, что такое «твилсы», — покачала головой атра.

— А это то, что ты продемонстрировала в Осе, когда нас прижали, — ухмыльнулся

Орт. — Обмен сознаниями — и силой — с другим реном, твоим твиллом.

— Я не... — испуганно начала Камайла и осеклась.

— Ай, не отпирайся, — замахал рукой куратор. — Мы с Марком в четыре глаза видели чужой эмоционал на месте твоего. Кто она такая? Давно вы с ней меняетесь?

— Она... — протянула атра и метнулась взглядом сначала к Марку, потом к тихо сидящей на кровати старшего Карине, словно ища поддержки. — Она из Шадиннана. Я во сне... как будто бы вижу её глазами. Не всегда, но часто. А ещё — иногда чувствую, когда не сплю. Просто что она смотрит. Но такого, чтобы она меня выпихивала из собственной головы и начинала управлять моим телом... до того случая никогда не было.

— Давно? — напомнил Орт.

— С темпуса, — Камайла поёжилась и кинула застенчивый взгляд на Марка. — У нас с ней всё... одновременно случилось. Я чувствовала, как и ей больно тоже. Решила, что с ума схожу. Да и потом... Я думала, это не совсем нормально. И никому не говорила.

— Не совсем нормально, — вздохнул Ортей. — Что ж с вами сложно-то так, а, новенькие? Один взглядом убивает, другая вообще твилса.

— Это как-то наказуемо? — несчастным голосом осведомилась атра. — Что мне за это будет?

— Тебе будет, — Орт усмехнулся и переглянулся со своей младшей, — счастье. Большое и глубокое. Мы тут как раз думали, кому бы передать результаты наших с Риной долгих и упорных экспериментов. А то эта умница, глядишь, помрёт со дня на день, и весь труд к чертям... Проблема в том, что нужен чуткий до колебаний нити присутствия рен — вот ещё один воспитанник мендийского храма был бы идеален, но и твилса, если подумать, тоже подойдёт...

— Что? — слабым голосом спросила Камайла, и Марк не мог её судить — у самого голова пошла кругом.

— Нить присутствия, — медленно, чётко проговорил куратор. — Энергетический канал, который, в теории, связывает твоё тело с...

— Я знаю, что такое нить присутствия, — нервно перебила Камайла. — Какие эксперименты, Ортей? Если это связано с тем, что ты рассказал нам в начале... Почему ты думаешь, что я соглашусь?..

— Потому что я вежливо попрошу, — улыбнулся он. — Ну давай, хотя бы послушай, это интересно...

— Я точно нужен? — вмешался Марк.

— Точно, — резко повернулся к нему Ортей. — Ты нотт. Будешь страховать её. Я не всегда смогу с вами заниматься. Будете тренироваться втроём.

— А, — кивнул Марк, стараясь сдерживать злость в голосе. — То есть просто так меня «нельзя впутывать», а как нужен нотт — так сразу Марк, да?

Ортей выпучил на него глаза.

— Это вообще претензии к ней, — его длинный палец метнулся к закутавшейся в плед

Карине. — Она сама решает, кому что говорить, а кому нет. Ну, кроме тех случаев, когда лидеры считают, что надо ещё разок залезть к ней в мозги, тогда без особых альтернатив. А так... Я бы, кстати, на её месте всё давно тебе рассказал, а то и показал. Напарникам надо доверять — да, солнышко? — он подмигнул младшей. Та устало закрыла глаза.

— Так что для этого нужно? — осторожно поинтересовалась Камайла.

— Ничего особенного, — с энтузиазмом отозвался Ортей. — Ложись, покажем, — и указал на свою кровать. Карина неохотно слезла.

— Не буду я никуда ложиться, — заупрямилась атра. — Сначала словами объясните...

— Словами сложнее, — тихо сказала Карина и неожиданно ловко уложила младшую на кровать. — Проще показать. Опусть голову. Расслабься.

Марк понимал, что требовать у перепуганной девушки расслабиться — бесполезно. Он всё ещё злился на наставницу с куратором, и вообще не был уверен, что хочет в этом участвовать... Но любопытство постепенно брало верх. К тому же, Карина смотрела на Камайлу мягко, с лёгкой грустью, и этот взгляд почему-то его тронул.

Он со вздохом прикрыл глаза, потянулся к эмоционалу одногодницы. Осторожно, как учил Ортей, стараясь не выдать своего присутствия, сгладил зубцы страха, залил сверху спокойствием, вытянул наружу ниточку любознательности.

— Молодец, — послышался голос Карины, которая всё ещё аккуратно придерживала младшую за плечи. — Не бойся.

Марк открыл глаза: Атра действительно успокоилась. Лежала и доверчиво смотрела на старшую. Надо же, он и не думал, что получится так легко...

— Теперь самое сложное, — Ортей придвинул стул и уселся рядом. — Первый шаг — всегда самый сложный. Но если справишься, дальше уже будет проще. Закрой глаза. Посмотри вокруг. Что видишь?

— Ничего, — отозвалась Камайла с недоумением. — Темноту.

— Ага. А теперь попробуй смотреть не глазами. То, что мы ими видим — лишь малая часть мира. Смотри всей собой, почувствуй пространство вокруг.

— Э-э-э... Я не уверена...

— Не переживай, — снова успокоила Карина. — Ты твилса, у тебя точно получится, даже если не сразу. Подумай сама: тебе ведь не обязательно сейчас нас видеть или слышать, чтобы знать, что мы рядом, правда?

— Всё, что тебя окружает, состоит из материи и энергии, — продолжал увещевать Ортей. — Чтобы ориентироваться среди них и манипулировать ими, мы используем органы чувств. Но у них есть недостаток: они позволяют воспринимать лишь ограниченное в пространстве и времени количество материи, да и то однобоко.

— Если сможешь переместить своё сознание чуть выше по нити присутствия, то сможешь и почувствовать настоящий мир. Сначала будет страшно и непонятно, он... — Карина запнулась. — Выглядит не так, как мы привыкли его видеть. Словно миллиарды...

— Нитей, — подсказал Марк.

Наставница в замешательстве вскинула на него глаза.

— Нитей, — осторожно согласилась она. — Пространство — оно не пустое. Оно как ткань, только не плоская — нити тянутся во всех направлениях, переплетаются друг с другом. И когда научишься разбираться в этих переплетениях...

— А ты научилась? — робко перебила Камайла.

— Не совсем, — с заминкой откликнулась старшая. — Честно говоря, у меня слишком

много времени занял первый шаг. Но меня некому было учить на практике, только Орт со своими догадками и теория, которую мне дали много лет назад...

— Так вот чему тебя учили мендийцы, — фыркнул Марк. — И это всё? В это ты меня не хотела впутывать?

Карина не обернулась, лишь дёрнула краешком губ.

— Нет, не всё.

— А ну сиди тихо, — прикрикнул на него Ортей, кивнув на удивлённо вытаращившую глаза Камайлу. — Отвлекаешь подопытную. Хорош время тянуть, пробуйте.

Если в мирное время на вышках дежурило по четыре форса — двое у энергосборника, двое отдыхают — теперь лидеры перестраховались и увеличили смены до десяти. Качество контингента, правда, заметно упало — большую часть дежурных составляли студенты, старики и добровольцы из других секторов. В результате в комнатке с энергосборником бывало тесновато, и многие предпочитали проводить время ожидания на открытой площадке третьего яруса, а не толпиться в дежурной.

Марк устроился на краю площадки, у самых перил, свесил ноги вниз. Втянул ароматный воздух ночной короны. Глянул на часы — спускаться только через полчаса...

В этот раз повезло, и их отправили на ночное дежурство вшестером: Ильдана с Итиной и Камайлой, а Виольну — с Роменом и Марком. Как всегда, все «лишние» разбрелись по вышке, ожидая своей очереди.

Он повернул голову: на противоположном конце площадки пристроились рядышком Камайла и Ромен, о чём-то тихо разговаривая. Глянул вверх — там, на огороженном низенькими перилами четвёртом ярусе, стояла Ольна. Стояла, прильнув спиной к одной из балок, и зачарованно смотрела вниз. Он проследил за её взглядом и поёжился — рядом с вышкой что-то строили, и сейчас место стройки представляло из себя залитый бетоном квадрат с торчащими по периметру острыми металлическими прутьями...

Внизу прозвенел сигнал пересменки, и несколько минут спустя, потирая ладонь, из дежурной поднялся Ильдан. Молча сел рядом с Марком спиной к перилам, вытянул ноги. Бросил быстрый, но внимательный взгляд на фигурку Виольны наверху.

— Ей нравится высота, — пояснил Марк. — Там ветер бьёт в лицо, и вид лучше, чем отсюда, — он кивнул на корону, рассыпавшуюся разноцветным бисером внизу.

— Путь любит, — пожал Ильдан плечами и тут же хихикнул: — Нет, но ты глянь на эту парочку!

Марк обернулся: рука Ромена уже лежала на плече Камайлы, а её голова покоилась на его плече.

— Хорошая парочка, — с теплотой в голосе сказал Марк, чувствуя, что рад — действительно рад за одногосударственницу. Как здорово, что хоть она нашла в себе силы не заикливаться на безнадёжном кнотисе. Если бы он тоже так мог... Сколько он уже не виделся с Ниланой? Должно быть, она на него смертельно обиделась — и поделом ему.

— К слову о хороших парочках, — слегка напряжённым голосом произнёс Ильдан. — Что там у вас с Риной?

Марк поднял голову, и рубр поспешно добавил, словно пытаясь сгладить резкость:

— Не думай, я ничего такого... Просто из интереса. Не хочешь — не отвечай.

Марку следовало бы послушаться этого совета, но ночной воздух, полумрак тускло освещённой площадки и сонная усталость развязывали язык.

— У меня — кнотис. Но она сразу сказала, что ничего не выйдет. Без шансов.

— Жаль, — вздохнул Ильдан. — А ей ведь нужен кто-то вроде тебя. Я бы на твоём месте не сдавался.

Марк скептически промычал и откинулся спиной прямо на прохладный бетонный пол площадки. Взгляд снова зацепился за торчащую наверху фигурку Виолыны.

— Ты не пробовал снова с ней сойтись? — поинтересовался он у старшего, чувствуя, что имеет право на откровенность за откровенность. — После того, как Антис...

— Пробовал, — вздохнул Ильдан, тоже поднимая голову кверху. — Не знаю, зачем. Из чувства долга, наверное. Она меня так резко отбрила... А я, честно говоря, рад.

— Рад?

— Точно. Не хочу больше... — он нахмурился, отвёл взгляд, уставился в стену башни. — Вот этого всего. Не подумай, это было отличное время, когда мы были вместе — об этом я не жалею. А то, что случилось потом, стало мне хорошим уроком. И сейчас я доволен своей свободой. Понимаешь?

В наступившем молчании прозвучал сигнал пересменки.

— Не совсем, — покачал головой Марк. — Кому нужна такая свобода... — он прижал ладонь к солнечному сплетению, вспоминая тянущую боль. — Без неё...

— Поэтому я и говорю — не сдавайся, — Ильдан хлопнул его по плечу и настойчиво махнул рукой обернувшейся Камайле. Ей и Марку пора было спускаться к энергосборнику. — Есть вещи, которые нужно попробовать. Даже если ничего путного не выйдет и потом будет больно. Знаешь, даже жалеть лучше о сделанном.

Глава 23. Половина души

Метроном отбивал ритм. Восемь ренов замерли шеренгой, выставив ладони наготове.

На десятый счёт дружно ударили в покрытую поглотителем стену. Материал впитал большую часть импульса, но всё равно пришлось изо всех сил упереться ногами в пол, чтобы не быть сбитыми обратной волной.

Марк молча радовался: уже пятый по счёту мерж, который они не заporоли. Тренировки давали о себе знать. И всё равно приходилось непросто — требовалось направить энергию точно так же, как товарищи; малейшее отклонение, крохотный диссонанс — и вся ударная волна шла рябью, искажалась, теряла разом всю свою силу.

Поэтому в мирное время мержированным атакам форсов учили лишь на четвёртом году семьи. Поэтому лицо альба на входе скептически вытянулось, когда Ортей сообщил ему, зачем именно он забронировал для своей семьи зал с поглощающей стеной.

Семь, восемь — вдох — удар. Шесть раз подряд!

Марк покосился на куратора. Тот ссутулился у боковой стены, руки сложены на груди, глаза не отрываются от подопечных, на лице мрачное ликование.

Шесть, семь, восемь, вдох, удар.

— Ольна!.. — простонала Итина. — Опять?

— Это не только она, — поспешно вступилась Азира. — Я тоже сбилась.

— И я, кажется, — неуверенно добавил Талат, почему-то разглядывая свои ладони.

— Но мы долго держались, скажи же, Орт? — жизнерадостно воскликнул Ильдан. — Это уже рекорд!

— Толку от вашего рекорда, — поморщился куратор, отлипая от стены; Марку послышалось в его голосе отчаяния даже больше, чем привычной издёвки. — В реальном бою это всё ерунда. Там у вас не будет десяти секунд, чтобы подготовиться, не будет поглотителя с чёткой неподвижной целью... И шанса повторить неудачный удар — тоже не будет. Давайте дальше.

Он махнул на них рукой, посмотрел на часы и исчез за дверью. Оставшиеся переглянулись.

— И ужина сегодня тоже не будет, — произнесла Итина, подражая интонации куратора. — А мы же хотели... — она осеклась и виновато глянула на Виольну.

— Чёрт с ним, — безразлично отозвалась та. — Не так уж это и важно.

— Вообще-то важно, — Азира приобняла подругу за плечи. — Орт, наверное, просто забыл...

— Ничего он не забыл, — тихо вмешалась Камайла. — Я ему говорила сегодня утром... Он сказал, чтобы мы даже думать не смели об этой чепухе. Потому что отмечать дни рождения мертвецов — тупо.

— Ну так оно и есть, — тем же бесцветным тоном произнесла Виольна. — Я с ним согласна. Тупо.

— Нет, не тупо, — отрезала Азира. — Ант — наша семья. Ты — наша семья. Если Орту плевать, это не значит...

— Ну всё, всё, — мягко прервал намечающуюся ссору Ильдан, поглаживая одногодницу по плечу. — Раньше начнём — раньше закончим, согласны? Может, даже время останется...

Времени не осталось. Вечером, когда все уже с ног валились, вернулся Ортей с полным

пакетом бутербродов, и после пятнадцатиминутного так называемого ужина всё началось по новой...

— Ты больной, — объявил Ильдан, падая на пол. — За один день обучить нас мержам... Наверное, мы первая и единственная семья, которая так смогла...

Часы на стене показывали почти полночь.

Марк тоже опустился на землю, не ощущая больше собственного тела. Но это чувство он бы назвал скорее приятным — от осознания достигнутого результата, от неповторимой атмосферы единства с семьёй в душе и по гудящим мышцам тела расплзлось довольное тепло...

— Может, на ночь здесь останемся? — предложила Итина, глядя в потолок. — У меня всё онемело и ничего не шевелится. Я даже не чувствую, что пол жёсткий. А до дома ещё дойти надо...

— Нас бросят на передовую, — некстати буркнул Ортей — негромко, но услышали все. — На следующем же задании. Будем приманкой. План выгорит — выживем. Провалится — все подохнем.

— Откуда знаешь? — Ильдан рывком поднялся с пола.

Куратор обвёл семью мутным взглядом. Он сидел на полу, привалившись к стене; руки опирались на задранные колени, а кисти безжизненно свисали. Что-то в его лице — нездоровая ли желтизна, растрёпанные, давно не стриженные волосы или темнота в глубине глаз — навели Марка на мысль, что он на грани, что он смертельно устал и вот-вот сорвётся.

— Знаю, — просто ответил он, помолчав.

— Да нет, — нервно усмехнулась Азира, тоже принимая вертикальное положение. — Быть не может, Орт. С семьёй, со студентами не могут так поступить...

— Они уже поступали, — Марк высказал наконец то, что давно вертелось на уме. — В Осе. У нашего каранта было как минимум три шанса полностью погибнуть. Спасали случайные...

— Ты совсем рехнулась? — рявкнул Ортей; Марк подпрыгнул и не сразу понял, что куратор обращается не к нему — злобный взгляд был направлен на Виольну. — Давай, повтори громко, что только что сказала. Чтобы они слышали.

— Она молчала, Орт, — укоризненно произнёс Ильдан.

— Молчала, конечно, — с издёвкой ухмыльнулся куратор. — Она вообще ни при чём. Губы сами двигались, да, Ольна?

Рубра подняла голову с колен, откинула назад рыжие кудрявые волосы и мрачно уставилась на него.

— Скажешь вслух? — прошипел Ортей. — Или мне это сделать?

— «Лучше бы все погибли», говорю, — буркнула девушка. — Доволен? И я правда так считаю. Лучше бы.

Она уронила голову обратно на колени. Шестые отводили взгляды. Казалось невероятным, что всего несколько минут назад в семье царило мирное, усталое блаженство.

— Заметьте, ей уже недостаточно мечтать о собственной смерти! — поднял вверх указательный палец Ортей. — Ей уже наших хочется.

— Что ты несёшь, Орт, — побледнела Азира. — Не надо...

— Что «не надо»? — перебил куратор. — Не надо обижать нашу и так душевно раненую, нежную девочку, потерявшую кнотис? Надо её лелеять, оберегать? А то ещё — не дайте боги — у неё появятся нехорошие мысли? Поздно — она всё это время только об этом

и думает!

— Кодекс, — напомнил Марк, сверля глазами старшего — нельзя же быть настолько бесцеремонным!

— ...К чёрту твой кодекс, парень. Я не хочу и не буду игнорировать эту мерзость. Чтоб вы были в курсе, шестые, если вам вдруг скучно станет — мысли о самоубийстве приносят, оказывается, массу удовольствия! Но не мысли о собственной смерти — а о вашей на неё реакции...

— Хватит, — Ильдан угрожающе поднялся. — Прекрати сейчас же.

— Ты просто отрываешься на ней, — внезапно вмешался Ромен — Марк ещё ни разу не слышал у него такого тона. — Тебе самому плохо, вот ты и пытаешься на ком-то выместить...

— О, — с холодным удивлением произнёс Ортей. — А я и не слышал, что тебя тоже записали в нотты.

— Не надо быть ноттом, чтобы понимать это! — поддержала одноклассника Камайла. — Мы тоже все переживаем за Рину, и то, что ты нам сейчас сказал — если это правда — очень... э-э-э... неприятно... Но это не повод выбирать кого-то одного и на него сливать всю злость! Давай уже нас всех обругай, если тебе так нужно... Расскажи про каждого какие-нибудь гадости, давай!..

Она оглянулась на остальных в поисках поддержки, наткнулась на восхищённый взгляд Марка и залилась краской. Марк поспешно отвёл глаза в сторону, на Ортея.

Тот сидел, глядя в пол и ухмыляясь, словно действительно пристыженный.

— Я бы мог рассказать, — тихо, чётко проговорил он. — Мог бы... Да толку.

Молчание ещё какое-то время висело над шестой семьёй тяжёлой пеленой, пока не подавала голос Азира:

— Почему ты нам не доверяешь, Орт?

— Не доверяю? — альб метнул в девушку острый, неприятный взгляд.

— Вот именно. Ты вечно что-то затеваешь то с пятыми, то с какими-то посторонними альбами, то вообще с медиками или сервами, — но никогда не просишь помощи у нас! Сам всегда в эпицентре событий — а нам остаётся только догадываться, во что ты в очередной раз влез. Почему? Ты боишься, что мы тебя предадим? Подведём? Или просто не поддержим тебя?

— Неужели не понятно, — ледяным, таким непривычным тоном произнёс Ильдан. — Он не нас боится, а за нас. За стадо бестолковых баранов, по несчастливой случайности ему доставшееся. Строит из себя благородного пастуха: смотрите, какой я молодец, оберегаю их от неприятностей; с виду строгий, но добрый в глубине души...

Он развернулся к двери, кивком головы указал Ромену на сидящую в прежней позе Виольну. Тот тут же спохватился, подскочил к своей наставнице и помог ей подняться.

— Нет, и там не добрый, — вздохнул Ортей, тоже вставая, и махнул рукой: — Забудьте... Домой.

— Они говорили, что подбирают в дуэты совместимых по характеру ренов, — пожаловался ему Ромен пару дней спустя. — Тогда как, объясни, они могли настолько облажаться с нашим?..

Марк, уже кое-что знавший о том, как Форса набирает дуэты, деликатно промолчал.

— Не то что бы мы не ладили, — продолжал Ромен, нервно крутя в пальцах гвоздь,

который никак не решался вбить в новую деревянную скамейку. — Мы ни разу ещё не ссорились за всё время. И разговариваем. Она мне рассказывала про своих родителей из внешнего мира, я ей — про своих... Я ей свои рассказы давал читать. Знаешь, читала. До конца. А потом плечами пожимала — я же, говорит, не разбираюсь, вроде бы неплохо. И всё. Не то что ты, к каждой мелочи придрался...

— Прости.

— Нет, это наоборот хорошо, — рассмеялся Ром. — По крайней мере, тебе не всё равно... А она мне несколько раз пыталась втолковать что-то про бесконечность, время и пространство — а я сижу, ушами хлопаю и совсем тупым себя ощущаю. И тренировки... Это вообще провал. Тянутся и тянутся, а толку — ноль. Девятнадцать пятидневий прошло, а мы так и не научились ни слышать, ни понимать друг друга... Э-э-э... Тебе не надоело мой нытьё?

— Нет, — усмехнулся Марк, как раз подумавший, что Ромен вовсе не был молчуном — его нужно было лишь разговорить как следует.

Лето вступило в свои права, и даже вечернее солнце припекало без особой жалости. Чёрные гвозди в банке нагрелись и обжигали руки перед тем, как Марк вгонял их в свежее, пахучее дерево.

— Тебе с Риной повезло, — заметил Ромен чуть погодя. — Она тебя здорово подтянула. И с этой Ареной — фиг бы Ольна стала такой ерундой заниматься, если бы меня кто вызвал.

— Это точно, — ухмыльнулся Марк. — Повезло. И это ещё слабо сказано. Я ведь её сначала побаивался, а она оказалась только с виду мрачная и злая. А на деле, наверное, самый понимающий рен из всех, кого я знаю... — он осёкся, сообразив, с каким выражением на лице произносит эти слова.

— Тина говорит, — Ромен бросил на него осторожный, быстрый взгляд, — что вы с ней...

— Ей показалось, — оборвал его Марк чуть резче, чем собирался. — Ничего нет.

— А-а-а, — протянул Ромен. — Извини, я не... Слушай, я знаю, ты переживаешь. Я думаю, всё хорошо будет. Ортей ведь места себе не находит, он точно что-нибудь придумает...

— Ортей места себе не находит именно потому, что в этот раз у него не получается ничего придумать, — горько сказал Марк и тут же решил сменить тему: — А как у тебя с...

Хорош сплетничать, нотт. Дуй ко мне в комнату.

— У меня — что? — не понял Ромен, удивлённо глядя на замолкшего одноклассника.

— Нет, ничего, — Марк поднялся с колен и поставил банку с гвоздями на новую скамейку. — Я пойду, меня Орт зовёт.

— Да что вы как дети! — разозлился куратор. — Трудно понять, что это необходимость, а не моя прихоть?

Марк, застывший посреди его комнаты, перевёл взгляд на наставницу, стоящую напротив. Стало понятно, почему на ней рубаха Орта, которая так смутила Марка в начале. Которую куратор только что потребовал снять.

— Если меня отправят на задание, — продолжал Ортей, закатывая глаза, — или снова нарядят в орнаменты, заниматься этим всё равно придётся ему, — он кивнул на Марка. — Поэтому прекращай строить из себя и дай мне научить его.

Рубра фыркнула и принялась стягивать через голову рубаху, под которой не оказалось

вообще ничего. Марк неловко отвёл глаза.

— Не тушуйся, там всё равно разглядывать нечего, — насмешливо протянул куратор. — Как и щупать. Руку сюда.

Марк послушно положил пальцы на шею старшей, чуть ниже орнаменты.

— Веди вниз по сосудам, — велел Ортей. — Ещё ниже... Нашёл?

— Это как... — Марк нахмурился. — Как сгусток энергии...

— Не «как», а он самый и есть. Цикл разорван, но организм борется, пытается восстановить его. В результате образуются вот такие комки — и ни туда, ни сюда. Выхода для них нет. Они растут, начинают задерживать кровоток, причиняют боль. Кровообращение нарушено, в мозг не поступает достаточно кислорода. Вот и вся причина.

— Их можно убрать?

— А как ты думаешь, зачем я тебя сюда позвал? Полюбоваться на вот эту голую тушку? Разбивай. Создавай крошечный импульс и бей прямо по сгустку, он должен раздробиться и уйти.

Марк поспешно повиновался и тут же пожалел — наставница вздрогнула и втянула через сжатые зубы воздух.

— Нежнее, — насмешливо скривился Ортей. — Вот так же нежно, как ты на неё сейчас смотришь.

Марк кое-как управился с руками, а затем со спиной старшей — создавать волны настолько слабые и маленькие, чтобы причинять минимум боли, было не так-то просто. Даже под неустанным руководством куратора. Но куда сложнее стало, когда пришлось вернуться к ключицам и спускаться ниже. Собственные пальцы казались слишком грубыми, слишком неуместными на этой тонкой, смуглой коже, на этой маленькой, словно подростковой, груди.

— Может, ты выйдешь? — во вздохом попросила Карина у старшего, когда Марк в очередной раз промазал мимо застоя. — Он уже всё понял.

Атр сжал зубы. Откуда-то он знал, что наставница не столько сама смущена, сколько переживает за него, за его колотящееся сердце и дрожащие руки. И правда, без внимательного взгляда куратора, преследующего каждое движение Марка, было бы куда проще.

— И оставить тебя с ним наедине? — хихикнул Ортей. — Нет уж, когда ещё такое развлечение представится.

Но куратор оказался прав — на следующий день Карине стало намного лучше. Критически осмотрев её со всех сторон, Ортей велел ей ехать вместе с семьёй на учения у четвёртой вышки. Нечего, мол, отлынивать.

Марк, наслаждаясь ровно катящимися по дорожкам колёсами, вырвался вперёд — скорость странным образом помогала избавиться от неприятных мыслей. От мыслей вообще. Но стоило выехать из сектора, как всё удовольствие сошло на нет, а сердце трусливо попыталось спрятаться куда-то в желудок. У самых ворот, прислонив свой циклофор к чёрной ограде, стояла Нилана. Судя по позе, ждала она уже довольно давно.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался он, спешиваясь.

Её лицо вытянулось. Марк обругал себя — ну почему у него не выходит контролировать свои интонации?

— Надо поговорить, — с явным усилием проглотив обиду, произнесла наконец она. —

Хватит бегать от меня...

— Эй, Марк, слушай, а если... О, — догнавший его Ромен, видно, не сразу заметил девушку за широкой спиной одногодника и сконфузился. — Прости. Потом, — и со всех сил заработал педалями.

Нилана хихикнула.

— Да, моя вина, — запоздало отозвался Марк. — Давай... поговорим.

— Только честно, — предупредила Нилана. — Я тебе больше не нравлюсь?

— Я... Нет, это не...

— О-о-о, Лана! — Талат, как раз выезжающий из ворот следом за Азирой, радостно замахал руками. — Давно не виделись! Как жизнь?

— Нормально, — отозвалась та, стараясь не рассмеяться при виде Марка, устало прикрывшего лицо ладонью. — Как сам?

— Отлично! — просиял её одногодник. — Знаешь, тут, в Форсе, вообще не скучно! Ой... — он с обидой оглянулся на наставницу, только что отвесившую ему подзатыльник. — А-а-а, вы общаетесь... Понял, свалил. Увидимся!

— Что? — подняла брови Нилана при виде на кислотообразного лица Марка. — Мы хорошо в школе общались. Тал забавный. Так ты... мне сегодня ответишь?

— М-м-м, — Марк сейчас, честно говоря, искренне желал ещё хоть небольшую отсрочку — он никак не мог решить, что делать, и зачем-то взял её за руку. — Я... Ты не думай, ты мне очень нравишься... Просто...

— Просто — что? — поторопила она.

Он глубоко вдохнул, чувствуя отвращение к себе. Надо всего лишь сказать правду — это же совсем нетрудно! Перестать мучить себя и её неопределённостью. Почему ему этот разговор кажется куда сложнее, чем бой с Ретоком на Арене?

— Ух ты, Марк! — заорал за спиной Ильдан. — Так это твоя девушка!

Марк удивлённо обернулся. Это было совсем не похоже на обычно такого тактичного Ильдана. Камайла, кажется, тоже разделяла это ощущение — на наставника взирала в полном ужасе.

— О, Лана, — как ни в чём не бывало махнула рукой Итина. — Хорошая причёска.

— Спасибо, и у тебя, — кисло откликнулась та. — Сменила цвета?

Тина довольно тряхнула светлыми волосами, где теперь красовались фиолетовые и ядовито-зелёные пряди, и поехала дальше. Камайла бросила быстрый и несчастный взгляд на ладонь Ниланы в руке Марка и последовала за подругой. Зато Ильдан, к возмущению Марка, свернул в их сторону.

— Приятно познакомиться, я Ильдан, — подмигнул он смущённой девушке.

— Нилана, — отозвалась та, недоумённо глянув на Марка.

— Простите, что прерываю, мне всего лишь нужно напомнить Маркию кое о чём, — приложил руку к сердцу рубр. — О чём мы недавно с ним говорили на вышке — да, Марк? — он многозначительно покачал головой и кивнул в сторону как раз выезжающей из ворот Карины.

Марк перевёл взгляд на наставницу. Они с Ортеем неторопливо ехали бок о бок и что-то вполголоса обсуждали, кажется, даже не замечая Марка с Ниланой. Но мгновение спустя куратор повернул голову в их сторону, ухмыльнулся в своей привычной манере и — Марк даже вздрогнул — приобнял свою младшую за плечи. Та никак не отреагировала, словно такое было в порядке вещей...

— Спасибо за совет, — холодно ответил Марк Ильдану. — Я разберусь.

Им овладевало бешенство. Надо же, сводник чёртов. А ведь Марк считал его самым адекватным реном в семье!

— Ага, — разочарованно кивнул Ильдан. — Ладно. Всё.

Он нехотя развернул свой циклофор и, не оглядываясь, припустил прочь.

— Что он имел в виду? — подозрительно осведомилась Нилана, провожая взглядом удаляющегося рубра.

— Что я полный идиот, — выдохнул Марк и вдохновенно соврал: — На вышке он говорил мне, что пора уже преодолеть потрясение... ну, ты знаешь, после заданий — мы там убивали людей и сами чуть не померли... и возвращаться в прежнее... русло жизни.

— Мудро, — пожалала плечами девушка. — И как, ты готов вернуться?

Вместо ответа Марк обнял её за талию и, слегка наклонившись, поцеловал.

Снова четвёртая вышка. Та самая, что и пару пятидневий назад, когда Ильдан пытался убедить его в своих глупостях. И снова в компании Виольны и Ромена. Марк вовсе не был против общества последнего, они неплохо ладили; но вот его наставница весьма напрягала.

— Опять она там торчит, — раздражённо бросил Ромен, когда они вышли из душной комнаты со сборником на площадку.

Марк тряхнул ладонью, где по инерции продолжала скапливаться энергия, и тоже задрал голову к четвёртому ярусу, чтобы отыскать глазами силуэт рубры.

— Чего ты? — окликнул Ромен, заметив, что друг остановился на полпути к обычному месту и задумчиво глядит вверх.

— Слушай, пойдём к ней, — тихо сказал Марк. — У неё эмоционал какой-то странный.

— Более странный, чем обычно? — Ромен вздохнул — тоже явно не жаждал общества наставницы. — Хорошо, пойдём.

Наверху действительно было хорошо: свежий ветер порывами обдувал лица; внизу с одной стороны искрилась цветными огнями корона, с другой, за куполом — темнела под необъятным ночным небом холмистая степь...

— Сто дней года прошло, — сообщила Виольна, не оборачиваясь к младшим.

— Да, наверное, — почесал Марк затылок. — Полночь уже была.

— Двадцать один год прошёл, — добавила рубра.

Парни переглянулись у неё за спиной.

— Двадцать один год — начиная с чего? — осторожно поинтересовался Ромен.

— С рождения одной девочки с астриком на руке, — пожалала плечами Виольна.

— А-а-а, — хлопнул себя по лбу Ромен. — Точно. Сто первый день. С днём рождения!

Рубра помолчала. Марк судорожно сканировал её эмоционал, пытаясь определить причину собственной тревоги.

— Девочке всю жизнь везло, — продолжила она после паузы. — Родители её, единственного ребёнка — пусть и ренну — любили. Проводили с ней кучу времени, водили на занятия, покупали хорошие игрушки. Потом, в короне, сначала было немного грустно, но сразу появилось много друзей, воспитатели оказались добрыми, а уроки — интересными. Всё шло как по маслу: темпус, первая магия, первая любовь... — она фыркнула и добавила неожиданно резко: — Наверное, когда всё так гладко и мир крутится вокруг тебя, совсем перестаёшь думать о других. С Ильданом очень некрасиво вышло. стыдно. Не заслужил он такого...

— Вот подойди и скажи ему об этом, — мрачно посоветовал Марк. Ромен покосился на него с беспокойством. Виольна полностью проигнорировала эти слова.

— Просто это было... непреодолимо. Словно какие-то высшие силы толкают. Дышать можно, только когда он рядом, а стоит остаться в одиночестве — начинаешь задыхаться. Понимаете?

Она впервые за всё время оглянулась на мальчишек. Ромен стоял как вкопанный, неловко отводя глаза — оказался не готов к таким откровениям. Но Марк встретил взгляд старшей спокойно и едва заметно кивнул. Та улыбнулась:

— Так и знала!.. Всё-таки у тебя на неё кнотис, да? Ты бы... — она снова отвернулась к перилам. — Поосторожней с ней. Это немного ненормально — то, с какой лёгкостью она втирается в симпатию к окружающим...

— Что за чепуха... — начал было Марк, но Виольна властным жестом остановила его и продолжила как ни в чём не бывало:

— Так вот, жестокая это шутка природы, кнотис. Сковывает по рукам и ногам, завладевает мыслями. Ты больше себе не принадлежишь. Начинаешь отдаляться от опекунов, от друзей — потому что кроме него, никто не нужен. А если вовремя не взять себя в руки — ещё и в учёбе появляются проблемы. Но это всё ерунда — по сравнению с тем ощущением, когда смотришь в его глаза и тонешь в них, и знаешь, что он чувствует то же самое...

Марк молчал и с болью глядел на старшую. На кончике языка чесались слова, которые он никогда не решится произнести. Не нужно ей знать, что у Антиса не было на неё кнотиса, а то, что она видела в его глазах, было лишь состраданием и симпатией с толикой чувства вины.

— Зачем... — хрипло начал Ромен, прочистил горло и повторил: — Зачем ты нам это говоришь?

— Предостеречь. Предупредить... Да нет, на самом деле просто так. Чтобы хоть что-то сказать. А может, чтобы оправдаться... Заставить понять. Наверное, кнотис — это обмен. Ты отдаёшь другому рену часть своей души. А потом... — она тряхнула головой и резко вскочила на ноги: — А потом он умирает, и у тебя остаётся только половина — потому что вторая была в его грёбаном мёртвом теле!

— Пойдём вниз, — строго сказал Марк, делая шаг вперёд и протягивая ладонь, чтобы схватить её за руку. Ему совсем не понравилась та перемена, которая только что произошла в её эмоционале. — Пошли, Ольна, скоро твоя смена.

Но она юрко уклонилась от его хватки, переместившись вдоль заборчика. Теперь она стояла спиной к металлической ограде, доходившей ей до пояса. Стояла, дыша сквозь зубы и лихорадочно поблёскивая глазами на младших.

Марк пытался придумать, что можно сделать, что сказать. Он видел её намерение... Но это же глупо. Конечно, рен может умереть, кинувшись вниз с такой высоты, но только по счастливой случайности.

Ветер словно чувствовал, что происходит нечто неладное. Налетел, завыл, принялся трепать волосы, лезть в глаза.

— Не надо, — тихо попросил Марк, глядя старшей прямо в глаза. — Не надо...

И что-то изменилось. Виольна отвела взгляд, опустила голову, беспомощно всхлипнула. У Марка отлегло от сердца, а с губ сорвался вздох облегчения.

Она сделала шаг вперёд, к ним...

А затем стремительным движением схватилась за перила за спиной. Марк, скорее

повинуясь рефлексу, чем реально осознав, что происходит, ринулся вперёд. Но поймать не успел — рука наткнулась на жёсткий барьер, который рубра предусмотрительно выбросила перед собой уже в полёте.

Едва осознавая собственные действия, Марк разбил барьер и сиганул следом, машинально разворачивая под собой мягкое поле.

Виольна знала, что делает, понял он, приземлившись в десятке сантиметров от строительной площадки. Всё рассчитала, молодец. А барьер — барьер был не только для того, чтобы Марк и Ромен не успели её поймать. Отдача ускорила падение.

Падение на острые металлические штыри, будущий каркас некой конструкции рядом с вышкой. После такого не выживают — даже рены. Только не после того, как тело и шею проткнуло насквозь в нескольких местах.

Глава 24. Кусочки плана

Следующие несколько пятидневий протекли мутным серым киселём. Их снова гоняли на задание, в этот раз в одну из северо-западных префекторий Вироша, вздумавшую поднять мятеж против Ареносы. Марк мало что запомнил — волнения и страха, как в Осе, уже в и помине не было. Оставалось тупо слушаться приказов, позволяя отработанным на бесконечных тренировках рефлексам реализоваться в действии. Снова убивать, лишь где-то в глубине души ужасаясь собственному безразличию и той профессиональной сноровке, с которой он это проделывал. Снова стараться не обращать внимания на донимающую боль кнотиса...

Они с Ортеем тщательно раздробили все застои, которые смогли отыскать, перед самым отъездом, но целых четыре дня... Да, в начале было достаточно проводить эти манипуляции раз в пятидневье, но срок всё сокращался, и теперь приходилось делать это почти ежедневно, чтобы её не мучили боли.

Вернувшись домой и застав младшую свернувшуюся калачиком на диване в гостиной, Ортей первым же делом потащил её, бледную и на вид еле живую, наверх. Марк рванул следом. Тогда всё обошлось.

Но настал момент, когда помогать перестало.

Он проснулся ночью от её тихого, сдавленного стога. Ломая голову, как удалось расслышать сквозь сон и толстую перегородку, настойчиво постучал костяшками пальцев по деревянной стенке. Сначала было тихо, и он уже собирался придать новому стуку более сердитые интонации, когда щёлкнули замки.

Наставница сидела на своей постели, свесив голову, спрятав лицо за распущенными волосами. Не мешкая, он уложил её на подушку, пробежался ладонями по плечам и предплечьям.

— Быть не может, — процедил вслух. — Вот же только перед сном убирал!

Она не отвечала; хуже того, эмоционал её казался подозрительно неверным, словно бы застывшим. Пытается спрятаться от боли, уйти в спасительное забытие, понял Марк.

— Держись — нужно быть в сознании...

Чёртовы сгустки никак не желали расходиться. Словно бы организм устал сопротивляться за эти десять пятидневий. Отчаявшись, Марк пытался было позвать на помощь Ортея — но того просто не оказалось дома. Дежурил на вышке или ещё что...

Всё же усилия не были совсем напрасными — Карине стало легче. Он упал на подушку рядом с ней, вымотанный. Она же пробормотала что-то вроде благодарности и — совершенно неожиданно — прижалась к нему, положив голову на плечо. Марк, не веря, осторожно обхватил её второй рукой. Через несколько минут она уже спала...

Звонок будильника разодрал предрассветный сон. Открыв глаза, Марк сначала осознал, что так и уснул в постели наставницы, сжимая её саму, почти нагую, в объятиях. Решив отложить раздумья по этому поводу, нашёл глазами трезвонящую коробочку на полке, отправил в неё аккуратную волну, потом ещё одну. Со второго раза удалось. Покосился на старшую.

Та тоже уже открыла глаза. Слегка нахмурилась, но из его рук высвободиться не спешила.

— Эй, ты как? — шёпотом позвал он.

— Нормально, — тоже вполголоса ответила она.

Марк, не веря, прошёлся ладонью по её рукам и спине. Надо же — застоев действительно не было. Странно — неужели сами ушли?

Ещё несколько мгновений он позволил себе ощущать близость её тела, его тепло. Затем осторожно вытащил слегка онемевшую руку из-под её головы.

— Прости за это.

Она подняла на него глаза, криво улыбнулась. Марк вернул улыбку и спрыгнул вниз. Уже одеваясь, заметил одну деталь: он точно помнил, что плотно закрывал дверь своей спальни; но теперь она была приоткрыта.

— Эй, нотт.

Марк замер на полушаге. Куратор, которого он не заметил, устроился на подоконнике узкого окна на лестничной площадке, пристально вглядываясь вдаль, в сторону короны.

— Лови, — в руки полетела баночка из тёмного стекла, заполненная таблетками. — Судя по всему, без этого уже никак. Должно действовать лучше, чем твои объятия.

— А, — выдохнул Марк, сообразив, кто не закрыл за собой дверь в его спальню. — Да, это, наверное, выглядело не совсем...

— Перестань, — презрительно оборвал его старший. — Чего ты передо мной-то оправдываешься? Я же не твоя девушка.

Марк виновато скривился, вспомнив о Нилане и представив, что бы она почувствовала, доведись ей это увидеть.

— Что это? — атр вгляделся в содержимое банки.

— Сильное обезболивающее. Умиравшим старикам в лечебнице дают.

Марк подозрительно глянул на куратора и пробормотал:

— Вряд ли его легко достать, да?

— Я справился, — сухо отозвался тот. — Если сильно нужно будет, достану ещё. Попробуй давать по одной. Не подействует — увеличь дозу. Но не больше шести в день.

Ортей замолчал и отвернулся к окну, показывая, что разговор окончен. Но Марк не спешил уходить.

— Чего тебе ещё?

— Я... думал, — он сглотнул. — Что... Что будет, если их просто снять?

— Ты не сможешь их снять. И я не смогу. Только авров обучают обращаться с этими штуками.

— Да, но... Можно же просто разрезать?

Ортей наконец повернулся к нему, окинул колючим взглядом.

— Можно. Не кухонным ножом, конечно. Чем-нибудь вроде медицинского скальпеля получилось бы.

— Тогда...

— При этом делать это нужно очень осторожно, — продолжал Орт. — Я пять дней в них проходил, а когда сняли — энергия как хлынула по телу, мне аж поплохело. Представь, что будет после такого срока?

— Ну, это ведь...

— А теперь подумай о последствиях. Сколько времени пройдёт, прежде чем Ликтор и авры узнают? Что они сделают в этом случае?

— Наденут на неё новые, — буркнул Марк.

— А заодно и на тебя, — ухмыльнулся куратор. — И на меня — за покровительство. И на остальных шестых, скорее всего, тоже.

Он умолк, снова отвернувшись к своему окну. Марк тоже уставился на раскинувшийся внизу пейзаж поверх его головы. С этого ракурса особенно хорошо было видно штаб — приземистое, всего в три яруса, здание с нелепой металлической конструкцией на плоской крыше. Наверное, она должна была символизировать контроль Форсы над вышками; она и напоминала одну из башен, только уменьшенную в размерах и словно сплюснутую.

— Но какой-то же выход должен быть, — процедил Марк. — Это, — он погремел таблетками в банке, — лишь временная мера, даже если поможет. Пятьдесят два дня прошло. Уже же ясно, что не собираются они её освободить. Что будем делать, Орт?

Куратор молчал долго, и лишь затем отозвался, не глядя на младшего:

— Не вздумай... ничего предпринимать без меня.

— Тогда расскажи! — взорвался Марк. — Расскажи, что ты собираешься делать! Не может быть такого, что у тебя совсем нет плана!

— Он есть, и не один, — задумчиво протянул Ортей, вздохнул и развернулся наконец к младшему всем корпусом. — Ты пойми... Я не втягиваю семью во всё это не потому, что хочу вас защитить, как Ильд решил. Потому что хочу защититься сам. Слишком рискованно вкладывать всю информацию в голову рену, не способному обезопасить её от вторжения более-менее опытного нотта. И не смотри на меня так, ты ещё пока тоже не способен. В таких обстоятельствах что-то проверить можно, лишь разделив эту информацию на кусочки и раздав их разным случайным носителям... Даже если одного раскусят — роли это играть не будет; один кусочек пазла не покажет всю картину, а то и вовсе не покажется подозрительным.

— Так дай мне хотя бы кусочек! — возмутился Марк.

— Да есть он уже у тебя, придурок, — огрызнулся куратор. — У каждого из вас есть. Доволен? Спокоен теперь?

Марк недоверчиво сверлил взглядом старшего. Затем сдался и лишь поинтересовался:

— Когда? Чего ждать?

— Я дам знать, — откликнулся Орт. — Если не даст знать кто-нибудь другой...

Тренировка снова началась без куратора. Ильдан с готовностью взял руководство на себя и расхаживал по двору, раздавая советы и указания — где-то шутливо, а где-то безжалостно.

«Он очень сильный, — сказала как-то Азира. — Куда сильнее Ольны. Он справится». Карина же считала, что дело в другом. «Они не были вместе, — пожала она плечами. — Потерю кнотиса, который тебе всё равно не принадлежит, пережить легче... Я так думаю».

Марк не знал, в чём именно причина, но очень радовался тому, что старший держался. Он видел по эмоционалу: зияющая пустота, как у Виольны, никуда не делась, зато кроме неё было много чего ещё. Та «половина души», потеря которой довела Виольну до последнего прыжка, у Ильдана просто оказалась не самой важной половиной.

Их осталось всего три пары. Азира то и дело меняла партнёров, чтобы успеть потренировать каждого из атров. Карина грелась на солнышке, устроившись на той самой скамейке, что смастерили Марк и Ромен. На дневном свете особенно отчётливо было видно нездорово-жёлтую, словно пергаментную, кожу и торчащие кости. С другого конца деревянного сидения недружелюбно взирала на неё Джесс.

— Марк! Ты уснул, что ли?

Он вздрогнул и перевёл взгляд на свою противницу. Камайла смотрела сердито.

— Я собираюсь тебя атаковать, а ты даже не смотришь.

— Ну так атакуй, кто мешает? — удивился Марк.

— Как я могу — когда ты спишь с открытыми глазами?

— Может, я притворяюсь, — нахально ухмыльнулся он. — Чтобы ввести тебя в заблуждение.

— Не может, — отрезала Камайла. — Тогда по твоему лицу было бы понятно, что ты пытаешься схитрить.

— А, ну да, — сник он. — Ладно, бей. Я смотрю на тебя.

Естественно, после таких слов одногодница смутилась и промазала.

Ортей явился к концу тренировки, когда уже вечерело.

— Я дома! — махнул он рукой.

Шестые уставились на него. Благодушная улыбка на лице вечно мрачного куратора настораживала. Марк покосился на Карину, но та лишь без всякого выражения наблюдала, как наставник заходит в дом.

Во время ужина он тоже вёл себя подозрительно вежливо и тихо, и лишь под конец резко вскочил, поставил едва початую кружку на мойку и стремительно умотал наверх.

Грохот взрыва раздался пару минут спустя.

Шестые повскакивали со своих мест, приникли к окнам. Сообразительные Талат и Итина сразу кинулись за лучшим обзором на второй этаж.

Ортей сидел на том же подоконнике и взирал на дымящийся на фоне закатного неба штаб. Металлическая конструкция, так раздражавшая половину Форсы, была полностью разрушена. Повсюду валялись обломки — толстые железные балки. Вокруг суетились, пытаясь унять расползающийся огонь, чёрные точки.

— Охренеть, — высказался Талат.

— Кошмар, — ахнула Азира. — Кому это в голову взбрело?

— И зачем, — подал голос Марк, уже сложивший два плюс два. — Зачем, Орт?

— Это не я, — куратор с невинным видом развёл руками. — Я уже час как дома, никуда не отлучался, вы все свидетели. До этого был в тренировочном корпусе с Нисой и Пантом, они подтвердят. А ещё раньше — на собрании в штабе, там меня вообще с десятков авров во главе с лидером видали. У меня просто не было времени.

— Ага, конечно, — покачал головой Ильдан.

— Да и классно, что этой штуки больше нет, — бодро заявила Итина. — Мне она прямо глаза мозолила. Безвкусица...

— При чём тут безвкусица, — задыхнулась от возмущения Камайла, сверля подругу взглядом. — Там же могли быть рены...

— Не было там никого, — ровным голосом отозвался Ортей. — И сам штаб цел. Разве что обломком кого ушибло.

— Так зачем... — снова начал было Марк, но тут же нарвался на свирепый рывк потерявшего терпение куратора:

— Неизвестно, кто и зачем, я сказал! Всё, спектакль окончен. Потушили ваш родной штаб. Разойтись.

Весь следующий день прошёл в напряжённом ожидании. Поэтому когда к вечеру стало

ясно, что это всего лишь очередной обыкновенный день, ребятами завладело разочарование.

За окном лил серый дождь, и Марк, планировавший разобраться с заедающим замком в теплице, остался дома. Азира с Роменом и Итиной хозяйничали на кухне. Ильдан зачем-то разобрал старый звукач и теперь морщил лоб над фрагментами. Камайла и Талат с головой ушли в заданное на дом чтение — Марк пробовал последовать их примеру, но через несколько строчек сухого, нудного текста неизменно терял нить. Неужели нельзя было написать всё то же самое, но живее и интереснее?

Карина дремала, свернувшись на диване. Ничего необычного: под действием таблеток, что притащил куратор, она спала почти всё время, а если нет — то ходила сонная и апатичная. Её рука сейчас касалась бедра Марка, и он просто сидел с книжкой для вида, жадно впитывая это мимолётное ощущение тепла, распространявшееся от её пальцев...

Но что, чёрт его побери, задумал Ортей? Неужели он снова намерен оставить свою семью на безопасном расстоянии от событий, а вся эта чепуха про кусочки информации и винтики в грандиозном плане — не более, чем отговорки?

Марк с чувством захлопнул книгу. Наставница вздрогнула и проснулась.

— Прости, — виновато произнёс он, проводя ладонью по её плечу. — Спи.

Она сонно вздохнула и, устроившись поудобнее, снова закрыла глаза. Рука Марка осталась лежать на её плече, и ему было абсолютно плевать на недоумённые взгляды Камайлы и Талата.

Зачем было поджигать штаб? Отвлечь остальных форсов от чего-то, что происходило в это время? Скорее всего, так. Но подозрения... Хоть Ортей и обеспечил себе вроде бы безупречное алиби, засветившись в присутствии многих ренов во время и до происшествия, не мог же он не понимать, что станет одним из главных подозреваемых? Или... или это уже не важно, потому что пресловутый план подошёл к исполнению?

— Ребята, ужин!

Марк ещё раз покосился на мирно сопящую на диване наставницу — будить смысла нет, всё равно от еды откажется, а заставить её способен только Ортей. Осторожно поднялся и отправился на зов Азиры.

Надо поговорить со старшими. Прямо сейчас. Убедить вместе прижать куратора к стенке, чтобы выложил им всё. Надо...

Он замер на пороге — изнутри словно что-то толкнуло. Несколько мгновений так и стоял неподвижно, силясь понять причину собственной паники.

— Ты чего, Марк? Садись, ешь.

Медленно, как во сне, он повернул голову назад, к дивану. Наставница лежала в прежней позе. Тонкое, исхудавшее тело, пять красных резиновых лент, растрёпанный хвостик тёмных волос. Дышит, сердце бьётся, гоняет по сосудам кровь. Живая, пустая оболочка.

Без эмоционала.

Чёртов Ортей. Как всегда, когда нужен...

— Ильд, перевоз! — заорал Марк, кидаясь к наставнице. — В Медику, быстро!

Рубр, никак не опротестовав приказной тон младшего, тут же подхватился на ноги, сцапал за шкурку первого попавшегося атра — Талата — и выскочил за дверь.

— Я помогу, — опомнилась Азира, когда Марк уже был у порога с наставницей на руках. — Сяду за сборник...

— Марк, — настойчиво позвала Камайла, дотрагиваясь до безжизненно свешенной руки

Карины. — Если это её нить...

— Знаю, — резко ответил он. — Не мешай.

— Нет, я имею в виду... — она выскочила вслед за ним на улицу. — Я могу попробовать поймать!

Марк остановился, повернул голову к ней.

— ...если можно, — робко закончила Камайла.

— Давай с нами, — велел он.

Перевоз уже выползал из гаража, Талат держал ворота.

Никогда ещё корона не казалась ему такой большой, а дорога до Медики — такой долгой. Бледная, еле сдерживающая слёзы Камайла добрых пять минут водила ладонями по животу старшей, и всё без толку.

— Не-е-ет, — простонал Ильдан из-за руля. — Вот идиоты! И надо было им именно сейчас!

— Разворачивайся, — напряжённо произнесла Азира. — Объедем через центр.

Марк осторожно переместил наставницу на плечо и выглянул через переднее стекло перевоза.

— Чего им надо?

— У Орта надо спрашивать, я полагаю, — раздражённо отозвалась Азира. — Ильд, поворачивай, говорю!

— Много времени потеряем, — бросил рубр, не сбавляя скорости. — Что же они, не пропустят нас в Медику с больной?

— Я разберусь, если что, езжай, — пробормотал Марк, вглядываясь в толпу ренов в сером у въезда в Ритму.

Камайла испуганно подняла голову, Ильдан хмыкнул и переглянулся с Азирой.

— Остановитесь, — раздался усиленный голос от ворот, стоило им подъехать. — Оставайтесь в перевозе.

— Ритмы нам отдают приказы, я правильно расслышал? — недоверчиво воскликнул Ильдан, но машину, покосившись на неподвижную Карину, остановил.

От ворот уже приближалась группа серых, прикрываясь барьерами.

— Да что у них тут происходит, — пробормотала Азира, распахнула дверь и выкрикнула: — Пропустите в Медику, у нас рубра умирает!

— Шестая семья? — сухо спросил один из ритмов — голос было еле слышать из-за барьера. — Кто послал?

— Со слухом плохо? — рассердилась рубра. — Никто не посылал, нам нужно к медикам! Плевали мы на ваши разборки! В перевозе рубра при смерти. Не верите — сами посмотрите.

Ритмы переглянулись. Барьер звякнул, выпуская вперёд одного из них. Остальные приняли угрожающие позы — Марк слышал, как Камайла фыркнула при виде этой картины.

Он осторожно, не выпуская из рук наставницу, дотянулся до дверной ручки и открыл замок. Постарался не закатить глаза, когда ритм настороженно отпрыгнул в сторону.

— Орнаменты, — буркнул он, когда последний засунул, наконец, нос в салон, оглядывая лежащую без сознания Карину. — Шестьдесят второй день.

— Шестьдесят второй? — поразился ритм. — Разве столько держат? Что же она натворила-то...

— Нет времени рассказывать, — сдерживая ярость, перебил Марк. — Вы нас

пропустите или нет?

— Спрошу у начальства, — после заминки решил ритм и поскорее метнулся прочь.

Марк глубоко вдохнул, стараясь взять себя в руки. Он буквально физически ощущал, как с каждой потерянной секундой из тонкой нити надежды исчезает волоконец за волоконцем...

Закрыв глаза, он скользнул мыслью следом за эмоционалом убежавшего ритма, нашёл его в скоплении ренов за воротами... Знакомый властный эмоционал рядом — пожилой ритм, командовавший эвакуацией из Севалии. Стоило пробежаться по нему — и Марк знал ответ за несколько секунд до того, как он был озвучен.

— Разворачивайтесь, — протрещал голос из усилителя. — Форсам въезд в Ритму воспрещён.

— Езжай вперёд, — вполголоса велел Ильдану Марк. — Майла, держи её...

Удача, что эту нить он знал. Она поддалась охотно, провела прямо вглубь чужого эмоционала, позволила подчинить ничего не подозревающее сознание. Марк почти слышал, как ритм твёрдым голосом отдаёт приказ убрать барьеры, велит растерянным подчинённым пропустить чёрный перевоз.

— Быстрее, пока держу, — пробормотал нотт, не открывая глаз.

Перевоз тут же дёрнулся — Ильдан стартанул со всей дури. Ойкнула, но смолчала Азира — должно быть, сборник больно впился в ладонь.

Марк сел прямо и выглянул в окно как раз вовремя, чтобы встретиться глазами с командиром ритмов. Зря — почему-то зрительный контакт тут же оборвал неверный мысленный контроль.

— Чёрт, — прошептал нотт, понимая, что сейчас начнётся. Хмурые ритмы со всех сторон — не меньше тридцати, целый отряд. Одно слово командира, осознавшего, что попал под гипноз — и задержка ещё как минимум на полчаса гарантирована. Азира была права. Лучше бы объехали через центр.

Но пожилой ритм, восстановив контроль над своим разумом, молчал. Хмурился, сверлил взглядом удаляющийся вглубь сектора чёрный фургон, но молчал.

Несмотря на напряжение, Марк чувствовал, как где-то на заднем плане сознание ужасается интерьеру в коридоре. Тёмно-красная плитка на полу и белые стены с широкой алой полосой посередине вгоняли в панику. Как медики целыми днями работают в таком окружении? Как их пациенты не сходят с ума, едва ступив на порог лечебницы?

Медики приняли Карину сразу же, задав только один вопрос: сколько дней та в орнаментах. Переглянулись, услышав ответ, и захлопнули перед носом форсов дверь палаты.

Марку удалось остановить одного из врачей, подоспевших через несколько минут. Но медик лишь отмахнулся от сбивчивых объяснений про потерянную нить присутствия.

— Это тут ни при чём, — раздражённо отрезал он. — Просто в орнаментах столько не живут, вот и всё.

Марк без сил сполз по стенке прямиком на пол цвета засохшей крови.

— Как они не понимают, — пробормотала Камилла, усаживаясь рядом. — Тело-то живёт. Нужно просто поймать нить...

Ильдан странно глянул на свою младшую. Помолчал и неуверенно спросил:

— Эта ваша нить... Она ведь не должна отрываться сама по себе?

Марк медленно поднял на него глаза.

— Не должна, — тихо проговорил он, в то время как в голове всё чётче проявлялась неприятная догадка. — Только сам рен может оборвать её, да и то далеко не каждый...

На несколько мгновений повисло молчание.

— Ну, — дрогнувшим голосом произнесла Азира, — в принципе, её можно понять. Я бы в таком состоянии...

Она замолкла и обернулась — за спиной послышался нетипичный для этих гулких пустых коридоров шум. А через секунду шестые уже вскочили на ноги, узнав голос своего куратора.

Ортей их будто и не заметил. Преследуемый по пятам двумя возмущёнными медиками, промчался по коридору и ворвался в палату, хлопнув за собой дверь. Шестые переглянулись и, игнорируя протесты вконец шокированных красных, последовали за старшим.

Карины не было видно за спинами четверых медиков, окруживших кровать. Все они удивлённо обернулись на шум. Ортей внимательным взглядом обежал их лица.

— Отлично, — выдохнул он, остановившись глазами на одной из медик. — Все прочь. Вилтора, будь добра, принеси самый острый и крепкий скальпель.

— Скальпель... — растерянно повторила медика, переводя взгляд на лежащую на койке форсу. — Но, Ортей...

— Быстро, — резковато велел куратор, а потом веским тоном добавил, глядя ей прямо в глаза: — *«Лес полнился свободы духом»*.

Марк ощутил, как сердце женщины на миг остановилось.

— Да, — пробормотала она, испуганно оглядываясь на товарищей. — *«Услышать смог здоровый слухом»*.

И метнулась за дверь, нечаянно толкнув при этом Марка плечом.

— Вы — прочь, я сказал, — прошипел Ортей, обжигая остальных троих таким яростным взглядом, что те попятнулись. — Зира, Ильд, выгоните их и никого не пускайте. Марк, Майла, будьте здесь, можете понадобиться.

Не слушая больше ничьих вопросов, не обращая внимания на сердитые возгласы медиков, которых рубры вежливо, но настойчиво теснили барьерами к двери, Ортей придвинул к койке стул, уселся, задрал своей младшей рубаху и положил ладони на живот.

Несколько минут Марк и Камайла стояли рядом, не отрывая взглядов от неподвижной фигуры Карины и окаменевшего лица куратора. Затем атра тихонько опустилась на пол, тоскливо обхватив колени. Она-то знала, что такое потерянная нить присутствия. Помнила, как было страшно, когда впервые не смогла вернуться в собственное тело. И Марк помнил — те жуткие несколько секунд, когда он пытался, но не мог поймать её нить...

Всего несколько секунд. А сколько времени прошло с того момента, когда Марк почувствовал, что Рины нет?

Дверь открылась, пропуская в палату бледную медику с небольшим блестящим инструментом в руках. Марк поймал её взгляд и покачал головой. Медика кивнула и встала у стены, тоже уставившись на Ортея. В её глазах легко читалось сочувствие: кажется, и она совсем не верила, что рубру удастся вернуть к жизни.

Марк тряхнул головой, отгоняя кошмарные мысли. Всё утрясётся. Ортей справится. Тогда, с Камайлой, Марк нить всё-таки поймал. И сейчас у куратора получится — он-то куда опытней и талантливей.

Однако шло время — мгновения или часы — а ничего не менялось. И лишь в самый

последний, самый тёмный миг, когда Марк уже окончательно перестал верить, Ортей дёрнулся и издал невнятный ликующий вопль.

Камайла вскочила на ноги. Марк застыл, ошеломлённо наблюдая, как наставница выгибается дугой на койке, закашливается, а затем издаёт слабый стон и открывает глаза. Медика, не выпуская скальпель из рук, подскочила к экранчику аппарата, от которого к телу Карины тянулись спутанные провода.

— Ортей, — взволнованно начала она, — у неё здесь...

— Знаю, — нетерпеливо перебил нотт. — Разберусь. Дай эту штуку сюда.

Медика неохотно вложила инструмент в протянутую ладонь форса.

— Бесполезно, — тихо сказала она. — Они просто наденут на неё другие. А вот тебя...

— Не наденут, — сухо ответил он. — Беги, нужно всем передать. Найди Эрдока, он продиктует по звукам. И в другие сектора путь дадут знать... Быстро!

Медика испуганно кивнула и кинулась прочь из палаты. Ортей развернулся к бледно-жёлтой младшей.

— Иди сюда, — поманил пальцем Марка. — Будешь держать.

Пока он пилил неподатливую красную ленту на шее рубры, Карины пыталась что-то сказать, но сумела выдать из себя лишь нечленораздельный хрип. Криво усмехнулась бескровными губами, закрыла глаза.

— Ясное дело, рано, — буркнул Ортей, отвечая на незаданный вслух вопрос. — Не всё готово. Тебе спасибо, нашла же время.

Орнамент распалась на две половинки. Куратор, недолго думая, накрыл шею младшей ладонью — потоки застоявшейся энергии, готовые хлынуть в голову, следовало придержать. Марк выхватил из его рук скальпель и принялся пилить ленту на запястье. Камайла подскочила, чтобы помочь.

Голоса за дверью стали громче, но, судя по всему, Азира и Ильдан пока справлялись. А когда на очереди осталась последняя орнамента, на щиколотке, ожил крохотный звуач под потолком. До странности весёлый мужской голос повторял раз за разом одну и ту же фразу: «Лес полнился свободы духом».

Ортей подхватил последнюю резиновую ленту, распахнул окно и, от души размахнувшись, вышвырнул все обрезки прочь. Затем вернулся к младшей, что пыталась приподняться на локте, и с чувством вlepил ей подзатыльник.

— Ты опять? — возмутилась Камайла.

Марк, сначала было дёрнувшийся, промолчал.

Судя по топоту за дверью, коридоры лечебницы уже не были пустынными — на слух, мимо проносились десятки ренов.

— Ты мне одно скажи, — прошипел Ортей, обжигая взглядом свою младшую. — Неужели нельзя было потерпеть ещё пару дней? Я понимаю, что это за состояние. Я знаю, что иногда нет сил бороться — хочется, чтобы всё просто закончилось. Но пару дней, Рина! Не обрывать эту чёртову нить ещё всего два дня!

Бледная как смерть рубра широко распахнула глаза и снова попыталась что-то сказать, но снова лишь пошевелила губами и слабо закашлялась.

— Не ври! Она не могла сама оборваться! — огрызнулся Ортей, но в голосе его уже слышалось сомнение.

Карина отдышалась и всё же еле слышно прошептала:

— Не я... Не контролировала...

— Не мели чепуху, — раздражённо бросил куратор. — Ты не нотт, чтобы сдавать контроль над собственным сознанием второй душе — у тебя её нет.

Марк быстро глянул на Камайлу — кажется, Ортей забыл, кто его слушает. К счастью, та не обратила внимания на последние слова — отвлеклась на дверь, в которую теперь кто-то тарабанил.

— Разберёмся, — вздохнул Ортей, не обращая внимания на шум и вопросительные взгляды атров. Опустил ладонь на макушку младшей, взъерошил волосы. А затем, совершенно неожиданно, наклонился и коснулся губами её лба. Резко выпрямился, метнулся к двери и распахнул её, приведя в полное замешательство пожилую медику, в очередной раз занёсшую кулак для стука.

— Ортей! — преодолев растерянность, воскликнула медика. — Объясни, какое право ты имеешь помыкать... — она запнулась, глядя на Карину. Перевела взгляд на скальпель, брошенный альбом на передвижной столик. Потом на замершую возле монитора подчинённую. И, наконец, на окно, в которое альб вышвырнул обрезки орнамент.

— Ты с ума сошёл, — ровным голосом сообщила она. — Ты хоть понимаешь, что они с тобой за это сделают?

— Ничего не сделают, если мы что-нибудь сделаем раньше, — Ортей пристально посмотрел на собеседницу. — Давай с нами? Мы идём по Ликторову душу. Прямо сейчас.

Марк видел, как медика колеблется. За её спиной, затаив дыхание, ждали ответа её подчинённые, а чуть дальше — и Азира с Ильданом.

— Нет, альб, — сухо покачала головой медика. — В эту авантюру меня не втягивай.

— Тогда просто не мешай, — тихо попросил Ортей, не отрывая взгляда от её лица. — Отпусти тех, кому не всё равно.

Медика устало выдохнула, оглянулась на подчинённых. А потом развернулась и ушла, не сказав ни слова и больше не глядя на Ортея.

Глава 25. Наглядный пример

Купол над Форсой был. Но какой-то кривобокий и неверный — неужели боевой сектор не мог получше позаботиться о собственной безопасности? Марк задавался этим вопросом, пока его взгляд не зацепился за крышу штаба. Вместо прежней уродливой башни там торчал наспех возведённый металлический штырь. По колебаниям воздуха вокруг него было ясно, что именно он и поддерживает защитное поле.

Марк покосился на куратора. Вот зачем понадобилось разрушать башенку...

— И что дальше? — с лёгким скепсисом осведомился Ильдан, дотрагиваясь до дрожащего барьера.

На лицах собравшихся вокруг ренов читался тот же вопрос. А собралось прилично: медики, сервы, механы... Почему-то ни одного ритма.

— Ждём, — коротко ответил Ортей, не выпуская из рук шнурок с камнем, и добавил уже тише, чтобы слышали только шестые: — Вера знает, что делать...

Темнело. Вдоль аллеи, ведущей к штабу, зажглись белые шары фонарей, осветив торопливо приближающиеся фигуры форсов.

— Кто зачинщик? — прогремел голос одного из них. В руке говорящего угадывался звуач-усилитель. — Чего хотите?

Альб Ортей, куратор шестой семьи, — прошелестело в голове. — Хотим привлечь к ответу авра Ликтора, именующего себя альтерлидером, и авра Вартека, так называемого лидера Форсы.

— Шестая семья. Неудивительно, — буркнул форс за барьером.

Марк узнал эмоционал: командир девятого каранта в битве за Ос. Свидетель Карининой ошибки.

Совершенно неудивительно. Если пришли даже те, чьих товарищей не маринуют до смерти в орнаментах — неудивительно, что шестая здесь.

— Чего хотите? — сухо поинтересовался авр.

Исправить ошибку, которую допустила Кумсора, когда поддержала самонадеянного выскочку, оказавшегося неспособным выполнить свои обещания. Обещавшего избавить корону от гнёта людей — и вместо этого устроившего собственную тиранию. Отправляющего атров в эпицентры сражений в качестве наживки. Скрывающего от жителей, что на самом деле происходит во внешнем мире. Раздувающего конфликт с людьми вместо того, чтобы стараться уладить его!

Марк обеспокоенно глянул на старшего — показалось или тот слегка побледнел? Наверное, доносить мысленную речь до такого количества слушателей не так-то просто. А слышали, судя по лицам, все вокруг. Кроме того, что-то подсказывало, будто Ортей лишь тянет время, отвлекает внимание. Не в его привычках было вести столь бессмысленные разговоры...

— Я требую, — вздохнул авр, и по его тону было ясно: он говорит лишь то, что должен, но считает эти слова абсолютно бесполезными, — чтобы ты отступил и отозвал своих последователей. Тем, кто сдастся добровольно, будет установлено значительно более мягкое наказание, чем тем, кто станет сопротивляться.

Аналогично, — усмехнулся Ортей. — Тем из вас, что присоединятся к нам прямо сейчас, не придётся потом отвечать за своё недалёкое упрямство.

Лицо командира окаменело. Кажется, нотт перегнул палку. Марк напряжённо вертел головой, оглядывая собравшихся по обе стороны барьера кумсоринцев. Неужели каждый — винтик в чьём-то плане? Сколько из них действительно понимало, что происходит на самом деле?

— Не трусь, — шепнул Ильдан. Его ладонь легла Марку на плечо. — Всё правильно делаем.

Марк кивнул, не оборачиваясь. Перед глазами снова встал образ наставницы, лежащей без сознания на койке лечебницы. Даже если и неправильно, иначе нельзя.

— Боюсь, — после веской паузы начал авр за барьером, — в таком случае нам придётся...

Он умолк, растерянно хлопая глазами. Кто-то по эту сторону торжествующе вскрикнул. И только когда радостные возгласы стали нарастать, Марк понял: барьера больше нет.

Ивера, что бы она для этого ни сделала, справилась.

Вперёд, — раздался в голове лаконичный приказ. — *На тренировочный корпус.*

Было странно — так странно! — бежать по чертовски знакомым аккуратным дорожкам и при этом ощущать себя вторженцем, захватчиком. А ведь всего сотню дней назад он стоял у центральной вышки, защищая её от таких же мятежников. Тоже по приказу Ортея.

Форсы оборонялись умело, но повстанцы давили числом, в крови их кипел азарт, да и многие уже не были бестолковыми бойцами — спасибо тренировкам, организованным приказом Ликтора.

Марк сбился со счёта, сколько барьеров они разбили вместе с Ильданом, Азирой и Камайлой — вчетвером у них получались на диво неплохие мержи. Даже примерно не мог сказать, скольких форсов он лично опрокинул ковром и лишил сознания. По инструкции Ортея повстанцы подхватывали обездвиженные тела мягким полем и оставляли на траве, чтобы на них случайно не наступали бегущие по дорожкам.

Сам куратор умчался вперёд, чтобы контролировать наступление, и Марк за него серьёзно переживал: сможет ли тот выстоять в схватке с аргентами и аврами? Пока, впрочем, свою репутацию неудержимого бойца Ортей не запятнал.

В суматохе очередной схватки, не очень-то разобрав, куда бьют, Ильдан и Азира швырнулись мержем в кучку ренов в чёрной форме — а в ответ прилетела замысловатая брань знакомым голосом и совет глядеть внимательней, где свои, а где чужие.

— Предупреждать надо, Ниса! — возмутился Ильдан. — Наша ребятня с вами?

Трое атров отделились от пятой семьи и перебежали к своим старшим.

— ...Рина? — выдохнул запыхавшийся Ромен.

— Откачали, — отозвался Марк. — Всё хорошо.

Талат издал радостный возглас и с чувством запустил удар в ближайшего альба. Итина шмыгнула и с улыбкой вытерла заплаканные глаза.

— Мы решили, что наоборот, — тихо пожаловалась она Камайле за спиной Марка. — Что — всё... и что Орт поэтому с катушек съехал. Мы ведь смотрели из окна, как вы прорвались в Форсу, это выглядело просто безумием, а потом прибежала Аниса...

— Эй!..

Марк обернулся на грохот и увидел, как Реток закрывает барьером перепуганных Итину и Камайлу.

— Нашла время ныть, мелкая! — сердито выкрикнул он, когда его старшая, Джилура,

даже не взглянув на шестых, выскочила вперёд и буквально размазала напавшего со спины альба.

— Спасибо, — пискнула Итина в спину своему спасителю, переглянулась с подругой и — внезапно, с ещё опухшими от слёз глазами, среди поля боя — захихикала.

Марк, закончив с очередным альбом и аккуратно уложив его на клумбочку, оглянулся в поиске новых противников. Но, похоже, бои утихали.

Это что-то невероятное, внезапно понял он. Рены сражаются с ренами... Не насмерть, конечно, но — забавно было бы взглянуть сейчас на Форсу сверху. Такое столпотворение... Вон, на вышке, фигурки дежурных на смотровой площадке. Развлекаются.

Хорош. Все к тренировочному. Ликтор и Вартек там.

Марк вытянул шею, высматривая куратора с высоты своего роста.

— Шевелимся, — пробегающий мимо Ильдан чувствительно хлопнул его между лопаток. — Особого приглашения ждёшь?

Тренировочный корпус снова сурово смотрел на них из сумерек своими белыми окнами в чёрных стенах — так же, как в самый первый день, когда их, новобранцев-счастливчиков, привезли сюда сразу после распределения. Только вот теперь угроза в этом взгляде была вполне реальной.

Ортей остановил повстанцев чуть поодаль, не дав приблизиться ко двору. Прищурившись, он с подозрением оглядывал здание.

— Скопом, командир? — весело спросил Ильдан, подбегая. — Суматоха нам на руку...

— Мне... не нравится, — слегка запыхавшаяся Камайла остановилась рядом, хватаясь за своего старшего. — Что-то не так...

— Ясное дело, не так, — протянул Ортей. — Слишком уж они там спокойные, хоть и окружены. А Ликтору бы стоило поволноваться. Тут есть те, кто ему старика-альтера ещё не простил...

Он умолк и снова пристально уставился на здание.

— Орт! — выкрикнула Ивера и протолкалась к своему младшему через разросшуюся толпу. — Мы не нашли его. Хоть ты убей, нет нигде.

— Кого? — тут же живо поинтересовался Талат. — Кого не нашли?

— Илура, — тихо отозвался куратор. — И я тоже его нигде не вижу... Хорошо, обойдёмся. Чего на месте топтаться?

Приготовиться к неожиданностям — и вперёд, — пронеслось уже в голове. — Сначала форсы, остальные следом. Форсы, строй прорыв-два.

И они двинулись — в коробке из барьеров, осторожно вступая на ярко освещённый, окружённый с трёх сторон стенами здания двор...

Свет мигнул и погас. Несколько ренов вскрикнули. Марк и сам выругался сквозь зубы и возмущённо затряс рукой — пронзило острой болью, когда магия исчезла в момент подпитки.

Магия исчезла? Да быть не может!

— Блокатор! — заорал в полутьме голос Ильдана над ухом. — Орт, надо уходить...

— Нет! — отрезал куратор. — Вперёд! Бегом!

А потом начали раздаваться хлопки. Марк слышал, как бегущая впереди Азира охнула и схватилась за шею.

— Зира, что? — обеспокоенно выкрикнул он.

Девушка не ответила, лишь сделала еще несколько шагов — и начала падать. Марк едва успел подхватить. Краем глаза заметил, как поблизости упал ещё кто-то. И ещё. Дрожащей рукой он нащупал торчащую из шеи старшей толстую иголку с нитяным хвостиком.

Аккуратно кладите их в сторонку и бегите дальше, — велел голос Ортея в голове. — *Потом очнутся.*

Выругавшись сквозь зубы, Марк уложил Азиру на вымощенный чёрной плиткой двор и, пригибаясь, рванул дальше.

Кажется, до крыльца добежало меньше половины повстанцев. Ещё немало полегло в холле — хоть их было и в разы больше, чем оборонявшихся, без магии они оказались безоружными мишенями для усыпляющих дротиков.

Сообразительный Ильдан сразу же рванул к гардеробной стойке и с торжествующим криком выудил оттуда альба с игломётом в руках.

— Отлично, — похвалил Ортей вслух и добавил уже мысленно: — *Забирайте у них оружие! Используйте против них же!*

Освободив холл, повстанцы прорвались на второй этаж. Марк уже понял, куда им надо — эмоционал Ликтора маячил в самом конце коридора, в большом тренировочном зале.

— Забаррикадировались, — разочарованно бросил рубр из восьмой семьи, пробежав до дверей и двинув их плечом. — Что дальше?

Если подумать, мысленных команд куратора уже какое-то время не было слышно.

— Где Орт? — Аниса, подбежав и тоже попробовав дверь, махнула хорошо заметным в темноте хвостом длинных белых волос, высматривая одногодника. — Маркий, найди его, будь... А, уже не надо. Вот же придурок.

Ошарашенный Марк сначала попытался сообразить, чем заслужил такую характеристику, и лишь потом догадался проследить за взглядом альбы.

Из темноты коридора, ковыляя мимо дверей тренировочных залов, вынырнули Ильдан и Ромен, тащившие на себе Ортея. В слабом дрожащем свете импровизированных факелов блеснула металлом иголка в плече куратора.

Рены собрались у закрытых дверей, толкаясь в темноте и пытаясь решить, что делать. Кто-то предложил притащить из соседнего тренировочного зала массивное деревянное бревно для работы над равновесием, и использовать как таран. Ивера ответила резким отказом. Попытки докричаться до лидеров успеха не возымели: те молчали.

То и дело прибежали новые мятежники, сообщали, что блокатора нигде нет. Оно и понятно, подумал Марк. Ясно же, что аппарат там, за закрытыми дверями.

Несколько медиков суетились над Ортеем, пытаясь привести того в чувство. Марк некоторое время наблюдал, как один из них что-то вкалывает нотту в вену, ждёт и качает головой. Затем прикрыл глаза и принялся ощупывать эмоционалы за дверью. Альтерлидер и лидер Форсы оказались там вдвоём, без охраны — видно, все оставшиеся на их стороне бойцы были среди оборонявшихся. Но как ни прислушивался, Марк не мог ощутить хоть каплю страха или беспокойства. Напротив, оба казались довольны чем-то — будто всё шло по плану. И ему это очень не нравилось.

Он открыл глаза и оглядел собравшихся. С кем поделиться подозрениями? Жаль, не было рядом наставницы — она бы сразу поверила. Жаль, Ортей валялся без сознания — он бы разобрался куда лучше... Ивера казалась слишком занята — обсуждение дальнейших действий было в самом разгаре. Ильдан тоже принимал в этом совещании активное участие,

а сообщать о своём открытии атрам Марк считал бесполезным.

Тут его взгляд упал на беловолосую кураторшу пятой семьи, остановившуюся в отдалении, возле лежащего на полу Ортея. Он потянулся к её эмоционалу и мысленно позвал.

Привыкшая к подобному общению с Ортеем, Аниса тут же оглянулась, нашла его глазами и направилась к нему. Марк вполголоса объяснил ей ситуацию, не преминув упомянуть о своих смутных опасениях. Альба цыкнула, кинула в неподвижного Ортея сердитый взгляд и зашагала к Ивере.

Впрочем, последняя в тот самый момент решила выйти из себя: хлопнула в ладоши, призывая спорщиков вокруг к тишине и громовым голосом велела тащить бревно.

А в следующий миг, словно среагировав именно на это решение, щёлкнул замок в дверях.

Марк развернулся к медленно раскрывающимся створкам, вскидывая найденный в коридоре игломёт. Точно так же поступили и с десятком ренов вокруг.

В широком дверном проёме с поднятыми напоказ пустыми руками стоял Вартек. Марк перевёл взгляд на Иверу. Он видел, как у той дёрнулись губы — должно быть, собиралась отдать приказ стрелять, но в последний миг сдержалась.

— Будьте добры, зайдите, потолкуем, — раздался из глубины зала знакомый голос Ликтора. — Не бойтесь, никаких ловушек. Уверю вас.

Ивера оглядела мятежников и не допускающим возражений голосом велела:

— Только альбы. Остальным остаться, — но тут наткнулась взглядом на Марка и кивнула ему: — Нотт, ты с нами.

Марк переглянулся с Анисой и, не опуская игломёт, двинулся вперёд вслед за ней.

Этот тренировочный зал, в отличие от всех остальных, использовался больше для собраний и мероприятий и имел окна во всю стену. С крепкими частыми решётками и небьющимися стёклами, тем не менее пропускающими достаточное количество света — ночь выдалась лунной.

Марк ошибся. В зале было не двое форсов, а трое. Опытные нотты всегда умели скрывать свои эмоционалы.

Вартек отступил в сторону, словно галантно пропуская долгожданных гостей. Ликтор, покачиваясь с пяток на носки, торчал в самом центре зала, посреди одного из белых поединочных квадратов. За его спиной на широкой скамье стоял едва слышно гудящий серый ящик. А рядом с ним, по-хозяйски закинув руку на металлический корпус, расположился бывший альтерфорс Илур.

Марк почувствовал, что не был готов к этому. И тут же спросил себя: почему? Ведь видел же в тот день, когда случился так называемый «переворот» — видел отблеск лукавства в глазах якобы низложенного лидера! Видел мимолётную ярость на лице Ортея, тоже осознавшего, как его обвели вокруг пальца! Ортей знал. И — и всё равно?..

— Что *ты* здесь делаешь? — осведомилась Ивера больше с досадой, чем с удивлением. — Ты что, с ними заодно?

— Не надо, не надо делать вид, будто для вас это неожиданность! — картинно замахал руками Илур, не обращая особого внимания на десяток наставленных на него игломётов. — Будто бы я не слышал, как пол-короны судачит, что, мол, весь прошлый переворот — моих рук дело.

— Мы думали — надеялись! — что это всё бессмысленные сплетни, — с чувством

процедил один из альбов, рыжий куратор второй семьи.

— Как видите, не всеми сплетнями стоит пренебрегать, — развёл руками бывший лидер. — Тоже вам урок. Ладно, ладно! — поспешно добавил он, поймав сразу несколько взбешённых взглядов. — Не будем испытывать ваше терпение... А где Орт?

— Пал на боле боя, — фыркнула Ивера.

— Нехорошо, — Илур покачал головой. — Он — один из тех, ради кого всё затевалось... Несите его сюда. Вартек, антидот, пожалуйста.

Пока двое альбов волокли бесчувственное тело нотта в зал, а альтерфорс вкалывал ему препарат, Ивера лёгким кивком головы велела повстанцам окружить троих лидеров. Альбы послушно рассосались по всему залу вдоль стен, не опуская оружие. Ликтор и Илур насмешливо переглянулись, но смолчали.

Марк, повинувшись взгляду той же Иверы, остался у неё за спиной. Честно говоря, палец на спусковом крючке страшно чесался. Ему не верилось, что красноречивый интриган сможет привести достаточно веские оправдания всему этому балагану, чтобы не осталось причин выкрикнуть имя наставницы и засадить подлецу пару игл куда-нибудь, где побольнее.

Куратор тем временем пошевелился и сразу сел, морщась и хватаясь за голову. Огляделся, сделал круглые глаза, но тут же кивнул, словно самому себе, и под нос пробормотал: «Следовало ожидать...»

— Рад, что ты снова с нами, Орт, — улыбнулся как ни в чём не бывало Илур. — Начнём? Знаете... — он обвёл глазами мрачно уставившихся на него повстанцев. — Никакие экзамены, никакие тестирования не показали бы нам более точной картины в плане личных качеств кумсоринцев, чем эти учебные беспорядки. Да, учебные! — с нажимом повторил он, останавливая возмущённые возгласы. — Дайте объяснить, вопросы и пожелания потом. Я понимаю, что многим далось это нелегко, но оно того стоило, поверьте: теперь мы точно знаем, кто что из себя представляет. Как вы готовы и можете сражаться. Кто поведёт за собой, а кто за ним последует. Кто слепо подчинится, кто задумается. Кто будет биться за корону, кто — за друзей. И кому всё равно.

Марк не верил своим ушам. Какие, к чертям, учебные беспорядки? Абсурд...

Кажется, остальные думали примерно так же, потому что лишь мгновение спустя с другого конца зала раздался слегка подрагивающий голос Анисы:

— Все те рены — и наши, и ваши — которые валяются там, на земле... В которых засадили вашим снотворным, которых вырубил магией — они такое чем заслужили? Им ты как будешь объяснять, что всё, за что они бились, оказалось глупой постановкой?

— Они все живы, — вмешался молчавший до этого Ликтор, оглядываясь на девушку у себя за спиной. — А это главное. И у наших, и у ваших бойцов были чёткие инструкции не наносить лишнего вреда. Все они придут в себя. Восстановление после мелких травм и токсина из дротиков займёт считанные минуты, как только будет выключен блокатор.

Марк видел, как Илур при этих словах ласково погладил серый корпус людского аппарата. И заметил это не только он. Тут же взорвался возмущённым воплем куратор второй семьи:

— Блокатор! Вот именно! Как вообще вам в головы могло прийти использовать эту — эту чёртову штуку — против своих же?!

— О, это ещё что, — мягко усмехнулся Илур. — Какой, вы думаете, у этого красавца радиус действия? Взгляните-ка в окно. Я специально решил устроить нашу встречу здесь,

чтобы было... наглядно. Ничего не замечаете?

Марк вместе с остальными недоумённо уставился в окно. Что они должны замечать? На улице темень. Корону отсюда толком не видно. Густо усыпанное звёздами небо; полная луна за куполом. Он поискал взглядом знакомые блики на прозрачном поле — в лунные ночи их хорошо видно... Не нашёл.

— Где купол? — ахнул кто-то из альбов.

— Что? Купол? — в притворном удивлении завертел головой Илур. — О нет! Мы все умрём без купола! Ведь людей не очень-то волнует, что мы тут у себя слишком заняты внутренними разборками, правда ведь?

— Это перебор, — слабым голосом заявил Ортей в наступившей тишине.

— На самом деле всё, разумеется, под контролем, — объяснил Ликтор, слегка поморщившись — явно и сам был не в восторге от всей этой театральной мишуры. — Но вам полезно знать, что такая опасность тоже есть. От магии в короне зависит всё. Вообще всё. Не только боеспособность форсов. Не только энергоснабжение и инфраструктура. Нет магии — нет и единственного нашего щита от внешнего мира. Купол устойчив к блокаторам снаружи — но не изнутри.

— И это касается не только блокаторов, — многозначительно добавил Илур.

— И вы, — снова взъярился рыжий куратор, игнорируя последнее замечание, — зная всё это... всё равно притащили в корону эту штуку?

— Наглядный пример, — развёл руками Илур. — Лучше один раз показать, чем десять раз рассказать. Одна из причин, почему мы всё это провернули. Беспорядки бы всё равно начались, понимаете? С нашей подачи или нет, под руководством Орта или кого-то другого. Недовольные есть всегда, а чем труднее времена — тем их больше и тем они злее. У нас был выбор: позволить им протечь стихийно с непредсказуемыми последствиями или взять всё в свои руки. Дать кумсоринцам выплеснуть, что накопело. Дать увидеть, к чему это может привести. Чтобы в следующий раз, прежде чем предпринимать нечто подобное, они сначала задумались: а не закончится ли всё это полным хаосом под разорванным куполом?

Марк видел, как они сдаются — обескураженные, пристыженные, убаюканные гладкими речами бывшего лидера. Видел, как руки с игломётами опускаются всё ниже и ниже. Он-то свой держал прямо. У него ещё горело в груди, билось в виске единственным именем, и он еле сдерживал себя, чтобы не заорать его вслух.

— Опускайте оружие, — мягко подбодрил Илур, перебегая глазами с одного лица на другое. — Давайте расходиться, раз мы всё прояснили.

— Не всё, — сквозь зубы выдохнул Марк.

Все головы в зале повернулись к нему.

Успокойся, — раздался мысленный шёпот Ортея. — *Ты ничего не...*

— КАРИНА! — заорал Марк. — Её что — ради всех этих благих целей — просто так расход? Собственную подопечную?

— А, да, — с заминкой отозвался Илур; к мстительному удовольствию Марка, он выглядел слегка растерянным. — Понимаешь, Маркий...

— КАКОГО ЧЁРТА ВЫ ЕЁ ДЕРЖАЛИ В ОРНАМЕНТАХ ШЕСТЬДЕСЯТ ДНЕЙ?

— У меня были причины. Но взять и выложить их тебе сейчас я не могу, — невесело отозвался бывший лидер, глядя Марку прямо в глаза. — Верить или нет, она бы не умерла.

— ОНА ПОЧТИ УМЕРЛА! Если... — Марк заставил себя глубоко вдохнуть и понизил голос: — Если бы мы опоздали — если бы Ортей опоздал хоть на пять минут — если бы он

не смог, не поймал бы — нить...

— Я тебя понял.

Илур теперь смотрел без улыбки. Марк покрылся мурашками, осознав, что только что сболтнул при всех. Но тут же отмахнулся от этого чувства — всё не важно; ничего не важно, кроме того, что прямо перед ним стоит рен, который чуть не убил её...

— Не всегда то, что тебе кажется, является истиной, Марк — можно тебя так называть? — примирительно-убаюкивающим тоном начал Илур.

— Отставить! — рывкнула Ивера — должно быть, заметила, как дрогнул его палец на спусковом крючке игломёта. — Не вздумай стрелять, Маркий!

Двое альбов из числа повстанцев тут же выхватили откуда-то огнестрелы — в этот раз настоящие — и наставили на Марка.

Остальные в недоумении уставились на них.

— Не могли же мы оставить такое рискованное мероприятие без подстраховки, — раздражённо пояснил Ликтор.

— Зак... Лила... Вы чего... — ошарашенно спросила Ивера, переводя взгляд с одного предателя на другого.

Девушка с огнестрелом прикусила губу. Мужчина и бровью не повёл. Как удачно — несколько секунд все были слишком заняты этой сценой, и это дало Марку время...

— Ну и зачем ты оградился? — снисходительно усмехнулся Илур. — Не думаешь же ты, что я не в состоянии...

Сознание Анисы, стоящей за его спиной, тем временем активно сопротивлялось. Она не хотела стрелять; она боялась альбов с огнестрелами; она боялась гнева лидеров; она боялась за Марка. Но он был настойчив.

Щелчок. Второй.

Отлично.

— Ниса!.. — дружно воскликнули Ортей и Ивера.

— Что... — обескураженный Илур развернулся к девушке.

Третий, четвёртый, пятый — это уже сам Марк. Один дротик улетел мимо, зато другие два настигли Илура и Ликтора.

Альбы с огнестрелами осели на землю.

Давай же, мысленно подстегнул Марк Анису, стреляй!

Щелчок — но рука её дернулась в последний момент, так не хотела подчиниться. Промазала, понял Марк и, не задумываясь, выстрелил следом, прямо в замершего в недоумении Вартека. Обвёл глазами зал.

Ликтор и Илур тоже вырубались — последний, как и сидел, в обнимку со своим блокатором. Вартек всё ещё неверяще смотрел на торчащую из груди иголку. Повстанцы застыли в полном шоке. Выпущенный Анисой дротик засел в плече Ортея. Куратор поднял глаза на Марка, прошептал что-то явно нелестное и отключился почти одновременно с грохнувшимся с высоты своего роста Вартеком.

— Что... — дрожащим, таким несвойственным ей голосом произнесла в тишине Аниса. — Что ты сделал... Как...

Марк не мог ей ответить. Не знал, что именно; да и сил не было. Честно говоря, сил больше не было совсем. Он опустился на пол, ощущая, как его подхватывают чьи-то руки — но, кажется, не удерживают и роняют во тьму.

Цокот каблуков. Хотя и приглушённый специальным покрытием тренировочного зала, каждый удар всё равно отдавался словно молотком по изнанке черепа.

Свет. Чудовищно яркий для привыкших к мягкому лунному сиянию глаз. Достаточно яркий, чтобы осветить все подробности того, что он натворил.

— Просыпайся, герой, — знакомое женское лицо, немолодое, строгое; тугой узел светлых волос на затылке. Отвратительное ощущение ломающегося под напором постороннего нотта ограждения.

— Рассказывайте, кто кого, — вздохнула Юлона, убедившись, что Марк очнулся, и разворачиваясь к остальным.

Она была одна против десятка альбов; её начальство валялось без сознания на полу, а в коридоре толпились ещё повстанцы. Но она не боялась; она чувствовала их настроение; она была достаточно уверена в себе, чтобы точно сказать: никто её не тронет, а если кто и решится — те ей не ровня.

Иглометы небрежно отброшены в стороны. Серый ящик больше не гудит. Магия течёт по телу.

— Это он их? — кивнула Юлона на альбов с огнестрелами и на Марка.

— Я, — бесцветно отозвалась Аниса, сидящая на земле и закрывающая лицо руками.

— Нет, — прохрипел Марк, прокашлялся и выпалил: — Это я... я её заставил.

Юлона кинула в него очередной внимательный взгляд, но подробности выпытывать не стала. Прошлась по залу, вытаскивая отравленные иголки из кожи подстреленных. Задержалась возле Ортея.

— Его-то за что?

— Случайно, — буркнул Марк.

Аниса всхлипнула.

— Ох и наломали дров, — покачала головой нотта. — И что мне с вами делать, скажите на милость?

Все молчали. Отводили взгляды, словно готовы были провалиться сквозь землю. Марк сам был готов. Не дождавшись ответа, Юлона кивнула на лидеров:

— Я так понимаю, эти умники вам всё объяснили?

— В красках, — мрачно откликнулась Ивера.

— Уже хорошо. И вы всё поняли?

— Приняли к сведению.

Помощница лидера холодно улыбнулась. На секунду Марку показалось, что Ивере несдобровать, что её ждёт наказание за дерзость, и неслабое, но...

— Какие вы молодцы, — неожиданно мягко проворковала Юлона. — Такое потрясение, и так храбро держитесь, этот огонь в глазах... Пожалуй, вам не помешало бы время, чтобы всё обдумать, верно?

Все уставились на неё, ожидая подвоха.

— Я имела в виду именно то, что только что сказала, — рассмеялась она. — Ступайте по домам. Кому необходимо — постарайтесь добраться до лечебницы. Поразмыслите над услышанным, обсудите со своими семьями и друзьями. С опекунами, знакомыми. Думаю, пора прекращать эту вечную недосказанность. А я займусь... — она обвела глазами неподвижные тела. — Пострадавшими.

Кто-то — кажется, Ивера, — силой заставил Марка подняться на ноги и потянул прочь. Но он, не сводя взгляда с Юлоны, склонившейся над Илуром, вырвался из настойчивой

хватки и зашагал к ней.

— Что такое, атр? — она покосилась на него. — Ты свободен.

— Моя наставница, — с остатками злости в голосе прошипел он. — Рубра Карина...

— А, — Юлона небрежно махнула рукой. — Девочка получила за свою провинность сполна. Никто не будет снова запечатывать её в орнаменты, если ты об этом. Но наблюдение мы оставим, да. И, боюсь, — она резко вскинула глаза, — теперь не только за ней.

— Это понятно, — кивнул Марк, стойко выдержав взгляд.

Развернулся и пошёл вслед за товарищами, ощущая одновременно тяжесть в душе и опустошение.

Глава 26. Проведённая граница

Марк сам уже не помнил, что они думали, какие догадки строили, когда война только началась. Но одно знал точно: никто тогда не представлял, как надолго она затянется.

Сто пятьдесят дней. Тридцать пятидневий. И вот уже наступил день летней аттестации, а новости из внешнего мира всё ещё не внушают особого оптимизма; то в одной, то в другой стране вспыхивают стихийные восстания; блокаторы и обнаружители берутся словно из неоткуда, хотя все заводы по их производству нашли и закрыли; в Менд্রে всё чаще видят свободно передвигающихся по улицам монахов; в небольших городках страх наводят одиночки-сарбаниды...

Марк потряс головой.

— Атр Маркий!

Он положил книжку обложкой вниз на скамью — чёрт, зря он её вообще сюда принёс — и поднялся на зов экзаменатора. Сухощавая пожилая аргента окинула его придирчивым взглядом. Марк ответил сонным.

Какие глупости, проверять практические навыки из учебной программы у студентов, уже неоднократно побывавших в сражениях!

— Защищайся.

Самый простой удар — самый простой барьер. Косой удар — косой барьер. Удар вскользь — мягкое перенаправляющее поле.

— Ты забыл, как следует отбивать такие атаки, или решил проявить инициативу?

— Решил проявить, — вздохнул Марк.

— С какой целью?

— В настоящем бою, если нет необходимости экономить силы, лучше использовать мягкий барьер. Жёсткий вызовет отдачу и либо потребует опоры, либо даст риск потерять равновесие.

— А если есть необходимость экономить силы?

— Так сейчас же её нет, — озадаченно произнёс Марк.

— Так сейчас мы и не в настоящем бою, — отрезала экзаменатор. — Будь добр, атр, продемонстрируй мне своё знание программы, а не инициативность. Этой графы в аттестации нет. Понятно изъясняюсь?

— Вполне.

— Атакуй.

Карина улыбнулась ему со скамейки, как только он со свирепым лицом отвернулся от аргенты. С того злополучного дня прошло почти три пятидневья, а она до сих пор не восстановилась. И Марк ничего не мог с собой поделать — при каждом взгляде на эти похудевшие руки, обведённые тёмными кругами глаза и желтоватую кожу вспоминал полные отчаяния минуты, когда наставница лежала без сознания и без нити присутствия у него на руках.

Она, конечно, уже сцапала его книжку. Марк ещё раз обругал себя — принёс во двор машинально, читая на ходу. А ведь Ортей велел: никому...

— Можешь не рассказывать, — отмахнулась она, не дав ему рта раскрыть. — Аттестации всегда такие... оторванные от реальности. И у нас так было. Только не с чем было сравнивать.

Марк хмыкнул, уселся рядом и протянул руку за своей книжкой.

— Орт дал? — ровным голосом поинтересовалась она.

Марк кивнул. Ещё раз глянул на обложку, где красовалась надпись «Перекрёстные точки: спасители или разрушители»; спрятал от греха подальше за пазуху.

— Сказал прочесть очень внимательно, — проворчал недовольно. — Типа ценная информация...

— А сам что думаешь?

Марк фыркнул:

— Абсурд.

— Почему? — не унималась наставница.

— Ну, — он помолчал, собираясь с мыслями. — Сама идея... Люди, которые рождаются раз в несколько сотен лет, чтобы разруливать проблемы мира. Вселенная, которая протягивает сквозь них основные нити мироздания... Вселенная что — живое существо? Да даже если так, — он пожал плечами, заметив, как уголок её рта снова дёрнулся, — что за глупости — выбирать кого-то одного и давать ему в руки такую силу? А если он облажается? Почему не сделать сразу нескольких перекрёстков; почему не контролировать их, не направлять, вместо того чтобы предоставлять им полную свободу? В общем, или я туповат для этого, или...

Он умолк и осторожно покосился на наставницу. Ей явно было что сказать, но она медлила.

— Там так написано? — спросила она наконец. — Про силу и полную свободу перекрёстков? — Марк неуверенно кивнул. — Неверно написано. Человек-перекрёсток не может пользоваться своей силой, Марк. Он — инструмент. Но им могут воспользоваться другие — личности, достаточно сильные, чтобы управлять протянутыми через него нитями. А сам он не решает и не меняет ничего.

Она замолчала, наблюдая за сдающей свою аттестацию Камайлой. Судя по рассерженному лицу атры, у той были ровно такие же проблемы, что и у Марка до неё.

— Откуда ты знаешь? — тихо спросил Марк. — От Орта? Или от мендийцев?

— Отовсюду понемножку, — фыркнула Карина. — Ай, забудь. Всё ерунда.

— Ага, — Марк с облегчением выдохнул, откинулся на спинку скамьи, засунув руки в карманы, нащупал в одном из них шнурок и только сейчас вспомнил. — Слушай... Я вот подумал... Может, возьмёшь?

— Долго думал, — Карина без удивления и заминки приняла протянутый ей продолговатый камень на шнурке, чёрный и полупрозрачный. — Спасибо. Так будет намного проще.

Марк кивнул, чувствуя, что решимости задать второй вопрос не хватает. Тем более что Камайла уже закончила отбиваться от экзаменаторши и с выражением лёгкого недоумения на лице шагала к ним.

— Сдала, — сообщила она, приблизившись, и добавила вполголоса: — Это было... странно. Слушайте, а Орта же нет дома?

— До вечера не будет, — сообщила Карина. — Зачем он тебе?

— Нет, он мне не нужен. Наоборот, — Камайла заинтересованно покосилась на Карину, как раз накидывающую на шею шнурок. — А мы можем с вами втроём где-нибудь встретиться, пока его нет? Хочу кое-что рассказать...

— Давай, — отозвалась Карина. — Через полчаса в нашей комнате?

— Хорошо, — нервно улыбнулась Камайла и убежала — как-то уж слишком поспешно.

— Чего это она? — озадаченно поглядел вслед её Марк.

— Не знаю, — довольно равнодушно отозвалась рубра. — Идём. Полчаса на обед.

Она встала со скамьи, легонько дотронувшись пальцами до его плеча. По телу вполне предсказуемо пробежала волна жара. Марк вздохнул, поднялся и зашагал следом, понимая, что второй вопрос, похоже, не решится задать никогда.

Камайла закончила говорить и с ожиданием воззрилась на них.

— Ты с ума сошла, — объявил Марк.

— Н-да, рискованно, — пробормотала Карина. — Но идея интересная.

— Обрывать нить присутствия — это не интересно, — рассердился Марк. — Ты уже забыла, как три пятидневья назад после этого чуть не померла, Рина?

— Я тебе ещё раз повторяю, — скрипнула та зубами, — я её не обрывала!

— Не ссорьтесь, — торопливо попросила Камайла. — Я совсем про другое! Про то, чтобы оборвать только часть нити — только ту, что отвечает за магию...

— Ты вообще понимаешь, о чём говоришь? — Марк чувствовал, что теряет остатки терпения. — Как ты собираешься определить, какую именно часть и каким образом рвать? Как ты собираешься её потом восстанавливать?

— Я... — глаза астры округлились от испуга, но она глубоко вдохнула и храбро продолжила: — Я знаю как. Я нащупала.

— Нащупала? — ужаснулся Марк. — Майла, ты что... Пробовала — одна, без подстраховки?

— Не пробовала ещё, — замотала головой та. — Я хочу, чтобы вы меня подстраховали. Поэтому и рассказываю...

— Тогда как тебе удалось «нащупать»? — Карина подалась вперёд, вглядываясь в лицо младшей. Марк знал этот взгляд: его самого от такого мурашками прошибало.

— Я... видела. Во сне, — несчастным тоном закончила Камайла, отводя глаза.

— Во сне? — с облегчением понял Марк. — Так тебе просто приснилось, как это делает твоя твила?

Девушка угрюмо кивнула. Марк переглянулся с наставницей. Камайла не заикалась о своих способностях с того самого разговора, когда Ортей объяснил ей, что это такое. На неоднократных тренировках, пока она училась у Карины перемещать сознание, они втроём обсуждали многое — но не касались этой темы.

— А зачем она это делала? — поинтересовалась Карина вкрадчивым тоном, безумно напоминая Ортея.

— Она... — Камайла окончательно растерялась. — Можно я не буду объяснять? Она вообще очень странная. Я не понимаю почти ничего из того, что она делает... Но в этот раз она как будто нарочно мне показала, чтобы я поняла, запомнила и сама сделала. Давайте я просто попробую, а? Проследите же, чтобы ничего не случилось?

— Нет, — тут же отрезал Марк. — Я против. Нужно рассказать Орту. Кто знает, что у той шадиннанки на уме.

— Не нужно, — Карина снова мягко тронула его за плечо — словно нарочно, словно знала, что он теряет голову от её прикосновений. — Мы попробуем, Марк. При малейшей опасности отступимся. Ты же знаешь Орта — он-то будет экспериментировать до последнего!

Марк понимал, что она права; но он ещё и смутно ощущал, что у неё здесь какой-то свой интерес. Хотелось прижать её к стенке, выяснить, чего ей надо. Но не хотелось закатывать сцены при одногоднице.

— Только представь, — продолжала убаюкивать его бдительность наставница, — если получится... Это же возможность обмануть обнаружители, пройти через человеческие земли незамеченными! А если нужно будет — можно притвориться человеком...

— Не могу представить себе ситуацию, в которой придётся притворяться человеком, — проворчал Марк. — И один чёрт, у нас у всех астрики на руках.

— Не у всех, — помахала ладонями Карина.

Он с подозрением уставился на неё. Пожалуй, если бы она сейчас отвела глаза, он бы упёрся и отказался бы в этом участвовать. Но старшая смотрела открыто и честно. Да и Камайла рядом с ней чуть ли не подпрыгивала от нетерпения. Вот же настырные девчонки.

И Марк уступил, твёрдо пообещав себе не заигрыватьсья.

Виной ли были эксперименты с нитью присутствия или просто совпало, но в ту же ночь вернулись кошмары. Окаянное зеркало с неправильным отражением снова преследовало по пятам в тёмных коридорах — тоннелях? норах? — возникало из ниоткуда, в какую сторону бы он ни повернулся. Неведомая сила разжимала веки, вынуждала поднять голову, заставляла смотреть: полюбуйся, мол, что ты такое на самом деле. Гляди, что у тебя внутри. Пойми, какое ты *чудовище!*..

И снова, как в прошлый раз — ослепительный электрический удар, спасительная боль, тёплые тонкие пальцы на щеках, взволнованный шёпот: «Ну всё, всё... Просто сон».

Марк усилием воли заставил себя успокоиться, глубоко вдохнуть. Вытереть холодный пот со лба.

— Рина, — голос оказался хриплым и дрожал в такт колотящемуся сердцу, — я чудовище?

— Что? Нет! — возмущённо отозвалась она и добавила чуть погодя уже тише: — *Ты* — точно нет.

Он нашёл в себе силы посмотреть ей в лицо, в тёмную бездну глаз. Сейчас, после того, что он видел в проклятом зеркале, эта бездна совсем не пугала — напротив, успокаивала.

— Нормально? — спросила наставница.

Марк неохотно кивнул. Это значило, что она сейчас уйдёт. Но он так хотел, чтобы она осталась...

Карина, однако, лишь потянулась на свою половину, перетащила поближе подушку и одеяло и устроилась рядом с ним — почти, чёрт побери, вплотную.

— Спи.

Уснёшь тут, когда она так близко, что он слышит её дыхание, чувствует запах волос... Не совсем осознавая, что делает, он протянул руку к её лицу. Просто дотронуться — прикоснуться к тёплой щеке, ощутить подушечками пальцев эту тёмную кожу...

Наставница поймала его руку в считанных миллиметрах. Как заметила-то, с закрытыми глазами?

— Давай проведём здесь границу, — сонно пробормотала она, не выпуская его запястья. — Хорошо?

Ни капли раздражения или возмущения в голосе, лишь усталая доброжелательность.

— Хорошо, Марк?

Хотелось проорать: нет, не хорошо, я так больше не могу, мне это важно, нужно, необходимо!..

— Хорошо. Прости.

Само собой, с первого раза не вышло. Даже с подробными и, если верить Камайле, весьма понятными инструкциями, полученными от её твилы-шадиннанки... Интересно, у них там все так могут? Марк слышал, что шадиннанские ареносцы активно используют человеческую магию, схожую с мендийской, но никогда особо не верил этим слухам.

Что ж, давно бы уже пора понять, что в слухах куда больше правды, чем он привык считать.

Эту затею уже следовало бросить, как он и собирался сделать — но Камайла начинала дуться, лишь только он об этом заговаривал, да и мрачный огонь в глазах Карины не так-то легко оказалось потушить.

Положение осложнялось тем, что попытки можно было предпринимать только в отсутствие в шестом доме Ортея — да и то Марку не нравился подозревающий взгляд, который тот то и дело кидал на них троих в последние дни. Можно было не сомневаться, что куратор не поспежит на изощрённые наказания, если вдруг прознает о их новом увлечении.

— Не понимаю, — Камайла с размаху плюхнулась на пол и обиженно скрестила ноги. — Почему не получается? Ведь я же всё делаю... РИНА?!

Марк обернулся к наставнице. Та, слегка нездорового желтоватого цвета, привалилась к стене и тихо рассмеялась. И он не знал, чему удивляться больше: этому смеху, который он никогда раньше не слышал, или тем изменениям, которые произошли в её эмоционале.

— Как ты это сделала? — в изумлении спросил он.

— У тебя что, получилось? — вскинулась Камайла. — Ты сможешь вернуться?

Под их обеспокоенными взглядами Карина прикрыла глаза, выдохнула, словно успокаиваясь. А потом тихо спросила:

— Чем рен отличается от человека?

Марк с облегчением почувствовал, как её эмоционал возвращается в прежнее состояние. Старшая вернула себе магию.

— Магическим циклом, — отозвалась Камайла с видом отличницы. — Энергией, текущей по кровеносной системе...

— Вот его и надо рвать, — Карина открыла глаза. — Нить присутствия просто подпитывает цикл. Вливает в него магию. Пока он замкнут, он выдаёт в нас ренов — даже если энергия на нуле. Но если его разорвать... Так работают орнаменты.

— Так работает блокатор, — откликнулся эхом Марк.

— Но моя твила... — робко вмешалась Камайла.

— Показала тебе результат. И, может быть, один из способов его достижения. Один из, — Карина подалась вперёд. — Попробуешь, Майла?

Атра открыла рот, но ответить не успела — раздался стук в дверь.

— Ром, — сообщил Марк, мгновенно считав эмоционал за дверь, и пошёл открывать.

— Это самое, — пробормотал одноклассник, осторожно заглянул в комнату и быстро спрятал за спину очередную тетрадку. — О, Майла, ты что тут делаешь?

— Ей Орт сказал с нами позаниматься, — невозмутимо соврала Карина.

— А-а-а, — недоверчиво протянул Ромен. — А я думал, вы уже закончили со своими секретными тренировками...

— Ты что-то хотел? — быстро спросил Марк, краем глаза заметив, что Камайла собирается возмутиться.

— Да... Во-первых, Зира просила передать, чтобы вы с нами завтра поменялись по уборке. У неё отчёт в штабе.

— Не вопрос. А во-вторых?

— Потом, — Ромен попятился, не показывая исписанные листы, кинул ещё один взгляд на Камайлу и исчез за дверью.

— Я потом сам найду, заберу, — крикнул ему вслед Марк.

— Что заберёшь? — тут же спросила Карина.

— Да так, по учёбе... Майла, всё нормально?

— Бесит, — буркнула та. — Всё время пытается меня контролировать. Думает, раз я его девушка, то должна отчитываться о каждом шаге... Он мне ещё сегодня допрос устроит, сто процентов.

— Порви с ним, раз бесит, — посоветовала Карина.

— Эм-м, — атра покосилась на Марка. — Нет.

— Тогда давай начнём уже, — с некоторым раздражением поторопил он.

Кажется, девчонка плохо представляла себе, что это такое, когда кто-то по-настоящему контролирует каждый твой шаг.

Нилана, впрочем, тоже пыталась.

Своего жилья не было у многих ареносцев. А шумные, полные любопытных глаз или просто-напросто закрытые для чужаков, как в Форсе, общежития не всегда обеспечивали потребность молодых ренов в уединённом месте.

Всё это объясняло популярность часовых домов, без лишних вопросов сдающих номера в любое время суток и любому рену, окончившему школу (впрочем, Марк слышал о случаях, когда и школьники ухитрялись обойти возрастные ограничения). Тот, что облюбовали они с Ниланой, располагался в тихом районе Сервы и был, как казалось, спокойнейшим местом в короне.

— Так твоё наказание ещё не закончилось? — недовольно спросила девушка.

— Нет, я же говорил, — Марк закатил глаза. — Ещё четыре дня.

Они устроились в обнимку на диванчике, мягком и простом. Купленный по дороге ужин остывал на кофейном столике — пока было не до него. Сердце ещё колотилось в груди, постепенно успокаиваясь.

— Это нечестно, — помолчав, заявила Нилана. — Даже от твоей наставницы уже отстали.

— Я стрелял в альтера и лидера, — терпеливо напомнил Марк. — И... послушался приказа старших, — он не стал ей рассказывать про то, как подчинил волю Анисы. Слишком сомнительный подвиг. Она не поймёт.

— Мне кажется, этот твой куратор — он плохо на тебя влияет, — нахмурилась Нилана. — Зачем ты вообще его слушаешься? Во что он следующий раз тебя втянет?

— Лана! — Марк отстранился, поражённый до глубины души. — С ума сошла? При чём тут куратор? Они чуть не убили мою наставницу своими орнаментами!

— Просто так? — едко парировала девушка. — Но она ведь что-то натворила, да? Вот видишь, а ты мне даже не хочешь рассказывать.

— Мне нельзя никому рассказывать, — Марк чувствовал, что пора менять тему, иначе

он потеряет терпение. — И её вина очень сомнительна. Давай есть, холодное невкусно.

Он натянул футболку и отсел подальше. Не глядя, как одевается слегка обиженная Нилана, развернул свой пирог с мясом из «Деревянного». Принялся жевать, не чувствуя вкуса. Надо сказать, ощущения в последнее время вообще притупились — и дело касалось не только еды.

— Прости, — руки Ниланы нырнули ему под мышки, сцепились на груди; тёплая щека прижалась к плечу. — Я лезу не в своё дело. Я понимаю, тебе нелегко.

— Всё в порядке, — машинально отозвался Марк, едва удержавшись от того, чтобы не оттолкнуть её руки.

Если бы так сделала Карина, ощущения были бы совсем другими. Он мотнул головой, отгоняя постыдные мысли. Хватило того, что всего десять минут назад он малодушно представлял наставницу на месте Ниланы. Кошмар. Что бы она сделала, если бы узнала? Наверное, именно поэтому девушек-ноттов почти никогда не бывает...

— Я тут недавно такую нелепицу слышала, — неестественно бодро поделилась Нилана, отлипая наконец от его спины. — Наши девчонки говорят, будто бы в Форсе у наставников и учеников спальня общая... Скажи же, что это неправда?

— Спальни разные, — неохотно отозвался Марк.

Он прекрасно знал, что у него на лице написано гораздо больше, чем следовало бы. И что чуткая, когда ей приспичит, Нилана сейчас не просто так сверлит его внимательным взглядом.

— Ну я так и сказала им, что это чепуха. Интересно, откуда они вообще это взяли?

— Стена между кроватями убирается, — буркнул Марк, отлично понимая, что лучше бы помолчать.

Нилана застыла.

— Зачем?

— Ну, мало ли... Бывает нужно поговорить.

— М-м-м, — она помолчала. — И что, вам с наставницей... бывает нужно?

— Изредка. Слушай, перестань, — он сердито покосился на неё. — Это же чепуха, сама сказала. Мы с ней друзья — и всё. Здесь даже обсуждать нечего.

Ещё несколько секунд неуютного молчания.

— Я виделась с Тиной на днях, — уже не скрывая сердитые нотки, сообщила Нилана. — Она сказала, что...

— Да мало ли что сказала Тина! — взорвался Марк, разворачиваясь к ней всем корпусом. — Ты кому больше веришь, ей или мне? Чего ты хочешь от меня, Лана?

— Чего я хочу? — растерянно переспросила она, но тут же, к чести своей, взяла себя в руки. — Хочу, чтобы ты был со мной честнее! И чтобы если вдруг — ну, просто вдруг — ты заведёшь отношения с другой, то сразу же мне об этом сказал!

Марк смотрел на неё. Она была красивая, когда сердилась. Особенно сейчас, ещё растрёпанная и полураздетая... Та самая девочка, о которой он мечтал с одиннадцати лет.

— Хорошо, — согласился он. — Буду. Скажу.

И с отвращением понял, что снова врёт.

— Ром, — Карина вручила сидящему за обеденным столом атру листок бумаги и карандаш, — Зира хочет подправить график обязанностей. Напиши, когда у тебя дежурства и на какой вышке.

— Пятые говорят, наших всё-таки разбили в Вироше, — вздохнула Итина, опуская голову на стол.

— Орт придёт, узнаем, — буркнул Марк. — Чего гадать.

Карина забрала у Ромена листочек с писаниной и смылась наверх. Марк рассмеялся.

— Чего ты? — с подозрением уставился на него одноклассник.

— Заметил, она только тебя заставила всё это написать? И ты серьёзно думаешь, что твоя собственная наставница не в курсе, когда у тебя дежурства? Рине просто нужен был твой почерк.

— Зачем это? — озадачился Ромен, а потом вытаращил глаза: — Блин! Кто ей рассказал?

— О чём? — любопытно подняла голову Итина.

— Не я, — пожал плечами Марк.

— И не я, — сонно отозвалась Камайла. — Она вчера заметила тетрадку у тебя в руках. Я тоже её видела.

— И ладно уже тебе таиться, — Марк раздражённо посмотрел на одноклассника. — Хорошо же получается, все тебе говорят.

— Кто все? — простонал Ромен. — Кому ещё вы давали читать?

— Да вы о чём вообще? — рассердилась Итина. — Ну-ка расскажите!

— Вот видишь, ей не давали, — с невинным видом заметил Марк.

Камайла рассмеялась. Итина потеряла дар речи от возмущения. Ромен выглядел так, словно готов был провалиться сквозь землю.

В этом настроении и застал их Ортей. Небрежно хлопнул входной дверью, мазанул взглядом по четвёрке атров за столом.

Все вниз. Живо.

Марк подобрался и уставился на куратора. Тот, в своём обыкновении, привалился к дверному косяку и застыл, ожидая, когда шестые соберутся на кухне в полном составе.

— Задание? — так и подпрыгнул в нетерпении кубарем скатившийся с лестницы Талат.

— Оно, — подтвердил Ортей. — Вирош. Нужна подмога в охране одного объекта. Есть информация, что люди готовят на него нападение. Летим все. Ты тоже, — кивнул он Карине.

— Отлично, — равнодушно отозвалась та.

— Утром летим? — оживился Ильдан. — Во сколько?

— Утром, размечтались, — проворчал куратор. — Прямо сейчас. Живо собираемся — и за купол, на взлётную. Джесс — в переноску и оставьте во дворе, её потом заберут и отвезут в Тиару. Пайки раздадут в летуне. А, и да! — он взметнул вверх указательный палец, а потом ткнул им в Карину. — Велели предупредить вас насчёт этой. На сей раз мы все — все до единого — за неё отвечаем. Сбежит — будем вместе получать по ушам, и получать неслабо.

— Не собираюсь я сбегать, — тихо возмутилась Карина, покосившись на переглядывающихся шестых.

— Прошлые два раза ты тоже так говорила, солнышко.

Глава 27. Бесполезное сопротивление

Ливень совсем разбушевался. Тугие косые струи барабанили по барьерам, словно назло, словно пытаясь напугать чужаков, прогнать их обратно в корону.

Марк неуютно ёжился — одежда успела намокнуть за те несколько секунд, что прошли между высадкой из летуна и созданием барьера.

— Строй бросок-один! — выкрик Ортея едва можно было слышать за шумом дождя. — Бегом марш!

И форсы рванули к трёхэтажному зданию впереди, через залитую водой просторную площадку, поднимая чёрными ботинками тучи брызг.

Снимайте чёртовы барьеры, — с досадой велел голос Ортея в голове. — *Берегите силы.*

И правда, уже стало понятно, что барьеры почти не помогали — вода хлюпала в ботинках, да и штаны промокли по колено.

Марк опустил руку. Не по-виноски ледяные струи хлынули в лицо, за шиворот, заставив его на секунду задержать дыхание в страхе захлебнуться.

Но в этот раз смолчала даже Итина — хотя, возможно, просто из-за того, что не надеялась перекричать грохот ливня. Лишь бегущие впереди припустили ещё резвее, стремясь поскорее добраться до ограды здания.

— Кто такие? — гаркнул голос над ухом, стоило им, мокрым до нитки, ввалиться в просторное, неуютное помещение с штабелями деревянных ящиков вдоль бетонных стен.

— Пятая и шестая семья, — отозвалась Аниса и возмущённо уставилась на аргента у двери напротив. — Вас что, не предупредили?

— Предупредили, — проворчал встречающий. — Чёрт вас разберёшь, кто тут кто. Вы — в подвал, к заключённым. И поживее. Там всё объяснят.

Марк, придя в себя, быстро просканировал окрестности и опешил.

— Ничего себе, — пробормотал он. — Орт, да тут же...

— Да, народу стянули немало, — почему-то рассерженно откликнулся куратор. — Половину Форсы, пожалуй. Что за заварушка грядёт, командир?

— Просто сделайте, что говорят, — отрезал аргент. — Долго ещё топтаться будете?

Ортей вскинул голову. Марк решил, что сейчас тот начнёт препираться с грубияном-аргентом, но куратор лишь смерил старшего взглядом, ехидно усмехнулся и жестом велел своей семье следовать за ним. А секунду спустя, проходя мимо, Марк понял, что его развеселило: аргента буквально колотило от страха.

За широкими металлическими дверями обнаружился ещё один зал — просто огромный, полутёмный. Пасмурный свет проникал сквозь обширные зарешёченные окна и ложился на странного вида машины, на торчащие в беспорядке обрывки проводов и кабелей, обломки труб и трубочек. Очевидно, здание раньше было фабрикой.

Чем же оно являлось теперь, раз на его защиту пригнали стольких ренов?

Ответ на этот вопрос ждал их, когда они сбегали вниз по ступенькам в подвал, тёмный, с низковатыми потолками и бетонными колоннами тут и там. С крупным, смутно знакомым прибором посреди комнаты, от которого тянулось множество проводов с пластинками на концах, а ещё целый пучок уходил вверх, через отверстие в потолке. И — с толстыми

металлическими прутьями от пола до потолка вдоль стен, отделяющими тюремные камеры.

Марк переглянулся с Кариной. За прутьями, на деревянных ящиках, по-видимому, служивших койками, угадывались человеческие фигуры. Сбитый с толку обилием эмоционалов, Марк не заметил, что некоторые из них принадлежали не ренам.

— Студенты! Наконец-то, — воскликнула женщина-аргента, выглядывая из-за одной из колонн. — Сюда. Слишком долго добирались.

— На улице небольшой дождик, — сообщил Ортей. — Алих еле сел.

— Главное, успели, — аргента покосилась на молчащий звуач, подвешенный на одной из колонн. — Десятеро, быстро к протеру. Будете подпитывать, пока не включат блокатор.

Марк вспомнил, где видел прибор, что сейчас тихо гудел, опутанный проводами, на полу. Этой весной они с наставницей лично везли уменьшенную копию ритму-опорнику Никесту.

— А потом? — поинтересовалась Итина в своей бесцеремонной манере. — Когда включат? Бездельничаем?

— Хочешь на передовую, атра? — прохладным тоном осведомилась старшая.

— Нет, я не...

— А если люди проникнут сюда? — перебил Ильдан, хлопая свою ученицу по плечу. — Ведь это же и есть их цель, правда? Что нам делать тогда?

— Боюсь, в таком случае вы уже ничего не сделаете. Но в теории — не дать им увести пленников. Это действительно важно. Не думаю, что дойдёт до такого, — поспешно добавила она, заметив взгляды студентов. — Над зданием купол. Протер-накопитель может питать его даже при включённом блокаторе около трёх часов. В здании — три каранта самых опытных форсов... Прекратить! — внезапно рявкнула она, углядев, как девчонки из пятой семьи сушат одежду магическим полем. — Не смей тратить энергию зря!

— Мы мокрые насквозь! — возмутилась атра побойчее.

— Терпите! Не можете — марш наверх. На третьем ярусе — кладовка с одеждой для этих, — она кивнула на пленников за прутьями камер.

Атра обиженно фыркнула.

— Ещё вопросы? — обвела их глазами аргента. Шестые и пятые помотали головами. — Я наверх. Альбы, кто будет за главного?

— Я, — без заминки объявил куратор. — Альб Ортей, шестая.

Аргента ещё раз окинула их недоверчивым взглядом и скрылась из виду.

— Длинный узкий коридор, — объявил Ортей, прохаживаясь по помещению, пока десятеро форсов под присмотром Анисы разбирались с энергосборниками. — Заходить будут по одному. Лёгкие мишени. Прячемся за колоннами и стреляем.

Сборник сначала никак не хотел слушаться и принимать энергию из ладони Марка, но потом словно проснулся, довольно дрогнул и присосался к точке выхода. Марк покосился на наставницу. Ему не нравился её вид — желтоватый, уставший. Всё-таки рано ей на задания. А Ортей её ещё и к протеру сразу, нет чтобы дать отдохнуть...

— Кто будет заходить, командир? — весело хохотнула рубра из пятых. — Сказали же: до такого не дойдёт. Как они сквозь купол-то прорвутся?

— Мало ли что вам сказали, — фыркнул куратор. — Или думаете, люди совсем дурачки — переться на штурм здания, зная, что его оборону невозможно пробить?

— И вообще, каждый раз, когда нас уверяют, что всё пройдёт гладко, случается какая-нибудь ерунда, — пробормотала Камайла справа от Марка.

Время тянулось; звуач на колонне молчал. Марк от нечего делать принялся вглядываться в малоподвижные фигуры заключённых за решётками. Что же это за люди такие, ради свободы которых человеческие командиры готовы пойти против трёх карантов боевых магов? Может, какие-нибудь генералы или другие важные шишки. Не разберёшь — все в одинаковых просторных штанах и рубахах серого цвета, а лица скрыты в полумраке камер.

— Почему у них эмблема Ритмы на одежде? — внезапно спросила глазастая Итина.

— Отношения между Ареносой и людьми регулирует Ритма, а не Форса, — ровным голосом заметила Аниса.

— Отношения, — хмыкнул Талат и хотел, по всей видимости, добавить что-то ещё, но тут звуач затрещал и выплюнул:

— Алерт! Противник на горизонте. Все на позиции.

Протер громко щёлкнул и взвыл — Марк буквально почувствовал, как по толстым проводам течёт на верхние ярусы энергия. Над тюрьмой поднимали купол.

— Начинается, — пробормотал кто-то из пятых.

Камайла тихо ойкнула. Марк и сам прикусил губу, когда сборник болезненно впился в ладонь.

— Меняемся по одному, — велел Ортей. — Рина первая.

Марк обеспокоенно проследил, как наставница с облегчением отнимает руку от пластинки сборника и, слегка пошатнувшись, уступает место Азире.

Наверху снова гроыхнуло.

— И не жалко им снарядов? Зря только тратят, — пробормотал Ромен.

Они прислонились к одной и той же колонне с двух сторон и разглядывали людей в камерах.

Сидящие у протера дружно охнули. Излучение блокатора ударило тошнотворной волной. Лампы на потолке, и без того тусклые, мигнули и погасли совсем, но почти сразу зажглись снова — через одну и слабым, дрожащим светом. В наступившем полумраке Марк неожиданно ясно осознал всю величину и тяжесть здания над головой, ощутил, как оно давит на него — на них всех, словно пытаясь задушить, раздавить насмерть...

Он сердито тряхнул головой. Чёртов блокатор. Надо срочно отвлечься. Всё равно ни он, ни кто-либо другой в этом помещении сейчас ничего не изменят...

Ромен, кажется, полностью разделял его мысли, потому что кивнул на пленников и что-то сказал. Марк не расслышал, что именно — уши заложило. Зевнул, потряс головой, переспросил.

— Говорю, смотри, как всполошились, — повторил одноклассник слегка дрогнувшим голосом.

Многие из людей, действительно, повскакивали с мест, вцепились в толстые прутья или остались сидеть на своих ящиках, но подняли головы — лица белели в полутьме.

— Только вряд ли они болеют за нас, — фальшиво усмехнулся Марк.

Он осторожно скользнул мыслями прочь, за пределы подвала, за стены тюрьмы... От множества человеческих эмоционалов пошла кругом голова.

Снова что-то взорвалось. С потолка посыпалась пыль.

Ромен, будто ничего и не случилось, отлепился от бетонной колонны и направился к ближайшей камере. Марк опустил на пол и с любопытством проследил, как одноклассник

подходит почти вплотную к мужчине за решёткой и что-то спрашивает. В Кумсоре молодых ренов учили основным языкам семи стран, из которых в корону прибывало пополнение, но с вирошским у Марка всегда было всё печально, да и сквозь грохот сверху мало что удалось расслышать.

Получив сухие, короткие ответы на несколько вопросов, Ромен вернулся на прежнее место.

— Что он сказал? — поинтересовался Марк.

— Это не военные, — бесцветно ответил одноклассник. — Это местный «Мост». Несколько служащих, мелкий персонал и родные.

Марк удивлённо поднял брови. «Мост», значит. Человеческая организация, созданная после прошлой войны и всё это время якобы поддерживающая мир между Ареносой и людьми. Следящая за выполнением договора. Якобы.

— Это многое объясняет, — пробормотал он после заминки.

Ещё один быстрый взгляд сквозь стены. Купол цел. Людей вокруг ещё больше. Страшная суматоха. Три часа, сказала аргента. Три часа купол простоит — но что потом?

Он оглядел зал. Товарищи тоже разбрелись по сторонам, посматривая то на гудящий протер, усердно качающий запасённую энергию наверх, то на застывшего у входа в подвал Ортея. Карина, поймав взгляд младшего, молча подошла и села рядом. Марк прикрыл глаза — внутри потеплело и стало спокойней.

— Обидно, наверное, возвращаться на родину вот так, — обратился Марк к Ромену, снова стараясь заполнить грохочущую паузу. — Ты же из Вироша?

— Я здесь не был с тех пор, как меня увезли в корону, — меланхолично отозвался тот. — Так что не больно-то и обидно.

— Не был? — озадаченно переспросил Марк. — Ты разве из приюта?

— Нет. Просто никогда даже не приходило в голову возвращаться... к этим.

— К людям?

— Не к людям вообще, — Ромен печально усмехнулся и повысил голос, перекрикивая очередной взрыв. — Так-то я понимаю, что они в большинстве своём неплохие. К родителям. Вот они у меня были... не очень.

Марк неопределённо хмыкнул и покосился на наставницу. Кажется, одноклассник не знал, что она здесь и слушает. Не в его привычках было делиться таким со всеми подряд. Кроме того, в памяти всплыли несколько сцен из рассказов, что он раз за разом приносил Марку читать — весьма неприятных сцен про людские семьи. Чёрт побери, неужели он это не придумал? Неужели с раннего детства и до сих пор всё помнит?

Карина тихо прижалась щекой к его плечу. Сделай она так в другой обстановке, Марк бы рассердился. Но сейчас было просто... тепло.

И как назло, именно в этот момент всё изменилось.

Выругался сквозь зубы Ортей. Хлынули со всех сторон злость и отчаяние ренов, смешанные с азартной радостью людей.

Купол пал.

— Противник у стен! — вопил звукач со своей колонны. — Второй и третий ярус, стрелять из окон! Первый ярус — НЕ ПУСКАТЬ В ПОДВАЛ!

— Приехали, — тихий голос Анисы прозвучал криком в наступившей тишине.

— Огнестрелы наготове, — спокойно, почти лениво велел Ортей. — По команде — в

укрытие за колонны и валим всех, кто появляется в коридоре. По одному. Как я уже говорил.

Звуки пальбы, до этого приглушённые, раздалась совсем близко, над головой. Сначала редкие, переросли в непрекращающийся громовой треск. Справа послышался женский смех. Марк повернул голову — во второй по счёту камере смеялась сидящая на своих ящиках женщина с длинными распущенными волосами.

— Алерт! — выкрикнул Ортей, и форсы поспешно попрятались за колонны, прислушиваясь к звукам стрельбы и шагов. — Актет!

Марк видел, как Карина высунулась из-за угла бетонного столба, но тут же нырнула обратно. Выглянул сам — коридор был пуст. Наспех проглядел окрестности на предмет чужих эмоционалов. Они были совсем рядом, человек двадцать, но...

— Где они, Орт? — выкрикнул Анисин голос.

— Не туда спустились, балбесы, — хмыкнул куратор. — Там, за стеной, ещё одно помещение. Не радуйтесь, сейчас поймут и... Чёрт. Всем ЛЕЧЬ!

БАХ.

Марк за секунду до взрыва послушно рухнул на пол, прикрывая голову руками, и не напрасно — по правой ладони, прямо по астрику, тут же пребольно засадило обломком бетона, содрав кожу.

На два часа от меня, — раздалось в голове. — *Огонь!*

Не особо задумываясь, Марк вскочил на ноги; прищурился, выпустил три заряда в густое облако пыли там, где раньше была стена с камерами, и позволил наставнице утянуть себя за колонну.

— Ой, блин, — опомнился он. — Там же эти, пленные... А мы стреляем.

— Уже не важно, — мрачно отрезала она. — Сам посмотри.

Марк осторожно высунулся. Пыль почти улеглась, и можно было разглядеть обширный пролом в стене второй и третьей камер. Мужчина в третьей в момент взрыва, должно быть, стоял у прутьев — теперь он лежал на полу, вопя от боли. Женщина во второй, та самая длинноволосая, что хохотала, заслышав стрельбу, явно была мертва.

За обломками стены Марк ясно чувствовал эмоционалы человеческих солдат — но заходить те почему-то не спешили.

Не высовываться, — предупредил Ортей.

Из-за соседней колонны выскочил Ильдан, стремительным движением швырнул что-то в сторону противников и метнулся прочь.

Стук металла о бетон, грохот, крики.

— Трое готовы, — процедил вслух куратор. — Чёрт, всего трое... Ниса — давай-ка...

Он резко оборвал сам себя, словно к чему-то прислушиваясь.

А через секунду почувствовал и Марк: среди эмоционалов людей за полуразрушенной стеной появился ещё один — совершенно необычный.

Он не успел осознать, чем именно тот был необычен — мысли словно утекли прочь, оставив звенящую пустоту. Тело окаменело. С огромным трудом, из последних сил он ухитрился повернуть голову — и увидеть искажённое ужасом лицо наставницы.

Но чего здесь бояться? Ведь всё хорошо.

Волна сладкого спокойствия окутала тело и разум. Как же давно он не чувствовал себя таким свободным, таким расслабленным, таким... счастливым.

Но какое же это счастье? — вкрадчиво спросил еле слышный голосок откуда-то из глубины. Разве это счастье — бездействовать? Стоять как истукан с глупой улыбкой на лице,

пока всё успешно летит под откос? Счастлив ли ты будешь потом, когда всё это закончится — если каким-то чудом останешься в живых?..

И тело проснулось. Чувствительность вернулась вместе с болью и тревогой — но лучше так.

Марк сделал шаг. Потом ещё один, и ещё. Поднял голову.

Пожилой, но крепкий человек взирал на него с лёгким удивлением и интересом. Насколько удалось рассмотреть в тусклом свете, его загорелое лицо было усеяно морщинами и украшено короткой седой бородкой. Добраться же до тёмных, глубоко посаженных глаз взгляд не мог — и, кажется, вовсе не полумрак был тому причиной. Рассмотреть, что скрыто в их глубинах, не получалось, потому что сам человек этого не хотел.

— Великолепно, — заметил человек по-авийски. — Уже сопротивляешься.

Марк, решив не вдумываться в смысл этих слов, поднял огнестрел и нажал на спуск. Оружие в руках глухо щёлкнуло. Мысленно выругавшись, он негнушными пальцами повернул барабан и выстрелил снова. С тем же результатом.

Человек усмехнулся — усмешка вышла бы добродушной, если бы в ней участвовали его глаза — и двинулся к нему. Марк хотел отступить, но на этот раз тело твёрдо отказалось слушаться. Старик приблизился вплотную, обошёл кругом, словно рассматривая товар. Хлопнул по плечу — одобрительно, что ли? И направился дальше.

Краем глаза да ещё мысленно Марк видел, как странный человек переходит от одного рена к другому, будто на праздной прогулке, внимательно разглядывая каждого. Дольше всего он задержался возле Ортея и Камайлы, всякий раз довольно хмыкая, но не произнося не слова. К Карине подошёл в последнюю очередь.

Марк, ощутив, как страх затапливает от макушки до пяток, приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы повернуть голову. Старик с улыбкой смотрел на рубру; та глядела в ответ с ненавистью.

— Ещё не время, — наконец произнёс он и погладил её по голове, словно ребёнка.

Карина судорожно вдохнула и согнулась пополам, опираясь ладонями на коленки. Человеческий маг вернул ей свободу движения.

Давай же, мысленно умолял её Марк, сделай что-нибудь! Ты здесь единственная, кто может!

Но наставница лишь молча и неподвижно следила, как старик обходит подвал по кругу, открывая камеры... Точнее, выламывая толстые решётки одним движением руки, словно те были сделаны из хрупкого льда, а не из стали.

— Ри... на... — прохрипел Ортей где-то за пределами поля зрения. — Давай... же...

Рубра оглянулась на него. Теперь её лицо ничего не выражало, как и голос:

— Бесполезно. Это монах, Орт. Один из самых.

Старик задержался у очередной камеры. Вырвал решётку, небрежно отбросил её в сторону и зашёл внутрь, чтобы через пару секунд вернуться, поддерживая под локоть немолодого, полноватого и одутловатого человека весьма измождённого вида.

— Благодарю, руководитель, — забормотал тот по-авийски, не по-вироски. — Большая честь, что вы предприняли такое... ради одного меня.

Старик, не отвечая, бросил властный взгляд на двух других пленников; те с готовностью подхватили толстяка и повели к выходу из подвала.

Стрельба наверху, кажется, затихала. Последние беглецы вереницей стекались в коридор, к выходу. Слишком спокойно и целенаправленно — очевидно, тоже попались под

внушение монаха.

И лишь некоторое время спустя Марк наконец ощутил, как уходит из тела оцепенение, уступая место безумной слабости. Он рухнул на колени. То же самое, если верить слуху, сделали и многие другие — под судорожные всхлипы и невнятные растерянные возгласы.

Злой голос Ортея за спиной объявил:

— Это. Полный. Провал.

Глава 28. Оборванные нити

Тяжёлые металлические створки с лязгом захлопнулись, в пазы лёг засов.

— Теперь объясняйте, — командир-авр свирепо повернулся к семьям.

Они успели. С приключениями, но покинули наконец подвал и прорвались на второй этаж до того, как отступающие форсы сдали лестницу.

— Сплоховали мы, — развёл руками Ортей. — Упустили пленных. Просто не смогли ничего сделать.

— А пытались?! — яростно рявкнул авр.

— Командир, — вмешалась Аниса, — правда! Не знаю, что это было — гипноз или какой-то новый механизм вроде блокатора, но мы и пальцем не могли двинуть! Почти никто, — она кинула неприязненный взгляд на Марка — до сих пор не простила ему тот фокус в тренировочном зале. — А кто сопротивлялся, у тех огнестрелы просто не стреляли! Осечка за осечкой...

Рубры и атры согласно закивали. Форсы за спиной командира переглянулись.

Авр выдохнул, прикрыл глаза на пару секунд и уже спокойнее осведомился:

— Мендийцы?

— Вероятно, — осторожно протянула Аниса.

Командир хмыкнул и нашёл глазами Карину.

— Это же ты, — грубо окликнул он её. — Говори, мендийцы там были?

— Да, — отозвалась та. — *Один* из них.

— Почему мы сдали первый ярус? — напряжённо спросил Ортей, воспользовавшись паузой. — Как будем выбираться?

— Здание окружено, всё равно не прорвёмся, — неохотно объяснил авр, развернулся и жестом велел следовать за ним. Уже на ходу продолжил: — Нам нужна крыша. Алихи летят на подмогу, попробуют нас вытащить. Но есть один нюанс...

— Крыша тоже занята людьми, — усмехнулся Ортей.

— Именно. Мало того, блокатор у них. Мои ребята видели, когда пробовали проскочить.

— То есть, — выкрикнул на ходу Ортей, — наша задача — отбить крышу и уничтожить блокатор?

— Вообще-то это наша задача, — проворчал авр, останавливаясь у лестницы на третий ярус. — Студентов в плане действий нет.

— Но мы можем попробовать, — Ортей состроил невинное лицо.

— С чего ты вдруг решил, будто вам удастся то, чего не удалось моим ребятам, нотт?

— Да так, есть пара козырей, — уклончиво ответил куратор.

— Нет. Никаких студентов в бою.

Снаружи давно стемнело; стрелки часов перевалили за полночь. Скучно освещённый коридор на третьем ярусе был битком набит форсами.

Марк с тревогой проследил, как пара медиков укладывает на пол у стены молодую альбу. Голова девушки безвольно моталась, а на полу, куда опустилась её рука, тут же расплзлась тёмная лужица. Один из медиков, поймав вопросительный взгляд командира, поднял скрещенные руки.

Марка передёрнуло. Устав велел сжигать павших — особенно на вражеской территории. Но устав не предполагал подобных ситуаций на верхних этажах человеческих строений.

Он отвернулся. Всё равно в царящей суматохе он не имел ни малейшего шанса пригодиться. Наткнулся глазами на Ильдана — тот подсвечивал электрическим огоньком плакат на стене и с живейшим интересом его разглядывал.

— Выяснили, что с куполом? — послышался требовательный голос командира за спиной.

Марк не стал слушать сбивчивые объяснения растерянных форсов, которые легко можно было бы заменить одним-единственным словом «нет». Он мог бы сказать, что с куполом. Дело было вовсе не в том, что ему бы не поверили. Просто для форсов поверить в то, что один-единственный мендиец способен играючи обойти сопротивление трёх отборных карантов, означало признать полное поражение.

— Тогда, в Осе — ты сказала, они раньше не имели права вмешиваться? — тихо произнёс он, обращаясь к рядом стоящей наставнице. — То есть, в прошлую войну они бездействовали?

Сначала ему показалось, что Карина не услышала вопрос. Но, чуть помолчав, она всё же отозвалась:

— Теперь понимаешь, почему мне нужно было у него об этом спросить?

— Всё ещё не понимаю, почему не выстрелила.

Он сжал зубы и побрёл прочь — сквозь суетливую толпу, к замершему у своего плаката Ильдану.

— Они здесь делали блокаторы, — воскликнул тот, заметив Марка у себя за плечом. — Эти чёртовы умники проектировали и собирали свои проклятые штуки здесь! Смотри, текст на мендорийском и авийском. Ни слова на вирошском — местные-то в этом ничего не смыслят! Их просто использовали как территорию и рабочую силу...

У Марк язык чесался ответить старшему резкостью: ну и что, какая к чертям разница теперь, когда все они заперты в ловушке людям на милость, монахам на потеху? Он сдержался, выдавил из себя довольно фальшивый удивлённый возглас.

— Взрываем люки! — пронёсся по коридору приказ. — Иначе никак.

— Перекрытия слабые! — тут же запротестовал кто-то. — Обвалятся...

— ИНАЧЕ НИКАК! — рявкнул командир.

— ...Наши двери — всё, — протрещал звуач у него в руке. — Сдаём второй ярус, идём к вам...

— Тем более, — буркнул авр и снова прикрикнул на подчинённых. — Ну?! Взрывачки где?

— Мертвы, — устало произнёс аргент-нотт. — Снова провал.

Командир выругался.

Грохот выстрелов в дальнем конце коридоров стал чаще. Марк нервно оглянулся. Рано или поздно люди всё же прорвутся, и выжившие форсы окажутся зажатыми между двумя их группами в тесном коридоре.

— Может, всё же оставим их на алихов? — предложила аргента, та самая, что встречала их в подвале. — С воздуха проще...

— У грузовых алихов всего несколько лёгких снарядов, — процедил командир. — Они не рискнут подлетать близко без защитных барьеров — их могут сбить, и тогда мы точно

никуда не улетим. И нет у нас времени их ждать, поймите уже!

— Давай мы попробуем! — в который раз настойчиво повторил Ортей. — Ты только что потерял ещё троих — сколько ещё должно погибнуть, чтобы ты нам поверил?

— Студентов в бой — только в самом крайнем случае, — пробубнил авр.

— Сейчас самый крайний! — внезапно взорвался Ильдан. — Крайнее только когда мы все тут дохлые будем валяться!

— Пусти их, Род, — вмешался другой авр. — Терять нечего.

Сомнение на лице командира было таким явным, что Марк и не надеялся на его согласие. Но, помолчав, тот всё же кивнул.

— План, нотт?

— Один отвлечёт внимание, — тут же с оживлением принялся тараторить Ортей. — Побежит к блокатору с взрывачкой. Двое с огнестрелами прикроют его. А мы со вторым ноттом... — Марк почувствовал на себе взгляд куратора. — Постараемся не позволить противнику стрелять по бегущему.

— Каким образом?

— Секретные техники ноттики, — убедительно развёл руками Ортей. — Долго объяснять.

— В костре я видал ваши техники, — проворчал авр и остановился взглядом на Марке. — Так, стоп... Второй нотт — это атр, что ли?

Ортей закатил глаза, видно, предчувствуя очередную порцию упрямства. Но тут в конце коридора ощутимо громыкнуло, что и стало лучшим доводом.

— Всевышний с вами, пусть атр, — сплюнул командир. — Прикроют мои ребята. Кто доброволец бежать?

— Я, — немедленно выпалил Ильдан.

— Нет, — внезапно вскинулась Карина. — Орт, нет, только не он...

— С ума сошла? — возмутился Ильдан, в упор глядя на одногодницу. — Думаешь, я тоже самоубийца?

— Ай-ай-ай, — притворно покачал головой Ортей. — Вечно она фигню всякую думает, да? Но ты, — его указательные палец ткнулся Ильдану в грудь, — давай без глупостей.

Рубр хмыкнул.

— Быстрее! Время, — напомнила аргента.

— Да, всё, — Ильдан запрыгнул на лестницу, над которой темнел квадрат люка, и вытащил из-за пазухи взрывачку. — Всем назад, лечь!

И дальше Марк толком не успевал осознавать, что происходит вокруг. Не отгремел ещё взрыв, как Ильдан исчез в облаке дыма наверху, двое альбов-стрелков метнулись следом — и вот уже Ортей тащит его самого вперёд, а руки хватаются за металлические перекладки, подбрасывают тело вверх, в неровный провал потолка...

А там, наверху — свежий прохладный ветерок, пахнувший дымом и недавним дождём, звёздное небо, звуки выстрелов со всех сторон, крики, и — удаляющаяся спина Ильдана, которого нужно защитить. Не дать им в него стрелять.

Не смей в него стрелять!

Тишину теперь нарушали только выстрелы совсем рядом — незнакомые альбы одного за другим снимали неподвижных человеческих солдат, затаившихся в своих укрытиях. Но их так, чёрт побери, тут было много, а звёзды — они мерцали уже не только над головой, а повсюду перед глазами...

Либерт, — шепнул голос Ортея в голове. — *Отпускай, а то вырубишься.*

Марк с облегчением оборвал невидимые нити контроля, упал на колени, задыхаясь от боли в висках, завертел головой. Тёмные фигуры форсов уже мелькали между бетонных будок и толстых труб. Снова началась перестрелка. Марк провёл в воздухе рукой — магии не было. План Ортея провалился? Ильдан не добежал до блокатора?

Сверху слышался нарастающий дробный гул — может, один из летунов, что прилетели за ними... Или наоборот?

— В порядке, атр? — на плечо легла чья-то рука.

Марк заторможенно повернул голову. Медика с тревогой вглядывалась в его лицо.

— Д-да, — с опозданием отозвался он. — Да. Мне просто надо...

— Я его заберу, — Карина появилась словно из ниоткуда и рывком заставила встать на ноги.

Марк ответил слабой улыбкой на её обеспокоенный взгляд и позволил утянуть себя за руку вперёд, туда, где угадывались если не силуэты, то эмоционалы пятых и шестых.

Скорее повинуясь интуиции, чем осознанно, он успел нырнуть за бетонную стену очередной будочки и увлечь за собой наставницу — за секунду до того, как по бетону чиркнул снаряд. Задрал голову: в паре десятков метров, молотя по воздуху винтами, висел небольшой примитивный летун. Даже неискущённому глазу было заметно, что этот — не чета мендорийским, с которыми пришлось иметь дело в Осе. Но сейчас, без магии...

Стараясь унять дрожь в руках, Марк вскинул огнестрел и выстрелил почти наугад. К счастью, так же поступили ещё несколько форсов — кому-то повезло, и из-под обшивки машины взметнулся в ночное небо сноп искр. Под градом пуль алих неуклюже развернулся и полетел прочь, оставляя за собой шлейф едкого дыма.

— Вирошская техника — это нечто, — с ноткой разочарования в голосе пробормотал кто-то из форсов неподалёку. — Где бы ещё нам удалось подбить летуна из простых огнестрелов?

Марк тряхнул головой, отметаив прочь видение Камайлы, раскинувшей руки перед хищной мордой мендорийского алиха. Оглянувшись, тут же заметил её саму — настоящую, со своим собственным эмоционалом внутри. Та с облегчением смотрела на них с Кариной, вцепившись в рукав Ромена.

Пятые и шестые — видимо, повинуясь приказу командира — столпились у высокой конструкции, сильно напоминающей одну из вышек короны. Такие же переплетённые полосы металла, такая же подвесная платформа вокруг верхушки.

— Но зацените весь сарказм!.. — воскликнул Ортей, обращаясь к мрачно взирающим вверх младшим. — Использовать нашу же установку!

До Марка наконец дошло, что конструкция не просто напоминала вышку — она ей и была. Это она держала купол над зданием. Это сюда текла из протера в подвале накопленная энергия.

И, конечно, неудивительно, что установленный на площадке блокатор не давал этой энергии перетекать в купол. Оставался только вопрос, как он туда попал.

— Давайте попр...

Слова Анисы потонули в грохоте. Марк уже привычно упал ничком и закрыл руками голову, а когда всё утихло, откатился в сторону, вскочил и оглянулся. Никого из товарищей серьёзно не задело — лишь в крыше чуть поодаль зияла дыра, сквозь которую виднелся

коридор внизу.

— Совсем рехнулись, — возмутился Ильдан. — Там же их люди, внизу.

— Какое счастье, что никто из них не пострадал, — ядовито заметил Ортей. — И вообще, лучше бы не в нас кидались, а эту свою штуку подорвали, — он кивнул на гудящий высоко над головой серый ящик.

— Это не алих, это ангас, — обеспокоенно сообщил рубр Пантел. — Разворачивается и на второй заход летит.

— Нужно сказать командиру, — тут же встрял законопослушный Изкор.

— Им не до нас, — отрезала Аниса. — Люди прорвались на третий ярус. Действуем, Орт? Кто полезет?

— Самоубийство же, — пробормотала Итина.

— Справишься? — негромко поинтересовался Ортей. Марк обернулся и в ужасе увидел, что взгляд куратора направлен на Карину.

Нет, скажи: «нет», мысленно молил наставницу Марк. Скажи, что это слишком опасно, что ты всего лишь рубра и не обязана таким заниматься...

— Ага, — она протянула руку. — Взрывачку давай.

— Орт, — выдохнула Камайла. — Она же не...

Но Карина уже, не обращая ни малейшего внимания на обеспокоенные возгласы остальных, с поразительной лёгкостью карабкалась по металлическим перекладинам — словно всю жизнь только этим и занималась.

— Прикрываем, — велел Ортей, — указывая на приближающуюся крылатую тень летуна. — Актет!

Марк не стал стрелять. Вместо этого привалился к металлической балке и закрыл глаза, пытаясь отыскать в царящей суматохе эмоционал пилота.

Молодой, злой вирошский парнишка. Наверное, чуть старше самого Марка. Но что это за бездна отчаяния, что за тугой клубок боли? Если бы у людей бывали кнотисы, Марк бы предположил, что мальчишка-пилот только что потерял свой...

Не стреляй! Зачем? Тебе больно — так почему ты хочешь причинить боль ещё кому-то?

Не сработало. Марк просчитался. Горе человеческого лётчика перетекало в злость, злость придавала сил, и своим нашёптыванием нотт лишь добавил решимости. Рука парня потянулась к рычагу...

Не стрелять. Замереть.

Сначала показалось, будто снова не получилось — что-то взорвалось. Разлепив веки, однако, Марк понял, что взрыв произошёл у него в голове, а грохот — лишь звук огнестрелов шестых и пятых, да ещё стук пуль по обшивке летуна.

— Эй, это ты там своевольничаешь? — выкрикнул Ортей, развернувшись к Марку, когда слегка подбитый ангас пронёсся над их головами, не выпустив ни одного снаряда.

Марк кивнул и тут же пожалел: от этого движения боль молотком прошибла изнанку черепа. Он переждал вспышку и медленно, осторожно поднял глаза.

Наставнице оставалась до площадки какая-то пара метров...

— Алерт! Рина...

Марк даже не удивился — как знал, что в последний момент что-нибудь пойдёт не так.

Ещё два хлипких на вид алиха вынырнули из темноты поодаль. Пули застучали по железным балкам — пилоты сообразили, что к чему, и теперь целились в висящую под платформой Карину. Да и на этот раз поостереглись подлетать близко, а на таком

расстоянии огнестрелы форсов их просто не доставали. Чёртов Ортей!

Но, может, и попасть в цель им труднее, с надеждой подумал Марк. В маленькую, подвижную, далёкую цель...

— Орт, — в отчаянии выплюнул Ильдан, в очередной раз промазав. — Если с ней что-то случится...

— Не успеешь, — мрачно отрезал куратор и кивнул на Марка. — Он убьёт меня первым.

Марк не слушал; сощурившись, он напряжённо вглядывался в спрятавшуюся за балкой потолще наставницу. Если бы только...

Он не успел додумать: уловил краем глаза движение слева, повернул голову и оцепенел. Из темноты ночного неба, оглушительно тарахтя винтами, надвигался третий алих. Огромный, жуткий. Первые два по сравнению с ним выглядели просто крохами. Остановился, навёл орудия...

Вот и всё.

БАМ. БАМ.

Первые два алиха выдали по порции фейерверков, накренились и принялись терять высоту. Гигант же развернулся к ликующим ренам боком, демонстрируя эмблему Форсы, и начал снижаться.

А потом всё произошло одновременно.

Звукач на груди Ортея захрипел, сообщил, что грузовой летун сесть не сможет — крыша не выдержит — и велел семьям полезать в него первыми. Карина, с которой замершие пятые и шестые не сводили глаз, добралась-таки до платформы, ловко подтянулась, пришлёпнула к бокам блокатора две взрывачки и бросилась вниз — в буквальном смысле. За спиной раздались оглушительные крики — люди прорвались на крышу. А ещё Марк с нехорошим замиранием сердца понял, что совсем забыл про озлобленного парня-пилота, что как раз завёл свой дымящийся ангас на третий круг...

Молниеносно расставив приоритеты, Марк решил, что человеческие солдаты ещё далеко, Карине не дадут разбиться шестые — вон, Ортей уже раскинул руки, задрав голову, — а вот если кто-то и сможет что-либо сделать со стремительно приближающейся крылатой машиной, то только он.

Он хотел просто увести его прочь. Защитить своих друзей. Но обезумевший разум мальчишки в кабине ангаса яростно сопротивлялся...

В этот момент громыхнул двойной взрыв наверху — сработали Каринины взрывачки. А миг спустя в пылающую верхушку башни врезался ангас. К счастью, пилот не успел сбросить очередной снаряд...

Ударная волна швырнула спиной на землю, выбив дыхание. Скрежет рвущегося металла оглушил, обожгла хлынувшая бурным потоком по телу магия. Рефлекторно Марк выбросил вперёд руку, создавая жёсткий барьер, и об него — и об десяток других — тут же застучали обломки.

Он бессовестно лежал на земле и смотрел, как над ним разворачивается жутко-завораживающее огненное зрелище...

Потом барьер внезапно дрогнул и рассыпался, руку свело нестерпимой болью. Он попытался поднять вторую, чтобы защититься от мелкого обломка металлической обшивки злополучного ангаса.

Рука не двинулась.

Обломок выглядел острым и опасным, и Марк уже с этим смирился, когда мимо

прошуршала мягкая волна, задев его по носу и отбросив прочь кусочек металла. Марк скосил глаза на перепуганную Камайлу, как раз опускающую руку, и хотел выкрикнуть: «Спасибо», но язык и губы почему-то тоже не слушались.

— Эй, шестые! Ваш младший нотт готов, кажется!

Чьи-то холодные, почему-то мокрые пальцы коснулись щеки.

— Ты что, опять?

Пальцы теперь сжали его запястья, по венам потекла тёплая, болезненно-восхитительная энергия.

— Рина, что с ним? Ильд, Ром, хватайте Марка, тащите внутрь!

Он нашёл в себе силы приподнять голову. Пятые один за другим карабкались по висячей лестнице в зависший в воздухе алик. Шестые сгрудились внизу, во все глаза глядя на распластанного на бетоне Марка и склонившуюся над ним Карину.

— Ему нужно время, Орт! — выкрикнула она. — Уходите без нас, мы полетим с карантами!

Марк не слышал, но вполне мог себе представить, как фыркнул Ортей. Глупо было с её стороны даже предлагать такое.

— Ещё две минуты, Рина, не больше! Ему хва...

Последние слова куратора потонули в грохоте. Поток свежей энергии оборвался. Твёрдый пол под Марком дрогнул и резко ушёл вниз — он только руками успел взмахнуть, словно пытаясь удержаться на месте. Но летать не умел, поэтому просто рухнул следом.

Пытаясь сориентироваться, где верх, а где низ, стремительно согнал новую энергию в ладонь, чтобы создать барьер — хотя, конечно, и не успевал это сделать.

Однако в тот момент, когда должна была наступить болезненная встреча с полом, его подхватило что-то мягкое и вязкое. И сверху, вопреки ожиданиям, тоже ничего не посыпалось. Потом мягкое поле внизу пропало, и он всё-таки шлёпнулся на бетон с высоты пары десятков сантиметров. Наставница со слегка ошарашенным видом приземлилась рядом на коленки, продолжая удерживать барьер сверху одной рукой. Марк видел, как она потрясла кистью, чтобы сбросить с защитного поля нападавшие туда обломки.

— Перекрытия всё-таки не выдержали, — констатировал он с усмешкой и с трудом вскарабкался на ноги. Правый бок жутко саднило, но по крайней мере тело худо-бедно слушалось. — Рина, где лест... Да блин!

Наставница отпихнула его назад и снова поставила барьер — потолок продолжал рушиться, забрасывая коридор третьего яруса обломками.

Вы где? Целы?

Марк вздрогнул, услышав в голове мысленный окрик Ортея — полурассерженный, полувзволнованный. Карина вытащила из-за шивороты камень старшего, сжала в кулаке, что-то зашептала.

Рина, на меня командир орёт, на горизонте ещё три людских летуна, под ногами пол осыпается. Сюда, живо!

Карина подскочила, оглянувшись, схватила Марка за руку и потянула в другую сторону, прочь от завала.

— Там люди! — предупредил Марк.

— Чёрт с ними, — бросила она через плечо. — Пробьёмся...

БАХ.

Марк сам не понял, как оказался в обнимку со стеной, до которой только что было

метра три. Он отлепился от неё, игнорируя боль в плече и рёбрах, закашлялся от поднятой пыли, принялся озираться. Нашёл глазами наставницу — та стояла посреди коридора, сердито глядя туда, где только что была лестница наверх. Потом она оглянулась на Марка, снова схватилась за свой камень и спокойно велела:

— Улетайте без нас, Орт.

ВЫ ДВОЕ, СОВСЕМ СДУРЕЛИ ТАМ?! РУКИ В НОГИ, КАК ХОТИТЕ — ДУЙТЕ СЮДА!..

— Улетайте, — повторила Карина, даже не поморщившись от гневного крика в голове. Наклонилась, подняла острый осколок оконного стекла, перевела взгляд на Марка. — Мы разберёмся.

НИКУДА МЫ БЕЗ ВАС... — мысленный крик на секунду оборвался — Марк тоже вздрогнул, снова ощутив обессиливающее излучение блокатора. — *Рина, слушай...*

— Мы справимся.

Каким образом?

— Спроси у Майлы, она объяснит. Всё. Улетайте.

Непонятно почему, но Марк сейчас очень чётко ощущал эмоции Ортея — того самого Ортея, который всегда их так тщательно прятал; с которым их сейчас разделяла груда железа и бетона.

— Астрик, — требовательно сказала Карина. Марк покорно протянул правую руку ладонью вниз, зачем-то зажмурился.

Кожа на тыльной стороне кисти и так была ободрана, и так саднила. Новая царапина погоды не делала. Лишь когда наставница отпустила его руку, Марк открыл глаза и поморщился, изучая срезанный кусок кожи.

— Форма, — пробормотала тем временем Карина, и понеслась по коридору, не выпуская из рук окровавленный осколок, открывая двери одну за другой. — Здесь!

Она поманила Марка внутрь небольшой комнаточки, уставленной неизменными ящиками. В ящиках на этот раз обнаружили тряпичные стопки серого цвета...

Счастье, что нашёлся комплект его размера. К сожалению, не нашлось на неё — впрочем, висящая мешком одежда придавала жалобный вид, что могло оказаться к месту.

— И... нити, — выдохнула она, оглядывая его с головы до ног. — Готов?

Кап.

Странно — как можно было расслышать звук, с которым капелька крови встречается с бетонным полом, среди всех этих криков и суматохи?

— Страшно? — зачем-то спросила Карина.

Её голос звучал глухо из-за его плеча.

Марк потряс головой. Нет, ему не было страшно. Он скорее чувствовал себя полумёртвым от ужаса. Как ещё можно себя чувствовать, стоя в полутёмной кладовке, куда вот-вот вломятся вооружённые до зубов человеческие солдаты, в серой тюремной пижаме, с окровавленной рукой, с разорванным магическим циклом, под излучением блокатора и с нелепой легендой в голове?

Кап.

Карина прижалась к его спине. Чёрт её разберёт, зачем. В коридоре — уже совсем близко — раздался топот солдатских сапог. У вирошцев они тяжёлые, с металлическими носами и массивной подошвой.

Кап.

Сокрушительный звук распахивающейся двери, ослепляющий свет в глаза.

— Не стреляйте!.. — жалобно завопил Марк по-авийски, поднимая руки. — Мы... сдаёмся!

Наставница за спиной прижалась ещё крепче.

Солдаты возбуждённо загомонили, и Марк, различая больше интонации, чем вирошскую речь, понял, что те зовут командира.

— Пойдите, вы ведь не колдуны? — осторожно выговорил Марк, не опуская рук. — Вы ведь не они, правда?

Сквозь толпу любопытно разглядывающих находку вояк протиснулся низкорослый человек в вирошской форме, но явно авийского происхождения: смуглый, черноволосый. Подозрительно уставился на них, прищутив чуть раскосые тёмные глаза.

— Пожалуйста, командир... — заискивающе обратился к нему Марк. — Они нас держали в подвале... за решётками...

— Мати, — велел своим подчинённым командир, а затем развернулся к Марку и на чистом авийском поинтересовался: — Что вы здесь делаете?

— М-мы... — замялся Марк. — Отстали... Шли в конце, а потом — бам, и всё посыпалось... На нас. А мы — в сторону. Ну и отбились. А потом пришли эти. Мы — через окно, и по лестнице. И сюда. Спрятались...

— Тихо, — раздражённо прервал его бессвязные объяснения человек, развернулся к своим солдатам и что-то спросил на вирошском. Один из людей продемонстрировал небольшой приборчик. Лампочка на гладкой серой поверхности горела зелёным.

Марк ощутил, как волна облегчения хлынула сквозь тело. Им удалось. Удалось обмануть обнаружитель. Хитрый мендорийский аппарат принял их за людей.

— Руки, — велел командир, почему-то не успокоившись. — Да не вверх, дурень! Покажи кисти. Вниз, вниз ладонями! Что с правой?

— Обо-ободрал, — дрожащим голосом отозвался Марк. — Когда окно... Осколки. Мы перелезали, и...

— Что за девчонка?

Мрак аккуратно вытащил из-за спины слабо сопротивляющуюся Карину, одновременно пытаясь как можно мягче и незаметнее подчинить сознание одного из солдат.

— Сестра...

— Да ладно? — хмыкнул командир. — Вы с ней прям на одно лицо!

— Сводная...

Солдат, которому Марк залез в голову, наконец хлопнул себя по лбу и что-то затараторил.

— Вот как? — удивился командир. — Сын севалийца Артура, значит. Не знал, что Артур удочерил ненормальную девчонку. Да ещё и с собой притащил.

— Он... не слишком о ней распространялся, понимаете ли, — пробормотал Марк. — А сюда нас привёз, потому что считал, что здесь безопаснее, чем в Мельядише.

— Просчитался папаша-то, — сочувственно кивнул командир. — Лучше бы остались в своих лесах. Кисти девчонки покажи.

Марк с облегчением схватил наставницу за руки и продемонстрировал солдатам чистую тёмную кожу на тыльной стороне её ладоней.

Один из бойцов что-то сказал — судя по жестам, предложил увести найденную парочку. Но командир всё медлил, задумчиво разглядывая их. Затем вытащил из кармана звуач и

принялся отрывисто диктовать запрос. Передатчик заскрежетал и выплюнул ответ. Марк различил числительные: «сорок три» и после паузы — «сорок один».

— Всё сходится, двоих не хватает, — опустил он наконец звуач. — Ладно, горемычные. Перевоз с остальными уже уехал, поедете с нами в лагерь. Там посмотрим, что с вами делать дальше.

Он развернулся и зашагал прочь, а Марк смотрел ему вслед, не веря в удачу. Кругом суетились вирошские солдаты, сочувственно хлопали по спине, дружелюбно улыбались вцепившейся в его плечо Карине, совали фляги с водой, какую-то еду, тёплые куртки.

Главное, верить в происходящее самому, как шепнула ему Карина, пока они ждали в кладовке. В то, что никто не найдёт свёрток с чёрной формой и окровавленным куском стекла в самом дальнем ящике. В то, что никто не обнаружит тела двух пленников в подвале и не пересчитает заново; в то, что среди солдат не найдётся кто-нибудь, кто близко знал пресловутого севалийца Артура и его настоящего сына; ещё во множество других мелочей, на которых можно проколоться...

И — в то, что безжалостно оборванные нити однажды срастутся снова.

Больше книг на сайте - Knigoed.net